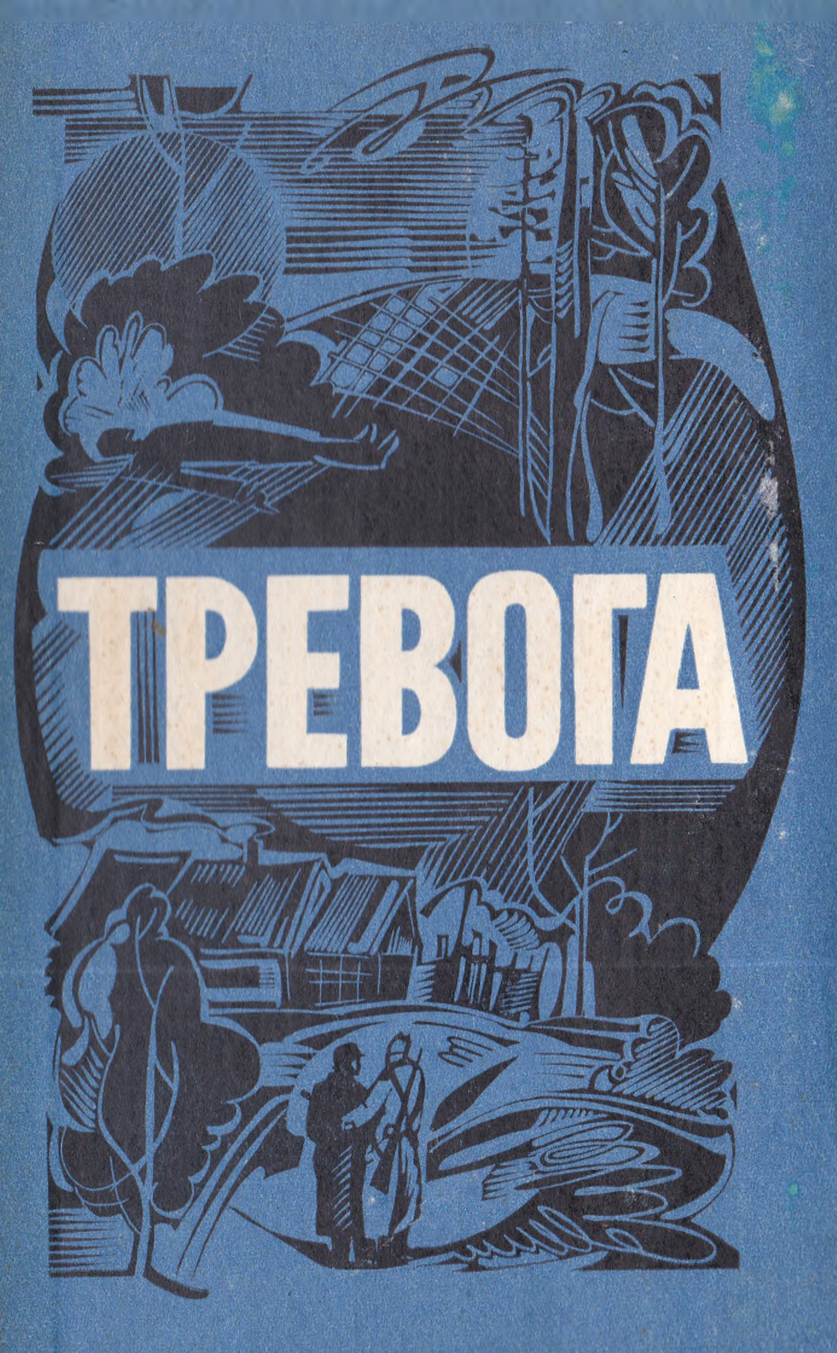

ТРЕВОГА

ТРЕВОГА

СБОРНИК, РОМАНЫ

Перевод с румынского
кандидата филологических наук
П. Л. ПАВЛОВА

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1984

IONEL SĂNDULESCU
Alarma
La Biroul 2
roman
EDITURA MILITARĂ, BUCUREȘTI, 1979

MIHAIL JOLDEA
Detașamentul
de sacvificiu
roman
EDITURA MILITARĂ, BUCUREȘTI, 1979

Т $\frac{4703000000-079}{068(02)-84}$ 170-84

Ионел Сэндулеску

ТРЕВОГА ВО ВТОРОМ ОТДЕЛЕ

После госпиталя мне опять пришлось надеть офицерский мундир. Я не думал, что мои знания криминалистики так скоро пригодятся. Однако...

Я получил предписание явиться во второй отдел. Оттуда меня должны были направить в одну из частей действующей армии. Чтобы я не сидел без дела, а возможно, и чтобы составить представление о моих способностях, майор отдела, в подчинение к которому я поступил, вручил мне «дело». Я должен был изучить его и в письменной форме изложить свои выводы.

Утром пятого июня, когда я готовил необходимую документацию, раздался звонок телефона. Оказалось, что меня срочно вызывает к себе полковник Стылпяну.

«Зачем это я ему понадобился? — удивлялся я, направляясь в кабинет полковника и оправляя на ходу френч. — Может, ему уже сейчас потребовалось заключение, которое я готовлю? Или мне предстоит выехать на фронт?»

Да, речь пошла об отъезде, но не на передовую: мне надлежало срочно сдать дела и явиться в штаб армейского корпуса, которым командовал генерал Кантемир. Инструкции я должен был получить на следующий день.

— Ясно, капитан? — спросил полковник, глядя на меня из-под очков, чудом зацепившихся на кончике носа.

— Ясно, господин полковник! Разрешите идти?

Он коротко кивнул, и я, лихо козырнув, направился к двери.

«Вот как получается... — размышлял я. — Видно, генерал Стаматеску действительно имеет большое влияние: мне предстоит отправиться как раз туда, куда он намеревался меня послать».

Дело в том, что дня через три после моего появления во втором отделе меня разыскал один мой старый приятель. Сначала мы говорили о разных пустяках, потом перешли к обсуждению положения на фронте и волновавших нас политических вопросов. Уже прощаясь, гость вдруг сказал, что меня хочет видеть генерал Стаматеску.

Я был откровенно удивлен. Правда, мы вместе с генералом пережили тяжелые дни зимой 1942 года. Тогда он отнесся ко мне по-отечески. Но так он относился ко всем... Неужели он все еще помнит меня?

На следующий день в условленный час я был в приемной генерала Стаматеску. Он сам вышел из кабинета и пригласил меня войти. В кабинете был еще один человек, в штатском. Мы познакомились. Он назвался Пьетряну.

Пьетряну удивил меня смелостью своих суждений и оценок и особенно уверенностью и компетентностью, с какими он говорил о политических и военных событиях, об их возможном развитии.

Во многом наши мнения совпадали. Поняв, что нашел во мне единомышленника, Пьетряну заключил:

— Необходимо действовать или помочь тем, кто уже действует.

А генерал Стаматеску добавил:

— Вот что, Волбура, вы нужны нам в тылу, в штабе генерала Кантемира. Я все улажу. Вы должны нам помочь в одном деле...

Тогда я понял, что генерал полностью разделяет взгляды Пьетряну.

Стаматеску сделал паузу, не торопясь извлек из портсигара сигарету, закурил. Затем, будто речь идет о самом рядовом задании, проговорил:

— Конечно, если вы согласны.

Разве я мог не согласиться? Ведь я получил задание от человека, который пользовался уважением всей армии!

— Я сделаю все, что в моих силах. Постараюсь, чтобы

вам не пришлось пожалеть о доверии, которое вы мне оказываете.

Тогда генерал заговорил о том, как мне предстоит действовать. Время от времени в разговор вступал и Пьетряну.

— Задание требует большой осторожности, — напутствовал он меня. — Мы рассчитываем на ваш профессионализм, а главное, на вашу преданность интересам родины. Господин генерал и я вам доверяем.

Итак, шестого утром полковник Стылпяну, даже не пытаясь скрыть раздражение по поводу ситуации, сложившейся в корпусе генерала Кантемира, объяснил мне, что моя задача в штабе корпуса состоит в выявлении группы Пэлтиниша.

— Не сомневаюсь, что, имея уже опыт расследования, вы быстро раскроете эту банду.

Речь шла о подпольной группе, которая действовала в расположении корпуса генерала Кантемира. Сведения об этой группе были очень скудны. Известно лишь было, что во главе ее стоит некто Пэлтиниш. Однако кто скрывается под этим вымышленным именем, установить пока не удавалось. Эффект от действий этой группы был немалым.

Последней операцией группы, по-настоящему взбесившей гитлеровцев, был взрыв склада боеприпасов в лесу около Мэрэшешти — всего в нескольких километрах от штаба армейского корпуса.

— Что там творится? Для нас это загадка, — продолжал полковник Стылпяну, вводя меня в курс дела. — Кто там действует? Вражеские парашютисты, связанные с местными жителями, румынские военнослужащие, подпавшие под влияние коммунистов, железнодорожники?.. До сих пор нам не удалось напасть на какой-нибудь след. Немецкое командование все время требует принять срочные меры для пресечения подрывной деятельности этой группы. Поезжайте туда и свяжитесь с капитаном Арборе. Он занимается расследованием. Помогите ему, но параллельно действуйте сами. Докладывайте мне о результатах. Официально вы будете работать офицером во втором отделе штаба, но не в подчинении начальника отдела капитана Арборе, а, скорее, в сотрудничестве с ним. Генерала Кантемира мы проинформируем о нашем задании. Действуйте так, чтобы как можно быстрее раскрыть и обезвредить группу Пэлтиниша, и в первую очередь его самого. Всех причастных немедленно отправляйте в Бухарест. Я полагаюсь, капитан, на ваш профессиональный опыт.

И вот я между молотом и наковальней. С одной стороны — задание, полученное от полковника Стылпяну, а с другой...

Штаб армейского корпуса генерала Кантемира располагался в небольшом городке неподалеку от Текуча. Линия железной дороги через город не проходила, и ближайшая станция была в восьми-девяти километрах отсюда.

Поскольку до города мне не на чем было доехать, я оставил багаж у дежурного по станции и в отличном расположении духа направился в гарнизон пешком. Я шел и любовался окрестностями городка, где мне предстояло служить тем летом.

Утром седьмого июня, сразу же после прибытия, я представился генералу Кантемиру и вручил ему пакет от генерала Стаматеску. Генерал Кантемир осмотрел пакет со всех сторон, проверяя печати, и осторожно распечатал. Я внимательно следил за выражением его лица, когда он читал письмо. Было заметно, что генерал взволнован. Закончив чтение, он спросил меня:

— Вы знаете содержание этого письма?

— Нет, господин генерал!

— В самом деле?

— Слово офицера!

— Хорошо... — медленно проговорил генерал, стараясь скрыть свое волнение. Он извлек из кармана зажигалку и поднес ее к уголку письма, затем сжег конверт и тщательно собрал пепел.

— Когда будет необходимо, я познакомлю вас с сообщением, которое вы мне доставили. Но сразу скажу: это в значительной мере будет зависеть от того, как вы справитесь со своим заданием. — Генерал помолчал, задумавшись, и вдруг неожиданно спросил: — Капитан, вы кадровый офицер?

— Нет, из запаса, господин генерал.

— С какого времени вы работаете в секретной службе?

— С момента мобилизации.

— А чем занимались до войны?

— Был прокурором, потом криминалистом.

— Скажите, — оживился генерал, — ведь это вы прославились по всей армии, когда в сорок втором так решительно выступили в защиту румынского солдата, который, находясь на посту, застрелил двух пьяных немцев, напавших на него?

— Это случилось в сорок первом, господин генерал, —

ответил я, испытывая удовольствие от того, что он наслышан о моей работе.

— Многие офицеры с восхищением говорили тогда о вас.

— Люди склонны иногда преувеличивать, — ответил я улыбаясь.

— Я очень рад, что именно вас прислали нам в помощь.

— Я постараюсь быть здесь полезным.

— По делу Пэлтиниша?

— И по этому делу тоже.

— Что ж! Действуйте в соответствии с полученными вами инструкциями.

— Ясно, господин генерал!

— Вы, наверное, знаете, что наш армейский корпус только формируется. В каждую дивизию поступает пополнение. Через месяц-другой нас отправят на фронт.

Генерал Кантемир вызвал к себе начальника штаба полковника Рэдулеску и начальника второго отдела капитана Арборе и представил меня им.

Полковник Рэдулеску. Безупречная выправка, интеллигентный и вместе с тем внушительный вид, несмотря на невысокий рост и худощавость. У него чуть заостренный нос и проницательный взгляд. Вызывает уважение.

Капитан Арборе. Высокий, спортивного вида, спокойные, точно рассчитанные движения. На вид ему можно дать лет тридцать — тридцать пять. Красив: темно-каштановые волосы, широкий лоб, выразительный орлиный нос, изящно изогнутые, густые, светлые брови. Зеленые глаза смотрят спокойно, однако взгляд несколько равнодушный, снисходительно-иронический. Я почему-то решил, что его нельзя ни вывести из себя, ни развеселить. С таким человеком непросто сблизиться, трудно завоевать его дружбу, но тем она надежнее и прочнее.

От генерала Кантемира я вышел вместе с капитаном Арборе. Полковника Рэдулеску генерал задержал у себя. О капитане я знал лишь, что до войны он был учителем, потом, как многие, стал военным, закончил специальные курсы, после чего получил должность начальника второго отдела. Он сам выбрал специальность оперативника. Говорили, что он человек дела и хороший организатор.

Арборе познакомил меня с офицерами отдела, с которыми мне предстояло работать. Должен признаться, меня встретили дружески.

Капитан вызвал лейтенанта Гюрицана, который ведал расквартированием офицеров. Все наперебой стали ему подсказывать, где меня разместить. Один советовал тут же от-

правиться к горожанину, хозяйство которого славилось замечательным вином, другой предлагал устроить меня на постой к учителю — у того три дочери на выданье: младшей — девятнадцать, старшей — двадцать четыре.

Но я выбрал дом пожилого горожанина, даже, точнее, крестьянина. У него не было ни вина, ни дочерей, зато он принял меня, как родного сына.

Дом этот привлек меня и тем, что находился на самой окраине городка, а это давало известную свободу действий.

Подобрав для меня жилье, лейтенант послал повозку за моим багажом на станцию, и мы вместе отправились обедать. Офицерская столовая была расположена в здании начальной школы. У входа нас поджидал лейтенант Думитреску — приятель лейтенанта Гюрицана. Мы заняли столик.

Минут через десять в зале появилась молодая девушка. Высокая, стройная, с тонкими чертами лица и голубыми глазами.

— Кто это? — спросил я.

— Дочь полковника Гречану, начальника третьего отдела.

— Красивая девушка!

— Очень красивая, господин капитан, — согласился со мной лейтенант Думитреску. — А также...

Остального я не расслышал. Мое внимание сконцентрировалось на девушке. Она вошла в зал одна, но тут же ей навстречу вышел и пригласил к своему столику немецкий офицер из миссии связи, как я позже узнал, — капитан Крабе. Девушка как будто растерялась, но, увидев за дальним столиком капитана Арборе, извинилась перед немцем и с улыбкой направилась через зал.

Отобедав, Арборе подошел ко мне и любезно поинтересовался, как я устроился, посоветовал после обеда прогуляться по городку, познакомиться с его живописными окрестностями.

Оба лейтенанта, извинившись, сказали, что служебные дела вынуждают их меня покинуть, но вечером, если я пожелаю, они покажут мне приятные стороны провинциальной жизни. Я поблагодарил их за любезность, но от развлечений отказался.

— В любом случае вечером увидимся в столовой, — сказал Думитреску.

— Не знаю, приду ли я на ужин. Устал с дороги, а завтра — служба.

— Вы просто обязаны прийти, господин капитан!

— Почему же обязан?

— У нас сегодня отмечается приятное событие. Дочери полковника Гречану — двадцать один. Совершеннолетие, господин капитан, и полковник Гречану пригласил нас всех на ужин.

— Ну раз так, постараюсь прийти.

Я зашел домой узнать, не прибыл ли мой багаж. Оказалось, еще не прибыл. Хозяин показал мне мою комнату, предложил отдохнуть, но я решил немного прогуляться.

От лейтенанта Думитреску я узнал, что в городке кроме корпуса генерала Кантемира находится на переформировании немецкий полк.

Город был небольшим, и за час я исходил его вдоль и поперек. Я уже собирался было отправиться домой, как вдруг заметил, что улица, по которой я шел, упирается прямо в опушку леса. Я не мог устоять перед искушением погулять под кронами вековых деревьев.

Чуть углубившись в лес, я услышал голоса. Мужчина и женщина негромко переговаривались. Женщина как будто просила о чем-то, мужчина категорически от чего-то отказывался. До меня доносились лишь обрывки слов, но одну фразу, сказанную женщиной, я разобрал: «Ты об этом пожалеешь!..» Соблюдая величайшую осторожность, на которую только был способен, я постарался подойти поближе и совсем не удивился, увидев капитана Арборе и дочь полковника Гречану.

Вдруг справа хрустнула сухая ветка — с той стороны кто-то подкрадывался. Мне совсем не улыбалось быть заподозренным в слежке, и я спрятался за кустом.

Напряженно всматриваясь в сторону, откуда раздался шорох, я через некоторое время обнаружил укрывшегося за старым деревом человека. В нем я узнал, опять нисколько не удивившись, капитана Крабе. Он курил, часто и жадно затягиваясь. Было ясно, что капитан Крабе просто кипит от ярости. Мне не хотелось быть свидетелем сцены ревности, но покинуть свое укрытие незамеченным я уже не мог. Капитан Крабе, вероятно только потому, что был поглощен наблюдением за Арборе и девушкой, не заметил моего приближения.

Мне оставалось лишь ожидать, чем разрешится назревающий конфликт. К счастью, Арборе и девушка, видимо выяснив отношения, направились в город. Немец крался за ними. Выждав немного, и я отправился побродить вдоль опушки. Случайная встреча меня более не занимала: немецкий

капитан влюблен в девушку, а она, в свою очередь, влюблена в капитана Арборе...

Через некоторое время мне повстречался странный человек. Это был высокий мужчина средних лет. Правая нога у него не сгибалась. На нем были довольно поношенные брюки, вылинявшая рубашка, стоптанные ботинки, на голове — охотничья шляпа. За спиной болталось древнее ружье, из тех, что заряжались еще со ствола. Он приветствовал меня как старого знакомого:

— Добрый вечер, господин капитан! Каким ветром вас занесло сюда в такое позднее время?

— Да вот захотелось прогуляться. А вы?

— Я? Я у себя дома. Лес — мой дом.

— У вас прекрасный дом!

— Нравится?

— Меня он просто притягивает.

— Кто любит лес, у того добрая душа.

— Это красивые, но пустые слова! Разве разбойники не любят лес?

— О, по-другому! Разбойники пользуются лесом, но не любят его таинственность и красоту.

— А вам никогда не бывает скучно в лесу?

— Скучно? Как это мне может быть скучно?! Лес хранит тайны — свои тайны и тайны людей.

— И влюбленные любят лес!

— И злодеи хоронятся в лесу, — добавил лесник.

— И те, кто не прочь подсмотреть за влюбленными? — спросил я, стараясь выяснить, видел ли и он моих подопечных.

— А такие обычно плохо кончают! — отрезал лесник.

— Вам, наверное, известны все тайны этого леса?

— Судите сами, господин капитан! Я здесь лесником с прошлой войны. Мне знаком каждый уголок, ни один след от меня не ускользает. Спросите любого про Костику Гафтона. Одни вам скажут: лесник. А другие: а, это тот сумасшедший! Вот и вся хитрость: для кого я сумасшедший, а для кого лесник.

Я целыми днями брожу по лесу вместе со своими лешими. Можете мне не верить, но этот лес полон леших. Они здесь с восемнадцатого года. Я притащил их с фронта. 6 августа в меня попали сразу две пули — одна в колено, другая в грудь. Тогда я решил, что умираю. А когда понял, что жив, увидел вокруг себя тех, кто умер рядом со мной. А их были сотни! О, это настоящий ад! Не успели мы очухаться, как нас погнали немцы. Мы бежим — они за нами!

Так мы бежали, пока не укрылись в этом лесу, на берегу Сирета. Вот здесь уже немцы не осмелились нас преследовать. Здесь мы и спаслись, как наши деды и прадеды в лихолетье...

Очнулся я среди живых, в госпитале. Когда рана на груди зарубцевалась и нога окрепла, я отправился в эти края. Те, что умерли рядом со мной, не покинули меня. Я построил себе домик и с тех пор никуда отсюда не двигаюсь. Живу среди живых, но и с мертвыми друзьями не расстаюсь. Мне они — подмога. Коли вы честный человек, они и вам, будет случай, помогут.

Между тем мы вышли на дорогу.

— Ну что ж, мне пора возвращаться, — закончил свой рассказ Костика Гафтон. — Нужно еще пожелать доброй ночи ланям, цветам, родникам. Если вы любите лес, Костика Гафтон — ваш друг. — Он протянул мне руку. — Если с вами что случится в лесу, приходите ко мне.

Вечером я пришел в офицерскую столовую пораньше. Мне нужно было время, чтобы присмотреться к своим коллегам, составить мнение о каждом.

К своему удивлению, я застал сидящими вместе за столом капитана Арборе, капитана Гюнтера из немецкой миссии связи и лейтенанта Думитреску. Этот треугольник меня заинтересовал.

В столовой еще царила суматоха. Несколько солдат торопились украсить зал гирляндами из дубовых листьев и цветов. В соседнем помещении была оборудована эстрада для оркестра.

Когда я вошел, мне навстречу направился лейтенант Думитреску:

— Имею честь, господин капитан! Хорошо, что вы пришли. Вечер обещает быть интересным.

— Я не мог устоять перед подобным искушением.

— Садитесь за наш столик, — пригласил он меня.

В половине восьмого явился капитан Крабе. Его лицо светилось от удовольствия. Подойдя к нашему столику, он галантно поздоровался и попросил разрешения переговорить с капитаном Гюнтером.

Гюнтер поднялся из-за стола, отошел в сторону вместе с Крабе, и они начали о чем-то оживленно беседовать. Впрочем, говорил только Крабе, а Гюнтер лишь время от времени кивал, соглашаясь. Через несколько минут Гюнтер вернулся к столу, а Крабе направился к выходу. Когда Крабе

поравнялся с нашим столиком, капитан Арборе на безукоризненном немецком проговорил, явно подтрунивая:

— Как?! Вы покидаете наше общество, господин капитан? Я уверен, барышня Катинка сразу же заметит ваше отсутствие и это испортит ей настроение.

— Нет-нет, господин капитан, я обязательно вернусь, и вернусь с сюрпризом для барышни.

— Вы нас заинтриговали, — продолжал удерживать немца Арборе. — Не заставляйте нас так долго ждать. Уж нам-то вы можете открыться, а мы обещаем не проронить ни слова.

— Прошу извинить. У меня нет времени даже на столь приятную беседу с вами. Спешу приготовить сюрприз виновнице нашего торжества. — Он козырнул и вышел.

— Интересно, что же Крабе собирается преподнести нашей Катинке? — попытался продолжить разговор лейтенант Думитреску, как только за немцем захлопнулась дверь.

— Откуда мне знать? — с явным раздражением ответил Арборе.

Я столько времени проработал в прокуратуре, что у меня появилась интуиция на взрывоопасные ситуации. Сейчас я почти наверняка знал, что вот-вот что-то произойдет, и очень гордился своей уверенностью, ведь я не имел никакой информации, не знал людей, их отношений. Правда, в лесу...

Я исподволь наблюдал за своими соседями по столу. У капитана Гюнтера настроение было отличное. Арборе молчал и, казалось, был чем-то озабочен. Он то и дело посматривал на часы. Вероятно, он изо всех сил заставлял себя оставаться на месте, тогда как ему просто необходимо было уйти. Лейтенант Думитреску старался разрядить обстановку, отпуская шуточки по поводу входивших в зал пар.

Около восьми появились музыканты. Они заиграли бывшее когда-то популярным старое танго. Но вот к ним подошел прислуживавший на кухне солдат, в белом мундире и фартуке. Со своего места через приоткрытую дверь мне было удобно наблюдать за эстрадой. Солдат что-то сказал — музыканты перестали играть, замерли, видимо ожидая какого-то сигнала.

Солдат в белом мундире и фартуке не спускал взгляда с входных дверей. И вот он подал сигнал — музыканты тут же грянули марш. Разговоры за столиками моментально смолкли, и все взгляды устремились к входу. В дверях появился полковник Гречану с дочерью.

Полковник был одет в парадную форму. На Катинке было длинное светло-розовое платье, волосы красиво уложены на затылке, а щеки пылали от волнения, молодости и счастья. При виде ее даже женщины не смогли сдержать возгласа восхищения.

Глаза капитана Арборе вспыхнули. Я внимательно наблюдал за ним, надеясь хоть в какой-то степени понять смысл их разговора в лесу. Арборе так волновался, что не замечал моего пристального взгляда. В конце концов он решился: резко встал из-за стола и пошел навстречу девушке.

Увидев приближающегося капитана, Катинка разрумянилась еще больше. Бросив на него укоризненный взгляд, она проговорила:

— Ведь вы знаете, капитан, я на вас сердита.

Однако голос ее звучал так тепло и певуче, что всем было ясно, что девушка хотела сказать совсем другое.

— Чем же я мог огорчить вас, Катинка? — спросил Арборе, делая вид, что удивлен ее заявлением.

— Оставьте... Сегодня вечером вам придется быть рыцарем вдвойне, чтобы я вас простила.

— Признаюсь... — начал было Арборе.

— Не надо признаний, —перебила его девушка.—Я принимаю ваши поздравления. Сегодня ведь мой день. — И она подставила щеку для поцелуя.

Арборе явно растерялся.

— Ну чего же ты ждешь, Арборе? — подбодрил его полковник. Он был в отличном расположении духа.

— Если вы не возражаете... — Арборе попытался вернуть утраченное на несколько мгновений равновесие.

— Нет, разрешение отца здесь ни при чем! —рассердилась Катинка.—Сегодня мне двадцать один. Значит, я имею право сама принимать решения. — И тут же, чтобы не обидеть отца, повернулась к нему и спросила кротко: — Разве я не права, папа?

— Права, доченька!

— Ну вот, а я оказался в проигрыше, — огорченно усмехнулся Арборе.

— Почему, капитан? — спросил полковник.

— Хм, а где же обещанный поцелуй?

— Вот он! — воскликнула Катинка и, положив руки ему на плечи, притянула к себе и по-детски поцеловала в обе щеки.

Арборе ответил ей таким же поцелуем, смущенно пробормотав:

— Желаю вам счастья!

Девушка прошептала:

— Это во многом зависит от вас!

В это время в зале вновь появился солдат-официант и сообщил о прибытии генерала.

Навстречу генералу вышли полковник Гречану и Катинка, как радушные хозяева. Вместе с генералом Кантемиром прибыл полковник Гренер — шеф немецкой миссии связи. Оркестр снова заиграл марш. Генерал Кантемир и полковник Гренер прошли к столу вместе с полковником Гречану и Катинкой.

Капитан Гюнтер пробрался к своему шефу и зашептал ему что-то. Я не отрывал взгляда от лица полковника Гренера: сначала оно было серьезным, потом расплылось в довольной улыбке. Так же шепотом он что-то спросил у Гюнтера. Тот согнулся почти пополам, отвечая. Полковник Гренер был доволен.

А что же мои подопечные? Вовсе не нужно было заканчивать специальные курсы, чтобы установить, что Арборе и Катинка любят друг друга. Катинка со свойственной ее возрасту непосредственностью радовалась этому чувству. Арборе старался не афишировать их отношений. Его что-то сдерживало. Что именно? Возможно, серьезность возникшего чувства...

В тот вечер я познакомился с Раду Бруме. Агроном, специалист по виноградарству, Бруме занимался виноградниками местного землевладельца. Все относились к нему с симпатией, среди офицеров у него было много друзей. Генерал Кантемир тоже симпатизировал Бруме. Они были из одного села, и генерал когда-то учился вместе со старшим братом Бруме. Бруме часто приглашал офицеров отведать знаменитых вин, хранившихся в подвалах его хозяина. Среди друзей Бруме был и подполковник Брохацка — заместитель полковника Гренера.

Вечер обещал быть приятным. Генерал оживленно и с удовольствием беседовал с Катинкой. За окнами сверкали молнии, слышались раскаты грома. А в столовой было уютно и празднично.

— Начнем танцы, — предложил генерал. — Барышня, надеюсь, вы отдадите мне первый вальс?

За столиками остались немногие: молодежь, да и не только молодежь, танцевала.

Гренер в который раз посмотрел на часы, потом сделал Гюнтеру знак подойти. На лице Гюнтера было такое выра-

жение, как будто он хотел сказать: «Не знаю, что могло случиться». Полковник Гренер явно нервничал.

Отзвучал вальс, и генерал Кантемир с Катинкой вернулись к столу. Пришел черед Арборе. Он поднялся, пересек зал, коротко поклонился генералу и пригласил Катинку на танец.

«Бомба» взорвалась без четверти десять. Но это была не та «бомба», за которой отправился Крабе и которую так ожидали двое из присутствовавших немецких офицеров.

Из штаба прибежал дежурный офицер. Он остановился в дверях, отыскивая взглядом генерала Кантемира, потом почти бегом направился к нему.

— Господин генерал, срочное и важное сообщение!

— Докладывайте! — отозвался генерал.

— Я должен доложить конфиденциально...

Генерал дал ему знак подойти ближе. Офицер говорил тихо, почти шепотом.

Я внимательно следил за полковником Гренером, который спокойно беседовал с полковником Гречану, не обращая внимания на происходившее.

По мере того как генерал выслушивал рапорт дежурного офицера, лицо его бледнело. Наконец он поднялся, сказал несколько слов полковнику Гренеру и отыскал глазами меня. Я подошел.

— Вы мне нужны. Будете нас сопровождать, — приказал генерал.

* * *

Суматоха началась сразу, как только стало известно об убийстве Крабе. Вечеринка закончилась сама собой: офицеры разошлись провожать своих перепуганных дам, а мы в сопровождении начальника патруля, обнаружившего труп, направились к месту происшествия. Нас было пятеро: генерал Кантемир, полковник Рэдулеску, полковник Гренер, подполковник Брохацка и я. Полковник Гречану и капитан Арборе остались в столовой составлять списки тех, кто был на вечеринке, с указанием времени их прихода.

По дороге нас настиг дождь. Через несколько минут на место происшествия прибыли лейтенант Думитреску и врач, которому не оставалось ничего другого, как констатировать смерть, наступившую «в результате проникновения острого предмета через грудную полость».

О случившемся был оповещен и начальник местной жандармерии майор Предеску. Он присоединился к нам на опушке леса, где мы, промокшие до нитки, пытались оты-

скать следы убийцы. Однако наши старания оказались напрасными. Было очевидно лишь, что немецкий офицер убит. Но кем? При каких обстоятельствах? Почему Крабе очутился в лесу в такой час? Почему он не защищался? (Следов борьбы обнаружено не было.)

На все эти вопросы надо было найти ответы. Генерал решил образовать комиссию для расследования в составе начальника штаба полковника Рэдулеску, шефа жандармов майора Предеску и меня. Он разрешил участвовать в расследовании подполковнику Брохацке и капитану Гюнтеру, поскольку убитый был немецким офицером.

Я сразу оценил обстановку: участие в расследовании должно было помочь мне в выполнении моего основного задания. Во-первых, я был освобожден от всех обязанностей по службе. Во-вторых, мне представилась возможность под предлогом поиска улик в связи с убийством Крабе собирать нужную мне информацию. Кроме того, я получил возможность свободно входить к генералу Кантемиру.

Домой я добрался только к двум часам ночи. А в пять утра мы должны были встретиться в штабе и продолжить расследование.

В остававшиеся для отдыха два часа я так и не смог заснуть. Вытянулся на кровати, но сон не приходил. Тогда я начал продумывать план своих действий на следующий день. Попытался мысленно составить список подозреваемых. Фактически получалось два списка: военных, которые могли быть замешаны в убийстве, и гражданских. Но второй список я мог составить только с помощью майора Предеску, и поэтому я сосредоточил свое внимание на первом списке. Вначале проблема казалась мне простой: я включаю в список всех румынских и немецких офицеров и унтерофицеров, а затем вычеркиваю всех тех, у кого стопроцентное алиби. Но вот я приступил к делу, и оказалось, что мне недостает объективных данных для подобного отсеивания. Задача, за решение которой я взялся, представлялась мне теперь глупой и бессмысленной.

Пока я не сумею установить мотивы убийства, никакой сортировки подозреваемых и тех, кто должен быть поставлен вне всяких подозрений, провести не удастся. Тогда я решил действовать по двум другим направлениям. Во-первых, попытаться установить мотивы убийства Крабе. Во-вторых, попробовать любым способом очертить круг подозреваемых. В этот круг, как бы я ни старался убедить себя, что ошибаюсь, я включил капитана Арборе и Катинку Гре-

чапу. То, что случилось в лесу и чему до сих пор я не придавал значения, приходилось теперь принять во внимание.

Неужели все так просто? Капитан Арборе любит Катинку, Катинка любит Арборе... Нет, это глупо! Конечно, нельзя исключать треугольника Арборе — Катинка — Крабе, но должны быть и более веские причины для того, чтобы устранить человека.

«Если бы мне удалось узнать, что сообщил Крабе Гюнтеру вечером в офицерской столовой, — рассуждал я, — мне было бы намного легче распутать эту паутину».

Днем я вместе с другими членами комиссии выехал на место убийства Крабе. По иронии судьбы оно находилось в нескольких шагах от того места, где я видел капитана накануне выслеживающим Арборе и Катинку. Из-за этого возник ряд осложнений, поскольку было найдено несколько окурков. Проверка отпечатков, оставленных на одном из окурков, показала, что курил их капитан Крабе. Вряд ли даже спустя столько лет я могу объяснить, почему не сказал тогда членам комиссии, что с момента, когда были выкурены эти сигареты, до убийства прошло несколько часов.

На месте происшествия наша комиссия установила, что капитан Крабе был убит на опушке леса, там, где был обнаружен его труп, и что смерть наступила приблизительно в половине двенадцатого ночи. Это подтвердили и немецкие органы дознания.

— Предлагаю действовать по порядку, — сказал я после того, как были сделаны эти первые выводы. — Сначала надо еще раз обследовать место происшествия, возможно, при дневном свете нам удастся обнаружить то, что не удалось обнаружить при свете фонарей. Не может быть, чтобы убийца не оставил никакого следа.

Тело капитана Крабе унесли. Я считал это первой серьезной ошибкой, но комментировать этот факт не стал. Место, где лежал труп, обозначили куском картона. Были выставлены часовые, чтобы не допускать к месту происшествия посторонних до окончания расследования.

Обычные приемы расследования на этот раз не дали никаких результатов. Проливной дождь, хлеставший всю ночь, уничтожил следы. Служебные собаки майора Предеску оказались беспомощными. Не было найдено никаких отпечатков, никаких следов убийцы капитана Крабе.

Все же мы тщательно обследовали местность вокруг, разойдясь в разных направлениях. Я пошел к тому месту, где видел Арборе и Катинку. В тот момент, когда я нагнулся, чтобы поднять два окурка, оставленных влюбленными,

послышался голос капитана Гюнтера, звавшего всех к себе.

Прежде чем уйти, я еще раз окинул взглядом поляну, чтобы убедиться, что Арборе и Катинка больше ничего не оставили, затем пошел к Гюнтеру. Полковник Рэдулеску и подполковник Брохацка были уже там, и Гюнтер что-то им объяснял. Гюнтер был доволен, что обнаружил первый след, первую ниточку.

— Вы ничего не можете сказать об этих окурках? — начал он, довольный собой. — А я утверждаю, что они оставлены капитаном Крабе. Только он так сминал сигарету. Значит, Крабе был здесь! Это мы установили. Но что из этого следует? Он следил за чем-то или, вернее, за кем-то. Его обнаружили и, чтобы он не раскрыл то, что ему удалось узнать, его убили.

— Кого вы подозреваете? — спросил полковник Рэдулеску, на которого рассуждения Гюнтера произвели впечатление.

Гюнтер огляделся вокруг, как будто опасаясь, что его кто-то услышит, хотел что-то сказать, но в последний момент передумал.

— Я предлагаю, — уклонился он от прямого ответа, — вернуться в штаб, обсудить все в спокойной обстановке и составить план действий.

— Согласны! — ответил за всех полковник Рэдулеску.

Уходя, Рэдулеску спросил Гюнтера, к которому стал проникаться уважением:

— Считаете, часовых следует оставить?

Гюнтер на секунду задумался, потом высокомерно бросил:

— Безусловно.

* * *

После того как все расселись в кабинете полковника Рэдулеску, он спросил Гюнтера:

— Ну, господин капитан, кто, по вашему мнению, убийца?

— Убийца — Пэлтиниш... Вы не верите? — Гюнтер был сбит с толку моим недоумением, которое я не сумел скрыть.

— Думаю, капитан Волбура удивлен другим, — спокойно заметил подполковник Брохацка. — Он только что приехал и не знает, кто такой Пэлтиниш.

— Ах вот в чем дело, — успокоился Гюнтер. — Чтобы вы могли правильно оценить ситуацию, капитан, я объясню вам, что нас волнует все это время. В штабе...

— Или в городе, среди местных жителей, — перебил его Брохацка.

— Да, — согласился Гюнтер, хотя было ясно, что он соглашается только потому, что не хочет лишних дискуссий, — или среди местных жителей существует подпольная группа, действующая против германской армии. Если хотите познакомиться с образчиком ее деятельности, пожалуйста...

Гюнтер достал бумажник, извлек из него листовку и передал мне. Я знал уже содержание этой листовки. «Солдаты! — говорилось в ней. — Момент освобождения от фашизма приближается. Гитлеровская гидра в агонии. Отказывайтесь воевать вместе с гитлеровцами. Они разграбили нашу страну, втянули нас в войну, которая нам не нужна. Готовьтесь повернуть оружие против рейха и бороться вместе с армиями союзников за уничтожение змеиного фашистского гнезда в Берлине».

Дав мне время прочитать, Гюнтер продолжал:

— Подобные листовки мы находим всякий раз, когда в нашем районе появляются советские самолеты. Таким образом нас хотят убедить, что это русская пропаганда...

— Это вовсе не исключено, — вставил полковник Рэдулеску. — Подобные листовки появляются не только у нас, но и на других участках.

— Или, если следовать строгой логике, можно предположить существование подпольных групп и в других местах, — поддержал его Брохацка.

— Да, и то, и другое не исключается! — Гюнтера трудно было сбить. — Но если добавить, что стиль этих листовок, — развивал он свою мысль, — не очень-то похож на стиль советских, который нам, слава богу, хорошо знаком, а также если учесть другие акции...

— Какие именно акции вы имеете в виду? — спросил полковник Рэдулеску. Он решительно не допускал возможности существования подпольной группы в штабе.

— Например, взрыв склада боеприпасов вблизи Мэрэшешти...

— Неужели вы видите хоть какую-то связь между тем, что мы сейчас обсуждаем, и взрывом склада боеприпасов в Мэрэшешти?

— Господин полковник, а вам не показалось странным, что как раз во время этой операции наша телефонная связь была нарушена?

— Было обнаружено повреждение кабеля.

— И вас не удивило это совпадение?

— Нет! — отрезал полковник Рэдулеску.

— А исчезновение унтер-офицера из дежурного батальона?

— Простое совпадение! Это самое заурядное дезертирство.

— А вы не думаете, что он мог быть ранен во время нападения на склад и поэтому не вернулся в казарму? Тогда как его товарищи смогли пробраться к себе до того, как была объявлена тревога, и поэтому мы их не взяли?

— Гюнтер, — вмешался подполковник Брохацка, — мы собрались здесь, чтобы копаться в прошлом или расследовать убийство капитана Крабе?

— Извините, господин подполковник! Я хотел лишь пояснить капитану Волбуре, какой деятельностью занимается группа Пэлтиниша и какую опасность для нас она представляет.

— Спасибо, господин капитан. — Фактически я благодарил его за другое: из его разговора с полковником Рэдулеску я сделал два важных для себя вывода. Во-первых, полковнику Рэдулеску не хочется даже допустить возможности существования в штабе подпольной группы. Во-вторых, до сих пор не расследованы обстоятельства взрыва в районе Мэрэшешти.

— Возвращаясь к убийству капитана Крабе, — вновь заговорил Гюнтер, — должен вам заявить: капитан Крабе задался целью на свой страх и риск раскрыть эту группу. Он не просил разрешения на такие действия, потому что никто не дал бы ему официального согласия на расследование. И вот он со всеми предосторожностями начал действовать для разоблачения Пэлтиниша и его группы. Но до вчерашнего дня расследование топталось на месте. Долгое время ему не удавалось получить никаких новых данных. Новых в полном смысле слова...

«Внимание! — внутренне собрался я. — Удалось ли Крабе выяснить, кто такой Пэлтиниш?»

— Должен признаться, мне он ничего не сообщал. Думаю, и других он тоже не информировал?!

Последние слова были обращены к Брохацке, но тот сделал вид, что не заметил этого.

— Капитан Крабе был скрытным человеком, кроме того, ему нравились всякого рода сенсации. Итак, я возвращаюсь к своим рассуждениям, которые, как вы сами убедитесь, не простой домысел. Давно известно, что во главе группы стоит некто Пэлтиниш. Так вот, вчера вечером Крабе должен был сообщить нам, кто скрывается под этим именем.

— Откуда это вам стало известно? — спросил я.

— Он явился в столовую часов в семь и отозвал меня в сторону. Вы это заметили?

— Да! — ответил я. Меня охватило волнение — сейчас я узнаю содержание того разговора!

— Он попросил, чтобы я сообщил полковнику Гренеру, что не больше чем через час будет знать, кто скрывается под именем Пэлтиниша. Понимаете?

— Начинаю понимать,— машинально ответил я. У меня было такое чувство, будто он обращается именно ко мне.

— Вероятно, он узнал, что Пэлтиниш вчера вечером должен был встретиться с кем-то в лесу. Крабе его выследил и, пока слушал заговорщиков, курил сигарету за сигаретой. Каким-то образом Пэлтиниш обнаружил, что за ним следят. Они набросились на Крабе и, чтобы избежать разоблачения, убили его. Ну как?

Хотя момент был совсем неподходящий для веселья, я едва сдержал улыбку. Я-то знал, кого капитан Крабе выслеживал в лесу. Не Пэлтиниша и членов его группы, а капитана Арборе и Катинку. Но тогда никакого убийства не произошло. Бедный Гюнтер поторопился сделать выводы, которые лишь на первый взгляд были логичны. Но я промолчал и не поправил его.

— Из всего сказанного мы можем сделать вывод,— заключил подполковник Брохацка, — что этот пресловутый Пэлтиниш не является офицером штаба или кем-то из гражданских, которые нас посещают. Остается единственная версия: действует группа парашютистов.

— Очевидно! — поторопился согласиться полковник Рэдулеску, довольный, что избавляется от больших неприятностей, которых ему бы не избежать, если бы хоть один из офицеров штаба оказался участником или руководителем группы.

— Я давно хотел обсудить этот вопрос,— вмешался в разговор я, воспользовавшись поводом, предоставленным мне Брохацкой. — Я тоже подозреваю, что в нашем районе действует группа опытных парашютистов. Мы не должны недооценивать противника. Нельзя забывать об опыте русских по организации действий в тылу. У них есть специально подготовленные с этой целью люди.

— Между прочим,— подхватил полковник Рэдулеску,— капитан Арборе, занимающийся этой группой, тоже склонен так считать.

— Я не верю в существование русских парашютистов! — Гюнтер подскочил как ошпаренный.

— В конце концов и тебе придется с этим согласиться,— сказал Брохацка скорее для самого себя.— Но вернемся к вопросу, которым нам поручено заниматься. По-твоему, Гюнтер, убийцей является Пэлтиниш. Другими словами, найти и схватить убийцу Крабе—значит поймать Пэлтиниша и раскрыть его группу.

— Да, господин подполковник.

— В таком случае, — сказал я, — мы не можем действовать группой. Надо, чтобы каждый работал самостоятельно, а встречаться будем регулярно.

— Или по мере необходимости, если появится что-нибудь новое и важное! — согласился с моим предложением Брохацка.— Каждый доложит, чего он добился, сопоставим полученные сведения и будем решать, что следует делать дальше.

— Очень хорошо! — поддержал нас полковник Рэдулеску, явно гордясь, что принято предложение, сделанное румыном. Кроме того, он в результате был бы избавлен от дальнейшего участия в расследовании и мог лишь пожинать плоды работы других.

— Я считаю нужным добавить,— опять включился в разговор Гюнтер,— по-моему, информационные заседания целесообразно проводить каждый день утром, часов в восемь, а затем уже продолжать работу в зависимости от полученных результатов.

Рэдулеску согласился с этим уточнением.

Было решено, что майор Предеску будет заниматься расследованием среди местного населения, поскольку допускалось, хотя бы теоретически, что Пэлтиниш может оказаться гражданским лицом. Мне предстояло сосредоточить свое внимание на военных и сотрудничать с Арборе в выяснении вопроса о парашютистах.

Я доложил в Бухарест об обстановке, сложившейся в результате убийства Крабе, и о мерах, принятых для расследования преступления. Я отмечал, что по предварительным данным — это дело рук Пэлтиниша и его группы. (Как торжествовал бы Гюнтер, узнав, что я разделяю его точку зрения!) В то же время я выразил убеждение (и это не понравилось бы Гюнтеру!), что не может быть и речи о причастности солдат или офицеров армии.

Генерал Кантемир согласился с нашим планом работы, и я получил полную свободу действий.

Прежде всего я систематизировал уже имеющиеся данные. Крабе объявил в тот вечер, что раскроет Пэлтиниша.

Следовательно, действительно существует антинемецкая группа, действующая в городке, а возможно, даже в самом штабе. Группой руководит некто Пэлтиниш. Крабе что-то узнал о Пэлтинише, собирался его разоблачить, из-за чего и был ликвидирован... Предположение Гюнтера о слежке Крабе за Пэлтинишем на основании найденных в лесу окурков абсолютно неверно... Я точно знал, что Арборе в тот вечер, когда произошло убийство, не покидал офицерскую столовую. Следовательно, ни о каких любовных мотивах убийства не может быть и речи.

И все же мне просто необходимо было узнать, о чем говорили Арборе с Катинкой тогда в лесу. Пусть я был уверен, что между этими событиями нет никакой связи, интуиция подсказывала мне, что содержание этого разговора даст дополнительную информацию, поможет мне в выполнении основного задания.

Итак, я решил добывать информацию. Первое, что я сделал, это осмотрел труп Крабе, для чего потребовалось немалое мужество. Рана в груди придавала трупу ужасающий вид. Несмотря на это, я осмотрел его тщательно с ног до головы сначала со стороны груди, потом со спины. Как и следовало ожидать, ничего особенного я не обнаружил. Единственное, что привлекло мое внимание,— это шишка на затылке, которую можно было обнаружить лишь при ощупывании черепа, потому что она была скрыта густыми волосами.

Внимательно осмотрев голову, я пришел к выводу, что Крабе сначала оглушили, от удара он, скорее всего, потерял сознание. Я был доволен своим открытием: оно подтверждало мое предположение, которым я пока ни с кем не делился. Нападение на немецкого офицера было совершено не в лесу, а где-то в другом месте, возможно, в городе. Потом его оттащили в лес и по неизвестным для меня причинам убили.

Я решил разрабатывать эту версию, то есть искать место, где было совершено нападение на Крабе. И тут мысли мои опять обратились к разговору в лесу Арборе и Катинки. Почему, почему Крабе, выслеживая их, так нервничал?

Я отправился к человеку, который предложил мне свою помощь, если у меня возникнут проблемы, связанные с лесом. Я решил повидаться с Костикой Гафтоном — лесником.

Увидев меня, он пошел мне навстречу:

— Здравствуйте, господин капитан. Вот и вы не можете обойтись без Костики Гафтона.

— Я последовал вашему совету.

— А что, что-нибудь случилось в лесу?

— В лесу был найден убитый немецкий офицер.

— Знаю! — Гафтон отвел глаза в сторону.

— Откуда?

— От господина майора Предеску.

— Он был у вас?

— Нет, я был у него. То есть был здесь жандарм и вызвал меня к начальнику. Майор Предеску уж и так и этак подступался, будто я должен знать, кто убил немца. А сами подумайте: почему я должен знать?

— Хм, ведь вы же сами говорили, что знаете все, что творится в лесу.

— Да! Но в лесу много леших, и они заняты своими делишками. А если я вздумаю вмешиваться в их дела, со мной будет то же, что и с немцем.

— Значит, вы убедили майора Предеску, что не отвечаете за дела, которые творят лешие.

— Откуда вы знаете? — спросил он, с надеждой поднимая на меня глаза.

— Ну раз вас отпустили...

— Ничего не значит! Мне приказали подумать до утра и явиться снова.

В словах Гафтона чувствовалось беспокойство.

— Что ж, скажете то, что знаете, а если ничего не знаете, нечего будет говорить.

— Легко сказать! С господином майором Предеску шутки плохи. Я-то знаю, что значит явиться снова. Если не скажешь того, что от тебя ждут...

— А так уж вам ничего и не известно?

— Если и вы, господин капитан, меня подозреваете, что ж тогда говорить?!

Костика Гафтон явно трусил. Но это было, впрочем, единственной ошибкой в выбранной им тактике, по крайней мере в разговоре со мной.

Я ушел от Гафтона с убеждением, что майор Предеску взялся за дело серьезно.

На следующий день я направился навестить капитана Арборе. Но дома его не было. Я даже обрадовался этому, потому что решил поговорить с его ординарцем.

— Здравия желаю, господин капитан! — приветствовал он меня, когда я вошел во двор.— Вам нужен господин капитан? Вам не повезло.

— Его нет дома?

— Нету! Уже давно должен быть, но может, какие дела в казарме? Откуда мне знать...

— Жаль,— ответил я и сделал вид, что собираюсь уйти.

На самом деле я решил подождать капитана, но мне хотелось видеть, какова будет реакция ординарца.

— А почему бы вам не подождать? Вот вы уйдете, а господин капитан, может, тут же и подойдет, будет переживать, что вы его не застали.

— Хорошо. Все равно делать мне нечего. Хотелось поговорить с капитаном, а то от скуки не знаю, куда деваться.

— Да, в этом городишке скука смертная. Хотите пройти в дом или вынести вам стул под старый орех? Там тень и прохлада, как в лесу.

Не дожидаясь ответа, он вошел в дом и вернулся со стулом.

— Тебя как зовут? — спросил я.

— Некулой, господин капитан. Некула Айленя. А приятели зовут меня Кулай.

— Ну тогда и я буду звать тебя Кулай. Откуда ты родом?

— Из Врանчи, господин капитан. Не очень далеко отсюда, ниже по реке. Если выйти на берег Сирета, можно показать, где мое село.

— И часто ты ходишь на реку?

— Да где там! Не очень-то много свободного времечка выпадает. Ведь мне надо заботиться о господине капитане.

— Ты, я вижу, капрал?

— Да, знаете, я ведь ординарцем стал недавно. Прошлой весной мы с господином капитаном были в Бухаресте. Ему надо было доставить туда какие-то бумаги, вот он и взял меня с собой тащить опечатанную сумку. Он мне дал пистолет и сказал: «Если кто попробует отобрать у тебя сумку, будь то военный или гражданский, немец или румын,— стреляй!» Видно, очень важные были бумаги. Сделали мы свое дело и через два, нет, через три дня тронулись в обратный путь. Когда наш поезд был на станции Плоешти, боже, что тут началось! Сущий ад. А ведь я побывал на войне. Была такая бомбежка, что я думал, так и останутся там гнить мои косточки. Так бы оно и было, если бы не господин капитан. Он бросился в огонь и вытащил меня из-под развалин.

Кулай рассказывал об этом с удовольствием. Что ж, рассказ был вполне подходящий, чтобы скоротать время. Но мне вдруг пришла в голову мысль, что он знает, где капитан, и пытается меня отвлечь, чтобы я, чего доброго, не стал интересоваться, где же он. Так я узнал, что во время бомбежки в Плоешти Кулая ранило, а капитан Арборе спас его, поместил в госпиталь. После выписки капрала хотели демо-

билизовать, но он написал рапорт, чтобы его оставили ординарцем при его спасителе... Итак, тема была исчерпана, а Арборе все не появлялся.

— Куда это запропастился господин капитан? — спросил самого себя Кулай.

— Может, решил прогуляться?

— Только до прогулок ему теперь!

— А почему бы и нет?

— Очень много забот у господина капитана.

— Ты имеешь в виду барышню Катинку? — спросил я напрямик.

Кулай даже вздрогнул:

— Откуда вы знаете про барышню Катинку?

— У меня свои источники,— засмеялся я.

— Да! Ведь вы по этой части работаете,— вырвалось у Кулая.

— А тебе откуда известно, что я работаю «по этой части»?

— Был разговор среди ординарцев.

Я не стал выяснять подробности. Меня вовсе не интересовало, откуда Кулай знает, где я работаю, мне важно было узнать как можно больше подробностей о Катинке и Арборе.

— Так что же с барышней Катинкой?

— Что может быть? Влюбилась она в господина капитана.

— Ну и?..

— А господин капитан держится на отдалении.

— Что, совсем ее не любит?

— В том-то и дело, что у господина капитана тоже душа огнем полыхает.

— Тогда все в порядке: она любит его, он любит ее...

— Да, но господин капитан не дает себе воли.

— Почему?

— То говорит, что она слишком молода, разница в летах большая, то еще что-нибудь придумает. Но зря он мучается, видно, судьба. Но сейчас у него и на это времени нет.

— О чем это ты? Когда любишь, всегда найдешь время для избранницы сердца.

— Ну, раз вы так считаете...

Я попытался развить эту тему, но Кулай замкнулся и, видимо, пожалел уже о том, что сказал. Я, однако, понял, что знает он много. Чтобы избавиться от моих вопросов, Кулай нашел отличный выход:

— Простите меня, господин капитан, мне нужно почистить оружие, а то завтра осмотр.

Не дожидаясь моего разрешения, он поднялся в дом и через минуту появился с карабином, тряпкой и банкой смазки. Он уселся на пороге, отвинтил шомпол, разобрал затвор и начал чистить ствол. После того как он первый раз вытащил шомпол из ствола, я увидел, что тряпочка осталась чистой, значит, чистка оружия — не более чем предлог.

— Кулай, принеси мне, пожалуйста, воды. От этой жары жажда мучает.

— Как можно, господин капитан? Вы приходите к нам в гости, а мы угощаем вас водой? Я мигом принесу вам кувшин вина. Наши хозяева — добрые люди, они разрешают брать столько вина, сколько нам захочется. Но ни я, ни господин капитан этим не увлекаемся... Подождите минуточку.

Он исчез за углом. Я взял его карабин и осмотрел. Через несколько минут он вернулся с кувшином холодного вина. Я передал ему оружие.

— Карабин в порядке, Кулай! Только штык не очень плотно прилегает, надо бы его сменить,— сказал я, принимая из его рук кувшин с вином.

— Неужто, господин капитан?

Вино действительно было отличным, и я выпил его залпом, и только поставил пустой кувшин на лавку, как появился Арборе.

— Рад вас видеть, господин капитан!

— Честь имею вас приветствовать,— ответил я.— Вот, решил навестить вас.

— Правильно сделали! — Потом, обращаясь к ординарцу, он добавил: — Э, Кулай, ты угостил господина капитана стаканчиком?

— Угостил, господин капитан. Но не стаканчиком — в стакане вино согревается и теряет вкус,— кувшинчиком. Только в глиняном кувшине вино бывает действительно отменным.

— Почему ты не пригласил господина капитана в дом, а держишь во дворе?

— Как не пригласил? Пригласил, но господин капитан сказал, что ему больше нравится на свежем воздухе.

— Не хотите зайти, господин капитан?

— По правде говоря, я хотел предложить вам прогуляться.

— С большим удовольствием,— не раздумывая, ответил Арборе.

* * *

Мы направились за город. От основного шоссе отходила вьющаяся среди виноградников живописная тропинка. По ней мы и начали медленно подниматься. Вначале говорили о всяких пустяках, но, когда отошли от города на значительное расстояние, я решил перейти к делу.

— Господин капитан, мне бы хотелось обсудить с вами некоторые вопросы, связанные с расследованием, которое я провожу.

— Что ж, я готов оказать вам посильную помощь.

— Вы можете пролить свет на некоторые неясные вопросы. Прежде всего мне хотелось бы знать, какие чувства, вернее, какие отношения связывают вас с Катинкой?

— Не думаю, что это представит интерес для вас. Могу вас заверить, что наши чувства не имеют никакого отношения к тому, что произошло.

— И я в этом совершенно убежден! Но вы должны дать мне доказательства, ведь придется убеждать и Гюнтера...

— Гюнтера? Не вижу никакой связи!

— Вот она — связь! — сказал я, извлекая из кармана конверт. Я раскрыл его и достал оттуда два окурка.

— Узнаете? — спросил я, показывая ему окурки.

Арборе долго рассматривал их. Ответил он не сразу:

— Нет! У меня нет такого, как у вас, опыта, чтобы определить, кому принадлежат окурки.

— Эти окурки оставили вы и Катинка Гречану.

— Возможно.

— Знаете, где я их нашел?

— Откуда мне знать? Может, даже в пепельнице в офицерской столовой.

— В лесу.

— И это возможно. Мы не раз гуляли вместе в лесу.

— Эти сигареты были выкурены в день убийства Крабе.

— Неужели? А как вы определили? Разве что это на них написано.

— Нет, не написано. Но я нашел их в лесу в нескольких шагах от того места, где был найден труп Крабе.

— И вы видите здесь какую-то связь?

— Я — нет! Но если бы их нашел Гюнтер...

— И вы намерены передать их ему?

— Это будет зависеть от того, решитесь ли вы помочь в деле, которое мне здесь поручено.

— Это что, шантаж?

— Господин капитан, зачем вы так?

— Чего вы, в сущности, от меня ждете?

— О чем вы говорили в тот день в лесу с Катинкой?

— Откуда вам известно, что я там был? По окуркам?

— Нет, я вас видел.

— Видели? — Арборе был искренне удивлен.

— Да. И не только я видел. Видел еще и Крабе. Только я наткнулся на вас случайно, а Крабе выслеживал вас.

— И он, пока шпионил за нами, выкурил одну за другой несколько сигарет...

— Точно! — подтвердил я.

— Которые Гюнтер обнаружил на месте преступления и сделал вывод, что Крабе был убит теми, за кем он шпионил?

— Верно!

— Наконец-то у меня в голове прояснилось! — воскликнул Арборе.— Скажите, господин капитан, что именно вы хотите узнать?

— Я уже сказал: о чем вы тогда говорили.

— Если я вам дам слово офицера, что наш разговор с Катинкой не имеет никакого отношения к убийству немца, вам этого будет достаточно?

— Нет!

— Ну что ж. Нас с Катинкой связывают не просто дружеские чувства, и отношения у нас довольно сложные. Моя вина в том, что я не сумел сдержать свои порывы. А она еще так молода!

Недели две назад мы поссорились. Из-за пустяка. Чтобы досадить мне, она приняла ухаживания, с которыми к ней давно приставал Крабе. Она подумала, наверное, что, если я увижу ее прогуливающейся с немцем, меня замучает ревность и... я вернусь к ней. Но я сдержался. Тогда она пошла дальше: отправилась с ним на прогулку в лес. Я хорошо знал, что представляет собой Крабе. Мне бы надо было сразу остановить Катинку, но я решил быть принципиальным и только наблюдал за ними на расстоянии. Примерно через полчаса я услышал ее крик. Я бросился на выручку и тут же увидел Катинку. Она бежала, не разбирая дороги, волосы растрепаны, одежда в беспорядке. Увидев меня, она подбежала и с плачем бросилась ко мне на грудь. Я с трудом успокоил ее. Я хотел тут же рассчитаться с немцем, но Катинка умоляла меня не делать этого. На другой день она предложила мне обвенчаться. Я категорически отказался.

— Почему?

— На то было много причин. Через неделю она возобно-

вила этот разговор. Я попытался уговорить ее подождать. Она опять повела себя как капризный ребенок, сказала мне, что больше я для нее не существую. В день убийства она прислала мне записку, в которой уверяла меня, что должна во что бы то ни стало со мной переговорить. Мы встретились на опушке и, разговаривая, углубились в лес. В этот момент, вероятно, вы нас и видели. Она плакала и говорила, что больше без меня не может, что она пыталась перебороть себя, но ей это не удалось.

— Я не видел, чтобы она плакала.

— Значит, вы подошли позже. Я понял, что должен решиться на что-то серьезное, чтобы она от меня отвернулась. Тогда я прибегнул ко лжи: сказал, что женат, но скрывал это. Она осталась спокойной. «Ты ведь можешь развестись»,— решила она. Я ответил, что никогда не смогу так поступить. Тогда она заявила, что когда-нибудь я очень пожалею о том, что сейчас сказал, и заговорила о вещах, совершенно для нас посторонних. Мы вышли на шоссе, я проводил ее... Вот и все!

— Значит, вот что мог услышать Крабе тогда в лесу,— сказал я.

— Ничего другого, уверяю вас.

Тем временем мы снова подошли к его дому.

— Зайдете на минутку? — спросил Арборе.

— Нет, спасибо. До обеда я хотел бы заглянуть на квартиру Крабе.

Мы уже протянули друг другу руки, когда из-за угла появились подполковник Брохацка и Раду Бруме. Они оживленно беседовали.

— Добрый вечер!—на безукоризненном румынском языке весело приветствовал Брохацка нас с Арборе.

— Имею честь, господин подполковник! — ответили мы оба.

— Что поделываете? — спросил Брохацка.

— Да вот, прогулялись немного и теперь расходимся по домам. А вы?

— Собрался ненадолго к Раду. Он зовет меня выпить бокальчик.

— Я буду рад, если и вы зайдете,— пригласил Раду.

— Спасибо, но я вынужден отказаться,— ответил Арборе.— У меня есть еще дела, а потом назначена встреча в столовой.

— Он ведь влюблен, он очень влюблен в Катинку. Да и Катинка любит господина капитана! — заговорщически понизил голос Брохацка, обращаясь ко мне.— Вы должны

опать: Крабе был соперником господина капитана. Так что при расследовании вы это учтите,— уже скорее всерьез, чем в шутку, закончил он.

— Ну а вы, господин капитан? — улыбнулся мне Брумс.— Или вы тоже влюблены?

— Нет, но и у меня дела. В другой раз. Прошу прощения...

Я распрощался со всеми и быстрым шагом направился в центр, на квартиру Крабе.

Комнату Крабе еще никто не занял, но вещи были упакованы для отправки в Германию. То, что я искал, я так и не нашел, хотя искал повсюду. Пришлось отложить поиски на завтра и осмотреть багаж Крабе.

Почти три недели прошло спокойно, без особых происшествий. Расследование не продвинулось ни на шаг. Впрочем, через несколько дней комиссия была уменьшена до двух человек: в ней остались я и Предеску. Гюнтер дублировал нас, оставаясь в тени. Остальные довольствовались тем, что выслушивали наши доклады и пожимали плечами.

Хотя Гюнтер и заявил, что не верит в существование парашютистов, немецкий полк, расквартированный в городе, под предлогом тактических занятий в течение трех дней и ночей прочесывал весь район, включая лес и долину Сирета. Только все старания немцев были напрасны, ни малейших следов пребывания в тылу фронта парашютистов обнаружено не было. Я даже спрашивал себя: действительно ли немецкий полк находится на переформировании или под этим предлогом он передан в распоряжение немецкой миссии связи при румынском армейском корпусе? Я, к сожалению, не очень задумывался над этим, а дальнейшие события показали, что правильным было второе предположение. Немцы не чувствовали себя в безопасности.

Майор Предеску тоже не сдвинулся с места. Костика Гафтон героически выстоял под оказанным на него давлением. Впрочем, и остальные, вызванные для допроса в жандармерию, заявили, что они ничего не знают. В конечном счете Предеску отошел от расследования. Официально он отдал распоряжение своим людям продолжать поиски убийцы, а сам занялся другими срочными делами.

Я же продолжал расследование в одиночку, но не был откровенен ни с Предеску, ни с комиссией в целом. Уже на третий день я знал, кто убил Крабе, но предпочитал молчать. В случае, если бы кто-то пошел по моему следу и ме-

ня обвинили бы в сокрытии преступника, я бы мог сослаться на то, что хотел узнать, кто стоит за спиной виновного, поскольку тот не мог сделать этого по собственной инициативе.

У меня появились двое добровольных сотрудников, которые оказались не только преданными, но и очень активными. Первым был уже знакомый читателю лейтенант Гюрицан, вторым — старший сержант Мындрою, сообразительный и бойкий олтянин. Надо сказать, что и тот и другой сохраняли в тайне все, что касалось задания, которое я им поручил. После нескольких бесед я убедился, что могу полностью им доверять, и предложил объединить наши усилия, чтобы румынские офицеры, сержанты и солдаты, антинемецки настроенные, не попали в руки немцев. Они согласились, не вдаваясь в расспросы.

Отношения между Арборе и Катинкой были отчужденными. Они почти не разговаривали друг с другом. Катинка больше не обращала внимания на Арборе. Что касается капитана, то я не раз замечал, что он смотрит на Катинку глазами любящего человека.

Вниманием Катинки теперь в одинаковой мере пользовались лейтенант Думитреску, капитан Гюнтер и мой коллега по второму отделу лейтенант Станислэу. Но Катинка была очень капризной и обращалась с ними весьма деспотично. То вела себя со всеми ровно и не выделяла никого из поклонников, то без всяких оснований завладевала одним из ухажеров и гуляла только с ним, не обращая внимания на других.

На этой неделе она ни на шаг не отпускала от себя лейтенанта Думитреску. Они вместе бродили по окрестностям, приходили вечером уставшие до изнеможения. В среду или четверг, не помню точно, они вернулись очень поздно, около полуночи. Гюнтер был в ярости. И Катинка вдруг принялась приручать его. Правда, водила она его совсем по другим местам — в сторону леса Бучумени и к скиту Сихастру.

И уже совсем неожиданно Катинка решила отправиться в Бухарест. Нам она сказала, что отец дал ей какую-то сумму и она хочет кое-что купить.

* * *

Зная теперь, кто убрал Крабе, я поставил перед собой цель выяснить, где же был убит Крабе, по каким причинам, является ли убивший немца членом группы Пэлтиниша и, наконец, связано ли убийство Крабе с деятельностью этой

группы или это отдельный акт, обусловленный обстоятельствами.

Таким образом, я пришел к заключению, что раскрытие группы Пэлтиниша даст мне ответы на вопросы, вставшие в связи с убийством Крабе.

Первым объектом моего внимания на этом пути оказался Раду Бруме. С одной стороны, мне надо было установить, нет ли у Раду Бруме связи с группой Пэлтинишa, с другой — что связывает его с генералом Кантемиром, только ли симпатии односельчан?

Если бы я смог найти ответ на этот вопрос, было бы легко выполнить одно из специальных заданий, которые мне поручены. Поэтому я решил, что в ближайшее время воспользуюсь приглашением Раду Бруме.

Медленным шагом, как человек, прогуливающийся без особой цели, направился я к дому, где он жил. Проходя мимо дома Арборе, я увидел, что на скамеечке перед домом Кулай разговаривает с каким-то сержантом. Они не заметили, как я подошел к ним. Кулай мучился, огнивом высекая огонь, чтобы прикурить, а сержант говорил ему:

— Генерал сменил не только двух ординарцев, но и адъютанта. Говорят, что теперешний будто бы друг Волбуры и что...

Заметив меня, сержант замолчал и резко поднялся. Кулай перестал возиться с огнивом и весело, но почтительно приветствовал меня:

— Здравия желаю, господин капитан!

— Здравствуй, Кулай. Как поживает господин капитан?

— Спасибо, хорошо. Сейчас спит. Прикажете разбудить?

— Нет, я просто шел мимо. Ты что поделываешь?

— Что я могу поделывать, господин капитан? Вот болтаю со своим земляком.— Потом, повернувшись к сержанту, сказал укоризненно: — Ты что же не представишься господину капитану?

— Сержант Стамате Ион из штаба батальона, господин капитан.

Я протянул ему руку, и он сильно пожал ее. Во всем его поведении чувствовались достоинство и уверенность в себе. Я попросил его рассказать о себе. Он рассказал, что работал на заводе Малаксы, был призван в начале войны. Женат, имеет мальчика девяти лет и дочку шести лет. Семья сейчас живет у родителей жены недалеко от Тыргу-Жиу. Мы еще поговорили немного, потом я пошел к Раду Бруме.

Ворота его дома были открыты настежь, но во дворе

никого не оказалось. Когда я уже подходил к крыльцу, на веранде появился Раду.

— Кого я вижу?! Наконец-то, господин капитан, вы изволили переступить порог моего дома!

— Проходил мимо, вижу — ворота открыты, вот и решил зайти.

— Всегда рады вам, тем более что я не один.

— В таком случае я не хочу вас беспокоить.

Мне хотелось поговорить с ним наедине, а тут посторонние.

— Об этом не может быть и речи. Раз вы здесь, вы не уйдете, не отведав нашего вина. Впрочем, и подполковнику Брохацке будет приятно видеть вас.

Я вошел лишь потому, что отступать было поздно. Решил побыть немного, а затем под каким-нибудь предлогом уйти. Но все вышло по-другому.

Вначале беседа была банальной. Мы говорили о местных новостях, о винах и виноградниках, утоляя жажду отличным старым вином. Достигнув определенной стадии, Брохацка заговорил о своем восхищении румынским народом. Последовала патетическая тирада о симпатиях к Раду и ко мне, предложение выпить на брудершафт. Я не мог отказаться. Фактически эта честь оказывалась мне; с Раду, как видно, они давно выпили на брудершафт, потому что называли друг друга по имени.

Было уже половина десятого, и мы решили не ходить в столовую. Мы наконец перешли на «ты», и разговор стал доверительным. Я был внимателен ко всему и поэтому сохранял нейтральное отношение к высказываниям Брохацки. Чувствуя себя в кругу друзей, он позволил себе несколько критических замечаний в адрес Антонеску. Увы, это была суровая правда, но я должен был протестовать против нее. Потом, я не был уверен, что меня не заманивают в ловушку. Дальнейшие события показали, что Брохацка был искренним, говорил, что думал, а я в данном случае проявил полное отсутствие «нюха», которым так гордился.

Брохацка ругал Гитлера, говорил, что войну они проиграли, но переживал это как личную трагедию.

— Как ты думаешь, за что я получил звание подполковника и Железный крест? Ведь мне всего двадцать восемь. Ты, наверное, считаешь меня героем? Нет! Всем, чего я достиг, я обязан своей трусости.

— Как это?

— Очень просто. В начале войны, когда я увидел первых убитых, и особенно убитых мной, проснулась моя со-

весть. Результат? Я понял: на одной чаше весов — честь немецкого офицера, на другой — убеждение, что я являюсь жертвой страшного заблуждения. Меня охватило отчаяние, которое, я в этом уверен, могло заставить пустить себе пулю в лоб. Но у меня не хватило смелости. Некоторые считают, что самоубийство — это проявление трусости. Самоубийство — это огромная смелость! Мне такой смелости не хватило. Тогда я пошел на компромисс: бросился в пекло, чтобы меня убили. Ты, Волбура, можешь мне не верить, это твое дело. Я искал смерть повсюду, но она меня обходила. Вместо смерти меня нашла слава! Меня считают героем, но на самом деле я трус: хотел умереть, а не сумел.

Я достаточно хорошо разбирался в людях, чтобы усомниться в его искренности, но решил и дальше сохранять осторожность. Кроме того, я подумал, что наутро Брохацка пожалеет о том, что сказал, поэтому попытался прекратить этот разговор.

— Может, пойдем, Лучиус? — предложил я.

— Нет! — отрезал он.— Давай лучше поговорим.

Он выпил еще стакан, пожевал чего-то и продолжал:

— Крабе вовсе не был героем. И Гюнтер тоже! Такие люди, как они, храбры, пока чувствуют силу и пока им ничто не угрожает. И еще — у них голова забита предрассудками и нашими пропагандистскими вымыслами. Такие люди быстро попадаются в ловушку. И вы, те, кто ведет расследование убийства Крабе, тоже попались в ловушку. Вы исходите из того, что убийца Крабе — этот пресловутый Пэлтиниш. Почему? Потому что, по утверждению Гюнтера, Крабе, уходя из столовой, сказал ему, что идет, чтобы схватить Пэлтиниша. Но кто, кроме Гюнтера, слышал об этом? Никто. Гюнтер утверждает, что в лесу Крабе следил за кем-то. Такой вывод он сделал, найдя на месте убийства окурки, принадлежащие Крабе. Кому это известно? Гюнтеру! Что мешает заподозрить Гюнтера в убийстве Крабе, которого он, кстати сказать, ненавидел?

— Все же...— начал было я и тут же осекся.

— Что все же? — спросил меня он.

— Ничего! Я подумал...

— Конечно подумал! Ты очень много думаешь. Об одном ты только не подумал...

— О чем же?

— Что и другие тоже думают. Например, я. Думая о тебе, я пришел к выводу, что ты многое знаешь, но далеко не все выкладываешь...

«Внимание!» — насторожился я.

— ...Что во время заседаний ты говоришь только то, что тебя устраивает. Хочешь, я буду искренен?

— Само собой разумеется!

— Ты не хочешь, чтобы убийца Крабе был пойман, а больше всего ты не хочешь, чтобы была раскрыта та самая подпольная группа. У меня такое впечатление, что ты даже действуешь так, чтобы помешать другим раскрыть эту группу.

— Ошибаешься, Лучиус! Я прилагаю все силы, чтобы раскрыть и группу, и самого Пэлтиниша.— И, чтобы прекратить этот опасный для меня разговор, предложил: — Думаю, пора расходиться. Уже совсем поздно.

— Не будь глупцом,— не унимался Брохацка.— Не трусь! Что ты делаешь — твое дело. Но не считай меня идиотом! Если бы я тебя хорошо не знал, я не стал бы перед тобой распахиваться. Но я знаю, что ты не проронишь ни слова о том, что услышал здесь. И потому я тебе доверяю...

— Чем же я заслужил это доверие?—вновь попытался я увести его от этого разговора.

Он помолчал немного, потом наклонился ко мне:

— Если этого Пэлтиниша схватят и мне прикажут его расстрелять, я его расстреляю, потому что я солдат. А потом надену парадный мундир и пойду отдать ему воинские почести, потому что он настоящий человек, каким мне бы хотелось быть, но я струсил. Таких людей, как Пэлтиниш, надо уважать.

— Думаю, тут ты преувеличиваешь,— попытался я его спровоцировать на дальнейшую откровенность.

— Все! Я ушел! — оборвал он вдруг разговор.

— Хочешь, я тебя провожу? — спросил его Раду.

— Я его провожу,— вмешался я.— Нам по дороге.

— Нет! Я пойду один.

— Почему?

— Потому что я так хочу, господин капитан!

Я понял, что доверие на этом и кончилось.

* * *

С некоторого времени в поведении Катинки произошла перемена. Ее избранником, как многим казалось, стал сотрудник второго отдела лейтенант Станислэу. Он не был кадровым военным. Его призвали из резерва. На гражданке он работал служащим в правлении компании «Сименс» в Бухаресте.

До сих пор он меня совершенно не интересовал. Но теперь, поскольку благодаря Катинке он вышел на сцену, я решил к нему присмотреться. Симпатии я к нему не испытывал. Во-первых, он явно был позером. И это раздражало меня больше всего. Уж очень большое внимание он придавал своему внешнему виду, всегда следил за формой. Он был настолько уверен в себе, что даже к старшим по званию относился с некоторым превосходством. Но это бы куда ни шло. В его независимой позе проглядывал карьеризм, а это тоже отталкивало. Но хуже всего, что он вызывающе шумно демонстрировал свое негативное отношение к немцам. Невольно закрадывалось подозрение: неужели он до такой степени уверен в неизбежности политических изменений, уж не хочет ли он таким путем украсить свое личное дело?

Антигитлеровские настроения свойственны были многим, но люди проявляли осторожность, вполне понятную в сложной политической ситуации. Эта осторожность не имела ничего общего с трусостью, так же как вызывающее поведение Станислэу не имело ничего общего со смелостью.

Сами немцы не обращали никакого внимания на его крамольные речи. Вначале подчиненные полковника Гренера в своих донесениях упоминали антинемецкие высказывания лейтенанта Станислэу, но в дальнейшем поняли, что его болтовня несерьезна и неопасна.

Не знаю, были ли у Станислэу друзья среди офицеров штаба, однако некоторым нравилась его бравада, его безоглядное фрондерство. Но меня удивило и раздосадовало, что в круг поклонников Станислэу попала и Катинка.

Признаюсь: я тоже был неравнодушен к Катинке, хотя ни разу не осмелился дать ей понять это, не говоря уже о том, чтобы прямо сказать ей о своих чувствах. Все же, поддерживая самые ровные отношения с семьей Гречану, я пытался оградить Катинку от ошибок. Поэтому, когда я увидел, что она благосклонно принимает ухаживания Станислэу, я решился поговорить с ней.

Однажды вечером я пригласил ее на прогулку и был приятно удивлен, когда она сразу же приняла мое приглашение.

Мы гуляли с ней почти час. Я делал героические усилия, чтобы начать разговор о Станислэу. И вот я пустил в ход все свое красноречие бывшего юриста, чтобы деликатно, не оскорбив, убедить ее, что Станислэу не достоин ее доброго расположения. Но, сказав ей об этом, я почувствовал себя беспредельно смешным в своих попытках повлиять на ее жизнь. Выходило так: не имея никаких шансов на успех, я пытался

теперь мошеннически утвердиться в ее сердце, хотя бы на правах друга.

В этот момент я ясно представил, какими смешными могут быть люди, когда заботой о другом человеке стремятся прикрыть свое ущемленное самолюбие.

От страха, что же теперь скажет она, мне хотелось уйти, сбежать, не сказав больше ни слова, оставив ее одну посреди дороги, но я решил справедливости ради выслушать самые унизительные ее упреки.

Катинка же не ответила мне ничего. Некоторое время мы шли молча, потом она остановилась и спросила:

— Может, пора возвращаться?

На обратном пути мы говорили о красоте, о прошлом здешних мест. Мне даже показалось, что голос ее звучал тепло. О том, что ей пришлось выслушать,— ни слова!

Когда до столовой оставалось рукой подать — а было время ужина, — она остановилась, подняла на меня глаза и проговорила:

— Спасибо вам за участие ко мне, за то, что говорили искренне. Пользуясь предложенной вами дружбой, я тоже хочу попросить вас кое о чем.

В этот момент она могла требовать от меня чего угодно.

—Пожалуйста, — промямлил я.

— Верьте мне. Что бы ни случилось и что бы вы ни услышали обо мне — верьте мне! — Она вдруг замолчала, опустила глаза и совсем тихо добавила: — И постарайтесь меня защитить...

Войдя в столовую, мы сразу расстались. Она направилась к столу, где ее ожидали Гюнтер и Станислэу, а я уселся за другой стол. Мне было удивительно, что Станислэу, который открыто заявлял о своих антипатиях к немцам, объединился с Гюнтером. «Что может сделать с человеком любовь!» — подумал я, имея в виду и себя, и Станислэу, да и все остальное человечество.

После этого разговора я очень редко видел Катинку. Я даже избегал девушку. Всякий раз, встречая ее, я почтительно здоровался, а она отвечала мне улыбкой, самой прекрасной, самой теплой и открытой улыбкой, которой когда-либо одаривала меня женщина.

* * *

Я поужинал, но не торопился домой. Не уходил, быть может, потому, что вечер был тихий, приятный и никто не торопился. А может, и потому, что Катинка была ожив-

лепной, красивой, как никогда. Где-то в глубине души я надеялся, что это я был причиной ее хорошего настроения.

Спать мне не хотелось, а тем более работать. Из столовой я отправился бродить по городу и вскоре я очутился на дороге, которая вилась среди виноградников, а потом выходила на берег Сирета. Пройдя немного, я присел на обочине, прислонившись к плетню.

Ночь была изумительной, самое время помечтать. Скорее всего даже, ночь эта ничем не отличалась от вчерашней или позавчерашней, но только мне она казалась необычной, потому что необычным было мое душевное состояние.

Не знаю, сколько времени я так просидел. Вдруг за плетнем послышался какой-то шорох. Я хотел было встать и выяснить, в чем дело, но предусмотрительность взяла верх. Я осторожно опустил руку в карман, достал пистолет и так же осторожно снял его с предохранителя. Прислушался. К тому месту, где я сидел, кто-то приближался. Через минуту я мог уже расслышать тихий разговор, почти шепот. Разговаривали мужчина и женщина.

Я был готов посмеяться над собой: повсюду-то мне мерещатся шпионы и заговорщики! Собрался было снова поставить пистолет на предохранитель, как вдруг кто-то перемахнул через плетень в нескольких шагах от меня, а кто-то невидимый заспешил от плетня обратно в виноградник.

Рядом со мной оказался солдат-румын. Он собрался уже перепрыгнуть через канаву, чтобы выбраться на дорогу, но тут заметил меня.

Он судорожно схватился за оружие, и я поспешил заговорить:

— Откуда бредешь, браток, в такой поздний час?

— Кто вы? — спросил он глухим от волнения голосом.

— Капитан Волбура!

— А, это вы, господин капитан!

— А ты кто?

— Сержант Стамате Ион.

— Приятель Кулая? Ты, я вижу, проказничаешь?

— А что делать, господин капитан? Как все.

— Женщина?

— Да. Но прошу, не сообщайте в роту.

— Какой мне интерес? Я не собираюсь заменять тебя там, в винограднике.

— Женщин в городе хватает...

— Она красивая? — поинтересовался я.

— Женщина всегда красива, когда ты считаешь ее красивой, — заметил он глубокомысленно.

Мы вместе выбрались на дорогу. По пути разговорились о войне. Я узнал, что сержант не испытывает симпатий к немецкой армии.

— А тебе не кажется, что ты не очень-то осторожен, говоря со мной? — спросил я.

— Почему не осторожен? Разве вы не румын, как и я? Вы ведь видите то же, что и я, хотя я человек простой.

— Ты знаешь, где я работаю?

Сержант Стамате какое-то время колебался, но потом ответил отрицательно.

— Если бы знал, может, был бы более сдержан! — припугнул я его.

— Где бы вы ни работали, все равно вы румын. А честный румын, преданный своей стране, не выдаст другого румына, который признался, что тоже любит родину.

— Да, это так! — согласился я.

Разговаривая, мы вошли в город. Поскольку в городе не было ни казармы, ни здания, которое могло быть приспособлено под казарму, солдаты, как и офицеры, были расквартированы в частных домах. Но в отличие от офицеров солдаты не могли покидать гарнизон, то есть город, после девяти вечера без увольнительной. Для проверки передвижения в ночное время, а также для предупреждения возможного проникновения в гарнизон посторонних назначались патрули.

При появлении патруля Стамате занервничал, но я сделал вид, что ничего не замечаю. «Конечно, — рассуждал я, — если бы он, на свое несчастье, не встретил меня, то пробрался бы по виноградникам и задворкам и избежал бы такой неприятной встречи с патрулем». Поравнявшись с нами, патруль, состоявший из младшего лейтенанта и трех солдат, остановился.

Младший лейтенант узнал меня.

— Честь имею, господин капитан. Лейтенант Ионеску, начальник патруля, — козырнул он. — Разрешите спросить, сержант вас сопровождает?

— Да! — сухо ответил я. — Он со мной.

— Честь имею, господин капитан. Извините, что остановили вас.

Мы продолжали свой путь молча, потом Стамате сказал:

— Большое вам спасибо, что вы за меня поручились.

— А если бы я передал вас патрулю?

— Для меня это было бы вдвойне плохо. Во-первых, чтобы оправдаться, я вынужден был бы рассказать о женщине, с которой виделся. А этого-то я и не могу сделать.

— Почему же?

— Сами посудите, господин капитан: замужняя женщина; что скажет муж, если до него дойдет?

— Ну а во-вторых?

— Я ведь тоже женатый, господин капитан, у меня двое детишек. И не дай бог, какими-нибудь путями — немало людей, способных на такое, — узнала бы моя жена. Какой скандал мог бы выйти!

— Пожалуй, ты прав! — согласился я и торопливо спросил: — Где ты живешь?

— Да тут, в двух шагах. Третий дом после дома господина капитана Арборе.

— Я провожу тебя, а то, чего доброго, встретится другой патруль.

Видимо, это прозвучало слишком покровительственно, снисходительно, и Стамате вдруг замкнулся и не проронил больше ни слова.

Мы прошли мимо дома Арборе. Окна были темными, но на пороге в свете луны я увидел Кулая. Отсюда до дома, где квартировал Стамате, оставалось метров пятьдесят. Все дома по этой стороне улицы выходили на дорогу, а за ними тянулись виноградники.

На случай, если бы кто-нибудь вздумал проверить, не повторю ли я свой ночной маршрут, я переждал день. А на третий, часов в десять, когда все еще были заняты на службе, я вновь отправился по той же дороге.

Дойдя до того места, где две ночи назад встретился со Стамате, я, убедившись, что за мной никто не следит, перепрыгнул через плетень. Очутившись в винограднике, я огляделся, изучая местность. Вокруг никого не было. Женщина, которая была здесь со Стамате, пошла, я точно помнил, в направлении города. Приглядевшись, я увидел в той стороне недалеко от дороги дом. Я набросал кроки местности. И если и грешил с точки зрения пропорций, то зато очень точно определил расположение домов.

Теперь мне было ясно: во-первых, патрули в ночное время могут сколько угодно прочесывать город, солдат они все равно не перехватят. Те могут проходить по виноградникам, легко перепрыгивая через загородки. Второй очень интересный для меня вывод: дома, в которых были расквар-

тированы офицеры и солдаты, лишь с первого взгляда казались разбросанными на большом расстоянии друг от друга, на самом же деле, если смотреть с дороги, они были соседними — и соединяли их все те же виноградники.

* * *

В течение недели каждую ночь я дежурил у виноградника Раду Бруме. Я был почти убежден, что именно здесь «горячая точка», конец нити, с помощью которой я смогу размотать весь клубок. Но я только напрасно потерял время. В один из вечеров я услышал песню. Пели на берегу Сирета. Я подошел ближе, стараясь разузнать, кто поет, пробрался вдоль плетня и увидел трех дочерей учителя и офицеров, среди которых были лейтенанты Думитреску и Гюрицан.

На следующий день, чтобы исключить всякую возможность слежки, я попросил машину, решив добраться до моста через Сирет в Космешти. Машину мне предоставили, и я предупредил, что задержу ее до утра.

Около семи вечера я выехал. До моста было километров девять, но из-за плохой дороги мне пришлось потратить почти полчаса. Машину я оставил метрах в двухстах от моста, а дальше отправился пешком.

Я пошел не по дороге, а по долине. Напрямую до виноградников было всего два с половиной — три километра. Так что когда стемнело, я подошел к моему наблюдательному посту — небольшому бугорку за виноградником Раду Бруме — со стороны леса. Отсюда, если не помешает туман, я мог при луне видеть всю зону, за которой решил понаблюдать. Под утро я вернулся к мосту и на машине возвратился в город. Моя ночная прогулка по долине Сирета, как и в предыдущие дежурства, оказалась безрезультатной.

По сути, я не ставил себе цели выследить тех, кто мог использовать это укромное место для конспиративных встреч. Мне прежде всего необходимо было выяснить, не держит ли виноградник под наблюдением еще кто-нибудь, кроме меня, точнее, не ухватился ли кто за тот кончик нити, который с таким трудом удалось отыскать мне. Это было очень важно. От результата моих наблюдений, от ответа на этот вопрос зависела моя дальнейшая работа.

Меня, признаться, сбивало с толку и то обстоятельство, что человек, убивший Крабе, это я знал наверняка, ничего не предпринимал. Казалось, он не принадлежит ни к одно-

му из лагерей. Я мучился в поисках мотива убийства немецкого офицера, но пока это оставалось для меня загадкой. Я был уверен, что на немца напали в городе, а затем оттащили в лес и там прикончили. Но почему на него напали? При каких обстоятельствах? Где именно? Мой интерес к этому делу все более возрастал, ведь убийство Крабе было лишь звеном в цепи тех загадочных событий, которые за последнее время произошли в расположении корпуса генерала Кантемира.

Проходили дни, а мне не удавалось сколько-нибудь существенно продвинуться в своем расследовании.

Катинка всякий раз дружески улыбалась мне при встрече, но, к большому моему разочарованию, продолжала проводить время в компании Станислэу и Гюнтера. Поэтому, когда я узнал, что она на несколько дней уезжает в Бухарест — это было на следующий день после моей ночной прогулки по долине Сирета, — я даже обрадовался.

Через несколько дней Катинка вернулась. Она выглядела озабоченной и рассеянной. Я забеспокоился. Что могло случиться в Бухаресте?

* * *

Спустя два дня после возвращения Катинки, рано утром, ординарец вручил мне конверт. Прежде чем вскрыть его, я спросил, кто его принес. Ординарец ответил, что прибежал какой-то мальчишка и, протянув конверт, сказал:

— Дяденька, это для твоего господина офицера!

Я распечатал конверт и с удивлением прочитал: «Если вы хотите раскрыть банду заговорщиков, которых ищете, приходите сегодня ночью, после половины двенадцатого, в долину Сирета. Спуститесь по склону за виноградником Ефтимие. Справа идет овраг. Там они все попадутся в ваши сети.

Патриот-благожелатель».

Послание было написано от руки на небольшом клочке бумаги. Видно было, что его писали таясь и очень спеша.

Я быстро оделся, не переставая думать об этом неожиданном осведомителе. Кто бы это мог быть? Тот, кто по неизвестным мне причинам решил выдать членов подпольной группы? Может, кто-то случайно узнал о месте встречи и, опасаясь быть ликвидированным, как Крабе, решил обезопасить себя, написав донос? А может, это «свой», желая отомстить кому-то из членов группы, сгоряча выдал всех? Это

мне скоро предстояло узнать. Осведомитель занимал меня теперь даже больше, чем вся подпольная группа.

В первый момент я подумал, не доложить ли обо всем генералу, но отказался от этой мысли. Генерал предоставил мне полную свободу действий. «Меня не интересует, что вы конкретно предпримете, — сказал мне генерал Кантемир. — Приходите, когда у вас будет список членов группы. Тогда мы посмотрим, как нам поступить и какие принять меры». Что ж, возможно, он будет иметь список завтра утром, если, конечно, автор послания располагает точной информацией.

К вечеру я еще не имел точного плана действий. Важно было быть на указанном месте, откуда я мог увидеть членов подпольной группы. Если только...

Я улыбнулся. Да, и это не исключено: я мог стать жертвой розыгрыша. Но в любом случае мне надо было идти. Шанс был слишком большой, чтобы я мог колебаться.

Я так хорошо изучил долину Сирета, что не нуждался в предварительной разведке. Знакомо мне было и место за виноградником Ефтимие. Там, где начинался овраг, было небольшое углубление — яма глубиной метра три-четыре, откуда брали глину. В эту яму можно было попасть не только из оврага, но и, спускаясь по крутой тропинке, прямо с берега. Я решил пробраться в яму и наблюдать за оврагом оттуда.

Края оврага были такими крутыми, что выйти из него можно было только по тропе, проложенной пасущимся здесь стадом. А тропа эта проходила как раз по краю ямы, в которой я намерен был затаиться.

Больше я ничего придумать не мог и, поскольку до назначенного часа было еще далеко, решил посвятить день «психологическим исследованиям». Во время обеда я собирался понаблюдать за всеми входящими в столовую, чтобы попытаться понять, кого волнуют события, которые должны произойти нынешней ночью. Я пришел на обед раньше всех и ушел последним. И все это время наблюдал за окружающими.

Катинка... Почему мне показалось, что, когда я поздоровался с ней и она, как обычно, улыбнулась, в ее улыбке была озабоченность? Или Арборе... Почему он так торопился покончить с обедом и уйти? Вечером за ужином — то же впечатление, да еще Гюнтер ушел из столовой раньше обычного...

От Брохацки, который задержался у моего стола, я узнал, что немецкий полк проводит ночное учение и что Гюн-

тор попросил разрешения присутствовать на нем. «Отлично, — подумал я. — Таким образом, я буду избавлен от сюрприза столкнуться с ним нос к носу».

Часов в девять вечера я ушел домой. Если бы кто-то вздумал следить за мной, то уверился бы, что я собираюсь лечь спать. Я умылся, надел пижаму, взял книгу, потом погасил свет. А через несколько минут я оделся в темноте, взял пистолет, убедился, насколько это возможно, что за мной не следят, потом через двор пробрался в виноградник.

Я перелез через один плетень, потом через другой и, выйдя как раз к развилке посреди виноградников, направился в сторону Сирета.

Около одиннадцати я уже довольно удобно устроился на месте, выбранном для наблюдения. Мои глаза привыкли к темноте, и тропинка, проходившая буквально в двух метрах от меня, была полностью под моим наблюдением, причем я не рисковал быть обнаруженным.

Время тянулось неимоверно медленно. Перевалило за полночь, но никто не появлялся. Это меня, однако, не беспокоило — ведь мой осведомитель написал: после половины двенадцатого. «После» могло означать и час, и два ночи. Все зависело от продолжительности тайной встречи, которая, должно быть, проходила где-то в укромном месте оврага.

Незадолго до часу у меня возникло ощущение, что вокруг происходит какое-то движение. Я как будто различил шорох, производимый крадущимся в ночи животным. Затем снова все стихло. Как я ни старался заметить хоть какую-нибудь тень в овраге, ничего не обнаружил. Начал уже думать, что все мне только померещилось, как снова, на этот раз намного отчетливее, услышал шаги. Через несколько минут шум шагов стал совсем явственным: они приближались.

«Вот они, те самые люди, которых я ожидаю», — думал я, довольный, напрягая зрение.

Ночь была достаточно светлой, какими обычно бывают летние ночи. Я мог бы узнать всякого, кто пройдет мимо. Я заметил «заговорщиков» на расстоянии десяти — пятнадцати шагов. Но, к моему изумлению, они были одеты... в немецкую форму!

Вот это конспирация! Чтобы не быть обнаруженными, они достали немецкую форму, которую использовали во время своих операций. Ведь не могут же они быть на самом деле немцами?! Это было бы невероятным.

Пока я размышлял таким образом, группа почти поравнялась со мной. В это время оттуда, где была тропа, ведущая из оврага, раздалась отрывистая команда, явно адресованная тем, которые проходили мимо:

— Хальт!

Поскольку группа продолжала идти дальше, с того места, откуда донеслась команда, раздалась автоматная очередь. Пули просвистели впереди, а несколько впилось в стену ямы, где я притаился. Однако ни команда, ни очередь не остановили группу. К моему великому удивлению, в ответ на очередь прозвучало по-немецки:

— Господин капитан! Не стреляйте! Это я, Ганс!

Теперь сомнений не было: это не румыны, переодевшиеся в немецкую форму, а настоящие немцы.

— Ганс?!

Я не мог ошибиться — это был голос Гюнтера.

— Я с солдатами. Мы спустились там, где вы нам приказали, и прошли по дну оврага.

— А где же изменники? — закричал разъяренный Гюнтер.

— Должно быть, они прошли раньше нас.

— Но здесь никто не появлялся! — недоумевал Гюнтер.

— Может, они пробрались берегом?

— Исключено! Вдоль берега выставлены часовые. Им не удалось бы проскользнуть.

— Все же... — попытался было возразить Ганс.

— Никаких «все же»! — закричал Гюнтер.

— Тогда где же они? — растерялся старший группы.

— Значит, их и не было! — заключил Гюнтер.— Нас надули. Кто-то меня разыграл.

Я едва не рассмеялся: оказывается, разыграли не только его, но и меня, заставив просидеть несколько часов в сырой глиняной яме. А ведь утром, когда я получил записку, мне приходила в голову мысль, что это могло быть ловушкой. Так и есть, меня отправили сюда, чтобы я не мешал в другом месте!

Я оставался в своем убежище, пока не ушли все солдаты. Я не хотел показываться на глаза Гюнтеру, чтобы не доставлять ему утешения, что не он один явился жертвой розыгрыша.

И только когда стихли шаги удалявшейся группы Гюнтера, я осторожно вылез из ямы. Я опасался, как бы Гюнтер не остался где-нибудь в засаде в последней надежде, что «изменники» все же появятся. Но мои опасения оказались напрасными. Гюнтер, наверное, был настолько взбе-

шен, что даже не подумал о такой возможности. Выбравшись на берег реки, я не пошел по дороге, по которой маршировало бесславно закончившее свой поход войско Гюнтера, а отправился окольными тропинками через виноградники.

Пробираясь домой, я ломал голову над вопросом, с какой целью мне устроили такую ловушку? Я был уверен, что это не просто проделка тех, кто хотел поразвлечься за мой счет и за счет Гюнтера. Наверняка это было подстроено, чтобы сбить нас с толку, удалить на время из города. Но для чего? Это мне было неясно.

Когда я вошел во двор со стороны виноградника, начинало светать. Мой ординарец, человек старательный, уже встал и шел с ведром воды от колодца. Увидев меня, он очень удивился:

— Здравия желаю, господин капитан. Что это вы поднялись ни свет ни заря?

— Здравствуй, Гица! Мне не спалось, вот я и решил прогуляться.

— Что ж это за прогулка? Вы испачкались так, будто по земле ползали. Где это вы тут у нас глину нашли?

Теперь я и сам заметил, что весь перепачкался в глине. Хорошо, что я не пошел по дороге, ведь мне мог повстречаться кто-нибудь.

— У меня были дела, Гица, — признался я.

— Уж совсем вы себя не жалеете, господин капитан.

— Что поделаешь, Гица? Служба.

— Да, господин капитан.

— Возьми одежду и почисти так, чтобы не осталось ни пятнышка.

— Ясно, господин капитан.

— Если у тебя кто-нибудь будет выспрашивать, что я делал ночью, — молчи.

— Не беспокойтесь, господин капитан. Скажу, что спали всю ночь.

— Да, кстати, я очень устал. Пойду прилягу. Поспать, может, и не придется — могут вызвать в штаб. Если за мной придут, буди немедленно.

— Слушаюсь, господин капитан!

* * *

Случилось так, как я и предполагал. Около шести Гица разбудил меня и сказал, что из штаба пришел сержант и передал приказание, чтобы я явился к генералу. К счастью,

я все-таки пару часов поспал. Я быстро оделся и вышел. Сержант ждал меня. По дороге я пытался выяснить, что же произошло, но сержант сам толком ничего не знал.

— Большой переполох. В штаб никого не пускают. В штабе только господин генерал и полковник Рэдулеску. Я слышал, что там и немецкое начальство. Говорят, будто бы этой ночью кто-то пробрался в штаб.

Направо уходила дорога, ведущая в столовую, я остановился, раздумывая. Сержант понял мое колебание.

— Нет, нет, — сказал он. — Вас генерал дожидается.

Я вошел в здание штаба. Постучался в кабинет генерала и тут же услышал усталый голос:

— Входите!

В кабинете были генерал Кантемир, полковник Рэдулеску, полковник Гренер и капитан Арборе.

— Честь имею, господин генерал. Капитан Волбура по вашему приказанию прибыл.

— Здравствуйте, — ответил генерал.

— Где вы пропадаете, Волбура? — набросился на меня полковник Рэдулеску.

— Дома, господин полковник! — ответил я, озадаченный.

— И чем же вы так заняты дома?

— Спал!

— Слышите, господин генерал? — вспылил Рэдулеску.— Спал! Он спит, а заговорщики вламываются в штаб, вскрывают сейф и крадут документы...

— Оставь его в покое, — с присущим ему спокойствием перебил его генерал Кантемир. — Откуда ему было знать, что здесь случилось?

— Простите, господин генерал, — не унимался полковник Рэдулеску. — У него такая служба, что он должен был знать, предвидеть. Он офицер контрразведки и, значит, должен был заранее знать и предотвратить. А он, так же как и мы, узнает все постфактум. Тогда зачем он здесь?

— Вы правы, полковник. Так должно быть. Но если бы все было по-вашему, шпионы бы просто перевелись, — попытался генерал разрядить обстановку.

— Прошу простить, господин генерал. Вы шутите, а между тем всех нас ожидает военный трибунал! — отрезал Рэдулеску.

— Ну, предположим, не всех! — бросил ему генерал и повернулся ко мне: — Знаете, что случилось?

— Нет, господин генерал. Меня вызвали из дому, и я пришел прямо к вам.

— Обстановка такова: этой ночью кто-то проник в

штаб, нанес удар полковнику Гречану, который был дежурным, и связал его. Затем открыл сейф и взял оттуда папку с планом расположения немецких войск в фокшаногалацком укрепленном районе. Вот в общих чертах каково положение. Надо перехватить этот документ прежде, чем он может быть скопирован или сфотографирован и передан дальше. Как вы предлагаете действовать?

Я обдумывал план действий, когда заговорил полковник Гренер:

— Прежде чем вы, генерал, решите, как следует поступить, я хотел бы побеседовать с вами по одному вопросу.

— Слушаю вас, — ответил ему генерал.

— Но только с вами и с господином полковником.

Мы с Арборе переглянулись.

— Разрешите нам выйти, господин генерал? — спросил Арборе.

— Хорошо. Я вас приглашу.

Мы направились в кабинет Арборе.

— Господин капитан, — спросил я его, закрыв за собой дверь, — вы-то знаете, что случилось?

— Не больше, чем другие.

— А я и того меньше.

— Все очень просто: сегодня в пять утра, когда в штаб вошли солдаты, которые должны были делать уборку, они увидели, что дверь в кабинет полковника Гречану открыта. Им это показалось подозрительным, и они пошли посмотреть, что случилось. В кабинете, на полу, связанный по рукам и ногам и с кляпом во рту, лежал полковник Гречану. Он был сбит, по-видимому, ударом в солнечное сплетение, поскольку следов на теле не оказалось. Вот и все, что я знаю.

— Кто мог на него напасть?

— Ума не приложу... Известно лишь, что они проникли в здание через окно кабинета со стороны заднего входа в штаб.

— Хорошо, но там ведь был часовой. Он что, ничего не слышал?

— Этот солдат...

— Убит?

— Нет, просто исчез.

— Интересно! А полковник Гречану как себя чувствует?

— Он в госпитале. Пока от него ничего не смогли добиться.

Я хотел спросить его еще о многом, но дверь открылась и вошел полковник Рэдулеску:

— Пожалуйста, оба к генералу.

Когда генерал начал говорить с нами, мне показалось, что он чем-то смущен.

— Вот что, Волбура. Я думаю, что у вас и без этого дел хватает. Прежде всего вы должны найти, кто убил капитана Крабе.

— Расследование по этому делу до сих пор ничего не дало, хотя прошло уже столько времени, — проворчал полковник Гренер.

Я чуть было не выпалил, что мне уже через трое суток было известно, кто убил Крабе. Но рассудок взял верх над самолюбием, и я промолчал. Я довольствовался тем, что посмотрел на полковника с нескрываемым презрением. Гренер опустил голову, а генерал Кантемир сделал вид, что не слышал этого замечания, и продолжал:

— Поэтому я решил, что расследованием нападения на штаб будут заниматься полковник Рэдулеску и капитан Арборе.

— Ясно, господин генерал, — ответил я. — Но разрешите мне задать один вопрос?

— Спрашивайте.

— Вы не думаете, что капитана Крабе убили те же люди, которые похитили и документы?

— То есть члены группы Пэлтиниша? — уточнил Рэдулеску.

— Именно.

— Не исключено, но с таким же успехом можно предположить, что это были другие люди.

— Если все же исходить из того, что действуют одни и те же, не будет ли труднее вести расследование, работая независимо по двум направлениям?

— Вы правы, — признал генерал. — Расследование этого случая поручается полковнику Рэдулеску, которому будете помогать вы, капитан Арборе, и вы, капитан Волбура.

Полковник Гренер покраснел и торопливо заговорил:

— Господин генерал, известно ли вам, что специалистом по такого рода делам, которое нам предстоит расследовать сейчас, без сомнения, является капитан Гюнтер? В интересах быстрейшего установления виновных в похищении документов предлагаю привлечь и его. Разумеется, под руководством капитана Арборе.

— Арборе, — обратился генерал к капитану вместо отве-

та на предложение Гренера, — вы можете воспользоваться услугами капитана Гюнтера.

— Ясно, господин генерал!

* * *

Вначале было решено выслушать полковника Гречану. Когда Гречану вошел в кабинет, все заметили, что он очень бледен. В глазах застыла настороженность. Однако держался он спокойно и с достоинством.

— Господин полковник, — начал генерал, — вы единственный были в штабе этой ночью. Расскажите нам, что же случилось, а главное, как произошло нападение.

— Я был дежурным и находился в штабе, — начал полковник Гречану, но тут вмешался полковник Рэдулеску:

— Господин генерал, разрешите задать вопрос господину полковнику?

Генерал разрешил.

— Дверь вашего кабинета, господин полковник, где находится сейф, из которого были похищены документы, была закрыта. Заступая на дежурство, вы это проверили?

— Конечно. Как положено, я проверил все двери — они были заперты, и дверь моего кабинета тоже. Итак, я был в кабинете дежурного. Зазвонил телефон. Я снял трубку. Говорил лейтенант Попеску, адъютант командующего армией. Он мне сказал, что у господина генерала Нэстуреску есть срочное сообщение, и просил не отходить от телефона. После этого он положил трубку.

— Который был час? Не вспомните?

— Знаю точно. Я сразу посмотрел на часы, чтобы доложить господину генералу Кантемиру, в котором часу позвонили. Было одиннадцать часов двадцать семь минут.

— Что же потом?

— Я ждал у телефона. Через некоторое время мне захотелось закурить. Было ноль часов две минуты.

— Вы опять посмотрели на часы? — спросил полковник Рэдулеску.

— Да.

— Почему?

— Точно я сказать не могу. Наверное, хотел узнать, сколько времени прошло после звонка лейтенанта Попеску и стоит ли еще ждать звонка или нет. Я хотел зайти на минутку в свой кабинет.

— Разве у вас были ключи от кабинета? Ведь ключи в конце рабочего дня необходимо сдать в секретный отдел.

— Ключ от моей квартиры подходит и к кабинету.

— Господин полковник, с какой целью вы хотели зайти в свой кабинет?

— Взять сигареты. Я всегда держу в ящике стола несколько пачек сигарет про запас.

— Господин генерал, чтобы сразу подтвердить это заявление, пусть капитан Арборе проверит, действительно ли в ящике стола есть сигареты.

— Напрасно, — тихо проговорил Гречану.

— Почему напрасно? Вы ведь сказали, что всегда...

— Да, сказал. Но сейчас сигарет там нет. Я забыл пополнить запас.

— Тогда зачем вы пошли в кабинет ночью, если знали, что сигарет там нет?

— Я не знал, что нет. Забыл.

Разговор принимал неприятный оборот. В объяснениях полковника Гречану появились противоречия. Я посмотрел на генерала Кантемира. Обычно спокойный, сейчас он был явно раздражен. Очевидно, ему не нравилось, что этот разговор происходит в присутствии немцев. Когда он вызывал полковника Гречану, чтобы тот рассказал о случившемся в присутствии немецких офицеров, он, вероятно, не предполагал, что тот запутается в своих объяснениях.

— Господин полковник, — не отставал полковник Рэдулеску, — вы противоречите самому себе! Утром вы говорили господину генералу, что в тот момент, когда вы входили в кабинет, кто-то нанес вам сильный удар по голове; пришли вы в себя связанным и с кляпом во рту.

— Да.

— Тогда как вы могли узнать, что у вас в столе нет больше сигарет? Если вы знали, что их нет, зачем же пошли в кабинет, а если не знали, то как вы можете утверждать теперь, что нет, если вас ударили и связали раньше, чем вы вошли в кабинет?

— Господин генерал! — обратился полковник Гречану к генералу Кантемиру с возмущением и негодованием, будто только теперь понял, к чему клонит Рэдулеску. — Уж не предполагаете ли вы, что я каким-то образом замешан в краже этих документов?!

— Пожалуйста, ответьте сначала на мой вопрос, — настаивал полковник Рэдулеску.

— Я вообще отказываюсь отвечать вам, господин полковник. До сих пор я давал объяснения, думая, что вы хотите найти виновных. Теперь я понял, что ваши вопросы преследуют другую цель.

— Стало быть, — пытаясь восстановить спокойствие, повел разговор генерал Кантемир, — вы пошли за сигаретами. Хотелось бы, чтобы вы нам пояснили эту историю с сигаретами, которая вызвала некоторое недоумение.

— Господин генерал, вы не курите и, возможно, не поймете меня. Но господин полковник курит. Он должен понять. Я знал, был почти уверен, что у меня больше нет сигарет. Я разволновался. У меня оставалось только три сигареты, а до утра было еще далеко. Тогда я решил все же посмотреть, не найдется ли среди бумаг в столе хотя бы пачка. Если не найдется, то буду искать другой выход из положения. Без сигарет я не мог остаться, это истинная правда. Итак, я открыл дверь кабинета ключом от квартиры...

— Кто-нибудь еще знал, что ключ от вашей квартиры подходит и к кабинету?

— Не знаю. Не думаю.

— Итак, вы открыли дверь...

— Когда вошел, почувствовал сильный удар по голове. Остальное вам известно.

— Вы заметили того, кто вас ударил? — опять вступил в разговор полковник Рэдулеску.

— Нет. Я не успел его заметить. Он ударил меня сзади.

— Не заметили ли вы что-нибудь необычное в кабинете? — продолжал генерал Кантемир.

— Нет! Я не успел ничего заметить. Меня ударили, как только я открыл дверь. Впрочем, я все равно не смог бы ничего рассмотреть, так как в кабинете было темно.

— Да, это так, — подтвердил полковник Рэдулеску примирительно.

— Что ж, остаются два обстоятельства, которые необходимо выяснить, — сказал генерал. — Во-первых, вы говорите, что вас так сильно ударили по голове, что вы тут же потеряли сознание. Между тем врач при осмотре не нашел никаких следов удара.

— Этого я не могу объяснить, господин генерал.

— Во-вторых, вы сказали, что, придя в себя, увидели дверцу сейфа закрытой.

— Нет, не когда я пришел в себя, потому что лежал спиной к сейфу, а утром, когда меня развязали.

— Тогда вы открыли сейф и обнаружили, что нет папки с документами? Я хочу знать, почему вы сразу же стали искать именно эту папку. Ведь можно было похитить любой документ — логично? Разумеется, похитители не пришли просто так...

— Чтобы стащить сигареты из сейфа! — не удержался опять полковник Рэдулеску.

— Почему вы не подождали, — не обращая внимания на Рэдулеску, продолжал генерал, — пока придет кто-нибудь из ответственных за документы? Кто-нибудь из нас, как это сказано в инструкции, и тогда уже проверил бы, все ли документы на месте.

— Думаю, что я так поступил по двум причинам. Во-первых, у меня не хватило выдержки ждать.

— А во-вторых?

— Во-вторых, я — офицер дисциплинированный и, как мне казалось, пользуюсь авторитетом в штабе. Мне и в голову не пришло, что меня могли заподозрить и что мне придется отвечать на вопрос, почему я решился открыть сейф, где держу свои документы, без свидетелей.

— Но это был особый случай!

— Вам судить, господин генерал.

— У вас есть что добавить? — спросил генерал Кантемир.

— Я сказал все, что знал...

Полковник Рэдулеску наклонился к генералу и шепнул ему что-то.

Генерал утвердительно кивнул.

— Чтобы определить, в каких направлениях нам следует действовать, — сказал генерал, — вы, капитан Арборе, вместе с капитаном Волбурой тщательно осмотрите кабинет, где произошло нападение на полковника Гречану... Одним словом, все, что сочтете нужным, чтобы составить свое мнение. После этого прошу вернуться ко мне.

В этот момент Гюнтер тоже шепнул что-то полковнику Гренеру. Тот подошел к генералу Кантемиру и передал ему сказанное Гюнтером. Генерал возражал тоже шепотом, но Гренер настаивал. В конце концов генерал Кантемир уступил:

— Арборе, в ходе расследования консультируйтесь и с капитаном Гюнтером. — Затем обратился к начальнику штаба: — Проверьте в штабе генерала Нэстуреску, звонил ли его адъютант нам ночью.

Арборе вышел не сразу. Я тоже задержался. Арборе подошел к генералу:

— Господин генерал, вы не могли бы уделить нам с капитаном Волбурой несколько минут?

— Садитесь!

Мы сели, и Арборе обеспокоенно заговорил:

— Господин генерал, положение в нашей зоне, как вид-

но, становится все более критическим. Я остаюсь при своем мнении: не исключено, что в долине Сирета действуют парашютисты, хотя все проведенные до сих пор операции по прочесыванию не дали никаких результатов. Нужно также учитывать, что со дня на день может начаться наступление русских. Поэтому я предлагаю усилить охрану штаба и складов боеприпасов. По-моему, необходимо расположить вблизи штаба один или два пехотных батальона и по роте охраны у каждого склада боеприпасов.

Я поддержал Арборе. Генерал согласился с нашим предложением. Только почти пять месяцев спустя я понял, почему Арборе предложил такие меры.

Мы собрались в кабинете генерала через два часа. Полковника Гренера и подполковника Брохацки не было. У меня сложилось уже определенное мнение, и мне было интересно, к каким выводам пришли Арборе и Гюнтер. Когда я спросил об этом Арборе, он ответил довольно сухо: «Обсудим в кабинете генерала».

— Пригласить полковника Гречану? — спросил полковник Рэдулеску.

— Пока не нужно, — ответил генерал. — Послушаем сначала, что скажут Арборе и Волбура.

— И капитан Гюнтер, — добавил Арборе.

Я посмотрел на него с удивлением, но генерал согласился:

— Да, и капитан Гюнтер.

— Если разрешите, я хотел бы начать, — вскочил Гюнтер, будто опасаясь, что его опередят.

— Хорошо, начинайте вы.

— Господин генерал, по-моему, папка с секретными документами была не похищена, а передана.

Генерал Кантемир нахмурился:

— Пожалуйста, поконкретнее.

— Господин генерал, я считаю, что на полковника Гречану никто не нападал.

— Ваше заявление весьма серьезно, господин капитан, — предупредил его генерал. — На чем оно основывается?

— На целом ряде соображений, господин генерал. К такому выводу нас подвел прежде всего сам полковник Гречану, когда полковник Рэдулеску хотел проверить наличие сигарет в ящике его стола. Помните, он запротестовал, заявив, что сигарет в столе нет.

— Нет в данный момент, — поправил его генерал Кантемир.

— Да! Но именно данный момент нас и интересует. Далее, господин полковник Гречану утверждает, что получил сильный удар по голове и потерял сознание. Однако не осталось никаких следов удара. И затем, первое, что он стал искать в сейфе, — это именно исчезнувшую папку.

— Но он ведь объяснил это! — снова возразил генерал.

— Такое объяснение вряд ли может удовлетворить, так как есть еще одно обстоятельство: стекло, которое было выбито для того, чтобы открыть окно, выбито не снаружи, а изнутри. По стеклу ударили из помещения, и осколки выпали наружу.

Да, так оно и было на самом деле. Тут возражать бессмысленно. Но это еще не все. В действительности были разбиты два окна — одно изнутри, а другое снаружи.

— В соответствии с вашим распоряжением,—продолжал Гюнтер, — была установлена связь с лейтенантом Попеску. Адъютант генерала Нэстуреску прошлой ночью не звонил сюда. Обращаю ваше внимание еще на одну подробность: папка была похищена из сейфа, открытого и снова закрытого ключом. Обвинение против полковника Гречану напрашивается само собой!

Положение складывалось серьезное, и к нему нельзя было отнестись легкомысленно. Речь шла о том, что начальник оперативного отдела штаба замешан в похищении секретных документов.

— У кого есть вопросы к капитану Гюнтеру? — спросил генерал.

Капитан Арборе молчал, устремив взгляд в какую-то невидимую точку в пространстве. Я тоже молчал, давая возможность высказаться другим, но, видя, что никто не решается, спросил:

— Разрешите, господин генерал, задать капитану Гюнтеру несколько вопросов?

— Пожалуйста.

— Прежде всего я хочу спросить господина капитана, знаком ли он с японской борьбой каратэ.

— Более или менее! — запальчиво ответил Гюнтер.

— Очень хорошо. Даже если знакомы «более или менее», вы, вероятно, знаете, что в определенные точки шеи можно наносить удары, в результате которых человек моментально теряет сознание, причем никаких следов на теле при этом не остается.

— Возможно. Но господин полковник Гречану утверждает, что его ударили по голове.

— Это очень трудно определить, если удар был нанесен

неожиданно и если в результате его человек потерял сознание.

— Предположим, — согласился Гюнтер. — Но если увязать ваше объяснение с другими фактами, ваша версия отпадает.

— Хорошо, перейдем к другому вопросу. Если, как вы утверждаете, полковник Гречану причастен к похищению документов, тогда у него, несомненно, должны быть сообщники. Ведь не мог же он связать сам себя.

— Не сомневаюсь, что они есть и будут обнаружены.

— Вы ничего не сказали об исчезнувшем часовом.

— Возможно, что часовой был убит, чтобы представить дело так, что нападавшие проникли через задний двор, напали на полковника Гречану и похитили папку.

— А на самом деле?

— На самом деле никто через задний двор не проникал. После получения документов от полковника Гречану его сообщники покинули здание через окно. Часовой был единственным свидетелем, и они его убрали. Труп перенесли куда-нибудь подальше, чтобы его сразу не обнаружили и у них было время скрыться.

— Последний вопрос, — сказал я. — Вы говорили, что окно было разбито изнутри?

— Да!

— Но вы ничего не сказали о том, что еще одно окно разбито снаружи.

— Простите, господин капитан. — Гюнтер улыбнулся с иронической, вызывающей, просто издевательской улыбкой. — Но все предельно ясно. Прежде чем покинуть кабинет и после того, как был связан полковник Гречану, его сообщники разбили окно. Это должно было показать, каким путем они проникли в кабинет. Однако, очутившись во дворе, они поняли, что совершили ошибку, разбив стекло изнутри. Тогда они разбили еще одно окно, снаружи.

— У меня все, господин генерал, — сказал я.

— Хорошо. А теперь прошу капитана Арборе изложить свои соображения.

Услышав свое имя, Арборе вздрогнул. Ответил он не сразу:

— С вашего разрешения, я подожду, пока доложит капитан Волбура.

Генерал повернулся ко мне:

— Пожалуйста, Волбура! Изложите свою точку зрения, если она отлична от точки зрения капитана Гюнтера.

— Да, господин генерал, я рассуждал по-другому.

Говоря это, я постарался заметить, как прореагируют присутствующие. Мне показалось, что в глазах генерала Кантемира вспыхнули искорки надежды. На лице полковника Рэдулеску можно было прочесть недоумение: неужели могут быть другие мнения? Гюнтер сохранял прежнюю презрительную усмешку.

— На основании результатов предварительного расследования и имеющихся у нас сведений я полагаю, что все происходило следующим образом. Нападавший или нападавшие приблизились к зданию штаба со стороны виноградника. Они перепрыгнули через изгородь, отделяющую виноградник от двора. За изгородью по винограднику проходит тропинка, но, к сожалению, на ней нельзя обнаружить никаких следов. Перепрыгнув через изгородь...

— А почему же их не остановил часовой? — прервал меня полковник Рэдулеску.

— Часовой их не только не остановил, но даже не окликнул, — ответил я, немного подумав, — потому что сам он был из числа заговорщиков.

— Странное обстоятельство! — фыркнул Рэдулеску. — Как это получилось, что именно в эту ночь, в час, когда заговорщикам нужно было проникнуть в штаб, часовым оказался один из их людей?

— В этом нет ничего странного, господин полковник, все было подстроено.

— Каким образом?

— Очень просто. За то время, которое предоставил нам господин генерал, я забежал в канцелярию батальона и узнал, что часовым на этом посту должен был быть другой солдат — Раду Николае. Вчера к нему пришел Георге Нягу — тот самый, который был часовым здесь прошлой ночью, — и предложил заменить Николае. Нягу объяснил: ему, дескать, все равно не спится, он получил письмо от своих и его мучает тоска по дому. Николае с радостью согласился. Вот так прошлой ночью часовым оказался Георге Нягу.

— А кто позволяет делать такие замены?

— Вошло в обычай. Солдаты сами договариваются заменить друг друга с разрешения сержантов.

— Очень плохо! Надо... — начал было полковник Рэдулеску.

— Это другой вопрос, — остановил его генерал. — Пусть Волбура продолжает.

— Итак, они оказались во дворе без всяких помех со стороны часового, разбили окно — то, что разбито снару-

ки, — и проникли в штаб. Чтобы быть уверенными, что полковник Гречану, который был дежурным, им не помешает...

— Вы, следовательно, считаете, что заговорщики знали, что дежурным был Гречану?

— Безусловно!

— Значит, среди них был офицер штаба? — насторожился полковник Рэдулеску.

— Вне всякого сомнения!

— Хорошо, продолжайте.

— То, что среди заговорщиков был офицер штаба, подтверждает и тот факт, что он знал номера наших служебных телефонов.

— И поэтому вы думаете...

— Рэдулеску, дайте ему сказать, не перебивайте все время! — вмешался генерал.

Рэдулеску что-то пробормотал и умолк.

— Зная номера наших телефонов, — продолжал я, — один из заговорщиков позвонил и от имени лейтенанта Попеску сказал, что генерал Нэстуреску должен передать по телефону важное сообщение. С какой целью? Чтобы задержать полковника Гречану у телефона. Между тем полковника Гречану охватил страх остаться без сигарет. Не закрыв дверь дежурного помещения, чтобы слышать звонок телефона, он пошел искать сигареты в своем кабинете. В этот момент заговорщики были уже на месте. Услышав звук поворачиваемого в замочной скважине ключа, они укрылись за дверью. Когда полковник вошел, кто-то приемом каратэ сбил его с ног. Взяв папку с документами, которую, возможно, вынули из сейфа раньше, они связали полковника и ушли тем же путем, что и пришли.

— Если они сбили полковника Гречану с ног и он потерял сознание, какая необходимость была связывать его? — спросил генерал, желая услышать от меня объяснение, которое сам он уже нашел.

— Они хотели помешать ему, когда он очнется, поднять тревогу прежде, чем они сумеют скрыться или замаскироваться. Больше того, они сумели вывести из игры капитана Гюнтера, который представлял бы для них самую серьезную опасность в случае, если бы взлом был обнаружен раньше и была объявлена тревога. Точно так же они поступили и со мной.

— А как именно?

— Сообщили мне такую же, как и капитану Гюнтеру, ложную информацию. Только я в отличие от капитана Гюн-

тера не принял всерьез эту информацию и если и пошел на указанное место, то лишь для успокоения совести. — Прибегнув ко лжи, я никому не причинил вреда, а лишь по-своему отомстил самодовольному немцу.

— Следовательно, сегодня ночью... — не выдержал полковник Рэдулеску.

— Да, господин полковник, — прервал я его в свою очередь, — в эту ночь я не спал. Я был в долине Сирета и присутствовал при операции капитана Гюнтера по окружению заговорщиков, которые оказались призраками.

Гюнтер густо покраснел. Казалось, его вот-вот хватит апоплексический удар. Даже с лица Арборе на какое-то мгновение исчезло бесстрастное выражение, и он едва заметно улыбнулся.

— Я хотел вас спросить, — проговорил генерал, — почему вы, Волбура, и вы, капитан Гюнтер, не допускаете возможности, что эти документы могли быть похищены профессиональным агентом, я хочу сказать — шпионом, пробравшимся в нашу среду?

— Такую возможность следует исключить, — не раздумывая, ответил я.

— Я согласен, — поспешил присоединиться Гюнтер. — Документы похищены не профессионалами, а, если можно так выразиться, дилетантами.

— Почему вы так считаете?

— Господин генерал, — начал Гюнтер поучительным тоном, — в наше время настоящий агент не похищает документы так, чтобы это было обнаружено. Он выбирает подходящий момент, работает с документами ровно столько, сколько нужно, чтобы их сфотографировать, и затем кладет на место.

— Кроме того, — дополнил я, соглашаясь тем самым с соображениями, высказанными Гюнтером, — сама перевозка документов сопряжена с опасностью. Одно дело перевозить микрофильм, который можно легко спрятать, и другое дело — объемистую папку с подлинниками.

— Совершенно верно, — подтвердил Гюнтер.

— Следовательно, напрашивается вывод... — начал генерал фразу, которую предстояло закончить мне.

— ...Что полковник Гречану не причастен и что он, без сомнения, явился жертвой тех, кто похитил документы.

— Все же еще много неясностей в предложенной вами версии, господин капитан, — раздраженно вставил Гюнтер.

— Как и в вашей, господин капитан, — спокойно ответил я.

— Все это только предположения, — вмешался в нашу пикировку генерал Кантемир. — У нас слишком мало фактов. А у меня к вам, Волбура, один вопрос.

— Слушаю вас, господин генерал!

— Как вы думаете, что случилось с часовым?

— Думаю, он дезертировал, господин генерал.

— Значит, не исключено, что именно он скрылся с похищенными документами? — высказал предположение полковник Рэдулеску.

— Не думаю, господин полковник.

— Почему? Ведь ему все равно пришлось бы скрыться.

— Именно поэтому. Есть риск, что его будут разыскивать, вот почему он не является надежным курьером.

— Вы правы, — признал полковник Рэдулеску.

— Разрешите, господин генерал, задать один вопрос? — не успокаивался Гюнтер.

— Пожалуйста!

— Господин капитан Волбура, вы утверждаете, что дезертировавший солдат был часовым между двенадцатью и тремя часами ночи...

— Вы абсолютно правы, господин капитан. Вы нащупали одно из слабых звеньев в цепи моих рассуждений. Если он был часовым до трех часов, почему не была объявлена тревога после того, как пришло время сменить часового, а его не оказалось на месте?

— Именно об этом я и хотел спросить.

— Я вам отвечу: не знаю! Пока не знаю.

— А как вы объясните, почему окно в кабинете разбито изнутри? — спросил полковник Рэдулеску.

— И этого пока не могу объяснить!

— Я тоже хотел бы спросить вас, Волбура.

— Слушаю, господин генерал!

— Вы считаете, что существует связь между похитителями документов и группой Пэлтиниша?

— Да, господин генерал. Я убежден, что похитители являются членами этой группы.

— Да-а! — задумчиво и, как мне показалось, удрученно проговорил генерал.

Последовало долгое молчание, тяжелое, напряженное.

— Теперь и вы, Арборе, изложите свою точку зрения, чтобы можно было сделать выводы.

— Господин генерал, моя точка зрения полностью совпадает с точкой зрения капитана Гюнтера.

Его слова вызвали оцепенение. Затем каждый реагировал на них по-своему. Генерал Кантемир несколько раз

нервно сжал челюсти, так что на скулах заиграли желваки. Лицо Гюнтера затопили самодовольство и надменность. Полковник Рэдулеску беспокойно заерзал на стуле. А я... я просто был ошеломлен! Я не верил своим ушам. Неужели Арборе так радикально изменил свою точку зрения? Ведь в подкрепление своей версии я использовал и некоторые из аргументов, которые он изложил мне утром. Если он изменил свое мнение, значит, у него были для этого серьезные причины. Какие?

— Вы должны будете обосновать свои выводы, — предупредил его генерал.

— Обязательно, господин генерал.

— Я хочу и вас спросить о том же. Независимо от того как вы рассматриваете дело о хищении документов, видите ли вы какую-нибудь связь между похитителями и группой Пэлтиниша?

— Я пока не могу ответить на этот вопрос, — опять отговорился Арборе.

* * *

Когда я вышел от генерала, у меня уже был план действий на день. Хотя я спал совсем немного, спать мне не хотелось. Я решил пойти в столовую и выпить крепкого кофе. Есть мне тоже не хотелось. Потом я собирался вернуться в штаб, чтобы еще и еще раз проверить путь, по которому проникли в штаб и ушли заговорщики.

Выйдя из столовой, я зашел домой, переоделся и отправился в штаб.

Почти рядом со своим домом я столкнулся с Катинкой. Она очень изменилась: усталые запавшие глаза. Ах, как пленяла меня ее открытая, юная, радостная улыбка! А сейчас она как будто сгорбилась, пригнулась к земле. Руки безжизненно повисли вдоль тела.

В порыве сострадания я забыл обо всем: о том, что произошло ночью, о том, что ее отец под подозрением, забыл даже о том, что и сама она занимает определенную клетку на шахматной доске последних событий. Я думал только о ней.

— Целую ручку, Катинка! Что случилось?

— Скажите, что с отцом? Почему он не появляется дома? Почему меня к нему не пускают?

Я свернул с дороги и пошел рядом с ней. Некоторое время мы молчали. Потом она переспросила:

— Так скажите, что с отцом?

— Не тревожьтесь. Сейчас он чувствует себя хорошо.

Она остановилась и посмотрела на меня расширившимися от страха глазами.

— Что с ним?

— Вы сегодня не виделись с отцом?

— Я хотела пройти к нему, но меня не пустили. Мне сказали, что в штаб никого не пускают, даже офицеров, кроме тех, кого вызвал генерал. Прошу вас, скажите, что же случилось?

— Пока никто толком ничего не знает.

— А что вы предполагаете?

— И этого я не могу сказать. В начальный период расследования мы не имеем права раскрывать никаких подробностей.

— Даже мне? — спросила она, повернув в мою сторону печальное усталое лицо. Ее губы тронула очаровательная, но теперь как будто умоляющая улыбка.

В этот момент я готов был сказать все, что знал, но вовремя опомнился и только сумел выговорить:

— Даже вам, Катинка!

— Но почему мне не разрешают навестить отца, это вы можете сказать?

— Потому что ему, так же как и мне, не разрешено ни с кем говорить.

— Но вы свободно ходите по городу. Почему же отец не придет домой, чтобы со мной увидеться?

— Его положение несколько иное. Он был в штабе ночью, когда была совершена кража секретных документов...

— Каких документов?

Я понял, что все же проговорился, но отступать было поздно.

— Катинка, обещайте мне забыть о краже секретных документов. Если станет известно, что я вам об этом сообщил, это мне дорого обойдется.

— Обещаю забыть, забыть навсегда, если вы ответите мне: отец имеет отношение к этим документам?

— Они хранились в сейфе, ключ от которого был только у него.

Услышав об этом, Катинка побледнела.

— Катинка, что с вами? Вам плохо? — испугался я.

— Нет-нет! Я не знала, господин капитан, что эти секретные документы отец держал у себя.

— Теперь вы понимаете, как много я вам сказал, моя откровенность может мне дорого стоить. Я еще раз прошу вас молчать.

— Не беспокойтесь. Я никому не скажу.

Она начала успокаиваться.

— Вот, оказывается, почему отца не отпускают... Что же с ним будет?

— Не знаю.

— Не знаете или не можете сказать?

— Не знаю, — искренне ответил я.

Мы подошли к дому полковника Гречану.

— Господин капитан, я хотела поговорить с вами спокойно, здесь нам никто не помешает. Зайдите на минутку.

Я последовал за ней. Во дворе росли два старых ореха, в тени которых были врыты в землю столик и скамейка. Мы присели на скамейку.

— Я чувствовала, что случилось что-то серьезное, — начала Катинка, — раз мне не дали увидеться с отцом. Я думала, вы знаете о случившемся и о том, чего ждать в дальнейшем. Мне надо было обязательно вас увидеть, но я не рассчитывала встретить вас прямо сейчас.

— Зачем же я вам понадобился?

— Я хотела напомнить вам, что однажды вы дали мне обещание...

— Я — вам?

— Да! Когда мы гуляли вдвоем, помните? Впрочем, это было единственный раз. Тогда вы сказали мне, что нехорошо афишировать мои отношения со Станислэу, и предупредили, чтобы я не очень-то доверяла ему.

— Прекрасно помню, — отозвался я, испытывая некоторую неловкость. — Не знаю, что это пришло мне в голову вмешиваться не в свои дела?

— Почему вы так поступили — это теперь все равно. Но ваша забота была мне приятна. Помните, о чем я попросила вас тогда?

Я медлил, и она не дала мне ответить.

— Я просила вас верить мне и помочь мне, если я когда-нибудь буду нуждаться в вашей помощи. Так вот, я и сейчас прошу вас об этом. Отец не виноват. Он ни в чем не замешан.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Во-первых, я хорошо знаю отца. Он честный и добросовестный офицер. Он не может сделать ничего такого, что противоречило бы его понятию об офицерской чести.

— А во-вторых?

— Вам этого недостаточно?

— Нет-нет, достаточно, — поспешил я заверить Катинку, чтобы не обидеть ее.

— Думаете, у него могут быть неприятности?

Я развел руками.

— Скажите, он под следствием?

— Поскольку начато расследование, то от него, конечно, потребуют дать показания.

— Господи! Если бы я знала... — вздохнула она.

— Что бы вы знали?

— Что в эту ночь может что-то случиться, — быстро нашлась она. — Я бы пошла с ним и не отходила бы от него ни на шаг!

Я был уверен, что думала она совсем о другом, когда говорила: «Если бы я знала». И я не мог не восхититься ее находчивостью.

— Господин капитан, скажите, кто его допрашивает?

— Это я вам сказать не могу.

— Даже если я очень попрошу?

— Пожалуйста, не заставляйте меня изменять своей профессиональной порядочности и чести офицера!

— Вы мне не верите?

— Я вам верю, но не имею права говорить!

— Господин капитан, я даю вам честное слово, что никому ни при каких обстоятельствах не скажу, что мне известно имя офицера, ведущего следствие.

Я колебался. Потом подумал, что, по существу, имя не имеет особого значения.

— Если вы обещаете, что не будете злоупотреблять информацией, которую я вам сообщу...

— Клянусь! — с жаром заверила меня Катинка, прижав руки к груди.

— Следствие ведет капитан Арборе.

— Вы точно знаете? — воскликнула она испуганно.

— Абсолютно точно!

— Господи, в таком случае отец пропал! — Глаза ее увлажнились, и она вся дрожала. — Простите меня...

И без каких бы то ни было объяснений она убежала в дом.

С того дня и до выяснения «дела» полковника Гречану Катинку видели только в компании лейтенанта Думитреску.

Она отвергла Гюнтера после первой же его попытки сблизиться с ней. «Эта она зря, — думал я. — Гюнтер от обиды может стать опасным».

На этот раз я был удивлен резкостью Катинки, тем более что всегда восхищался ее умением лавировать в бурях

местного значения. Как она могла допустить такую тактическую оплошность? Видимо, не хватило выдержки.

Лейтенант Думитреску не только гордился благосклонностью Катинки, но и делал все, чтобы сохранить ее, стать единственным для нее, избранником.

Уходя от Катинки, я не знал, правильно ли поступил, рассказав ей так много. А главное, досадно, что я назвал Арборе. Но, поразмыслив, я решил, что это, может, и к лучшему. Разговор с Катинкой был даже очень полезен, потому что заставил меня еще раз проанализировать события, которые произошли здесь в последние два месяца. Я уже почти закончил построение определенной логической схемы. И вот теперь Катинка пыталась разрушить ее. Было над чем призадуматься.

Я постоянно наблюдал за тем человеком, который убил Крабе. Но он спокойно занимался своими делами, как будто ничего и не произошло. По сути дела, то, что я вычислил этого человека, мне ничего не давало, поскольку я так и не смог раскрыть причины, побудившие его убить немца.

Я очертил уже целый круг лиц, которые могли быть членами подпольной группы, но кто из них Пэлтиниш, мне пока узнать не удалось. Я был убежден, что взрыв склада боеприпасов — дело рук этой группы, но у всех, кого я подозревал, было абсолютное алиби.

Похищение секретных документов тоже было совершено группой Пэлтиниша. Я мог поклясться, что и Катинка связана с группой Пэлтиниша. Как она испугалась, узнав, что расследование дела поручено Арборе! Но мне показалось, что Катинка не знала о похищении документов. Я, конечно, не допускал сначала, что полковник Гречану причастен к этому, но теперь у меня появились какие-то смутные подозрения.

Я мысленно проследил развитие отношений Катинки с офицерами штаба. Нашел объяснение некоторым ее капризам. Но теперь и эти логические построения рушились.

Я стал заново анализировать сложившуюся ситуацию. И вдруг мне пришло в голову, что последнее событие, нарушившее спокойную жизнь штаба, произошло через несколько дней после возвращения Катинки из Бухареста. Существует ли здесь какая-то связь или это просто совпадение? Я удивлялся, как это Гюнтер, такой матерый разведчик, до сих пор не сопоставил факты.

Между прочим, в ночь, когда произошел взрыв склада

боеприпасов, как и в прошлую ночь, когда были похищены секретные документы, дежурным по штабу был полковник Гречану...

Может, прав Гюнтер?

Так или иначе пора было действовать. Я решил разматывать клубок с конца. Прежде всего мне надо было выяснить — официально я не собирался менять высказанной у генерала точки зрения, — причастен ли полковник Гречану к хищению секретных документов, и если причастен, то в какой степени.

Я взвешивал все «за» и «против». Меня мучило исчезновение часового. Действительно, почему не была объявлена тревога в три часа ночи, когда производилась смена, если часового не оказалось на посту?

Я решительно свернул с дороги и направился в штаб батальона, чтобы, не откладывая, выяснить этот вопрос. Может, капрал, производивший смену караула, обнаружил исчезновение часового и скрыл это? Может, и другие солдаты из караула тоже промолчали, хотя они поочередно проходили по всем постам?

Я пробыл в батальоне часов до двух, хотя мне все стало ясно уже через десять минут. Обстоятельства поразили меня своей простотой. Поэтому я еще и еще раз хотел все проверить.

Разводящий караула, живой и сообразительный олтянин, и все, кто были тогда в карауле, рассказали мне одно и то же: часовой Георге Нягу, который, как я и предполагал, был в сговоре с подозреваемыми и которого Гюнтер считал ликвидированным, в три часа ночи, когда пришла смена, находился на своем посту. Ни капрал, ни часовые не заметили ничего необычного, не привлекло их внимание и окно кабинета полковника Гречану, поскольку было темно.

Георге Нягу вместе со сменившимися солдатами вернулся в батальон, а уже потом, забрав свои вещи, дезертировал. Его исчезновение не было замечено сразу, поскольку утренняя поверка была отменена и полковнику Рэдулеску доложили об этом только после окончания совещания у генерала.

Моя версия, таким образом, подтверждалась, а Гюнтер терял доказательства.

Прежде чем отправиться в столовую, я решил зайти в штаб. Оставался неясным вопрос о разбитых окнах. В этом Гюнтер имел преимущество.

Когда я вошел в штаб, дежурный сказал, что для меня есть телеграмма. Телеграмма была зашифрована. Один из

моих бухарестских друзей сообщал, что завтра утром будет на станции Космешти проездом в Бырлад. Он назначал мне пятиминутную встречу в шесть часов двадцать семь минут. Я обрадовался предстоящей встрече. Уничтожив телеграмму, я направился в кабинет полковника Гречану.

Ключ от кабинета был у дежурного, который получил указание выдавать его только мне и Арборе. Я внимательно осмотрел место происшествия. Дверь кабинета выходила в коридор, куда выходили двери большинства других кабинетов, в том числе и кабинетов генерала и полковника Гренера. Напротив двери было окно, выходившее на задний двор, где стоял на посту Георге Нягу. В кабинете у правой стены, если стоять лицом к окну, находился сейф, а рядом с ним — дверь, ведущая в кабинет Гренера. Эта дверь была заперта, и ею не пользовались. Слева были два металлических шкафа, напротив них — письменный стол, за которым обычно работал полковник Гречану.

Я попытался представить себе, как можно было неожиданно напасть на входящего в кабинет. Дверь, письменный стол, металлические шкафы и сейф сильно ограничивали такую возможность. Нападающий должен был проявить исключительную ловкость, чтобы нанести удар вытянутой рукой и не раскрыть себя.

Полковник Гречану после удара, согласно предложенной мной версии, должен был прийти в себя. Поэтому, чтобы он не видел заговорщиков, его оттащили с того места, где он упал, для того чтобы закрыть дверь.

И тут я вспомнил, что дверь все же оставалась открытой. Я еще раз проверил положение, в котором был найден полковник Гречану. Если исходить из того, что на него было совершено нападение, причем так, чтобы он не смог узнать нападавших, тогда ему нанесли удар у самой двери, то есть в метре от того места, где его нашли утром. Таким образом, или на Гречану действительно напали и потом оттащили немного, чтобы закрыть дверь, или никто на него не нападал и его связали, чтобы создать видимость нападения.

Но если верно первое предположение, почему же дверь утром была найдена открытой? Ее, вероятно, закрыли лишь на время, пока извлекали из сейфа документы, а потом нападающие ушли по коридору, оставив дверь открытой. Однако, уходя по коридору, они могли покинуть здание штаба только через главный вход. Другой выход был забаррикадирован двумя шкафами с архивом гимназии, которая помещалась в этом здании раньше. Но через главный вход

они не могли уйти, поскольку там стоял часовой. Ведь не все же часовые были заодно с заговорщиками?! А если все же предположить, что и второй часовой был сообщником нападавших, тогда он тоже должен был исчезнуть. Всякий бы понял, что его будут допрашивать. Между тем в батальоне я точно выяснил: исчез лишь один солдат — часовой, охранявший штаб со стороны виноградника. Следовательно, заговорщики не могли покинуть здание через главный вход незамеченными.

И тогда?.. Может, все же прав Гюнтер? Но если нападавшие ушли через окно, почему дверь осталась открытой? Возможно, они и не закрывали ее, поскольку, когда Гречану вошел в кабинет, документы уже были изъяты из сейфа. Тогда зачем им было перетаскивать Гречану от двери? Я начал нервничать.

Выходит, Гречану нанесли удар именно там, где он был найден, но тогда он не мог не узнать нападавшего. Почему же он не хочет назвать имени или имен заговорщиков? Чтобы спасти их от военного трибунала? Но в таком случае он сам рискует предстать перед ним. Кто же мог быть этим нападавшим или нападавшими, если Гречану не хочет назвать их?

Я решил вначале проверить свое первое предположение. Прикрыв дверь, подошел к окну. Метрах в трех-четырех от окна находился часовой, который был выставлен, чтобы не подпускать никого к окну, дабы не стереть оставшихся, возможно, следов. Окно было закрыто, и вместо разбитых стекол вставлены куски картона. Я открыл окно и собрался выпрыгнуть во двор, как, вероятно, это сделали нападавшие. И вдруг нашел ключ к загадке, которая мучила меня столько времени.

* * *

На другой день в шесть утра я был на крохотной станции Космешти, затерявшейся в степи. Село было километрах в трех от станции. Я не мог понять, зачем здесь останавливаются скорые поезда. Поскольку до прибытия поезда было еще время (сначала должен был прибыть поезд, следовавший в Бухарест), а я хотел узнать, почему же здесь останавливаются скорые, я подошел к дежурному по станции, который прохаживался по перрону.

— Здесь останавливаются все поезда, господин капитан, — объяснил он. — Впереди мост через Сирет, а дорога резко идет под уклон, видите, вон от той будки... Здесь проверяют тормоза.

Когда я беседовал с дежурным, из-за товарного склада показался кто-то в шинели, но, увидев меня, сразу же скрылся. Поблагодарив дежурного, я медленно, как человек, скучающий до прихода поезда, направился в сторону склада. Проходя мимо него, я заглянул за угол и увидел, что не ошибся. Прислонившись к стенке, сидел сержант. Увидев меня, он вскочил:

— Здравия желаю, господин капитан!

— Здравствуй, Стамате. Каким ветром тебя сюда занесло?

— Еду домой на побывку, господин капитан. Я попросился домой на три дня. Знаете, сейчас каждого отпускают, кто попросится... Из нашего батальона больше половины солдат в отъезде: кто на месяц, кто на два, на уборку урожая. Да и не только у нас. Я слышал, сейчас везде те, кто из деревни, получают разрешение поехать домой на полевые работы. А как иначе? Есть ведь тоже надо!

Стамате говорил много, будто хотел разом все объяснить.

— Правильно, Стамате! Кто из деревни, все уезжают. Ты-то когда отпросился?

— Три дня назад. Но пока напишешь, пока дождешься разрешения, пока подпишут увольнительную...

— Действительно, не все сразу делается! А что же ты сказал, когда отпрашивался? Ты ведь из Бухареста, тебе нечего в поле убирать.

— Я решил навестить семью.

— В Бухаресте? Но ведь ты говорил, что твоя семья живет где-то у тестя.

— Точно, господин капитан. Хорошая у вас память. Я заеду сначала в Бухарест, посмотрю, как дома, а потом поеду к своим.

— Ну что ж... Ты на перрон?

— Да, посижу здесь в тенечке.

— Пойдем, Стамате, побеседуем...

Стамате настороженно на меня посмотрел, не зная, принимать ли мои слова как приказ. Потом сказал:

— Пойдемте, господин капитан!

Мы прохаживались по перрону и говорили о разных пустяках, пока не прибыл поезд на Бухарест. Я проводил его до вагона, протянул ему руку на прощание.

— До свидания, господин капитан! — как будто обрадовался он. Потом добавил, отвечая на рукопожатие: — Знаете, если все так и есть, как я думаю, вы порядочный и очень хороший человек.

Смысл его слов я понял много позднее. Пожав ему руку еще раз, я крикнул, когда он уже поднимался в вагон:

— Будь осторожен! Желаю счастливо добраться!

— Не беспокойтесь, господин капитан. Я стреляный воробей, — ответил он и весело подмигнул. И эта его улыбка сказала мне больше, чем он того хотел.

В это время подходил поезд, которым должен был приехать мой приятель, и я отошел от вагона.

Мой друг вышел из вагона всего на несколько секунд. Проводник, которого он спросил, сколько стоит поезд в Космешти, ответил, что очень мало, поскольку поезд опаздывает. Осмотр вагонов будет в Текуче.

Мы успели только пожать друг другу руки, и он вручил мне запечатанный конверт.

— Прочитай и — в пепел! — бросил он мне, поднимаясь в вагон, который уже тронулся.

На станции я не стал открывать конверт, опасаясь, что кто-нибудь может увидеть. Я сел в машину и приказал шоферу ехать обратно. Но конверт буквально жег мне руку. Когда мы проезжали по кукурузному полю, я попросил шофера:

— Давай остановимся ненадолго.

Я вышел из машины, забрел подальше в кукурузу и извлек из кармана конверт. Он был опечатан, и на нем стояли грифы «Совершенно секретно» и «Лично». Я волновался. В конверте оказался клочок бумаги, на котором было всего несколько слов: «Рассвет приближается. Удвойте внимание и осторожность».

Я достал зажигалку и сжег конверт и записку. Потом встал и затоптал пепел. Возможно, эта мера предосторожности была излишней, но никто не должен был знать не только о содержании записки, но и о ее существовании.

* * *

Шло расследование. Арборе лихорадочно работал, даже на обед не приходил. Он тоже был в батальоне и узнал, что часовой дезертировал после того, как сменился с поста. Провел измерения и расчеты в кабинете Гречану. Подвергал его в присутствии полковника Рэдулеску долгим и утомительным допросам. Гречану героически выдерживал оказываемое на него давление и по-прежнему утверждал: на него напали, ударили, а он ничего не знает.

Арборе пришел к тому же выводу, что и я: удар мог быть нанесен только в определенных условиях, и Гречану

упал так, что невозможно было закрыть дверь. Арборе шел за мной по пятам. Напрасно! Перед ним вставали все те же вопросы. Больше всего Арборе мучился с проблемой, которую мне тоже не удалось разрешить: сейф был открыт и закрыт, а не взломан, а ключи от него имел только полковник Гречану.

Ко всему прочему добавилась еще проблема отпечатков пальцев. Специалисты второго отдела обнаружили отпечатки пальцев на дверце сейфа и на других предметах, даже на осколках стекла, выпавших во двор. Но все отпечатки до единого принадлежали полковнику Гречану. Это обстоятельство было умело использовано капитаном Арборе. Напрасно я старался доказать, что на дверце сейфа, естественно, должны были быть отпечатки пальцев хозяина. А на стекле? Гречану постоянно открывал и закрывал окно и всякий раз оставлял отпечатки. А как ухитрились те, кто похитили документы, не оставить никаких отпечатков? Они работали в перчатках? Я не исключал возможности, что они действовали в перчатках. «Будьте серьезней, господин капитан», — отрезал Арборе, прекращая нашу дискуссию.

Когда мы встретились снова, чтобы подвести итоги недельного расследования, я объяснил, почему дверь была оставлена открытой (хотя после того, как полковник Гречану был сбит с ног, его все-таки перетащили), а также почему одно из стекол разбито изнутри.

Чтобы придать своим аргументам большую убедительность, я пригласил всех пройти в кабинет полковника Гречану. Когда все вошли, я закрыл дверь и открыл окно. В этот момент от сильного сквозняка неплотно закрывающаяся поворотом ручки дверь открылась.

Потом я проделал обратный опыт. Когда я открыл дверь, незакрепленное крючком окно распахнулось. После этого мы вышли во двор, и я показал, что осколки стекла, разбитого изнутри, упали не прямо под окном, а немного в стороне, возле стены. Было очевидно, что, когда полковник Гречану открыл дверь, от сквозняка окно, которое не было закреплено крючком, распахнулось так, что стекло вылетело. Капитан Арборе согласился с моими выводами относительно двери, разбитого изнутри окна, но у него оставался решающий аргумент против Гречану — ключи от сейфа. Пока что я не мог ничего возразить.

Видимо, у кого-то был дубликат ключей. Но откуда? Пока полковник Гречану находился у себя в кабинете, ключи были у него, в остальное время они хранились в сейфе в секретном отделе.

Кто-то сумел их выкрасть? Возможно. Сейф был старого типа, и, чтобы его открыть, надо было иметь три ключа. Великое дело — изготовить три дубликата, если есть три оригинала!

Но это было всего лишь предположение, которое требовалось доказать. Кто же мог добыть ключи и изготовить дубликаты? Вот на какой вопрос необходимо было найти ответ. У меня появились кое-какие подозрения, но этого было недостаточно, чтобы убедить Арборе и спасти от трибунала полковника Гречану.

Расследование продвигалось с трудом, и это отчасти объяснялось тем, что мы не могли прийти к единой точке зрения. Гюнтер был спокоен и доволен собой. У него сформировалось твердое убеждение в виновности Гречану, и он не считал нужным предпринимать какие-либо действия. Для него полковник Гречану был в лучшем случае сообщником, если не инициатором похищения документов.

Арборе не во всем был согласен с Гюнтером, но еще меньше со мной. Если доводы Гюнтера он принимал с оговорками, а чаще всего даже не пытался их опровергнуть, то против моих доказательств он выступал всякий раз, прилагая все силы, чтобы показать их несостоятельность. Я понял, что Арборе старается затянуть расследование. Гюнтера он не поддерживал активно, потому что, если бы победила точка зрения немца, полковник Гречану был бы немедленно передан военному трибуналу. Учитывая, что моя точка зрения прямо противоположна точке зрения Гюнтера, Арборе выступал против меня, вынуждая тем самым продолжать расследование.

Сейчас меня даже не столько занимал вопрос, кто похитил документы, я искал объяснение, почему Арборе затягивает расследование. Из множества предположений, которые возникали в связи с этим, я попытался найти самые правдоподобные.

Возможно, Арборе убежден в невиновности Гречану. Тогда почему он отвергает все мои доказательства того же? Допустим, он убежден в его виновности, но оттягивает время, когда Гречану придется предстать перед судом военного трибунала? Тогда это всего лишь ловушка, чтобы выявить сообщников полковника, ведь они наверняка не допустят, чтобы Гречану предстал перед судом военного трибунала, и предпримут все, чтобы спасти его. При такой расстановке фигур в шахматной партии нашего расследования рисковали и те, кто попытался бы спасти полковника Гречану, и

сам Арборе. С одинаковой вероятностью можно было предположить, что выиграют сообщники Гречану, а не Арборе.

А если все же Арборе убежден в невиновности Гречану, но не пытается доказать его невиновность, чтобы уберечь от преследования заговорщиков? Уж нет ли связи между Арборе и ими?..

И наконец, было еще одно предположение: Арборе убежден в причастности полковника Гречану к краже документов, но, любя и щадя Катинку, стремится запутать следствие. Но в этом случае сколько же времени он может затягивать дело? «До тех пор, пока что-нибудь не случится», — пришло мне сразу на ум. Но что? Я вспомнил о записке, переданной мне другом на станции в Космешти. Неужели и Арборе информирован о готовящихся событиях и именно поэтому пытается затянуть расследование?

Ближайшее время дало столь желанный ответ на этот мой вопрос: Арборе с нетерпением ждал назревающих событий, но не тех, которых ждал я. В расставленную им ловушку попали не «сообщники» полковника Гречану, а...

Но предоставим возможность событиям развиваться своим чередом...

Больше всего хотелось довести до конца дело полковника Гречану полковнику Рэдулеску. Пока дело не было закрыто и расследование продолжалось, всегда мог приехать кто-нибудь с проверкой и сделать вывод (что было бы недалеко от истины), что и сам он виноват в случившемся, поскольку, как начальник штаба, не обеспечил надежного хранения секретных документов. Не исключено было также, что комиссия сверху, проанализировав мои доводы в пользу Гречану, найдет, что главным виновником случившегося является полковник Рэдулеску. «Если будет доказано, что Гречану невиновен, — сказал мне как-то Рэдулеску, — и заговорщики не будут найдены, может случиться, что я сам попаду под суд военного трибунала».

Как-то утром генерал Кантемир вызвал к себе Рэдулеску, Арборе и меня. У полковника был усталый вид, веки отекли, будто он не спал несколько ночей подряд. Генерал спросил его, как идет расследование.

— Господин генерал, ситуация довольно запутанная. Много расхождений во мнениях Арборе и Волбуры. Думаю, необходимо прийти к единому мнению как можно скорее. Пусть они выскажут сейчас свои соображения, и, если не смогут договориться, мы примем решение.

Генерал задумался, потом спросил:

— Арборе, к каким выводам пришли вы?

— Я думаю, господин генерал, что полковник Гречапу причастен к делу.

Он начал обосновывать это утверждение, используя доводы из арсенала Гюнтера. Он еще не закончил, как его перебил полковник Рэдулеску:

— По-моему, господин генерал, ситуация ясна: Гречапу виноват. Мне кажется, надо срочно подготовить документы и передать дело в военный трибунал.

— Прежде чем принять решение, выслушаем Волбуру, — возразил генерал.

— Версия Волбуры малоубедительна, господин генерал, — продолжал настаивать Рэдулеску.

— Все же проанализируем еще раз! — отрезал генерал.

Пока они вели этот разговор, мне в голову пришла одна идея, но, чтобы проверить ее, я должен был знать отношение к ней Арборе. Голос генерала оторвал меня от планов, которые я начал обдумывать.

— Волбура, каковы ваши окончательные выводы?

— Кажется, я остаюсь в меньшинстве, господин генерал, — сказал я, уклоняясь от прямого ответа. — Господин полковник Рэдулеску и господин капитан Арборе убеждены в виновности полковника Гречану. Так что моя точка зрения...

— Хорошо, но вы-то как считаете? — прервал меня генерал.

Я интуитивно почувствовал, что генерал предоставит мне право вето на основании приказа сверху, пришедшего в ответ на информацию, которую я послал в связи с кражей документов. Об этом приказе, которым расследование этого дела поручалось мне, знали только генерал Кантемир и я. Посмотрев на меня внимательно и как будто угадав мои мысли, он закончил:

— Вы согласны с передачей дела в военный трибунал?

— Я хотел бы, чтобы вы спросили об этом господина капитана Арборе. Передача дела в трибунал фактически означает принятие его точки зрения.

Арборе бросил на меня полный ненависти взгляд, но я сделал вид, что ничего не заметил. Мне нужен был его ответ на этот вопрос, чтобы действовать дальше. Два дня назад вопрос о передаче дела в военный трибунал был поставлен перед Арборе полковником Рэдулеску, но Арборе уклонился от ответа. Тогда я подумал, что ожидаемые им события, вероятно, откладываются, расставленная им ловушка вот-вот захлопнется.

— Прошу вас ответить, Арборе, — обратился к нему генерал. — Следует передать дело в военный трибунал? У нас имеется достаточно доказательств для обвинения, чтобы не попасть в смешное положение, или... мы рискуем обвинить невиновного?

— Я думаю, — начал Арборе, — следует все проверить еще раз.

— Что проверить, Арборе? — вскочил полковник Рэдулеску. — Мы проверяем и перепроверяем одни и те же факты и приходим к одним и тем же выводам!

— Вы правы, господин полковник! — неожиданно уступил Арборе.

Но почему, почему?! Боится, что вызовет подозрения, если будет возражать после того, как сам заявил о виновности Гречану? Нет, не думаю. Тогда или он твердо убежден, что я не допущу передачи дела в военный трибунал, или, что скорее всего, что-то наконец произойдет...

— Итак, Волбура, ваше мнение? — прервал ход моих мыслей генерал.

— Я не возражаю против передачи дела полковника Гречану в военный трибунал.

Произнося эту фразу, я внимательно следил за реакцией присутствующих. На лице полковника Рэдулеску появилась улыбка удовлетворения и облегчения: наконец-то он избавится от кошмаров, преследовавших его столько времени. Генерал в первое мгновение был ошеломлен, но тут же справился с собой и улыбнулся. Его улыбка должна была означать: «Понимаю, у вас есть план и вы начинаете проводить его в жизнь!» Арборе посмотрел на меня растерянно. Потом и он улыбнулся, и его улыбку можно было расценить как благодарность за то, что я не путаю его планов. Но с одинаковой вероятностью ее можно было понимать и так: «Глупец, и ты попался в мои сети!»

— Что ж! — устало проговорил генерал. — Готовьте документы. Сколько времени вам на это потребуется, Арборе?

— Не более двух дней!

«Внимание! — насторожился я. — Значит, не позднее чем через два дня произойдет что-то, что сделает недействительным решение о передаче дела полковника Гречану в военный трибунал».

* * *

На следующий день я взялся за проверку версии, которая теперь уже вполне сложилась. Когда я появился в штабе, мне передали, что капитан Арборе просил меня срочно

зайти. Удивленный внезапной спешкой, я направился к нему в кабинет. Он был один. Когда я вошел, Арборе поднялся мне навстречу.

— Я искал вас, — быстро проговорил он. — Хочу показать вам кое-что.

Он закрыл дверь на ключ, потом достал бумажник и извлек из него обычный, сложенный вдвое конверт. Из конверта он вытащил и протянул мне небольшой клочок бумаги.

Я прочел «документ» дважды:

«Полковник Гречану невиновен. Он не имеет никакого отношения к краже документов. Если вы хотите найти настоящего виновника, будьте 10 августа на станции Фокшаны. В 21.00 в скором поезде на Бухарест, у одного из пассажиров шестого купе седьмого вагона, вы найдете небольшой чемоданчик. В нем будет часть похищенных документов».

— Что скажете? — спросил меня Арборе, когда я прочитал.

— Что скажу? Очень важное сообщение. Особенно для полковника Гречану. Кто бы мог прислать его?

— Тот, кто заинтересован в спасении полковника Гречану.

— Подозреваете кого-нибудь конкретно?

— Нет! Подозревать-то я могу, но подозрения не доказательства.

— Разумеется.

— Я хотел сообщить вам об этом послании по двум причинам. Во-первых: если информация окажется правдивой и мы найдем доказательства невиновности Гречану, значит, в нашем споре правы вы. Я хочу, чтобы вы отпраздновали победу несколькими часами раньше.

— Большое спасибо, господин капитан. Остается только найти этот чемоданчик.

— Я все думаю, в чем могут состоять доказательства невиновности полковника?

— Откуда мне знать?

— Собственно, зачем нам ломать голову? Потерпим до вечера, и все будет ясно.

Несколько секунд мы молчали. Вдруг я вспомнил, что Арборе говорил о двух причинах, но пока назвал только одну.

— А во-вторых, господин капитан... — продолжил я разговор.

— Ах, да! Я хотел спросить, не хотите ли вы сами поехать в Фокшаны. Ведь важно самому увидеть все... Почему вы улыбаетесь?

— Потому что вначале вы так рьяно выступали против

моих доводов, а теперь как будто признаете мою правоту, — солгал я.

— Стараюсь быть объективным. Ну как, едете?

— Если вы считаете, что в этом есть необходимость...

— Абсолютной необходимости нет, — сухо ответил Арборе. — Но есть другие причины...

— Какие, господин капитан?

— Об этом я скажу вам позже.

* * *

Когда я вышел из кабинета Арборе, мне хотелось рассмеяться. Во второй раз меня хотят провести. Как только я увидел записку, переданную мне капитаном, я сразу понял, что она написана тем же, кто отправил меня в долину Сирета на конспиративную встречу группы Пэлтиниша. Но на этот раз я не дам себя обмануть.

Я вышел из штаба. Мне хотелось обдумать, кто и с какой целью вновь выдворяет меня из городка. Я пошел по дороге, которая выводила за город, туда, где меньше виноградников, где были посевы пшеницы и кукурузы.

Итак, новая «информация». На этот раз ее получил Арборе. Правда, я вовсе не исключал возможности, что он послал ее самому себе. Если все же ее прислал кто-то другой, то кто? Тот же, кто прислал мне первую записку. Если это не Арборе, то наверняка тот, кто похитил документы, или тот, кто выполняет его поручения. Таким человеком мог быть или кто-то знающий, что над Гречану нависла опасность, и готовый на все ради его спасения, или же, наоборот, стремящийся направить нас по ложному следу. Но автор записок — один и тот же, значит, он принимал участие в похищении секретных документов и теперь пытается спасти Гречану, значит, он же входит в группу Пэлтиниша. Кто же может поставить спасение полковника Гречану превыше «интересов дела»?

Но речь может идти и об обманном ходе. Тогда в чем суть этого хода? По своему опыту я знал, что подобные послания имеют целью устранить неугодных лиц с места, где должна проводиться какая-нибудь акция. Значит, в Фокшанах в этот вечер ничего не случится. В поезде ничего не найдут. Событие произойдет в другом месте. Где? Здесь, в штабе. Из штаба стремятся убрать неугодных! Именно поэтому я никуда отсюда не поеду!

Однако допустим, что письмо составлено Арборе независимо от того, кто его написал. Арборе, который все это вре-

мя только ставил мне палки в колеса, вдруг показывает мне записку и приглашает поехать с ним. Это наводит на мысль: уж не знает ли Арборе о том, что должно произойти, и не пытается ли именно он нейтрализовать меня? Но я так понял, что он сам собирается поехать вечером в Фокшаны. И может быть, даже специально, чтобы придать достоверность записке или ни в коем случае не быть в штабе и тем самым отвести от себя подозрения.

По моим предположениям, среди тех, кто будет участвовать в готовящейся акции, которая должна быть проведена в этот вечер в штабе, могли быть Катинка и лейтенант Думитреску.

Если Катинка и Думитреску подготовили операцию по спасению полковника Гречану, тогда, стало быть, Арборе причастен к этому. А если все исходит от Арборе, тогда ни Катинка, ни Думитреску ничего не знают о предстоящем событии. Арборе и Катинка не могли «работать» вместе!

Вдруг меня осенило: я знаю, какое событие должно произойти! То есть это только предположение, но предположение столь вероятное, что я готов был заключить пари: готовится побег полковника Гречану. Нет, не побег. Насколько я знал полковника Гречану, он не смог, а главное, не согласился бы на побег. И потом, если бы побег был для него приемлем, он давно бы мог осуществить его без чьей-либо помощи. Ведь он находился в небольшом здании позади штаба под своего рода добровольным арестом.

Готовился не побег полковника Гречану, а похищение. Его должны были похитить против его воли и спрятать где-нибудь до выяснения дела с хищением документов. Таким образом он избегнет военного трибунала, а заговорщики будут иметь достаточно времени, чтобы замести следы. В любом случае расследование будет приостановлено, так как вся вина падет на Гречану.

Поэтому, чтобы проследить за всем, что должно было случиться в тот вечер, а также установить действующих лиц, мне достаточно было найти укромное место, чтобы оттуда наблюдать за зданием, в котором находился полковник Гречану.

Приглашение в Фокшаны было сделано на девять часов вечера. Значит, похищение полковника Гречану должно состояться после девяти. А поскольку, чтобы проделать путь на машине от Фокшан до штаба — если будет установлено, что вся эта затея не более чем фарс, — потребуется около часа, не исключено, что операция назначена и на более позд-

все время. Но самым вероятным временем мне казалось все-таки девять часов, когда в штабе обычно никого не было. Все, даже те, кому предстояла ночная работа, находились в столовой.

Я заблаговременно подыскал себе подходящее место, откуда, оставаясь невидимым, можно было наблюдать за входом в здание, где был полковник Гречану, и запасся терпением. В половине девятого я увидел, что кто-то приближается, но то был солдат, несший из столовой арестованному ужин.

Девять ноль пять. Неужели я ошибся? Неужели так ничего и не готовилось сегодня вечером?

Девять двадцать пять.

Да, я ошибся! Без сомнения, что-то готовилось, но где-то в другом месте. Но что? Я решил подождать до одиннадцати. Если до одиннадцати ничего не случится, я покину свое убежище.

В одиннадцать, как раз когда я готов был покинуть пост, истощив все свое терпение, послышался шум моторов и во двор штаба одна за другой въехали две машины. Раздавались голоса, отрывистые команды.

Я вышел из укрытия и, сделав крюк, направился в свой кабинет. По дороге меня обогнал запыхавшийся сержант. Увидев меня, он остановился и, переведя дыхание, сказал:

— Здравия желаю, господин капитан! Меня послали за вами.

— А что случилось?

— Не знаю! Вас вызывает господин генерал.

В штабе я встретил полковника Рэдулеску, выходившего от генерала. Он улыбнулся:

— Шеф вас ожидает.

Я вошел. В кабинете были капитан Арборе и лейтенанты Думитреску и Станислэу.

— Хорошо, что вы пришли, Волбура, — встретил меня генерал. — Вы мне нужны. Прежде всего хочу вас поздравить. Вы оказались более прозорливым и лучше всех сориентировались в обстановке.

Я, только что покинувший свое убежище, где потерял столько времени напрасно, не знал, говорит ли генерал серьезно или насмехается надо мной. Тут в кабинет вошли полковник Рэдулеску, полковник Гренер, подполковник Брохацка и капитан Гюнтер. Гюнтер обратился к генералу:

— Господин генерал, я — человек чести и, когда ошибаюсь, считаю нужным признать свои ошибки. Разрешите пожать руку капитану Волбуре.

Гюнтер подошел ко мне, вытянулся и, щелкнув каблуками, протянул руку, поздравляя меня, а я продолжал думать, что являюсь объектом насмешки.

С чем меня все поздравляют? Что я такого особенного сделал? Просидел около трех часов в компании летучих мышей... Все же я протянул руку Гюнтеру. Я боялся допустить какой-нибудь промах и пребывал в состоянии напряженного выжидания.

— Поздравляю с успехом и вас, — повернулся генерал к Арборе.

Я удивленно посмотрел сначала на генерала, затем на Арборе и опять ничего не понял.

— Благодарю вас, господин генерал, — скромно ответил Арборе. — Но моя заслуга совсем невелика.

— Как бы то ни было, вы держали в своих руках конец клубка. Расскажите, как все случилось?

— Как я уже вам докладывал, — начал Арборе, — я получил информацию, согласно которой нам предстояло поехать в Фокшаны к бухарестскому поезду.

— Почему в Фокшаны?

— Вероятно, лейтенант Думитреску сел в поезд в Мэрэшешти. Поезд следовал из Бакэу.

— Вы сели в поезд в Мэрэшешти, Думитреску? — спросил генерал.

— Да, господин генерал, — спокойно ответил Думитреску.

— А как туда добрались?

— Пешком. По дороге через виноградники в долине Сирета. Реку перешел вброд. Оттуда до Мэрэшешти — пустяк.

— Хорошо. Продолжайте, Арборе.

— С лейтенантом Станислэу мы были на вокзале в Фокшанах за полчаса до прихода поезда. Попросили военного коменданта станции оказать нам содействие. Когда поезд прибыл, мы прошли в указанное купе седьмого вагона. В купе было пятеро. Две женщины, лицеист, старик-крестьянин и еще один пассажир, одетый по-городскому. На коленях он держал небольшой чемоданчик, в который вцепился обеими руками, как будто боялся, что чемодан у него отнимут. «Что у вас в чемодане?» — спросил я его. «Не знаю, господин капитан, это не мой чемодан». — «А чей же? — «Одного офицера. Он вошел в купе незадолго до Фокшан, думаю, мы как раз проехали Путну, и спросил, куда я еду. Я ответил, что до Бухареста. Тогда он попросил меня подержать этот чемоданчик, пока он поищет своего

товарища в другом вагоне. Я и согласился». Остальные пассажиры подтвердили его слова. Я пригласил пассажира, у которого был чемодан, в комендатуру при вокзале. Человек начал возмущаться и говорить, что он не имеет никакого отношения к этому проклятому чемодану, и снова начал рассказывать об офицере, который оставил ему чемодан...

— Почему вы отдали чемодан этому человеку? — прервал Арборе полковник Рэдулеску, обращаясь к лейтенанту Думитреску. — Вы его знали?

— Нет, я его не знал, господин полковник, — ответил Думитреску. — Я видел его в первый раз.

— И почему же вы оставили ему чемодан?

— Из предосторожности, — ответил по-прежнему спокойно Думитреску. — Я опасался, что за мной следят. Если меня выследили, то станут искать на первой же станции, то есть в Фокшанах. Чтобы чемодан, в котором был документ, не попал в руки преследователей, я решил избавиться от него.

— И впутали в грязную историю постороннего человека, — возмущенно заключил полковник Рэдулеску.

— Нет, господин полковник. Я был уверен, что этому человеку ничего не будет. Все пассажиры купе подтвердили бы, что чемодан не его и был передан ему на хранение.

— Да, но пока будет доказана его невиновность... Ну ладно, — бросил полковник Рэдулеску, явно не принимая логики Думитреску. — Продолжайте, Арборе.

— Мы сошли с поезда вместе с человеком, у которого нашли чемодан...

«Почему Арборе рассказывает с такими подробностями? — спрашивал я себя. — Как будто хочет объяснить свое поведение, обосновать, почему он действовал именно так в обстоятельствах, в которых должен был действовать по-другому».

— Вдруг, — продолжал Арборе, — задержанный закричал: «Вон он, офицер, который оставил мне чемодан!»

Дальше продолжал рассказывать лейтенант Станислэу:

— В тот момент, когда он крикнул: «Вон он, офицер, который оставил мне чемодан!», я посмотрел в ту сторону, куда он показывал. К моему удивлению, на какую-то долю секунды в окне купе мелькнуло лицо лейтенанта Думитреску. Вместе с комендантом мы поднялись в вагон. Я задержал лейтенанта Думитреску, когда он собирался выпрыгнуть в противоположном конце вагона. Я отвел его в комендатуру. Там уже был капитан Арборе с гражданином, у которого был найден чемодан. После очной ставки лейте-

нант Думитреску признался, что дал чемодан пассажиру. Капитан Арборе не мог поверить...

— Да, я не мог даже допустить, что лейтенант Думитреску замешан в этом деле. «Господин капитан, — сказал мне Думитреску, — прошу мне поверить, что нет больше смысла задерживать беднягу. Он и так незаслуженно пострадал». Я распорядился, правда не без колебаний, отпустить задержанного пассажира, — закончил свой рассказ Арборе.

— Итак, — снова заговорил полковник Рэдулеску, — вы, Думитреску, отдали чемодан гражданскому?

— Да, господин полковник, — отчеканил Думитреску.

— Вы знали, что в чемодане находится секретный документ.

— Разумеется.

— Вы похитили этот документ?

— Да, господин полковник.

— Каким образом?

— У меня были дубликаты ключей от сейфа и от кабинета полковника Гречану.

— Где сейчас эти ключи?

— Я бросил их в Сирет, когда направлялся в Мэрэшешти.

— Ясно, — сказал полковник Рэдулеску. — Лейтенант и его сообщники — потому что он наверняка работал не один и об этом расскажет в ходе расследования — извлекли из сейфа папку с документами. Тот, кто нас информировал, по всей вероятности, тоже из их числа — иначе откуда ему знать об этом? Мучимый угрызениями совести, он, вероятно, не мог молчать и сообщил нам. И только благодаря ему мы узнали, что документы, которые содержались в строгом секрете и были похищены, переправляют в Бухарест.

— Мне все же непонятно, — перебил его генерал, — почему документы были похищены, а не скопированы?

— Это вполне объяснимо. У заговорщиков не было времени копировать их на месте. Они их забрали, чтобы переснять в спокойной обстановке, а затем положить на место, ведь у них были ключи, — высказал свое мнение лейтенант Станислэу.

— Верно, — согласился с ним полковник Рэдулеску. — Ведь их спугнул Гречану, и тогда им не оставалось ничего другого как бежать, прихватив документы с собой. Возвращать их на место после снятия копий уже не имело смысла.

— Я не понимаю, — настаивал генерал, — почему они все-таки взяли папку. Если бы не обнаружили пропажи до-

кументов и следов взлома, мы оказались бы в большом затруднении и, вероятно, никогда не смогли бы узнать даже об их намерении. А когда бы тревога улеглась, они, имея ключи от сейфа, могли бы без осложнений провести операцию.

— Вы абсолютно правы, господин генерал. Но объяснение напрашивается само собой: мы имеем дело не с профессиональным агентом или группой агентов.

— И все же здесь что-то не так. Они работали так, как будто хотели, чтобы факт похищения документов обязательно был замечен, — проговорил генерал тихо, словно про себя.

— По-моему, в этом нет ничего странного, — возразил Рэдулеску. — Даже способ действий показывает, что мы имеем дело не с профессионалами.

Я понял, что все еще больше запутывается. Операция с документами казалась мне, скажем прямо, наивной. Все было шито белыми нитками. Было очевидно, что главная цель акции Думитреску — снять обвинение с полковника Гречану. Тогда какова же цель самого похищения? Если бы я сумел дать ответ на этот вопрос, мне, возможно, удалось бы восстановить всю картину событий. Но настоящую цель операции я узнал лишь весной сорок пятого на фронте в Чехословакии.

А пока я продолжал барахтаться в лавине догадок, предположений, вопросов. Один вопрос не давал мне покоя: Думитреску утверждал, что похищение было делом его рук. Но так ли это? Слишком много было «за» и «против». В похищении документов, без сомнения, замешаны члены группы Пэлтинипа. Арест Думитреску на станции Фокшаны показывал, что план действий был составлен таким образом, чтобы чемодан с компрометирующими документами был обнаружен, а сам он сумел бы скрыться. Но, как видно, ему не повезло. Несомненно, однако, что он пошел бы и на риск быть задержанным, лишь бы спасти полковника Гречану. Лейтенант Думитреску был готов на все, чтобы помочь Катинке.

Меня терзал вопрос: знал ли об этой операции Арборе? Поведение его в ходе расследования дела Гречану убеждало, что знал. В таком случае была ли договоренность между Катинкой и Арборе? Безусловно, нет! И что тогда? Арборе входит в группу Пэлтинипа? И Думитреску тоже? И Катинка? Или они являются членами этой организации, не зная друг о друге? Все же не исключено, что группа Пэлтинипа не имеет никакого отношения к похищению документов, и тогда все трое — вне подозрений.

Думитреску мог действовать и по собственной инициативе, без ведома Пэлтинишa. Он мог решиться на что-то, видя страдания Катинки. Катинка была убеждена в невиновности своего отца. Она сама говорила мне об этом. Но откуда у нее эта уверенность? Тех доводов, которые она приводила, было явно недостаточно. Она могла что-то узнать и от самого Думитреску. Чтобы доказать, насколько он доверяет ей, Думитреску мог сказать ей, что готовит похищение очень важных документов. Но он не предполагал тогда, что в этом окажется замешанным полковник Гречану. После ареста Гречану Думитреску стали мучить угрызения совести, усиливаемые чувством вины и перед Катинкой. Тогда он решил спасти Гречану.

Уж очень спокойно, даже вызывающе спокойно он вел себя сейчас. Создавалось впечатление, что человек сделал все обдуманно, с расчетом. Более растерянным казался Арборе. Правда, между ним и Думитреску отношения были, можно сказать, дружескими, и, конечно, ему было нелегко вести расследование, в результате которого дело Думитреску, вероятно, будет передано в военный трибунал.

* * *

С разрешения генерала я допросил лейтенанта Думитреску.

— Я хотел бы знать, господин лейтенант, — начал я, — кто вам позволил покинуть гарнизон?

— Господин генерал Кантемир, — последовал поразивший нас всех ответ.

«Неужели сам генерал Кантемир в какой-то степени причастен к этой истории? — думал я, ошеломленный. — Тогда мне очень трудно будет выполнить одно из заданий, с которыми я сюда направлен».

— Совершенно верно, — подтвердил генерал. — Он явился ко мне и попросил разрешения отлучиться на сутки. Сказал, что ему нужно решить неотложные семейные дела.

— Господин лейтенант, — продолжал я, — как вы вскрыли сейф и изъяли документы? Как вы вошли в здание штаба?

— Я отказываюсь отвечать на эти вопросы.

Если для других его отказ отвечать мог быть непонятен, то для меня все было ясно: в тот вечер, когда были похищены документы, лейтенант Думитреску был далеко от штаба.

Я лихорадочно искал ответ на вопрос: что же должно

произойти в течение двух суток, то есть за тот срок, который требовался Арборе для оформления документов, чтобы передать в военный трибунал дело полковника Гречану? Мысль о готовящемся похищении Гречану пришла мне в голову лишь утром этого дня, когда Арборе показал мне анонимную записку. Проиграв возможные варианты, я пришел к выводу, что среди участников операции должен обязательно быть и лейтенант Думитреску.

Поскольку самому мне приходилось вести наблюдение сразу в нескольких направлениях, я прибег к помощи лейтенанта Гюрицана, одного из тех людей, которых мне удалось привлечь на свою сторону. Я попросил его со всей возможной осторожностью проследить за лейтенантом Думитреску... Около половины десятого я видел их обоих выходящими вместе из столовой.

Как-то, возвращаясь домой после полуночи, я вошел во двор через ворота, а не с заднего хода, через виноградник. Во дворе у двери меня ждал ординарец.

— Господин капитан, в винограднике, около черешни, вас дожидается господин лейтенант Гюрицан. Он сказал мне, что обязательно должен переговорить с вами. Он здесь уже около четверти часа.

— Его кто-нибудь видел?

— Ночью-то? И днем никто не увидел бы, он ведь через виноградник пришел, а сейчас — какое там видел?!

Я обогнул дом и направился к черешне, у которой мы уже и раньше встречались с Гюрицаном. Он ждал меня, растянувшись на траве под деревом.

— Что случилось, Гюрицан?

— Я обнаружил место, где встречаются заговорщики.

— Что ты говоришь?! — дрожащим от волнения голосом спросил я. — Ну расскажи, как тебе это удалось? Только не спеши, со всеми подробностями.

— Вы, наверное, видели, я вышел из столовой вместе с Думитреску. Я спросил, что он собирается делать вечером. Он мне ответил, что ляжет спать, мол, сильно устал. Нам было по пути, и мы пошли вместе. По дороге говорили о всяких пустяках. Перед его домом мы распрощались, и я пошел дальше. Случайно обернувшись, я увидел, как Думитреску входит в дом.

Я прошел еще немного и, убедившись, что меня никто не видит, нырнул в виноградник за его домом и спрятался за изгородью как раз напротив дома. Через полчаса я увидел Думитреску выходящим из дома в гражданском. Как

только ординарец закрыл за ним дверь, он завернул за угол дома и скрылся в винограднике. Прямо у плетня, за которым я прятался, проходит дорога. Я побежал по винограднику, пересек дорогу и перепрыгнул через ограду. Так я очутился в винограднике Раду Бруме. Остановился, чтобы перевести дух, и осмотрелся.

Я был уверен, что из-за предосторожности Думитреску будет идти медленнее, чем я, так что, хотя я и сделал крюк, он не может оказаться здесь раньше. Пройти же он мог или через виноградник за домом, где квартировал капитан Арборе, или через виноградник за домом, где жил Бруме. Я направился к месту, откуда мог держать под наблюдением оба возможных пути. Пройдя метров тридцать по винограднику Бруме, я скорее почувствовал, чем услышал, чьи-то шаги и притаился. В нескольких метрах от меня оказался Думитреску. Он прошел немного вперед, потом повернул наискосок, к дому Раду Бруме. Приблизившись к дому, он скрылся за стеной какого-то сарая.

Я подумал, что дальше мне идти рискованно, и выбрал удобное место, чтобы понаблюдать за этим сараем. В течение получаса словно бы из-под земли появились еще шесть теней, которые так же таинственно скрылись в сарае. Часа через два первым из сарая вышел Думитреску. Я едва успел скрыться и не мог разглядеть остальных... Что скажете? Не думаете ли, что эта семерка входит в состав группы, о которой здесь идет столько разговоров?

— Ничего не могу сказать, — ответил я уклончиво. — В любом случае этот след надо проверить.

Значит, теперь лейтенант Думитреску лгал, утверждая, что это он выкрал документы. В тот вечер он был совсем в другом месте. Но если не он, то кто же выкрал документы, кто передал их ему? Его отказ рассказать, как он действовал, путал мне все карты. Вопросы оставались без ответов.

Было ясно, что лейтенант Думитреску действовал не один и не по собственной инициативе. С какой целью? Это ясно: спасти полковника Гречану.

— Что скажете, Волбура? — прервал ход моих мыслей генерал.

— Думаю, господин генерал, что при любом варианте господин полковник Гречану не виновен.

— Не понимаю, — удивился генерал. — О каких вариантах вы говорите?

— Хочу сказать, какие бы новые версии ни выдвигались, неоспоримым остается одно: полковник Гречану к делу не причастен.

— Это ясно, что тут обсуждать. Не так ли, господин полковник? — обратился генерал к начальнику штаба.

— Да, в этом вопросе все ясно, — ответил тот. — Капитан Волбура оказался более проницательным. Что ж... Профессионал!

* * *

Допрос лейтенанта Думитреску продолжался до утра. Как мы ни старались, больше ничего добиться от него не могли. Он настаивал на том, что документы похитил он, что ему не повезло и его застал полковник Гречану и поэтому пришлось обезвредить его. Никаких сообщников, кроме солдата Георге Нягу, у него не было. Чемоданчик с похищенной папкой он должен был поместить на Северном вокзале в Бухаресте в камеру ручного багажа. Квитанцию следовало переслать до востребования на главный почтамт на имя Иона Ионеску, которого он не знает. Думитреску отказался сообщить, на кого он работал, упорно твердя, что это его личное дело.

— А с остальными документами как вы поступили? — спросил полковник Рэдулеску.

— Я их передал.

— Кому?

— Не знаю, как вам сказать. В ту же ночь, в бухарестском поезде, проходящем через станцию Космешти, в двенадцать сорок пять я передал их гражданину, который соответствовал данным мне приметам и который знал пароль.

— Кто вам сообщил приметы и пароль?

— Я отказываюсь отвечать на этот вопрос.

Гюнтер сидел в стороне, на этот раз просто в качестве зрителя, и нервно кусал губы.

— В ваших интересах все рассказать, — настаивал полковник Рэдулеску.

— Я буду говорить только в высших инстанциях и тогда докажу, что действовал в интересах страны.

Гюнтер и Гренер обменялись взглядами, выражавшими удивление и озабоченность.

— Не понимаю, — продолжал Рэдулеску. — Почему там, а не здесь, и какие доказательства имеете вы в виду?

— Поймете, господин полковник, когда узнаете правду.

— Какую правду? Поясните, пожалуйста.

— Я больше ничего не скажу.

— Мы будем вынуждены передать дело в военный трибунал.

— Это ваше право, — спокойно, с достоинством ответил Думитреску.

Он также не признал свою принадлежность к группе Пэлтиниша, в существование которой не верил. Он утверждал, что эта группа — выдумка тех, кто хочет оправдать свою некомпетентность, кто целыми днями только и занимается поисками того, чего нет в действительности. «Фактически, — сказал он, — поиски Пэлтиниша — это официальное оправдание бесцельных прогулок».

Думитреску все время говорил спокойно, оставаясь уверенным в себе, будто принимал участие в обыкновенной беседе, а не в расследовании, которое, если не случится ничего непредвиденного, неизбежно закончится для него суровым наказанием. Было очевидно, что он многое скрывает.

Меня мучил вопрос: что он имел в виду, говоря, что действует в интересах страны? Услышав это, Гюнтер и Грепер, многозначительные взгляды которых я перехватил, заволновались. Уж не имеет ли это какое-то отношение к ним? Может, Думитреску или те, с кем он работал, завладели секретными документами немцев, имеющими значение и для нас? Или его заявление не более чем поза? Нет, мне так не казалось. Было бы очень важно узнать, о чем идет речь, но Думитреску отказывался давать какие-либо показания.

Видя, что от Думитреску больше ничего невозможно добиться, генерал прервал допрос, поручив продолжать его Арборе. Пока было ясно одно: Думитреску все брал на себя.

Утром, выходя из штаба, я повстречался с Катинкой.

— Что опять случилось? — спросила она встревоженно. — Мне сказали, что я должна срочно прийти...

— Хорошие вести, Катинка. Твой отец — честный и преданный офицер. Выяснилось, кто похитил документы.

— Правда? Значит, отец... свободен? А кто же выкрал те документы, в пропаже которых обвинили отца?

— Лейтенант Думитреску. Капитан Арборе задержал его.

— Боже! — простонала Катинка. — За какие грехи мне приходится расплачиваться?

Я понял, что Катинка ничего не знала о поступке лейтенанта Думитреску. Значит, он действовал не по ее побуждению, а по собственной инициативе. Я проникся еще большим уважением к лейтенанту.

Арборе и Станислэу несколько дней допрашивали лейтенанта Думитреску, но, кажется, им так ничего и не удалось от него добиться. Специальная машина была послана в Бухарест с чемоданом, в котором были найдены документы; на этот раз без документов чемодан был сдан в камеру ручного багажа на Северном вокзале. У офицера, которому было поручено это задание, был конверт, адресованный Иону Ионеску, до востребования на главпочтамте. Адрес был написан рукой Думитреску.

В конверт была вложена квитанция, полученная при сдаче багажа. Второй отдел генштаба был уведомлен о необходимости проследить за получателем конверта с квитанцией. Но несмотря на все предосторожности, конверт так и остался лежать в ожидании адресата на главпочтамте, а чемодан — на Северном вокзале.

Я не принимал участия в допросах Думитреску и продолжал вести расследование самостоятельно.

Согласно информации, полученной от Гюрицана, одной из явок группы Пэлтиниша был старый сарай в винограднике Раду Бруме. Я принял меры, чтобы это место находилось под наблюдением каждый вечер. Мы, то есть я, лейтенант Гюрицан и еще один мой добровольный помощник, солдат Мындрою, дежурили по очереди.

Прошло пять дней, но ни одной встречи не состоялось. На шестой день была моя очередь дежурить. В этот вечер я не пошел в столовую, а направился бродить по виноградникам. Ночь была великолепной. Я дошел до развилки и пошел к лесу. Метров через десять я огляделся, чтобы убедиться, за мной никто не следит, перепрыгнул через ограду в виноградник. По хорошо знакомой мне дороге я отправился к старой ветвистой груше, росшей метрах в двадцати за домом Раду Бруме. От груши до сарая проходила межа, по которой во время уборки проезжали повозки. Я вскарабкался на дерево и стал ждать.

Приблизительно через час я различил голоса. Двое, говорившие шепотом, приближались к моей засаде. Через несколько минут ночные гости подошли и остановились под грушей. Я прильнул к толстой ветке и, протяни я руку, мог достать до каждого. Каково же было мое изумление, когда я их узнал! Они старались говорить как можно тише, но я прекрасно слышал все.

— Отсюда хорошо видна стена сарая. Так светло, что даже не надо подходить ближе. Скоро вы всех увидите. Они входят и выходят, отодвигая доску в стене со стороны вино-

градника, — говорил лейтенант Станислэу капитану Гюнтеру.

— Ты уверен, что они уже там?

— Господин капитан, можете мне верить. Я выследил сержанта, о котором вам говорил. Он пробирался к сараю. Если бы я не боялся, что меня обнаружат и тогда я упущу след, я бы остался посмотреть, что будет дальше. Для начала хватит того, что мне удалось узнать. Я стал обрабатывать сержанта, старался приблизить его к себе, казаться его единомышленником. Он легко попался на удочку. Сегодня я подумал, что между нами установились такие отношения, которые позволяют доверить ему некоторые мои тайны. Я сказал ему, что готов сделать многое, но один в поле не воин, а других, которые тоже готовы действовать, я не знаю. У него глаза так и заблестели. Хорошо, сказал он, получилось, что именно сегодня мы разговорились, вечером он кое с кем встретится и завтра сообщит мне. Значит, без всякого сомнения, сегодня вечером у них назначена встреча. Где? Почти наверняка там, где я его оставил, то есть в сарае. Логично?

— Вполне, — отозвался Гюнтер. — Тебе пришла в голову отличная мысль: сержант, проводивший смену караула в ночь, когда были похищены документы, должен был иметь связь с Пэлтинишем.

У меня перехватило дыхание. Значит, не я один шел по этому следу, как не только я один выследил и место встречи заговорщиков.

— А теперь мне пора, — сказал Станислэу, — я и так сильно задержался.

— Куда ты пойдешь?

— Мне надо провести проверку в казармах. Отлично получилось, что именно сегодня я дежурю!

Станислэу ушел, Гюнтер остался под деревом. Я был рад, что выяснил наконец, кто информирует немцев. Но тут же радость уступила место озабоченности: Гюнтер ни в коем случае не должен знать членов группы Пэлтиниша.

Надо что-то предпринять!

Раздумывать было некогда. Я прикинул расстояние до Гюнтера. Если вытянуть руку, я наверняка достану до его головы.

Отправляясь на «прогулки» по делам службы, я всегда клал в верхний карман френча пистолет, чтобы в случае необходимости иметь возможность защищаться или даже нападать.

Я решил, что если буду действовать очень осторожно, то достану пистолет из кармана так, чтобы шуршание одежды

не привлекло внимание Гюнтера. Я уже приступил к осуществлению своего замысла, когда Гюнтер, будто подталкиваемый враждебными мне духами, опустился на траву.

Мой план теперь не годился. Я мог достать Гюнтера, только спрыгнув с дерева, но в этом случае, как бы ни были быстры и ловки мои действия, Гюнтер все равно успел бы узнать меня. А это было не в моих интересах.

Мне не оставалось ничего другого, как запастись терпением и ждать. Гюнтер мне не был опасен. И тут я понял, что ему, чтобы наблюдать за сараем, надо будет обязательно подняться, тут-то я и начну действовать...

Итак, я ждал, наблюдая за сараем и за Гюнтером. И тут я даже вздрогнул: у сарая словно из-под земли появилась тень и сразу исчезла.

Но почему же Гюнтер не пошевелился? Уж не заснул ли? Только этого мне не хватало... Неподалеку от нас по меже кто-то пробирался. Если бы этот человек не изменил направление, он попал бы прямо в руки Гюнтера. К счастью, незнакомец свернул с межи и пошел наискосок, между кустов винограда. Как только он скрылся из виду, Гюнтер поднялся. Я примерился и изо всей силы ударил его рукояткой пистолета по голове. Гюнтер без звука рухнул на землю. Я подождал несколько секунд, чтобы проверить, не придет ли он в себя. «Не перестараться бы, а то заварится новая каша», — подумал я и спрыгнул с дерева.

Я взял Гюнтера за руку. Пульс был, хотя и слабый. Усадив Гюнтера поудобнее спиной к стволу груши — ведь он был мне еще нужен, — я вышел на межу. Отойдя шагов на тридцать и обеспечив тем самым себе почетное стратегическое отступление на случай, если Гюнтер очухается или поблизости окажется Станислэу, я достал пистолет и выстрелил пять раз: два раза, потом еще три раза подряд. Я был уверен, что направлявшиеся на встречу примут выстрелы в ночи совсем неподалеку от места встречи как предупреждение об опасности.

Домой я добрался очень поздно и проник во двор, как обычно после таких «прогулок», со стороны виноградника, уверенный, что меня никто не видел.

На следующий день утром я встретил Гюнтера в столовой и изобразил удивление и сочувствие, увидев его голову забинтованной. Я направился прямо к нему, чтобы разузнать, что случилось.

— Господин капитан, что с вами?

Гюнтер деланно рассмеялся и ответил вымученной шуткой:

— Отправился ночью за «свидание», а вместо нее пришел он.

— Надеюсь, ничего серьезного!

— О нет! Небольшая царапина. Кожа лопнула, видимо, мыслям тесно.

Я оценил его способность в таком плачевном состоянии еще и шутить. Однако он вовсе не был намерен поделиться со мной своими открытиями или сведениями, которые получил, и тем самым помочь мне в расследовании.

В тот день никаких особенных событий не произошло, разве что началось дознание, кто стрелял среди ночи, потому что стрельба в зоне была запрещена. Значит, действия Гюнтера прошлой ночью были его личной инициативой.

Я же был доволен не столько тем, что Гюнтер вполне здоров, сколько своим открытием, что осведомителем немцев является лейтенант Станислэу. Эта информация была для меня очень важной, так как давала возможность сделать новые ходы на шахматной доске разворачивающихся событий.

С того дня я постоянно держал Станислэу под наблюдением. А поскольку самым удобным способом наблюдать за лейтенантом — это я усвоил от Катинки, которая, как я стал догадываться, откровенно пользовалась этим способом, — было сближение с ним, то я предложил Станислэу свою дружбу. Лейтенант был в восторге.

* * *

После обеда я почувствовал себя очень уставшим и отправился домой отдохнуть. Выходя из столовой, я заметил лейтенанта Станислэу, который тоже уже пообедал.

— Если не возражаете, — остановил я его, — пройдемтесь вместе. Я иду домой, а мы ведь соседи.

— С удовольствием. Действительно, мы — соседи.

Дойдя до дому, мы тепло распрощались, но перед тем я спросил, что он думает делать вечером.

— Сегодня я свободен, — ответил он.

То, что Станислэу жил в соседнем доме, было удобно для наблюдения, но в то же время и создавало определенные помехи, поскольку он был осведомителем и мог в свою очередь следить за мной. Если учесть, что он знал, кто я такой, тогда как я до вчерашнего дня даже не подозревал о том, что он осведомитель, то преимущество до сих пор было на его стороне. Я проанализировал некоторые свои действия,

которые могли быть расшифрованы Гюнтером, если бы он знал о них. А это было не исключено.

Однако из осторожности я всегда уходил из дома скрытно, с тыльной стороны. Этого Станислэу не мог наблюдать. Так же я поступал, возвращаясь со своих служебных «прогулок». И все же, я припомнил, раз или два я входил с улицы, поскольку задняя дверь была заперта.

Станислэу мог покинуть дом только через ворота, поскольку виноградник за его домом, впрочем совсем небольшой, выходил на центральную дорогу, а другого пути у лейтенанта не было. Мне нужно было найти человека, который наблюдал бы за Станислэу в мое отсутствие или пока я отдыхаю. Помощника я нашел в моем ординарце. Хотя я знал его недавно, я понял, что могу доверять ему. И он — это я должен признать — полностью оправдал мое доверие. Не пускаясь в объяснения, я спросил, не может ли он, сидя на скамейке перед домом или у ворот, понаблюдать, когда уходит и когда возвращается мой сосед и кто посещает его. Я предупредил его, что лучше не рассказывать другим о поручении, которое я ему дал, и быть настороже, если кто-то захочет у него что-нибудь выведать. Он был готов помочь мне.

Ординарец разбудил меня около половины шестого, чтобы сообщить, что к господину лейтенанту пришел какой-то офицер-немец. Я вскочил с постели и, пока одевался, все время поглядывал в окно, чтобы не пропустить гостя Станислэу, если тот выйдет. Я был почти уверен, что это Гюнтер, но хотел убедиться. Менее чем через десять минут я был готов. У меня созрел план действий на вторую половину дня.

Немецкий офицер — это действительно был Гюнтер — через четверть часа вышел из дома вместе со Станислэу. Я хотел проследить за ними и таким образом выяснить их намерения. Если они направятся к Раду Бруме, значит, они решили, не откладывая, провести операцию по ликвидации группы и задержанию самого Пэлтиниша. Если они к Бруме не пойдут, значит, попытаются осуществить внедрение Станислэу в группу через сержанта. Не исключался и третий вариант — скрытное, вероятно ночное, выявление на месте членов группы. Эти размышления заставили меня отказаться от преследования и направиться к Раду Бруме.

В доме Бруме была суматоха: он готовился к отъезду в Бухарест.

— Надо решить все дела с хозяином, ведь скоро уборка винограда, — пояснил он мне. — Я давно собирался поехать,

да все откладывал. Не хотелось лишать себя вашей компании!

Он засмеялся как-то нервно и неестественно, и я понял, что он чем-то обеспокоен.

— Вы кому-нибудь говорили о вашем отъезде? — спросил я.

— Нет, никому не говорил. И вас прошу никому не говорить, что я уезжаю. Знаете, здесь много солдат, мать остается одна. Мало ли, вдруг кому-то придет в голову мысль наведаться в наш погреб. Пока я здесь, никто, конечно, не осмелится...

— О чем речь! Если не хотите, я никому не скажу.

— Спасибо.

Я собрался уже уходить, но Раду задержал меня:

— Мой поезд только вечером, в половине двенадцатого. Буду рад, если вы останетесь.

— Да у вас, наверное, дела?

— Какие дела? Все, что нужно в дорогу, я собрал.

Его старенькая мать подала нам отличное красное вино и закуску. Солнце медленно клонилось к горизонту. Вдруг мне пришла в голову идея.

— Вы уезжаете, а у меня все не было случая посмотреть на ваше хозяйство. Я никогда не видел, как выглядит хозяйство жителя этого богатого виноградом края.

— Хотите посмотреть прямо сейчас?

— Если вы не торопитесь.

— Времени у нас хватит.

Он показал мне подвал, винный погреб. Мы не побывали только в сарае.

— А что у вас там? — спросил я запросто.

Он посмотрел мне в глаза чуть настороженно, потом ответил:

— Сарай. Там мы держим инструмент, пустые бочки и разную мелочь. Осенью там находятся бочки с молодым вином, пока оно не перебродит.

Он отыскал в связке нужный ключ и открыл сарай.

Хотя в сарае было лишь несколько маленьких, покрытых пылью окошек вверху, почти под крышей, все же света хватало. Пауки здесь поработали на славу. По всему было видно, что помещение редко посещается и в него давно никто не входил. Я медленно и внимательно, как человек, движимый любопытством, прошелся по сараю.

— Давно построен? — спросил я.

— Да, — ответил Бруме. — Нынешний хозяин унаследовал его в таком виде.

— Думаете, вещи здесь хранятся надежно?
— А кому они нужны?
— А вдруг кому-то понадобятся?
— Дверь всегда на замке.
— Но доски можно легко оторвать.

Чтобы проверить свое предположение, я направился к стене, которая была со стороны виноградника, и попробовал несколько досок в том месте, где, как я догадывался, был ход. Но ни одна из досок не подалась: все были крепко прибиты гвоздями.

— Думаете, это так просто? — спросил он с усмешкой.

Я сделал вид, что не заметил иронии, довольный, что вход ликвидирован.

Мы вернулись в дом. Будто случайно взглянув на мой пистолет, который был в кобуре на ремне, он спросил:

— Всегда ходите с оружием?
— Да. Профессиональная привычка.
— А у вас какой пистолет? Можно посмотреть? Я плохо знаю марки пистолетов, а таких даже и не видел.

Я достал пистолет из кобуры и протянул ему.

Он оглядел его со всех сторон, потом уверенно извлек обойму и внимательно осмотрел ее.

«Неужели Раду Бруме догадывается, что именно я сделал те пять предупредительных выстрелов? — подумал я.— Если он хотел это проверить, у него ничего не выйдет. Первое, что я сделал, придя домой прошлой ночью, это пополнил обойму».

— Кстати, господин капитан, — заговорил он, продолжая разглядывать оружие, — выяснили, кто упражнялся в стрельбе прошлой ночью?

— А разве стреляли? — притворился я удивленным.
— Да. Я только стал засыпать, а тут выстрелы где-то поблизости.
— Перепугались? — улыбнулся я.
— Не так перепугался, как заработал бессонницу...

Около половины девятого я поднялся из-за стола.

— Когда возвращаетесь? — спросил я перед уходом.
— Точно не знаю. Человек знает только, когда он уезжает... и то лишь после того, как уедет.
— Это верно!
— Не забудьте, о чем я вас просил.
— Не говорить никому о вашем отъезде? Не беспокойтесь, Раду.
— Спасибо.

Я направился в столовую. Душа у меня ликовала — Гюнтер снова зашел в тупик. Каким бы хитрым он ни был, другие хитрее, а главное, осторожнее его.

В столовой горячо обсуждали исчезновение из батальона одного из сержантов. Прошлой ночью он ушел из дома (так заявил хозяин) и больше не вернулся. Напрасно его искали, наводили справки. Как в воду канул! От хозяина узнали также, что и до этого он не раз уходил вечером, а возвращался только утром.

— Наверное, приглянулась ему какая-нибудь деваха из наших, — заключил хозяин, старый разговорчивый человек, — он ведь парень молодой и лицом недурен.

Гюнтер нервничал и суетился.

Я спрашивал себя, что это он так волнуется из-за румынского сержанта? Мне трудно было бы найти ответ на этот вопрос, если бы в тот вечер я случайно не услышал обрывок разговора между Гюнтером и Стэнислэу возле столовой.

— Ты уверен, что этот сержант — твой человек?

— Конечно. Это он должен был свести меня с заговорщиками.

— Может, у него возникли подозрения?

Станислэу не успел ответить. Из столовой кто-то вышел и направился к ним. Они резко оборвали разговор и разошлись.

Итак, Гюнтер не мог опередить меня. По всему было видно, что он знал меньше, чем я, и вряд ли сумел бы установить раньше меня, кто скрывается под псевдонимом «Полтиниш».

* * *

После шестнадцатого августа, когда исчез сержант, обстановка в штабе все больше накалялась.

Капитан Арборе не появлялся в столовой. Он был так занят, что Кулай приносил ему еду на дом. Да и еда из столовой вроде перестала ему нравиться. Это я узнал от своего ординарца, несколько раз встретившего Кулая, который ходил по дворам и спрашивал яиц, брынзы, молока, потому что господину капитану надоело кормиться в столовой. «Ей-богу, — говорил он, — только зря теряю время, принося обеды из столовой». «Тогда не ходи туда!» — советовал ему мой практичный ординарец. «А вдруг будет что-нибудь вкусненькое?»

Как-то вечером я сам увидел Кулая, покупавшего в городе хлеб.

— Господину капитану, — сказал он, когда мы поздоровались. Уж очень ему нравится хлеб из этой булочной.

Видимо, здоровье капитана Арборе ухудшилось, а нервозное состояние, связанное с безрезультатностью расследования дела лейтенанта Думитреску, повлияло помимо прочего и на его аппетит. «Что-то уж очень разборчивым он стал в еде», — думал я не без издевки.

Девятнадцатого августа Катинка неожиданно уехала в Бухарест. Она как будто получила телеграмму: тетя сообщала, что болеет и хочет ее видеть. Вернулась она двадцать второго.

Исчезнувший сержант до сих пор не появился и был объявлен дезертиром.

Капитан Арборе не сумел добиться от лейтенанта Думитреску ничего нового, и это выводило из себя Гюнтера, который просто взбесился. С тех пор как исчез сержант, он упустил последнюю ниточку, которая могла помочь ему раскрыть «банду» Пэлтиниша.

Вечер я посвятил Катинке, которая в этот день вернулась из Бухареста. Я поставил себе цель проследить за каждым ее шагом.

Раз Катинка вернулась из Бухареста, она должна будет с кем-то встретиться. Но когда, где и с кем? Я решил занять наблюдательный пост в винограднике, принадлежащем хозяину, у которого квартировал полковник Гречану. Из своего укрытия я мог увидеть Катинку, куда бы она ни пошла.

Катинка вышла из дома в сумерки вместе с отцом. Они направились в город. Я следил за ними, пробираясь вдоль ограды, потом, убедившись, что, по крайней мере пока, ни о какой тайной встрече речи быть не может, я пересек виноградник напрямик и вышел им навстречу. Поздоровавшись, спросил, куда они направляются. Они шли в столовую.

— Отлично! — обрадовался я. — Я тоже собирался поужинать. Если позволите, я буду вас сопровождать.

— С удовольствием, капитан, — любезно ответил полковник Гречану. — Мы как раз говорили с Катинкой о том, что стало неспокойно, — продолжал он. — Я пытался ее убедить, что ей лучше уехать в Бухарест. Здесь происходят какие-то странные вещи, и это меня тревожит.

— Не настаивай, отец, — прервала его Катинка. — Я тебя не оставлю, тем более теперь.

— Почему теперь? — спросил Гречану.

— Потому что здесь происходят, как ты говоришь, странные вещи.

— Как хочешь, дорогая. Я все же думаю...

— Папа! Тебе придется потерпеть, пока я не перестану беспокоиться о твоем здоровье, а тогда посмотрим.

— Чем тебе не нравится мое здоровье? Слава богу, я здоров как бык... Скажите, капитан, видели ли вы когда-нибудь полковника, которого терроризирует девчонка?..

— Так! — попыталась она прибегнуть к спасительному кокетству, хотя ей, я в этом был уверен, сейчас было вовсе не до кокетства. — Скажи еще господину капитану, сколько мне лет!

Между тем мы дошли до столовой. Гречану с дочерью быстро поужинали и, как по сигналу, поднялись из-за стола.

— Уходите? — спросил я.

— Я очень устала! Я ведь только приехала, а за весь день не было ни минутки, чтобы отдохнуть, — ответила Катинка.

Я опять прицепился к ним и проводил до дома. По дороге мы ни о чем серьезном не говорили и быстро распрощались. Я отправился к себе. Однако, пройдя несколько десятков метров, я вернулся, схоронился в винограднике и стал наблюдать за их домом.

Я прождал почти два часа и хотел уже уйти, когда увидел выходящую из дома Катинку. Несколько секунд она стояла, всматриваясь в темноту, потом направилась, огибая дом, в виноградник. Она прошла буквально в двух шагах от меня. Сердце у меня колотилось: одно из моих предположений подтверждалось. Я следил за ней на расстоянии. Мне всегда нравилось слушать ночную симфонию сверчков, но никогда я не был им так признателен, как в тот вечер: они своим стрекотанием сильно приглушали шорох моих шагов.

Катинка, дойдя до изгороди, перебралась в соседний виноградник. У меня создалось впечатление, что она не раз ходила этим путем.

Я продолжал следить за ней, затаив дыхание. Минут через пять мне показалось, что я слышу шаги. Я весь обратился в слух. Через несколько секунд какой-то мужчина перепрыгнул через плетень в виноградник. Он был в одной рубашке, без пиджака, на голове старая, потерявшая форму шляпа. По мере того как я прислушивался к их разговору, во мне крепло убеждение, что я уже слышал этот голос.

Они говорили шепотом, и я не все понимал из их разговора, но того, что я разобрал, было достаточно, чтобы укрепиться в своих прежних выводах.

— Ты ему сказал? — спросила Катинка.

— Да. Он был очень обрадован.

— А о другом?

— Конечно. Он улыбнулся и просил передать, чтобы ты потерпела немного.

— У меня уже нет сил! Просто недопустимо, чтобы эта бестия Арборе остался безнаказанным.

— Ну, не надо так!

— Я не могу поверить, чтобы Пэлтиниш, которого я обожаю...

— Когда ты с ним, познакомишься, ты, возможно, изменишь свое мнение. Одно могу тебе сказать точно: он очень тебя ценит.

— Как? Он меня знает?

— Конечно. Но ему приходится...

Последние слова заглушил скрип повозки. Мимо проезжал крестьянин, задержавшийся по каким-то делам или отправлявшийся в ночь на работу в поле.

Когда повозка проехала, было уже поздно. Встреча закончилась. Мужчина исчез за изгородью. Катинка постояла несколько секунд и направилась к дому. Я не стал больше следить за ней: все, что хотел, я установил теперь точно. Во-первых, Катинка привезла из Бухареста послание для Пэлтиниша, очень его обрадовавшее. Во-вторых, Катинка была связной между Пэлтинишем и центральной организацией в Бухаресте. Подтвердились и мои предположения о тесной связи между поездками Катинки в Бухарест и происходящими здесь событиями.

Я узнал также, что Катинка не знает Пэлтиниша и что посредником между ними был крестьянин, с которым она только что встретилась. Из разговора было также ясно, что кто-то, возможно даже сама Катинка, потребовал наказать капитана Арборе и что Пэлтиниш советовал подождать. При этом Пэлтиниш, как было сказано, улыбнулся, и я подумал, что, вероятно, он сам готовил что-то против Арборе, но считал данный момент неподходящим.

Больше всего меня заинтересовало доставленное Катинкой из Бухареста послание. Что оно могло содержать? Касалось оно подготовки новых актов саботажа вроде взрыва склада боеприпасов в Мэрэшешти или содержало подтверждение в получении секретных документов, похищенных из штаба?

Передав послание, Катинка на время выходила из игры, а дело должны были продолжать люди Пэлтиниша.

Меня очень забавляло, что даже не все члены группы знали, кто такой Пэлтиниш. Что ж, отличная конспирация.

Вдруг я вспомнил голос мужчины, встретившегося с Катинкой. Я был уверен, что слышал этот голос раньше. Но кому он принадлежит? Меня стало раздражать, что я никак не могу вспомнить. Я попробовал переключиться, думать о другом.

И вдруг меня осенило! Я остановился как вкопанный. Это его голос! Значит, крестьянин был... мой знакомый. Конечно, он не Пэлтиниш, но наверняка один из членов группы. Как я сразу не догадался? Этот крестьянин должен был мне сразу напомнить человека, которого я как-то случайно встретил беседовавшим с тем, кто расправился с Крабе. Постой, постой! Неужели к смерти Крабе причастен и этот крестьянин, обычно носивший военную форму?

Я подождал, пока оба конспиратора удалились на достаточное расстояние, и направился вдоль изгороди в противоположном направлении. Мысли роем кружились в моей голове.

Теперь все стало ясно: Катинка участвует в подпольном движении и является связной. И все же...

Навстречу мне кто-то шел. Я был слишком занят своими мыслями, чтобы вовремя заметить его и избежать встречи. Теперь было поздно — нас разделяли всего несколько шагов. В руках у приближавшегося человека было ружье, которое он держал так, как держит ружье охотник во время охоты. Думаю, я узнал его раньше, чем он меня. Мы поравнялись.

— Какие дела привели вас сюда, господин капитан, в такой час? — спросил он.

«Неужели эта встреча — случайность?» — подумал я, а вслух ответил:

— Да какие дела? Прогуливаюсь...

— Ну, прогуливаться по дороге — я понимаю, но по виноградникам?..

— Откуда ты взял, что я бродил по виноградникам? — спросил я в свою очередь, и моя рука потянулась к карману, где у меня был пистолет.

— Хм, это и ребенку понятно, а меня, Костику Гафтона, в таких делах трудно провести. Посмотрите, у вас за пуговицу зацепился отросток. Сразу видно, что вы пробирались между кустами винограда.

Мне было досадно на самого себя. Действительно, на груди у меня болтался отросток виноградной лозы.

— Желаю приятной прогулки, господин капитан!

— Спасибо!

— Будьте внимательны. В такую пору шастают лешие, господин капитан. Побеспокоите кого-нибудь из них, тогда

вам несдобровать. Они шутить не любят, тут же с собой заберут.

— Надеюсь, я не нарушил их покой? — попробовал я отшутиться.

— Кто знает, что человеку на роду написано? — ответил он мне вопросом и зашагал дальше.

Часа в три утра я проснулся от ощущения, что под моим окном кто-то разговаривает. Сначала я подумал, что мне это приснилось, но вдруг услышал легкий стук в окно. Я протер глаза. В первый момент я не различил, кто за окном, но потом узнал своего ординарца и подполковника Брохацку. Я вскочил с постели и открыл окно.

— Господин подполковник хочет поговорить с вами, господин капитан.

— Доброе утро, Иоганн! — поздоровался он со мной. Так он не обращался ко мне со времени нашего разговора на квартире Раду Бруме. — Прошу прощения, что разбудил, но нам нужно обязательно поговорить сейчас же.

Брохацка попытался улыбнуться, но улыбка у него не получилась. Под глазами темные круги, взгляд беспокойный, глубокие складки залегли у рта...

— Заходите в дом, — пригласил я его. — Проводи господина подполковника, — обратился я к ординарцу.

Когда он вошел, я извинился за беспорядок:

— Тут у меня все разбросано, но я спал и...

— Ах, оставьте, Иоганн! Это не имеет никакого значения. — Он посмотрел на окно, которое осталось открытым: — Думаю, лучше закрыть.

— Вам холодно?

— Нет! Какое там холодно! Но лучше закрыть.

— Закрой окно, — сказал я ординарцу.

Ординарец закрыл окно и направился к двери.

— Я буду на улице, господин капитан. Если понадоблюсь, позовите.

— Хорошо.

Брохацка продолжал молчать и после того, как ординарец вышел из комнаты, так что пришлось начать разговор мне:

— Что же произошло, господин подполковник?

Он ответил не сразу.

— Я только что из своего кабинета, — решился он наконец. — Мы получили информацию и инструкции от командования. Мы обсуждали их с Гренером. Наше положение ката-

строфическое. Русские прорвали фронт, и мы предпринимаем отчаянные усилия, чтобы остановить их. А вы предпочитаете выжидать. Это и верно, мы проигрываем войну. Гренер, правда, другого мнения, но в данном случае это не имеет значения.

Я наблюдал за ним. Он говорил ровным голосом, но в лице его было напряжение — спокойствие давалось ему с большим трудом. Я спрашивал себя, зачем он пришел ко мне? Ведь не для того только, чтобы сказать, что Германия проигрывает войну.

— Война кончается, — как бы размышлял он вслух. — Я хотел, но не сумел умереть. Наступит мир, в котором я хочу, но не могу жить. Вот парадокс, Иоганн! Стремление умереть сделало из меня героя, а теперь, когда я хочу жить, героизм несет мне гибель.

— Ну, вероятно, это преувеличение... — попытался было вставить я.

— Подождите, Иоганн! Не говорите мне слов ободрения, в которые сами не верите. С вами разве не так? Вы ведь не тот человек, за которого себя выдаете. Я не сумел, да и не пытался особенно выяснить, чего ради вы здесь. Ясно, что ваша официальная миссия — только ширма, а настоящая задача... Однако я пришел сюда в такой час не затем, чтобы вести эти пустые разговоры.

— Я понял это сразу.

— В отличие от Гюнтера у меня нет на глазах шор. Я пришел сообщить вам следующее. Гренер и Гюнтер квалифицировали бы мой шаг как измену рейху и отдали бы меня в руки военно-полевого суда. Этот мой шаг — первое сознательное проявление смелости. Я впервые делаю то, что считаю правильным.

— Что же все-таки произошло, господин подполковник? — спросил я с искренней озабоченностью.

— Для меня ничего особенного. Гюнтеру и Гренеру то, что должно произойти, доставит большое удовлетворение. Вы же наверняка не хотите, чтобы это случилось.

— Чего именно?

— Арест Пэлтиниша.

Я попытался улыбнуться:

— Арест Пэлтиниша? Думаете, это так просто?

— Если бы это не началось задолго до вашего приезда, я бы считал, что вы и есть Пэлтиниш.

Я даже вздрогнул от неожиданности и горячо запротестовал:

— Но ведь это абсурд, господин подполковник!

— Да разве имеет значение, кто такой Пэлтиниш? Важно, что он есть и кое-кто из вас, в том числе и вы лично, не хочет, чтобы его взяли.

Он замолчал, ожидая подтверждения или опровержения, но, видя, что я молчу, продолжал:

— Так вот, Пэлтиниша арестуют сегодня вечером.

— Кто?

— Гюнтер!

— Гюнтер не имеет права арестовывать... — у меня чуть было не вырвалось «румынского офицера», но я вовремя спохватился, — кого бы то ни было!

— Знаю! И, к большому его сожалению, это знает и он сам. Но он попросил у Гренера разрешения разоблачить Пэлтиниша. Он мотивировал свою просьбу тем, что больше не верит никому из вас. После этого им займется румынское командование. А ему, как утверждает Гюнтер, ничего не останется, как передать Пэлтиниша в военный трибунал.

«Значит, — подумал я, — этот негодяй Гюнтер сумел все же напасть на след Пэлтиниша».

— Извините, что я спрашиваю вас об этом, но как Гюнтеру удалось выявить Пэлтиниша? Как и когда он должен быть задержан? Можете ли вы мне ответить?..

— Потому я и пришел к вам. Нынешней ночью в половине второго, когда мы с Гренером собрались домой, явился Гюнтер. Он до этого искал нас дома, был возбужден, прямо весь трясся от возбуждения. Оказывается, лейтенант Станислэу сообщил ему, что сегодня вечером Пэлтиниш должен встретиться с Катинкой Гречану в кабинете генерала Кантемира и они вдвоем попытаются склонить генерала перейти на их сторону.

Я оцепенел от изумления. В последние дни я не обращал внимания на Станислэу, считая, что после исчезновения сержанта, он вышел из игры. Катинка Гречану не знала Пэлтиниша. И потом, я не понимал смысла этого столь неожиданного нарушения конспирации.

— Как лейтенант Станислэу сумел разузнать все это?

— Представьте себе, мы тоже спросили Гюнтера об этом. Он нам сообщил, что около полуночи Станислэу находился в засаде в винограднике, услышал голоса. Говорившие приблизились к месту, где он притаился.

Один из них был одет по-крестьянски, второй казался больным, потому что говорил с трудом. «Тогда займись ты этим делом, — сказал тот, у которого, как видно, болело горло. — Передай Катинке, чтобы она завтра вечером обязательно была в столовой. Я буду ждать тебя там, где ждал в про-

шлый раз». — «Ясно! Как узнаю, что господин генерал направляется в штаб, тут же сообщу». — «А я попрошу Катинку, чтобы она была в кабинете генерала. До завтра!» — «Все будет сделано, товарищ Пэлтиниш», — сказал одетый крестьянином. «Ты что? Забыл приказ?» — набросился на него Пэлтиниш, оглядываясь по сторонам. «Да кто нас тут услышит?» — «Разве узнаешь, где притаился враг?!» — «Но ведь... с ними теперь покончено!» — «Не торопись!» — «Ты иди один,—сказал, как будто извиняясь, крестьянин. — А я подожду, проверю, не выследил ли нас кто». — «Не забудь, это обязательно нужно сделать завтра!» — «Не беспокойся!» Пэлтиниш ушел, а крестьянин ждал еще около четверти часа, но потом тоже исчез.

— А Станислэу? — спросил я.

— Он безумно обрадовался: наконец-то может разоблачить Пэлтиниша! Хотел проследить, кто он и где живет, но крестьянин помешал ему. Думаю, Станислэу просто перепугался. Вспомнил, наверное, о Крабе, который тоже вздумал шпионить за Пэлтинишем. Потом, видно, решил, что гораздо эффектнее схватить Пэлтиниша в кабинете Кантемира. Когда крестьянин ушел, Станислэу покинул свое укрытие и пришел прямо к Гюнтеру. У него не хватило терпения дождаться утра.

Брохацка замолчал. Молчал и я. Значит, Гюнтер меня опередил. Вдруг я подумал, что, если Катинка активно участвует в заговоре, это небезопасно для нее. Надо было действовать.

— Теперь вы знаете, что надо делать, Иоганн! — с пафосом заключил Брохацка. — Я ухожу... На душе у меня легко.

— Спасибо, господин подполковник. Вы оказали мне очень большую услугу.

— Знаю! Именно поэтому я уверен, что впервые поступил так, как должен был поступить. Впервые у меня хватило смелости на правое дело. Пусть я тем самым отрекаюсь от того, что называется честью немецкого офицера. Я долго был трусом, а сегодня загнал в угол свою трусость...

Он ушел, тепло попрощавшись со мной. Мой ординарец провел его через задний двор в виноградник.

Понятно, спать я уже не мог. Ходил по комнате, обдумывая, как мне следует действовать. В половине седьмого, будучи не в силах ждать дольше, я отправился в штаб. Зашел в столовую выпить чашечку кофе. В семь, когда я подходил к штабу, мне навстречу со двора вылетела машина. В ней были генерал Кантемир, он не успел даже надеть фуражку, и полковник Грепер. Они меня не заметили.

— Что случилось? — спросил я у часового.

— Я слышал, господин капитан, что застрелился господин подполковник Брохацка.

Я вошел в штаб, совершенно подавленный. Бедный Лучиус! Он не смог справиться с парадоксом: быть честным перед собой значило изменить рейху.

* * *

В тот день я не выходил из кабинета. Царила невероятная суматоха. Мы получили приказ покинуть город и передислоцироваться в другое место. В середине дня я на скорую руку пообедал. Генерал Кантемир приказал до трех часов дня закончить подготовку к эвакуации штабных материалов и имущества. До семи вечера нам было приказано собрать личные вещи, чтобы не задерживать погрузку в автомашины.

К трем часам я был уже готов. В шесть явился посыльный и передал, что меня вызывают в штаб. Через десять минут я был в штабе.

В коридоре встретил бледного, взволнованного полковника Рэдулеску и капитана Арборе, довольно спокойного. Из кабинета слышался голос полковника Гречану, говорившего с кем-то по телефону. У кабинета генерала Кантемира часовым вместо солдата стоял сержант с автоматом. Увидев меня, он отдал честь и сказал, что генерал приказал никого не впускать к нему. Я остался ожидать в приемной.

В половине седьмого я услышал грохот сапог по двору и подошел к окну. Прибыли два взвода солдат в полном снаряжении. У входных ворот к часовому присоединилась группа солдат под командованием сержанта, и тоже в полном снаряжении. Причины этих чрезвычайных мер мне не были известны. Вероятно, генерал узнал о событиях, которые должны произойти сегодня вечером, и распорядился предупредить возможные действия группы, если ее руководитель будет раскрыт и арестован.

Без четверти семь прибыли полковник Гренер и капитан Гюнтер. Оценив ситуацию, полковник Гренер потребовал, чтобы генерал Кантемир принял его. Он был принят через десять минут. Позднее я узнал от генерала, что Гренер высказал недоумение по поводу принятых мер и с тревогой спрашивал, что случилось. Генерал успокоил его, ответив: «Ничего особенного не случилось, но фронт приближается, и я счел нужным принять определенные меры предосторож-

ности, чтобы не дать застать себя врасплох в случае возможных действий партизан. А кроме того, вся эта история о Пэлтинишем...»

Гренер был удовлетворен данным объяснением и успокоился.

После того как Гренер ушел, генерал вызвал меня.

— Дорогой Волбура, — сказал он, встревоженный, но в то же время довольный, — события развиваются стремительно. Вы должны быть в столовой и наблюдать... особенно за немецкими офицерами.

— Ясно, господин генерал. Разрешите задать вам один вопрос?

— Пожалуйста!

— Усиление охраны штаба связано с событиями, которых следует ждать сегодня вечером?

— Каких событий?

— Я имею в виду разоблачение Пэлтиниша... здесь, в вашем кабинете.

— Об этом я ничего не слышал. Усиливая охрану, я имел в виду совсем другое. А что вам известно о Пэлтинише?

Я рассказал все, что узнал от Брохацки, и поделился своими подозрениями. Генерал выслушал меня очень внимательно, потом сказал:

— Поступайте так, как сочтете необходимым...

— Есть, господин генерал! — козырнул я и вышел из кабинета.

В столовой я был около половины восьмого. Вскоре пришел генерал в сопровождении полковника Рэдулеску. Я оглядел зал, чтобы удостовериться, здесь ли Катинка. Она была здесь. В столовой царило невероятное оживление. Все говорили о быстром приближении фронта и о предстоящей эвакуации. Установленного в углу зала репродуктора почти не было слышно. Жаль! Передавали концерт, как было объявлено, выдающихся мастеров смычка — Григораша Динику, Сибичану и Петрикэ Моцоя. Музыка вдруг резко оборвалась. Через некоторое время раздался голос диктора: «Внимание! Внимание! Не отходите от радиоприемников! Через несколько минут будет передано важное сообщение!»

В зале все разом смолкли. Те, кто не расслышал объявления, шепотом спрашивали у соседей, что случилось или что должно случиться? Теперь уже в полной тишине вновь раздался голос диктора: «Внимание! Внимание! Не отходите от радиоприемников. Через несколько минут будет передано важное сообщение!»

Я готов был кричать от радости, я был почти убежден, что сообщение по радио может быть связано только с событиями, которых я так давно ждал.

Однако ситуация вокруг Пэлтинишa меня по-прежнему волновала. Я оглядел зал. Некоторые офицеры, в том числе и полковник Гречану, недоумевали. Полковник Рэдулеску переглянулся с генералом, опустил глаза и, казалось, был занят только куском мяса в своей тарелке. Арборе был бледен, но спокоен и, как мне казалось, очень доволен. Катинка явно нервничала, но не была испугана. Напротив, она была собранна и чувствовала себя уверенно. У Гренера лицо было мертвенно-бледным. Вот он-то уж был растерян. Гюнтера охватило нервное возбуждение. Он то и дело ощупывал кобуру пистолета, будто желая убедиться, что оружие на месте. Еще раз передали «Внимание!», а потом продолжили музыкальную передачу.

Полковник Гречану подошел к Катинке и спросил, не хочет ли она пойти домой. Катинка отказалась:

— Как я могу уйти сейчас? Я тоже хочу послушать.

Я-то знал, что Катинка не хотела уходить не только из-за сообщения.

Вдруг Станислэу поднялся из-за стола и быстрым шагом направился к Гюнтеру. Он нагнулся к нему и что-то шепнул. Гюнтер кивнул, как будто говоря: «Безусловно, разве может быть иначе?»

В девять двадцать генерал сказал что-то полковнику Рэдулеску, который сидел с ним за одним столом. Тот кивнул и поднялся. Генерал Кантемир тоже встал, и тут же к нему подошел полковник Гренер.

— Мы в штаб, — сказал ему генерал.

— Разрешите вас сопровождать? — спросил Гренер.

— Пожалуйста.

Гренер подал знак Гюнтеру следовать за ним. Проходя мимо стола, за которым сидел я, генерал сказал, что я тоже нужен в штабе. Выходя из столовой, я услышал, как полковник Рэдулеску объявил:

— По распоряжению господина генерала никому из офицеров не разрешается покидать столовую, пока не последует особый приказ.

* * *

Полковник Гренер и капитан Гюнтер прошли в свой кабинет. Полковник Рэдулеску отправился в кабинет полковника Гречану проверить выполнение последних распоряжений. Я сопровождал генерала.

— Волбура, — сказал он мне, — оставайтесь в коридоре и понаблюдайте, что будут делать эти... — Он кивнул в сторону Гренера и Гюнтера. Затем обратился к старшему сержанту, дежурившему у кабинета: — Вы поступаете в распоряжение капитана Волбуры. Исполняйте его приказания...

— Слушаюсь, господин генерал!

— Я включу радиоприемник, — продолжал генерал, — и оставлю дверь приоткрытой, чтобы и вы могли услышать сообщение, которое будет передано.

Девять часов пятьдесят минут. Я стоял у окна в коридоре. Через приоткрытую дверь я слышал, как диктор повторяет приглашение не отходить от радиоприемников. Тут я посмотрел в окно, откуда был виден вход в штаб, и увидел, что дежурный офицер сопровождает Катинку, хотя обычно она свободно могла зайти в штаб. На этот раз, очевидно, сержант, начальник караула, в соответствии с полученными распоряжениями остановил ее и вызвал дежурного офицера.

Приближался момент, когда мне надо было действовать. Я лихорадочно думал, как мне следует поступить. В коридоре появились полковник Рэдулеску и полковник Гречану и направились в кабинет генерала. Полковник Рэдулеску постучал в открытую дверь, прозвучало приглашение, и они вошли.

— Что случилось? — спросил генерал.

Ответа я не расслышал, потому что внимание мое привлекла появившаяся в конце коридора Катинка.

Она тоже направлялась к генералу. Увидев меня, она как будто заколебалась, посмотрела на меня с удивлением. Я не мог удержаться от улыбки. «Наверное, — подумал я, — она спрашивает себя, уж не я ли Пэлтиниш?» Она улыбнулась мне в ответ и решительно направилась в кабинет генерала. Уже взявшись за ручку двери, она вдруг заметила в кабинете полковника Рэдулеску. Отца она видеть не могла. Сбитая с толку, Катинка подалась назад, но было уже поздно, генерал увидел ее, поднялся навстречу и радушно пригласил ее войти:

— Пожалуйста, барышня, входите.

— Извините, я вижу, вы заняты. Я лучше приду попозже. Мне нужно поговорить с вами наедине.

Генерал не успел ей ничего ответить. Передаваемая по радио музыка резко оборвалась.

Я не слышал начала передачи, поскольку мое внимание переключилось на кабинет Гренера: там раздался телефонный звонок. Я мог различить лишь: «Алло... Да. Полковник

Гренер у телефона...» Потом или Гренер слушал или просто стал говорить тише.

Между тем по радио звучал гортанный голос короля: «В самый тяжелый час нашей истории я в полном согласии с моим народом пришел к заключению, что есть лишь один путь спасения страны от полной катастрофы — выход из союза с державами оси и немедленное прекращение войны с Объединенными Нациями».

Я даже не успел порадоваться только что услышанному, так как Гренер и Гюнтер вышли из кабинета и направились прямо ко мне.

Не зная, что делать, я взглянул на старшего сержанта. Он смотрел мне прямо в глаза, будто хотел сказать: я понял, я знаю, как действовать. Тогда я преградил немцам вход в кабинет генерала, но в самый последний момент, когда эти двое были передо мной, решил все же пропустить их. А через несколько минут я уже пожалел об этом своем решении.

— Мы хотим пройти к господину генералу, — обратился ко мне полковник Гренер, как будто угрожая.

— Пожалуйста! — спокойно ответил я. Они, видимо, не предполагали, что я так легко уступлю.

Они вошли, я последовал за ними и прикрыл дверь.

Я сел так, чтобы иметь возможность наблюдать за немцами.

Гренер был бледен. Его руки слегка дрожали. Он смотрел то на радиоприемник, то на генерала. Гюнтер тоже был растерян, но держался так, будто не верил случившемуся.

Наконец Гренер, так и не сумев обрести спокойствие, заговорил. Я впервые слышал, чтобы он говорил по-румынски, а говорил он отлично.

— Господин генерал! — начал Гренер. — Я убежден, что вы не относитесь к числу тех, кто откликнется на призыв к предательству, хочу верить, что вы и дальше будете верны союзу с немецкой армией.

— Господин полковник, — с достоинством ответил генерал Кантемир, — я не фашист и никогда не был фашистом. Я — солдат, один из тех, кто защищает свою страну, ее свободу и независимость. Я поступлю так, как потребует от меня родина.

— Даже если потребуют предать нас?

— Не забывайте, что я принес присягу и, как солдат, считаю должным точно исполнять приказы того, кому присягал.

Я следил за генералом с волнением и восхищением. Лицо его обрело торжественно-героическое выражение. Он говорил от имени всех нас:

— ...Вместе с союзными армиями и с их помощью, мобилизовав все силы нации, мы перейдем границу, навязанную несправедливым Венским диктатом, чтобы освободить от оккупации землю Трансильвании...

— Измена!.. — взревел Гренер. — Большевики в Бухаресте, такие же, как этот бандит Пэлтиниш!

В этот момент дверь распахнулась. В кабинет ворвались Арборе с пистолетом в руке и сержант Стамате с автоматом, направленным на немцев.

— Вы меня вызывали, господин полковник? — спросил Арборе у Гренера.

— Нет... Я говорил о Пэлтинише!.. — промямлил Гренер, не отводя глаз от пистолета.

— Я и есть Пэлтиниш!

Все замерли, глядя на Арборе. На лицах генерала, полковника Рэдулеску и полковника Гречану застыло изумление. Немцы окаменели, словно статуи. Катинка прижала руки к груди, едва сдерживая крик.

* * *

В январе тысяча девятьсот сорок пятого года я направлялся на фронт. Ехал в военном эшелоне до городка Зноймо, между Братиславой и Брно. На вокзале Зноймо меня ожидала машина, на которой я должен был проехать сорок километров в направлении Табора.

В Зноймо я прибыл еще до темноты. Мороз был слабый. С низкого свинцового неба падали крупные хлопья снега и покрывали шоссе. Хотя проезжая часть была расчищена плугами, по напряженному выражению лица шофера, капрала срочной службы, я понял, что ему приходится нелегко: машину заносило то в одну, то в другую сторону. Уже была глубокая ночь, а мы не проехали и двадцати километров.

Лишь изредка нам навстречу попадались одиночные машины, а обогнала нас одна танкетка. Мне это показалось странным, и, удивленный, я спросил капрала, почему на шоссе такое слабое движение. Оказывается, он намеренно не поехал по главной дороге, забитой колоннами техники, двигающейся к фронту. К тому же дорога, по которой мы ехали, была короче на пять километров.

На какое-то время я даже забыл, что еду на фронт. Я следил за причудливым движением снежных хлопьев в свете

фар. Из состояния мечтательности меня вывел сильный толчок. Машину так занесло, что шофер ничего не смог сделать и мы очутились в канаве. К счастью, ни я, ни шофер не пострадали. Мы отделались ушибами, хотя из перевернувшейся машины выбрались с трудом.

Вскоре показался грузовик. Шофер — он был один в кабине — остановил машину, чтобы выяснить, что случилось. Он вызвался нам помочь, и мы втроем попытались вытащить нашу машину на шоссе. Однако она только еще глубже завязла в снегу.

— Что будем делать? — спросил я капрала.

— Выход есть, господин капитан, — ответил он. — Километрах в трех отсюда — село, там располагается на отдыхе румынский артиллерийский полк. У них мы найдем все, что нужно. Если артиллеристы дадут автокран, то он запросто нас вытащит.

Мне пришлось согласиться.

— Если хотите, я вас подброшу, это как раз по дороге, — предложил шофер грузовика.

— Вы сами поедете, господин майор? — спросил капрал.

— Как лучше?

— Думаю, лучше поехать вам. Вам не откажут.

— Ну хорошо. Поеду! Через час, самое большое через два я вернусь.

Я сел в кабину грузовика. Когда мы добрались до центра села, шофер показал мне на здание школы:

— Там штаб полка.

Я поблагодарил его и направился к штабу. В воротах меня остановил часовой. Он вызвал дежурного офицера, и тот проводил меня к командиру полка.

Командир полка находился в канцелярии школы. Дежурный постучал, и я услышал хриплое и недовольное «Войдите!». Возможно, мы оторвали начальство от работы. Голос показался мне знакомым. Дежурный открыл дверь, козырнул и начал докладывать.

Когда я увидел склонившегося над картой командира полка, я даже вздрогнул от неожиданности, хотел было броситься к нему, обнять, но сдержался и смотрел на него улыбаясь.

Когда дежурный закончил докладывать, командир полка поднял глаза от карты. Увидев меня, он сначала растерялся, потом вскочил из-за стола и бросился мне навстречу.

Мы обнялись как добрые друзья.

Командиром артиллерийского полка, отведённого на отдых после тяжелых кровопролитных боев, в которых добывалась победа, был Арборе, теперь уже майор.

Я знал, что он на фронте в Чехословакии, и у меня даже была мысль отыскать его. Но я не предполагал, что случай сведет нас так скоро.

Он сразу спросил, что занесло меня в его «берлогу». Я объяснил. Он даже и слушать не захотел, чтобы я сам поехал с автокраном. Найдется кому поехать, а я останусь ночевать у него, тем более что дорога дальше занесена снегом и еще не расчищена.

— Плуги выехали расчищать дорогу. Завтра на рассвете и наш полк выступает на передовую, — сообщил он мне.

Отдав необходимые распоряжения, чтобы вызволить мою машину, он предложил:

— А теперь — ко мне, перекусим, побеседуем. Нам столько надо сказать друг другу!

— А как же дела? Мне кажется, я тебя оторвал...

— Ну что ты! Я как раз все закончил.

Он надел полушубок, шапку, и мы вышли на улицу.

— У меня есть для тебя сюрприз, — сказал он мне по дороге.

Я не стал допытываться, а он тоже пока как будто выжидал.

Когда мы вошли в дом, где он квартировал, я заметил тень сторожившего у двери солдата.

— Вечер добрый, господин майор! — услышал я, и этот голос тоже показался мне знакомым.

— Добрый вечер. У нас сегодня гости.

— Если бы я знал!.. — зашептал солдат на ухо майору.

Арборе озорно поглядывал то на меня, то на своего ординарца. Но мы, к его удивлению, друг друга не узнавали. И только войдя в комнату, где горела лампа, я вдруг воскликнул:

— Кулай!

Некулай Айленя несколько секунд смотрел на меня, недоумевая, пытаясь отыскать что-то в своей памяти. Наконец глаза его сощурились, лицо осветилось искренней радостью.

Я обнял его как старого товарища.

— Кулай! Наш гость умирает от голода! — воскликнул Арборе.

— Вот ведь! А я луплю глаза. Чуточку терпения — и Кулай приготовит вам отменный ужин, какой и подобает в последнюю ночь перед отъездом на фронт.

Мы ужинали втроем. Кулай подал ветчину, красное вино и яичницу с мамалыгой. А какое вино было! Чудо!

Нахлынули воспоминания. Говорили о событиях, которые могли разделить нас навсегда, а на самом деле связали до конца жизни. Время шло в приятной беседе.

— Уж не торопишься ли ты? — шутливо спросил меня Арборе, когда я посмотрел на часы. — Или хочешь умолчать о тех событиях, которые так волновали нас в прошлом году? Для меня, признаться, многое осталось тайной.

— Не иначе как господин майор пытается увильнуть,— поддержал его Кулай.

— Нет! Об этом и речи быть не может. Я просто подумал о своем шофере и машине.

— Не беспокойся. Я распорядился, чтобы его накормили и устроили на ночлег, а завтра в пять он будет здесь.

— Тогда все в порядке. Спасибо.

— Итак, мы ждем твоих разъяснений, — приготовился слушать Арборе.

— Каких разъяснений? — как будто удивился я. — Относительно чего?

— Относительно всего того, что произошло в прошлом году.

— Но господин майор, наверное, тоже всего не знает,— заступился за меня Кулай.

— Всего, конечно, нет. Но многое знаю, — решил я их поинтриговать.

— Некоторые загадки нам теперь уж не разгадать. — Арборе развел руками.

— Ну, например?

— Например, убийство Крабе.

Признаюсь, мне иногда нравится пожинать плоды чужой растерянности и неосведомленности. На этот раз я готовился сразить их и заранее предвкушал результат.

— В убийстве Крабе никаких загадок нет! — Я откровенно наслаждался игрой.

— Как! Ты знаешь, кто его убил?

— Разумеется.

— Кто же?

— Кулай! — выпалил я.

Арборе, который только что хлебнул вина, даже поперхнулся. Вино из стакана выплеснулось на скатерть.

— Кулай? — Арборе не верил своим ушам.

— Господин майор шутит!.. — попытался было защищаться Кулай.

— Нет, я вовсе не шучу.

— Зачем Кулаю было убивать Крабе? — недоумевал Арборе.
— Чтобы спасти тебя.
— Ты говоришь загадками. Объясни, пожалуйста.
— А вот этого я и не могу, поскольку сам не знаю, чего ради Кулай убил Крабе.
— Может, ты объяснишь, Кулай?
— А что мне оставалось делать, господин майор? — начал, будто оправдываясь, Кулай. — Вы тогда были в столовой, а я уже поужинал. Решил зайти к Стамате. А когда подходил к дому, мне показалось, что в вашей комнате кто-то есть. Я осторожно пробрался к окну. Это и был тот самый немец — Крабе. Он открыл ваш походный сундук и вытащил из него сумку, в которой вы хранили вещи для маскировки, когда шли на встречи со своими.
— Как? Ты знал, что я держу в походном сундуке?
— А почему я так сторожил дом, когда вас не было? Я сторожил ваш сундук.
— Откуда же ты узнал, что у меня там?
— От Стамате!
— Знаешь, о чем идет речь? — спросил меня Арборе. — Когда я шел на конспиративные встречи, я надевал парик и темные очки и еще наклеивал усики.
— Знакомый способ маскировки!
— Мне он хорошо служил. А еще я старался изменять голос, говорил хрипло и тихо. Так что если бы в наши ряды пробрался шпион, он не смог бы меня узнать.
— Мне одно не ясно: неужели члены группы не знали, что ты и есть Пэлтиниш?
— Никто не знал, кроме Стамате. Стамате сам достал мне этот наряд, когда было решено, что мне предстоит возглавить группу.
— Значит, только Стамате и знал? Теперь мне многое понятно...
— Вот, оказывается, что... — скорее для себя сказал Арборе. — Крабе нас раскрыл...
— А мне-то каково было?! — с горечью перебил его Кулай. — Если бы вы знали, что творилось тогда в моей душе! Увидев, как немец роется в ваших вещах, я подумал: «Ну, теперь крышка моему господину капитану! Схапают его немцы». Не думая больше ни о чем, я тихонечко пробрался в дом. Карабин был в прихожей. Я взял его, распахнул дверь и направил карабин на немца. Он набросился на меня. Но я успел трахнуть его прикладом по голове, он и свалился на пол. Я не знал, что делать дальше. Стою, смотрю

на него, а у самого поджилки трясутся. Уж сам не знаю, как мне в голову пришло: «А не пронюхал ли кто еще обо всем этом? Если никто, стало быть...» Тут-то я решил его убить. По правде говоря, я и сам не знаю, как все получилось, такой я был ошалелый. И теперь-то, как вспомню, сам толком не пойму, было ли все наяву или мне почудилось...

Кулай смотрел на нас с беспокойством и растерянностью, ожидая нашего приговора. Арборе тоже смотрел на него, но мысли его были далеко, в прошлом.

— Другого выхода у тебя не было, Кулай, — нарушил я затянувшееся молчание. — На войне как на войне.

— Оно-то так, господин майор, — отозвался он, — но одно дело убить врага в бою — он стреляет и ты стреляешь... Тут уж кому повезет. Другое дело лишить человека жизни так...

— Ты ведь защищался. Не убрал бы его ты, он вас всех убрал бы!

— Ваша правда. Так мне и Стамате сказал. Если бы немец не совал нос в наши дела, ничего бы с ним не приключилось. А он сам напоролся на смерть. Разве не так?

— Все правильно, — успокоил его я. — Стамате был прав.

Кулай улыбкой поблагодарил меня за мой «приговор». Но улыбка у него получилась грустной. Он успокоился лишь тогда, когда услышал от Арборе:

— Волбура прав. Убив Крабе, ты спас всех нас, всех тех, кто боролся за новую жизнь. — Он помолчал немного, потом усмехнулся по-доброму: — Как это ты, Кулай, хранил в себе все это до сих пор?

— А к чему было огорчать вас? Мой грех, я решил унести его с собой в могилу.

Все молчали, думая каждый о своем. Я понимал, что мучает Кулая.

— Одного не пойму, — не выдержал Кулай. — Как это вы догадались, господин майор?

— Сначала у меня были подозрения, я не был уверен. Поэтому как-то после обеда, зная, что господина капитана дома нет, я зашел к вам. Помнишь?

— Припоминаю! Тогда мы с вами во дворе беседовали!

— Ты чистил карабин, потом отошел, а я решил осмотреть его.

— Точно!

— Я внимательно осмотрел твое оружие. На прикладе я обнаружил волос. А потом...

— Я принес вам вина!

— Я взял этот волос, завернул его в бумажку и положил в бумажник. Осмотрел штык. Ты его вычистил, но всё же осталась кровь на металле. От вас я пошел в часовню, где лежал труп Крабе, и совершил святотатство: вырвал у него несколько волосков. Простого сравнения их с волосом, найденным на карабине, было достаточно. Но, чтобы не совершить ошибки, я на следующий день отправился в полевой госпиталь и изучил под микроскопом разрезы волосков: они были абсолютно одинаковы. Но я не довольствовался этим. Сказал тогда тебе, что штык плохо прилегает. Впрочем, он действительно плохо прилегал. Припоминаешь?

— Как же! Должен сознаться, тогда мне было обидно это слышать. Только на другой день во время поверки, когда лейтенант Гюрицан сказал мне то же самое и заменил штык, я немного успокоился. Правильно говорят: на воре и шапка горит.

— Лейтенант Гюрицан сделал это по моей просьбе. Штык, который ты сдал, попал ко мне. Я послал его в лабораторию в Текуче вместе с образцом крови Крабе, который я взял на месте, где его нашли. Результат экспертизы исключал всякие сомнения: обе пробы крови были идентичны. Все это помогло мне установить истину.

— Хочу тебя спросить, но прошу ответить искренне, — обратился ко мне Арборе. — Ты знал, что я и есть Пэлтиниш?

— Нет, не знал, хотя до определенного момента у меня были очень веские основания считать тебя членом группы.

— До какого момента?

— До похищения документов.

— Постой. Давай по порядку. Значит, Крабе установил, что Пэлтиниш — это я. Почему же он не поделился ни с кем своим открытием?

— Возможно, из-за тщеславия или потому, что сам еще не был уверен и побоялся выдвинуть необоснованное обвинение против румынского офицера. Ты ведь знаешь, был приказ, запрещавший немцам собирать сведения или преследовать румынских солдат или офицеров. Если бы к нему попала информация о подпольной группе, он должен был сообщить об этом румынскому командованию. Но для этого ему нужны были точные данные, неопровержимые доказательства. Получив такие доказательства, он и бросил бы «бомбу». А эта «бомба» должна была взорваться как раз в тот вечер, когда праздновалось совершеннолетие Катинки.

— Это был бы двойной удар, — сказал Арборе.

— А вот поплатился, — пробормотал Кулай. — Я бы многое отдал, лишь бы не брать на свою душу такой грех.

— Все же мне не ясно... — продолжал я.

— Как? Неужели что-то ускользнуло от твоего высокопрофессионального внимания? — по-дружески поддел меня Арборе.

— Представь себе, многое. Например, я знал, что Раду Бруме входит в группу...

— Нет, он не входил, но оказывал нам большую помощь.

— Но вы ведь встречались в его сарае.

— Иногда! Мы редко собирались два раза подряд в одном и том же месте.

— Катинка... Извини меня за такую фамильярность.

— Продолжай. Думаю, моя жена не возражала бы навсегда остаться для тебя Катинкой.

— Спасибо! Катинка входила в группу?

— Она обеспечивала связь нашей группы с организацией в Бухаресте. Из членов группы она знала только Стамате, через которого передавала нам распоряжения и получала сообщения для Бухареста.

— Все же ее роль казалась мне значительнее, — возразил я.

— Это правда! Она делала даже больше, чем могла. Она узнала от Стамате, который требовал от нее осторожности, что среди нас есть немецкий агент, и попыталась сама разоблачить его. Кроме того, она старалась завоевать симпатии того или другого офицера, который мог нам понадобиться.

— Расскажи подробнее, как тебе удалось похитить документы?

— Откуда ты знаешь, что похитил их я?

— Ты совершил всего одну ошибку: говорил больше, чем было нужно. К счастью, человеком, которому ты все это говорил, был я.

— Чем же я себя раскрыл?

— Когда мы вошли в кабинет полковника Гречану, ты поведал мне о таких подробностях нападения, которые мог знать только тот человек, который и совершил его.

— И ты промолчал?!

— Промолчал.

— Почему? В конце концов, какую роль играл ты?

— В Центре было известно об антинемецких настроениях в наших войсках. Когда гитлеровцы после взрыва склада боеприпасов под Мэрэшешти потребовали, чтобы были

приняты самые энергичные меры для обнаружения и ареста виновных, там пришли к выводу, что дело принимает опасный оборот. Поэтому меня, направляя к вам, специально проинструктировали. Официально я был послан раскрыть группу и передать дело в военный трибунал. Но неофициально, и я видел в этом свою главную задачу, генерал Стаматеску, а вернее, Пьетряну, тогда я не знал, что он коммунист, поручил мне не допустить, чтобы группа оказалась в руках немцев, выявить и обезвредить того или тех, кто передавал немцам информацию и сотрудничал с ними. Я должен был также обеспечить безопасность генерала Кантемира и сделать так, чтобы он не был заподозрен в покровительстве тем, кто враждебно относился к немецкой армии.

— Уж не ты ли подсказал ему мысль о замене ординарцев и адъютанта.

— Ординарцы и адъютант были мной проинструктированы.

— А генерал Кантемир был в курсе, какая миссия тебе была поручена на самом деле?

— Он один только и знал об этом!

— Еще один человек подозревал о твоей настоящей задаче.

— Кто же?

— Стамате! Он все время пытался убедить меня, что с тобой «другое дело».

— Неужели? — удивился я.

— Значит, генерал Кантемир был в курсе! — вернулся Арборе к своей мысли.— Теперь и мне многое ясно. Если бы я знал...

— Никто не должен был знать о том, что на генерала Кантемира рассчитывали в момент поворота оружия против гитлеровской Германии. Поэтому от него и не потребовали те документы, которые вам пришлось выкрасть. Ведь генерал в любой момент мог посмотреть и...

— А теперь я открою тебе один секрет, — с удовольствием произнес Арборе. — Не документ, где указывалось расположение немецких войск в укрепленной зоне, интересовал нас тогда. Он был известен в Бухаресте. Нас интересовал документ из сейфа Грепера, который я сфотографировал в ту ночь и положил на место до появления полковника Гречану. Я знал содержание этого документа, но мне нужно было послать в Бухарест именно фотокопию. Из этого документа была видна нелояльность немцев, их недоверие к нам, а также что они готовились к действиям против нас.

В нем говорилось, что немецким инструкторам и офицерам связи при румынских штабах приказано установить расположение наших складов боеприпасов, а также военных объектов стратегического значения. В случае «чрезвычайных политических или военных событий» немецкие войска, получив соответствующий приказ, должны были занять склады боеприпасов, стратегические объекты, а также наши штабы в зоне. Помнишь о прибывшем тогда на отдых немецком полку? Так вот перед ним и была поставлена задача выполнить такой приказ...

— Поэтому мы и предложили генералу Кантемиру расквартировать в городе два наших батальона и усилить охрану штабов и складов. Но зачем тогда вам понадобилась эта инсценировка с похищением документов о расположении немецких войск?

— Это нужно было лишь для того, чтобы сбить немцев с толку в случае, если бы нас раскрыли. Если бы Гречану не понадобились срочно сигареты, я бы не стал брать никаких документов. А так нам пришлось его обезвредить, чтобы он нас не раскрыл и не поднял тревогу. Дело в том, что дверь, через которую я проник в кабинет Гренера, в тот момент еще оставалась открытой.

— «Наследив», вы решили обеспечить себе прикрытие?

— Да! Тогда я и взял документы с расположением немецких войск в фокшано-галацком укрепленном районе, чтобы, не дай бог, наше посещение не прошло незамеченным и чтобы не стали докапываться до истины. В случае с Думитреску — я был убежден, что ты поймешь это сразу, — мы хотели добиться освобождения полковника Гречану. Мы не знали, какую цель ты преследуешь, выдвигая одну за другой различные версии...

— Ту же, что и ты, — затянуть расследование. Все же Думитреску очень рисковал!

— В случае если бы он предстал перед военным трибуналом, мы были готовы предъявить фотокопию документа, похищенного у немцев, и показать истинную цель наших действий. Но документ он должен был предъявить только соответствующим органам в Бухаресте.

— Итак, с документами теперь полная ясность, но один вопрос все же меня мучает.

— Какой? — удивился Арборе.

— С окном. Чтобы войти, тебе совсем не нужно было разбивать его!

— Ты прав. Я оставил окно не закрепленным крючками перед уходом из штаба. Так что оставалось легонько потя-

нуть его, чтобы оно открылось. Но когда, входя в кабинет, Гречану распахнул дверь, образовался сквозняк, окна раскрылись и створки ударились о раму. Два стекла вылетели: одно — наружу, другое — на пол кабинета.

— Кстати, о стеклах, — перебил я Арборе. — Я долго ломал себе голову, почему одно стекло вылетело наружу, а другое внутрь. Теперь я вижу, что мне удалось решить задачу только наполовину. Я думал, что вы разбили стекло, чтобы проникнуть в помещение, а уж потом от сквозняка разбилось второе стекло. И еще я тогда не мог решить задачу с ключами...

— Я изготовил слепки с ключей от сейфа полковника Гречану. У меня был доступ к месту их хранения. Слепки ключей от сейфа Гренера нам достал сын хозяев, у которых он квартировал. Очень сообразительный парень. Он работал на лесопилке в Космешти.

— Он входил в вашу группу?

— Нет. Я попросил его сделать это для нас через Стамате, они были друзьями. Стамате изготовил дубликаты ключей по слепкам.

— Арест Гречану здорово вам подпортил дело?

— Очень. Особенно из-за Катинки. Она по-настоящему перепугалась, да и было из-за чего.

— Невероятная ситуация! Она доставила вам распоряжение Центра достать эти документы, и ей же пришлось страдать, потому что жертвой операции явился ее отец. Тогда полковник не знал, что станет вашим тестем, — пошутил я.

— Ни он, ни Катинка. Только я был уверен, что это будет.

— Но с Думитреску у вас тоже получилось не так, как вы планировали.

— Действительно. И все из-за этого идиота торговца, который его узнал. План был очень простым. Мы должны были обнаружить чемодан с документами, а его владелец должен был ускользнуть от нас.

— Но вы снова допустили ошибку, — прервал я его.

— Какую?

— Записка, в которой сообщалось, когда и где можно найти чемодан с документами, была написана тем же почерком, что и записка, в которой меня отсылали искать группу в долину Сирета в то время, как вы проводили операцию в штабе.

— Один ноль в мою пользу, господин майор Волбура! — рассмеялся Арборе.

— Почему?

— Мы не по ошибке написали эти записки одним почерком, а специально, чтобы убедить тебя, что и в первом и во втором случае действовали одни и те же люди.

Кулай сообразил, что мне не очень приятно это, ведь Арборе на этот раз загнал меня в угол, и быстро наполнил мой стакан, приглашая выпить.

— Давайте выпьем, господин майор, неизвестно, что будет с нами завтра.

— Вы знали, что Гюнтер с помощью Станислэу обнаружил место ваших встреч в сарае Раду Бруме?

— Нет, но подозревали. В ночь, когда мы встречались в последний раз, мы услышали пять выстрелов. Мы поняли, что кто-то нас предупреждает. Стамате вышел посмотреть, что случилось, и заметил Гюнтера под старой грушей. Он наблюдал за ним некоторое время, но, видя, что тот не двигается, приблизился. Немец лежал без сознания, получив, видимо, сильный удар по голове: по лбу стекала струйка крови. Когда Стамате вернулся и рассказал обо всем, мы поняли, что Гюнтера обезвредил тот человек, который потом выстрелил пять раз, предупреждая нас об опасности. Мы тут же разошлись и с тех пор не встречались, а Бруме посоветовали уехать.

— Вы узнали, кто вас предупредил?

— Как-то на рассвете тебя встретил Гафтон. Ты, рассказал он, выбирался из виноградника, и пистолет был при тебе.

— И правда! — признался я. — Была такая встреча с Костикой Гафтоном. Он оказался очень наблюдательным, этот лесник.

— Случается, что и профессионала выслеживает простой смертный, — пошутил Арборе.

— Вы знаете, как Гюнтер, вернее, Станислэу обнаружил место ваших встреч? — спросил я, притворившись, что его шутка меня не задела.

— Думаю, что через сержанта, с которым он поделился желанием действовать против немцев. Но как он вышел на него?

— Он рассудил, что тот, кто обеспечил замену часовых в ночь похищения документов, обязательно имеет отношение к группе Пэлтиниша.

— Логично! — воскликнул Арборе. — Значит, правильно мы поступили, сделав так, чтобы сержант исчез.

— А куда он исчез? Я не мог найти его следов.

— Туда, куда исчезли и остальные, кому приходилось скрываться: в грот в обрывистом берегу Сирета. Туда очень трудно пробраться. Почти никто не знал об этом укрытии.

— А как же вы его обнаружили?

— Не мы. Нам предложил этот грот Костика Гафтон. Он не раз помогал нам в трудных ситуациях.

— Я предполагал, что он связан с вами, но не мог ничего из него выудить. Вы ему доверяли? Он показался мне немного... как бы это сказать...

— Сумасшедшим? Ни в коем случае! Экзальтированная натура — это верно. Но человек исключительно преданный. И главное, он смертельно ненавидел гитлеровцев. Это он носил еду людям, скрывавшимся в гроте. Кулай приобретал продукты, а он их доставлял.

Разговор был настолько интересен для нас обоих, что появлялись все новые и новые вопросы.

— Господин майор, а вот при встречах с Катинкой ты был не очень пунктуален.

— Не понимаю. Что ты имеешь в виду? — спросил Арборе, слегка нахмурившись.

— Встречу в кабинете генерала Кантемира в тот вечер, когда были арестованы Гренер и Гюнтер.

— А! — Лицо Арборе осветила улыбка. — Я опоздал... из-за осторожности. Тогда происходили исключительные события... Любая поспешность могла испортить дело.

— Самое страшное, через что тебе пришлось пройти, это отчаянная ненависть Катинки, сменившая пылкую девичью влюбленность.

— Да, мне пришлось многое пережить. Вначале она просто избегала меня, но как-то вечером собралась с духом и призналась во всем. Она рассказала, что чувство ее ко мне подвергалось самым серьезным испытаниям. Ни на миг она не допускала, что я являюсь членом подпольной группы, связной которой она сама была. Но втайне всегда мечтала и даже представляла, как бы стала держаться со мной, если бы вдруг оказалось, что и я вхожу в их группу.

— Она так любила!

— И я ее очень любил, — просто ответил Арборе.

— И несмотря на это... — начал я, но он перебил меня:

— Именно несмотря на это. Обстановка вынуждала меня скрывать свои чувства и даже не позволять ей любить меня. Ведь если бы меня схватили, ей тоже угрожала бы опасность. Понимаешь? Я должен был вести себя с ней так, чтобы она меня не только не любила, но даже ненавидела и чтобы все видели и знали, что она меня ненавидит. Таким

образом, думал я, в случае моего провала она избежит неприятностей. Поверь, это мне было нелегко.

— Теперь мне ясен и ваш разговор в лесу в первый день моего прибытия.

— Такова жизнь! Мы часто делаем то, что нам приказывают, даже если это идет вразрез с нашими чувствами.

В дверь постучали.

— Кулай, посмотри, кто там! Может, из штаба!

Кулай вернулся в сопровождении лейтенанта.

— Честь имею, господин майор! — приветствовал лейтенант Арборе.

— Что случилось, Матей?

— Вам пакет из дивизии, господин майор. — Лейтенант протянул ему конверт.

Арборе распечатал конверт, извлек из него бумагу и начал читать.

— Глазам своим не верю! Награжден орденом... — сказал он растерянно.

— Вам предоставлен пятидневный отпуск домой, — добавил лейтенант.—Майор Григоре связался со Знойме. Завтра от них поедет курьер в Братиславу. И завтра же из Братиславы в час дня пойдет военный самолет в Бухарест. Господин майор забронировал для вас место. Завтра вечером будете дома.

Арборе не ответил. Он поднялся, подошел к окну, постоял немного, глядя в ночь. Когда он повернулся к нам, его лицо было совершенно спокойным. Только у рта появились две глубокие складки.

— Матей!

— Слушаю вас, господин майор.

— Пусть майор Григоре откажется от места в самолете. Полк выступает в четыре, как и было решено. Впрочем, через полчаса я сам буду в штабе.

— Есть.

После ухода лейтенанта Арборе попросил Кулая принести чернил и бумаги.

— Господин майор, у вас в комнате есть все, что нужно.

— Волбура, — обратился Арборе ко мне, — я тебе советую отдохнуть немного. Завтра предстоит трудная дорога. Я пойду напишу Катинке, потом буду в штабе. Увидимся завтра. Нам по пути, если хочешь, поедем в моей машине. Сможем еще поговорить.

Не дожидаясь моего ответа, он вышел.

Когда мы остались вдвоем с Кулаем, он пожал плечами, недоумевая, заворчал по-стариковски:

— Видите? Что за человек? Два дня назад говорил, что отдал бы десять лет жизни, чтобы увидеть жену хоть на полчаса. А теперь — пять дней отпуска, место в самолете... А он? На фронт! — Кулай помолчал, будто размышляя.— А может, он и прав! — продолжал он уже совсем другим тоном. — Как полк выступит на передовую без него? Как принял полк в октябре, с тех пор во всех боях он вместе с солдатами... Такой уж он человек! Как бы вам сказать? Человек...

— Цельный человек.

— Хорошо вы сказали. Именно цельный.

Спать мне не хотелось, и я с удовольствием побеседовал с Кулаем.

Вдруг с улицы донесся мощный рев моторов. Кулай улыбнулся, увидев, что я бросился к окну.

— Пушки, — сказал он. — Они выдвигаются на огневые позиции. Завтра услышим их перед атакой.

Вернулся Арборе, экипированный по-походному: на нем был полушубок, поверх которого висели пистолет, бинокль и планшет.

— Пойду посмотрю, как люди, — сказал он, будто оправдываясь. — Война еще не кончилась...

Михаил Жолдя

ОТРЯД СМЕРТНИКОВ

Вот я и дома. Мать хлопочет на кухне. Она не слышала, как я вошел. Я смотрю на нее сквозь стеклянную дверь. Постарела мать, будто стала меньше ростом. Вид у нее задумчивый и грустный. Она знает, что я далеко. Давно я не писал домой. Некогда было.

Оборачиваюсь и вижу себя в зеркале. Смотрю и не узнаю. Исхудал, запаршивел. Форма висит мешком. В училище я уезжал веснушчатым подростком, которому еще впору было играть в войну. Обучили нас быстро. Теперь я — старшина-курсант.

Я почему-то медлю. Мать нарезает картофель соломкой, кладет его на сковороду, покрывает слоем брынзы и заливает маслом. Мое любимое блюдо. Меня охватывает неизъяснимая радость. Я дома!..

Всю дорогу я мечтал, строил планы. Думал об Анне. Мы устроим свой дом. Там будет тепло и уютно. Непременно тепло!

Никогда я так не страдал от холода, как в этот год. Наш курс мерз в казармах, от стен которых несло холодом. Я с нетерпением ожидал только одного — когда закончу учи-

лище, получу звание младшего лейтенанта и выберусь из этого погреба.

Меня даже война не пугала. То, что немцы ее проиграют, уже ни у кого не вызывало сомнения. Сообщения в газетах становились все лаконичнее: «...Организованное отступление на заранее подготовленные позиции». Мы прыскали со смеху. Солдаты? Некоторые дезертировали...

Словно молния пронзает воспоминание о расстреле троих. Нас выстроили на плацу в каре. Их вывели под охраной. Они без шинелей, но в шапках. Я знал, что они — недавние крестьяне, вели пропаганду против войны и Антонеску. На их лицах ни ненависти, ни страха. Полное безразличие. У одного глаза голубые, взгляд отрешенный. Он смотрит так, как будто все, что происходит вокруг, его не касается.

Зачитывают приговор: оказывается, двое других помогли этому, с голубыми глазами, дезертировать, вернее, пытались помочь, потому что всех троих схватили. Следствие установило, что голубоглазый — коммунист. Он уже раньше был приговорен за революционную деятельность. Те двое достали ему гражданскую одежду и фальшивые документы. Обо всем этом читал военный прокурор. Приговор — смертная казнь через расстрел.

Я видел: никто не изменился в лице. Ни тени малодушия. Они рухнули под пулями. А над их трупами нам все говорили и говорили о долге, о родине... Но все эти высокие слова были мне ненавистны.

Я заставляю себя отогнать это страшное воспоминание. Решительно нажимаю на ручку двери. Мать вздрагивает и оборачивается. Увидев меня, застывает. Молчит, а по щекам ее текут слезы. У меня тоже комок подступает к горлу и туманится взгляд. Я подбегаю, обнимаю мать, целую в глаза, в лоб, в волосы, с отчаянием прижимаю к груди, будто вижу в последний раз. Мы все еще не сказали друг другу ни слова.

— Я будто чуяла, что ты приедешь. Вот и картошку с брынзой готовлю. Ведь ты так любишь?

Я только отмахиваюсь, не в силах отвести от нее глаз, отстраниться. Наконец мы немного успокаиваемся, присаживаемся у стола. Я достаю пачку сигарет, закуриваю.

— Ты надолго? Опять уедешь?..

Мать еще не пришла в себя, она как будто боится отпуститься, держит меня за руку.

— Не знаю. Не думаю...

— Господи, ты совсем промерз! — говорит она так, как говорила когда-то, когда я приходил из школы, и начинала растирать мне руки. То же самое она делает и теперь.

— Да, было очень холодно, — отвечаю я и снова молчу.

Что это со мной? Пока ехал в поезде, всем столько мысленно наговорил, а теперь не в состоянии слова вымолвить. Но мать все понимает. Она смотрит на меня с такой любовью, что я чувствую, как по телу пробегает горячая волна. Я дома!

— Пойдем в комнату, — говорит мать и берет меня за руку.

— Пойдем... Нет, давай посидим здесь.

Мне не хочется двигаться. Кажется, стоит переступить порог нашей крохотной кухни, и я снова окажусь там, где холод, жестокость и смерть.

— Как обрадуется тебе отец!

— Как он? — спрашиваю я.

— Все по-прежнему. Ты ведь знаешь...

Она припадает ко мне и плачет. Плачет, всхлипывая и причитая, как плачут только старушки. Я глажу ее хрупкие вздрагивающие плечи, стараюсь успокоить. Она уронила голову, и в вороте платья я вижу острые, выступающие на спине позвонки. Боже, как она постарела, высохла!

— Не уезжай больше, Адриан. Не оставляй нас...

Она смотрит на меня с мольбой. По щекам ее текут слезы, подбородок вздрагивает. Когда-то голубые, глаза выцвели, покрылись тонкими красноватыми прожилками.

— Ведь ты не уедешь больше? — настаивает она.

— Не уеду, — отвечаю, чтобы ее успокоить. Но разве это зависит от меня? — Отец дома? — спрашиваю, чтобы сменить тему разговора.

— Не знаю. Не знаю, вернулся ли. Пошел раздобыть хоть немного денег.

— Что, плохи дела у него?

— Кто же теперь настраивает рояли?

Отец — настройщик. Когда я был маленьким, он брал меня с собой и мы обходили с ним дома богачей. После настройки он играл. Мне нравилось, как он играл. Я слушал его с раскрытым ртом. Он смотрел на меня, усмехаясь. «Ну как, кавалер? — спрашивал он, легонько потрепав меня по щеке. — Эх, были бы деньги, я бы концерты давал!» Лицо его хмурилось. И я был убежден, что он мог бы стать известным пианистом. Ведь он закончил консерваторию, но судьба определила его в ремесленники. Я как-то слышал, что родители лишили его наследства за то, что он женился

на моей матери против их воли. Я никогда его об этом не спрашивал, жалея. Зачем бередить старую рану?

— Почему он не займет у дядюшки Паула? — спрашиваю я у матери. Дядя Паул — брат отца.

— Он уже два месяца как в лагере, — отвечает мать.

— За что? — Я ничего не понимаю.

— Ругал немцев и Антонеску у бакалейной лавки. Кто-то донес, вот его и забрали.

— Только за это?

— Да, за это. Паул никогда не умел держать язык за зубами.

Мать моет руки, прикрывает за собой дверь. Мы проходим через небольшой холл, ведущий в столовую. Здесь прохладно. Я останавливаюсь, и мать удивленно смотрит на меня. А я только глупо улыбаюсь, оглядываюсь вокруг как человек, поднявшийся с постели после долгой болезни. Мне хочется расправить плечи, раскинуть руки, чтобы ощутить надежность и прочность родного крова.

В столовой, так ее называет отец, все на своих местах. Старый буфет с круглым зеркалом посередине, стол, большая кровать родителей. Мебели немного, поэтому комната кажется довольно большой.

— А чердак? — спрашиваю я.

— Что чердак?

— Там все цело?

Мать улыбается. Она понимает, почему я спрашиваю о чердаке. Это мир моего детства. Когда я был маленьким, я проводил там целые дни. У отца были две шпаги, и мы устраивали поединки. И еще там был портрет женщины, которую я называл Леллой. Мне казалось, что нет более красивого женского имени.

Однажды отец, вечно метавшийся в поисках денег, хотел продать портрет, но я так плакал и упрашивал его не делать этого, что он отступился, тем более что мать тоже отговаривала его.

Я мог целыми часами глядеть на ту незнакомую женщину. Позже я узнал, что на портрете изображена сестра отца. Звали ее Фани. Мать рассказала мне историю ее несчастной любви. Фани обольстил, а потом бросил какой-то богач. Фани убежала из дома. С тех пор никто ничего о ней не слышал. Портрет сняли и отнесли на чердак.

— Вот Лелла здесь и поселилась, — грустно улыбалась мать...

И сейчас она улыбается грустно и нежно. Как дорога

улыбка матери солдату, вернувшемуся домой после такого долгого отсутствия!

Мы слышим стук калитки и голос отца. Он напевает мелодию, которую я слышал много лет. Входит в комнату. Увидев меня, останавливается, удивленный и обрадованный:

— А, кавалер! Прибыл? — Он так сильно сжимает мне руки, что хрустят пальцы.

— Прибыл.

— Прибыл, прибыл, — растерянно повторяет мать и добавляет скороговоркой: — Нашел денег?

Отец делает жест, который означает: «Оставь. Зачем сейчас об этом?»

— Ну как? — Он спрашивает меня, как ребенка, вернувшегося из кино.

— Да как?.. — отвечаю я, как человек взрослый, многое повидавший. — Военное училище... Смирно! Ложись! Встать! Бегом — марш!

— И больше ничего?

— А ты что хотел? Концертов Баха не было. Учили нас немецкие офицеры, и не музыке. Они же и приглядывали за нами...

Я смотрю на отца с жалостью. Вижу, как мрачнеет его лицо. Его правое плечо подергивается. Нервный тик. Отец страдает им с шестнадцатого года. Он участвовал в той войне. В бою под Мэрэшешти совсем рядом разорвался снаряд, его засыпало землей. Отца спасли, но с тех пор у него дергается плечо, когда он сильно нервничает.

Отец смотрит на меня с недоверием. Снимает очки, протирает их. И это говорит о том, что он нервничает.

— Я немцев хорошо помню еще с шестнадцатого, — бурчит он. — А теперь...

— Ничего невозможно найти. Все у нас забрали. Нам оставляют ровно столько, чтобы мы не поумирали с голоду... — вступает мать.

— Так оно и есть... — бормочет отец.

Он берет трубку, набивает ее табаком.

— Адриан, мой руки. Сейчас будем обедать.

— Одно в газетах пишут, но другое видишь своими глазами, — продолжает отец. Долго молчит. Я смотрю на него. Он тоже здорово сдал.

— Ты достал денег, отец? — стараюсь я увести его от политики.

Он смотрит на меня рассеянно, как будто не понимает, о чем идет речь.

— У вас были учения? — спрашивает он.
— Были.
— Ну и что скажешь?
— Что скажу? Подготовка к смерти!
— Дети ведь... — тяжело вздыхает мать.

Все трое молчим. Меня охватывает отвращение к самому себе. За что я их так?

— Ты не хочешь зайти к себе? — спрашивает мать.

Я встаю, подхожу к двери, но войти не решаюсь. Мне хочется спросить, не жил ли кто-нибудь в моей комнате, пока меня не было, но мне вдруг становится смешно от этой ребяческой ревности. Я открываю дверь в свою комнату. В нос ударяет затхлый запах забытого жилья. Оглядываюсь, боясь двинуться, чтобы не вспугнуть образы своего детства. Здесь тоже старая мебель. Кровать с тумбочкой и письменный стол, оставшийся мне от деда. Стол был очень длинным. Отец разрезал его пополам и пристроил две новые ножки. Я прямо в одежде разваливаюсь на кровати, которая, как и прежде, ласково принимает меня. Лежу, заложив руки за голову, и разглядываю разводы на штукатурке. В них, когда я был маленьким, мне виделся образ воина. Я напряженно всматриваюсь и наконец вижу: вот борода, вот орлиный нос, вот украшенный перьями шлем. Воин на месте.

Мой взгляд останавливается на выключателе. Вокруг еще видна грязь от моих пальцев. На этажерке несколько книг: «Свадьба на небесах», «Меркнущий свет», «Хулиганы», «Обрученные».

Образы детства отступают, не желая беспокоить меня. Вдруг защемило сердце. Перед глазами возникает Анна. Красивая, близкая. Я всматриваюсь в ее чуть запавшие, то темно-голубые, то густо-зеленые, как воды лесного озера, глаза. Глаза как на картинах Тоницы. Мое сердце томится от тоски и любви.

С улицы не доносится ни единого звука. Мне не нравится эта гнетущая тишина. Странная теперь жизнь в Бухаресте.

От шкафа тянет лавандой. Там хранится моя гражданская одежда. Я сбрасываю с себя пропахшую сыростью и землей форму, надеваю костюм. В нем мне так легко, будто я совсем без одежды. Только теперь вижу, до какой степени я похудел: ворот рубашки отстоит от шеи пальца на три.

Выхожу в столовую. Мать выставляет на стол все, что есть лучшее в доме. Она хочет накормить меня до отвала.

Отец насаживает на кочергу несколько ломтиков шпика. Я смотрю, как огонь подрумянивает их, как жарко вспыхивает каждая вытекшая капля жира. Мне становится очень тепло.

— Думаешь, немцы проиграют? — спрашивает отец.

— Да, — неохотно отвечаю я.

— Так-то оно так, но об этом лучше помалкивать!

Я молчу и смотрю на него с безграничной жалостью. Он работал всю жизнь, и теперь в старости ему приходится с трудом добывать для семьи кусок хлеба. Я знаю, он всегда не любил немцев... Сейчас он стоит, нагнувшись к огню, и руки его дрожат. Побелевшие и поредевшие волосы давно не стрижены.

— А что здесь говорят? — спрашиваю я.

— О чем?

— Да обо всем этом?

— Э, люди!.. Это их дело, — отмахивается отец, продолжая колдовать над огнем.

Он неспроста осторожничает, наверное, напуган. Конечно, из-за ареста дяди Паула.

Меня вдруг охватывает нервная дрожь. Стучат зубы, слабеют суставы. Это после бомбардировок. Когда объявляли тревогу, меня начинало трясти, я никак не мог унять эту дрожь. Некоторых парней рвало или прохватывал понос. Мы были очень молоды и непривычны к смерти. Если у кого была бутылка цуйки, он выпивал ее без остатка. Вот тогда начинался приступ героизма. Парнишка кричал, грозил винтовкой небу, откуда появлялась смерть, метался, потом сникал, начинал плакать. Таким был и Стэликэ Стэтеску, Сесе, как прозвали его в училище. Маленький, тщедушный. Когда на учениях нам приходилось месить ботинками грязь, он с трудом вытаскивал ноги. Он очень боялся смерти. Не раз ночью я слышал, как он всхлипывает, зарывшись в подушку. Тогда я брал его за плечи, пытался успокоить. Он смотрел на меня большими детскими глазами, набухшими от страха и слез.

Последний раз, когда мы попали под жестокую бомбежку — бомбили военный завод рядом с училищем, — я был рядом с ним.

— Адриан! — сказал он мне, медленно отстегивая ремешок часов. — Вот возьми. Отвези домой...

— Что еще за глупости! — отчитал я его. — Скоро под твоей командой будет тридцать человек!

Все же часы я взял. Сесе был бледен. По лицу струился пот. Каска на голове мелко дрожала. Слева от меня при-

льнул к земле Додо Фельд. На мгновение наши взгляды скрестились, и мы улыбнулись. Сесе поплелся в свой взвод. Вдруг капитан Мавродишяну вскочил и рванулся вперед, показывая нам, где укрыться от бомб. Мы побежали. Земля под нами дрожала. Мы оглохли от грохота взрывов. Когда все закончилось и мы вылезли из ям, все в грязи, ругаясь на чем свет стоит, я увидел Сесе. Его ранило, и он корчился от боли.

— Вот видишь, — сказал он, глядя на меня распахнутыми испуганными глазами, как будто довольный, что оказался прав.

— Ничего, Сесе! Ну ранило...

— Нет! Кончено со мной... — выдохнул он. — Часы...

— Да перестань, Сесе! Тебя пошлют в госпиталь, а после поправки поедешь домой. Снова будешь ходить на рыбалку. Приготовишь уху из форели к моему приезду...

Я говорил с ним, как с ребенком. Я нагнулся над ним. Он едва дышал. Какого черта дернуло меня напоминать ему о жизни, которая покидала его?! Она уходила, как вода из продырявленного сосуда. Вдруг он начал хрипеть, лицо его помертвело от боли.

— Часы... — шептал он как заклинание.

Санитары пришли за ним, но было уже поздно. Сесе лежал, устремив широко раскрытые глаза к небу, будто обиженный ребенок, которого незаслуженно и так жестоко наказали...

Меня продолжает трясти. Мать в беспокойстве трогает мой лоб.

— Тебе холодно? — спрашивает она.

— Нет, — с трудом сдерживаюсь я.

— Уж не простудился ли ты в дороге? — тревожится она.

— Ничего, ничего, это пройдет, — успокаивает ее отец.

Она наливает мне рюмку цуйки. Я пью, и мне становится лучше. Я опять молод, здоров и уверен в себе. Родители чинно сидят напротив, отец — скрестив руки на животе, мать — опустив руки на колени, как на картине моего любимого художника Брейгеля. Мне приходят на ум где-то вычитанные странные слова: «Дети — настоящие родители своих родителей». Да, они без меня не смогут...

Обедаем молча. Отец наливает себе вторую тарелку супа. Видя, что я улыбаюсь, говорит, как будто извиняясь:

— А что нам осталось в жизни? Только и радости — хорошо поесть.

Произносит он эти слова с грустинкой. Запавшие глаза часто мигают.

Закончив есть, я тут же поднимаюсь из-за стола. Все мои мысли — об Анне. Я бегу по улице, чуть не сбиваю с ног немецкого офицера. Бормочу что-то вроде извинения и бегу дальше. Пересекаю улицу и останавливаюсь у цветочного магазина. Не дожидаясь сдачи, выскакиваю из магазина. У дома Анны перевожу дух. Сердце колотится. Звоню два раза, жду. Слышу женские шаги и думаю, что это она. Из-за двери ее мать спрашивает:

— Кто там?

— Адриан.

— Анна! Анна! — зовет женщина.

Мне открывает Анна. Я долго смотрю на нее, она — на меня, потом мы бросаемся друг к другу, кружимся по комнате, как застывшие в объятиях статуэтки на наших старинных настольных часах. Недостает только аккордов клавесина.

В дверях родители Анны смотрят на нас и улыбаются. В доме тепло, пахнет голубцами. Я опять немею от счастья.

— Когда приехал? — спрашивает Анна.

— Несколько часов назад.

Мне хочется поцеловать ее, сказать, как я ее люблю, но ее родители стоят, будто прибитые гвоздями к полу.

— Дома был? — с каким-то вызовом спрашивает ее отец.

— Конечно, — недоумеваю я. — Ведь не приехал же я из училища в гражданском?

После такого странного вопроса у меня портится настроение.

— Ну а как дела́ у немцев? — спрашивает отец Анны, не замечая моего раздражения. — Это правда, что они уже не могут остановить русских?

— Правда, правда, — говорю я, только чтобы поскорее отделаться от него, а сам не спускаю глаз с Анны.

— А что теперь делать нам? — снова слышу я его едкий голос.

Я пожимаю плечами: откуда мне знать?

— Отец, ты думаешь, Адриан пришел, чтобы поговорить с тобой о войне? — с усмешкой спрашивает Анна.

Я мысленно пылко благодарю ее. Это невыносимо, когда каждый спрашивает тебя о войне. Как дела на фронте? Да разве мы, курсанты, знаем обо всем? Но люди, видно, больше не верят официальным сообщениям. Отец Анны недово-

лен ее вмешательством. Он берет под руку жену и демонстративно направляется в соседнюю комнату. На пороге оборачивается и бросает:

— Когда тебя отпустит Анна, может, ты и со мной поговоришь?

— Конечно, конечно. — Я прощаю ему издевку, довольный, что они наконец удалились.

Мы с Анной целуемся, смеемся от счастья и снова целуемся. Я отстраняюсь и гляжу на нее. Анна меня понимает. Она берет меня за руку, и мы поднимаемся по лесенке в ее комнату. Анна поворачивает ключ, набрасывает на ручку двери платок. Я, торопясь и волнуясь, раздеваю ее. Целую ее шею, грудь, опускаюсь на колени, мои руки скользят по ее бедрам. Все тело Анны горит. Я теряю разум от восторга.

Мы лежим, изнуренные, в объятиях друг друга. День уже клонится к вечеру. Солнечный луч пробивается через опущенные жалюзи, пробегает по лицу Анны и тает. От маленькой печурки на нас пышет жаром. Огонь играет живыми красноватыми бликами на стенах.

Мы лежим на спине, погруженные каждый в свои мысли, наблюдая за бликами на обоях цвета спелой вишни.

— Ты... тебе нужно возвращаться назад? — спрашивает Анна, как будто боясь даже произнести слово «училище».

— У нас еще есть время, мы поженимся...

Анна не отвечает.

— Ты этого не хочешь?

— Хочу, хочу. — Она улыбается, целует меня.

Мы снова молчим.

— Знаешь, о чем я думаю, Адриан? — Я вижу, как по ее щеке скатывается слеза. — У меня такое чувство, будто мы с тобой воруем жизнь, на которую не имеем права. Кругом страдания, кровь, смерть. Я живу так, будто кто-то сдавил мне горло. Кто-то забыл оделить нас счастьем и радостью в этой жизни...

— Ты веришь в другую жизнь, Анна?

— Нет, жизнь у нас одна. За ней — пустота.

Я обнимаю ее и ладонью вытираю ей слезы. Почему мы стыдимся того, что мы живы? Нам надоело брести на ощупь в грязном тумане нашего бытия.

— Ты, наверное, не помнишь, Анна? В последние годы в лицее мы проходили военную подготовку и нас заставляли петь строевые песни. Особенно часто одну. Всю я теперь ее уже не помню, но там были слова: «Мы счастливы, мы веселы — мы идем на войну. Будем сражаться как герои — и

победа будет за нами». Идиотские слова! Какой-нибудь старичок проходил мимо, останавливался, смотрел на нас и с завистью качал головой: «Э-хе-хе! Хорошая вещь — молодость. Вся жизнь впереди!» А теперь? Многим ли из нас доведется дожить до старости?

Я лежу на спине, заложив руки за голову, у меня у самого на глазах выступили слезы. Горькие слезы ребенка, которого приносят в жертву, на алтарь безумного божества с тем, чтобы дым сгоревшей плоти достиг божественных ноздрей и задобрил его, смягчил его несправедливые жестокие приговоры.

— Адриан, — шепчет мне Анна, — давай не будем умирать!

Я приподнимаюсь и долго смотрю на нее, потрясенный.

— Не будем, Анна, — отвечаю я, словно произношу клятву.

Будто сдвинулся в сторону огромный плотный занавес из черного бархата. Нам грезится ясное небо и бескрайнее голубое море.

— Пойдем в город? — спрашивает Анна.

Не дожидаясь ответа, она вскакивает, как девчонка, колотит меня кулаками, таскает за уши. Грусти в ее глазах будто и не бывало. Мы поспешно одеваемся. Я шарю по карманам в поисках сигарет и нахожу часы Сесе. От прикосновения к холодному металлу у меня такое ощущение, будто я прикоснулся к его руке.

— Что с тобой? — спрашивает Анна.

Я рассказываю ей все и прошу ее пойти со мной к родителям Сесе. Мы медленно бредем по улице. В городе затемнение. Людей не видно, только слышны их усталые неуверенные шаги.

— Анна, люди утратили всякую силу. Это чувствуется даже по их походке.

— Почти в каждой семье траур.

Улицы начинают пустеть. Мы с трудом отыскиваем маленький дом Сесе. Из палисадника к нам с лаем бросается собака. На ее лай откликаются собаки в соседних дворах. Я звоню. Меня охватывает паническая слабость. Решаю лишь отдать часы матери или отцу и тут же уйти. Из училища, конечно, уже сообщили о смерти Сесе. А если нет? Если на мою долю выпадет сообщить им об этом? Ужас! Мне страшно. Хочется повернуться и убежать. Поздно. Дверь передо мной открывается, и в слабом свете я вижу мать Сесе. Она прогоняет собаку и подходит ко мне совсем близко. Она плохо видит.

— Кто вы? — спрашивает она.

— Госпожа Стэтеску, это я, Адриан.

— А, Адриан?!

Ее лицо светлеет, будто она увидела самого Сесе. Я не успеваю поцеловать ей руку. Она, обрадованная, обнимает меня. Я знакомлю ее с Анной. Она целует ее и приглашает нас в дом.

— Пришел Адриан! — кричит она от двери.

Мать Сесе приглашает нас сесть. Сердце у меня колотится. Она ничего не спрашивает. Ждет. Ждет вестей о сыне.

— Как Стэликэ? — все же не выдерживает она.

Она ничего не знает! Я весь цепенею. На мое счастье, собака бросается к Анне, и госпожа Стэтеску прогоняет ее, потом возвращается, вопросительно смотрит на меня. Я не успеваю ответить. Из соседней комнаты появляются отец Сесе и Тица, его сестра, необыкновенно красивая девушка. Отец — лысый, симпатичный старикашка с круглым животом. И отец и сестра Сесе обнимают меня.

— Тица, — говорит мать,— приготовь кофе и принеси абрикосовое варенье.

— Не стоит беспокоиться, — бормочу я.

— Никакого беспокойства, — весело отвечает Тица, — только подождите меня.

Мать и отец Сесе усаживаются поудобнее. Я перехватываю напряженный, испуганный взгляд Анны.

— Когда ты приехал? — спрашивает хозяйка.

— Сегодня утром.

— Ты один приехал? — Она боится спросить прямо.

— Один. Меня отпустили на сессию...

В горле у меня пересохло. Входит Тица с кофе и вареньем на подносе. Она тоже садится, улыбается мне и Анне.

— Вы без меня не начали рассказывать? — шутливым тоном спрашивает Тица.

— Нет, нет.

На лбу у меня выступает холодный пот. Мне все труднее заговорить после этих приготовлений.

— Можно закурить?

— Пожалуйста, — оживляется отец.

Все не спускают с меня глаз. Я пробую варенье.

— Это варенье очень любит Стэликэ, — говорит мать.

— Я его понимаю, — выдавливаю я.

Они смеются. Я смотрю на Анну. Она с трудом сдерживается, чтобы не заплакать.

— Ну как там наш мальчик? — спрашивает отец. — Ты не привез от него письмо для нас?

— Ему некогда было, — отвечаю я, глядя в пол.

Что, если сказать, что у Сесе все в порядке, что он жив и здоров? Но ведь вот-вот придет извещение из училища. Я чувствую, как меня опять охватывает нервная дрожь. Я едва сдерживаюсь.

— Как он там справляется? — спрашивает госпожа Стэтеску.

— Нормально справлялся. — Я специально говорю в прошедшем времени, чтобы оставить себе хоть какой-то выход.

Начинаю рассказывать о разных приключениях Сесе. Опять все смеются. И опять гнетущее молчание. Сейчас! Сейчас я скажу им всю правду. Пусть только немного успокоятся.

— Госпожа, — обращаюсь я к матери, — Сесе ранило во время последнего воздушного налета.

Она смотрит на меня остановившимся взглядом. Она не верит. Тица начинает всхлипывать.

— Рана, конечно, несерьезная? — с надеждой спрашивает отец, ерзая на стуле.

— В каком он госпитале лежит? — перебивает его мать.

Мне некуда отступать. Достаю часы и молча кладу их на стол.

— Что это значит?

Они ошеломлены. Тица рыдает.

— Я не понимаю, — шепчет отец. — Не понимаю!

— Умер наш Стэлике, — изменившимся голосом говорит мать. — Что ж тут не понимать!

Мы молчим. Анна вся дрожит.

— Госпожа... — пытаюсь я утешить мать Сесе, но у меня ничего не получается.

— Не надо меня утешать, Адриан. Что ты можешь сказать? Такова жизнь! И другие матери потеряли сыновей!

Я растерянно молчу, понимая, что слова теперь бесполезны.

— Ты его видел? — решается отец. Глаза его покраснели. Голова трясется. Он сразу постарел лет на десять. — Ведь ты его не видел? Тебе сказали и передали часы.., Если бы он умер, из училища сообщили бы. Часто путаница бывает...

Он хочет как-то обнадежить жену, да и себя тоже. Из соседней комнаты доносятся рыдания Тицы. Я больше не могу выносить эту мучительную сцену.

— Я видел его.

— Если видел, скажи, он сильно мучился?

— Нет, госпожа. Умер сразу. Осколок попал прямо в сердце.

— Поклянись мне!

— Клянусь!

Старик закрыл лицо руками, плачет. Лучше всех держится мать. Она окаменела от горя. Я целую ее руки, прося прощения. «То же самое, — думаю я, — было бы и с моими, если бы они узнали о моей смерти».

Мы с Анной поднимаемся и выходим. Нас никто не провожает. Они теперь одни со своим горем. В воротах мы сталкиваемся с почтальоном. Может, он несет в дом ту же печальную весть? Какое-то время идем молча. Жизнь представляется нам гнетущей и мрачной. Молодость — совершенно ненужной. Мы пытаемся отыскать хоть каплю успокоения, но в душе лишь черная бездна отчаяния. Анна держит меня за руку, как будто боится потерять.

— Лучше тебе не уезжать..., — говорит она, не выпуская моей руки.

Я со страхом смотрю на нее:

— Нельзя, Анна. Меня объявят дезертиром. Ведь нас уже распределили по полкам.

— Можно, — шепчет она упрямо.

Молчим. Вероятно, и она поняла, что это невозможно. Улицы пустынны, нигде ни огонька, ни полоски света. Город кажется вымершим. Только изредка мимо нас скользит чья-нибудь тень.

— Адриан, ты правда видел, как умирал Сесе?

— Видел. И он, и многие другие. Одного — Виктора Памфиле — расстреляли немцы.

— За что?

— Он поехал на несколько дней в отпуск. Дома застал жену с немецким офицером. Он убил их обоих. Выходит, мы должны умирать на фронте, а наши жены...

— Ты начинаешь говорить, как коммунист.

— Я не коммунист, но это правда.

Мы проходим мимо сапожной мастерской Санду. У него куча детей. Санду стоит, прислонившись к двери, и курит.

— Здравствуй, Адриан. Что нового на фронте?

— А что может быть нового?

— Ну как же...

— Дела идут хорошо, — строю я из себя простачка.

— Как это хорошо, Адриан?

— Хорошо — значит хорошо.

— Ладно, Адриан, оставь.

— Ну а что я могу сказать тебе, дядя Санду?

— То-то и оно, Адриан! Спокойной ночи! — Он скрывается в мастерской.

Из соседнего дома доносятся танцевальная музыка и громкие пьяные голоса. Когда-то здесь был дом терпимости. Я всякий раз, проходя мимо, ускорял шаг. Мне было стыдно и страшно. Как-то одна из девиц схватила меня за руку, пытаясь затащить внутрь. Я и теперь помню ее лицо. С тех пор мы стали здороваться и улыбаться друг другу при встрече. Она была худенькой, с широкими выступающими скулами, и постоянно кашляла. От нее пахло дешевой парфюмерией. Когда подрос, я зашел туда, но не нашел моей знакомой. Я спросил про нее. Мне ответили, что она умерла от чахотки.

— О чем ты думаешь, Адриан? — прерывает мои воспоминания Анна.

— Так...

Город кажется мне грязно-серым. В моей душе поселилась безнадежность. Я не знаю, зачем живу, кому нужна моя жизнь.

— Я думаю, зачем мы здесь, на земле, Анна?

— Нам надо что-то совершить, прежде чем мы уйдем в небытие.

Она видит, что я не понимаю ее, и улыбается мне, как взрослая ребенку. Откуда у нее эта уверенность?

— Куда мы идем, Адриан?

— Не знаю. Никуда.

Некоторое время мы идем молча, потом я решаюсь:

— Нам надо пожениться.

— Да, да, — откликается она рассеянно.

— У тебя есть какие-нибудь возражения?

— Никаких.

Я провожаю ее до дома. У ворот мы целуемся. Ее поцелуй нежен и горек.

— До завтра!..

Я вижу ее силуэт в дверном проеме. Медленно бреду домой. При мысли, что мы с Анной скоро поженимся, мне хочется петь. Улицы все так же пустынны. Время от времени слышны свистки полицейских. Вспоминаю о Сесе, его матери, всей семье, над которой смерть махнула своим жестоким крылом.

Я иду вдоль заборов, заклеенных множеством листовок. «Долой Антонеску!», «Немцы — вон из Румынии!», «Смерть

фашистам!» — читаю недавно выведенные лозунги. Краска растеклась по забору широкими кровавыми подтеками. Что ж, все правильно. «Те, кто их писал, — думаю я, — рисковали своей жизнью». Я иду дальше с чувством какой-то смутной надежды. Все же есть люди, думающие о будущем страны.

Из темноты выступает человек, и я буквально наскакиваю на него.

— Раскрой глаза! — бросает он зло.

— А ты смотри, куда прешь, — отвечаю я так же.

Мы готовы наброситься друг на друга и вдруг застываем, словно оцепеневшие. Это же Гица Пантя! Философ, как прозвали его ребята в лицее. После лицея он куда-то исчез. Я слышал только, что он не явился в свой полк после призыва. Теперь мы дружески обнимаемся.

— Адриан, не говори никому, что видел меня.

— Можешь не волноваться.

— Откуда идешь в такой поздний час?

— Провожал одного человека.

— Сразу видно, девушку.

— Я женюсь, Гица, — сообщаю я ему, чувствуя потребность поделиться своей радостью.

— Зачем ты это делаешь? Чтобы оставить еще одну вдову? Ладно, так или иначе поздравляю тебя!

— Должно же все когда-нибудь кончиться?

— Должно, и очень скоро...

Я и не заметил, как к нам подошли несколько гражданских.

— Ваши документы!

Они рассматривают мои документы, сличая мое лицо с фотографией. Гица спокойно протягивает свои. Один из патрульных читает:

— «Молдовэц Георге».

Они еще раз оглядывают нас с ног до головы и возвращают документы. Мы остаемся одни.

— Гица, у тебя что, фальшивые документы?

— Иначе меня схватили бы.

— Знаешь, если тебе понадобится убежище, приходи к нашим. Мать спрячет тебя в моей комнате.

— Спасибо, Адриан, по мне есть где укрыться. К тому же это продлится недолго...

— Почему ты так думаешь?

— Фронт уже докатился до нашей границы.

Он коротко обнимает меня, сказав на прощанне:

— Скоро увидимся, Адриан.

Гица уходит в темноту, оставив меня размышлять. Днем переодетые в гражданское полицейские очищают стены от листовок и лозунгов, а ночью они появляются снова, хотя все больше патрулей вышагивает по улицам, особенно окраинным. Все чаще говорят о саботаже, о пущенных под откос эшелонах с нефтью и продовольствием, об убитых немецких офицерах. Ночью, когда измученные страхом и нуждой люди засыпают, в городе идет глухая, жестокая, упорная борьба, в которой противостоят друг другу две силы: народ, руководимый коммунистами, и фашисты.

Я являюсь на экзамен, перехватив что-то в буфете. Вхожу в зал. Никакого волнения не испытываю. А с чего мне волноваться? Мне даже смешно, когда я вижу, что кто-нибудь из молодых волнуется. Опи дрожат так, что слышно, как у них стучат зубы. Некоторые явились в военной форме. Я даже не замечаю, когда в зал входит экзаменатор. Вспоминаю о Сесе, Гице, об Анне. Слышу, как экзаменатор кричит на студента-инвалида в военной форме:

— Думаешь разжалобить меня тем, что у тебя нет руки?

Студент смотрит на экзаменатора с ненавистью и отвращением, поднимается и уходит.

Экзамен по истории права. Хм! Право! Чье право? Что такое вообще право? Право предполагает ясную и четкую, как в алгебре, ситуацию, а жизнь... Мой разум кипит. Я пожалел, что не пришел на экзамен напившись. Я бы отбросил всякую застенчивость, я бы спросил экзаменатора, почему на этом свете процветают сила, насилие, убеждение с помощью бомб... Кто это сказал, что вначале было слово? И почему теперь слово не стоит выеденного яйца? За людей говорят пулеметы и гранаты, орудия и бомбы.

Кто-то подталкивает меня локтем. Я слышу свою фамилию и встаю. Слышу вопрос экзаменатора: «Вексель простой и переводной». Бумажки, с помощью которых защищают свое богатство заимодавцы. Судебные процессы против тех, кто оказался прижатым к стене. Мошеннические банкротства. Одним словом, отработанная система ограбления одного человека другим. Я знаю, как ответить на вопрос, но мне стыдно.

Голос экзаменатора звучит неестественно бодро:

— Сожалею, господин студент! Черный шар!

Я покидаю зал без всякого сожаления. Возле факультета меня ожидает Анна. А впереди — война. Любовь и смерть. А я приемлю их с тем же трепетом и страхом.

Мы с Анной бродим по городу. Она меня мягко, как всегда, отчитывает за то, что я провалился на экзамене. Я молча пожимаю плечами. Мы возвращаемся домой только тогда, когда совсем промерзли. Мы наконец решили завтра утром обвенчаться.

Сам не знаю, почему я рассказал Анне о Гице Панте. Я не сказал ей, что встретил его, что он живет по фальшивым документам. Я только сказал, что он дезертировал, что его могут схватить и отдать под суд. Наверное, для того, чтобы Анна не думала, что я могу не возвращаться больше в часть.

Мы расстаемся, договорившись встретиться утром. Возвращаюсь домой. Отец меня поджидает, спрашивает, как я выдержал экзамен. Я прямо отвечаю, что провалился. Он не говорит ни слова, только смотрит на меня грустно.

— Мне хотелось знать, как экзамен, поэтому я тебя и ждал.

— Теперь ты знаешь, что еще? — с раздражением говорю я.

— Это плохо, что ты провалился?

— Не плохо и не хорошо. Попробую еще раз.

Мать говорит, что ужин у меня в комнате, и я иду к себе. Чувствую, как меня захлестывает раздражение против самого себя, против всех. Раздеваюсь и бросаюсь на постель. Засыпаю очень быстро. Мне снится какое-то чудовище. Я не вижу его, но знаю, что оно рядом. Чудовище появляется из моря пламени и хватает меня за руку. Я зову на помощь, но меня никто не слышит. Хочу убежать, но ноги меня не слушаются. Я просыпаюсь весь в поту. Долго маюсь без сна и засыпаю только под утро.

В десять я уже звоню у дома Анны. После долгого ожидания слышу медленные шаги ее матери. Она открывает мне, и я сразу замечаю, что ее лицо измучено бессонницей и страхом. Я здороваюсь и спрашиваю, встала ли Анна. Она в ответ молчит и продолжает смотреть на меня растерянно. Холодок страха проникает и в мою душу.

— Анна?.. — бормочет она.

— Да, Анна.

— Ушла...

— Ушла? Когда? Куда? Мы ведь договорились, что она будет меня ждать.

Позади я вижу столь же перепуганное лицо отца Анны.

— Заходи, пожалуйста, — приглашает он меня тихо.

Я не знаю, что делать. Чувствую, что с Анной что-то

случилось, и весь цепенею. Все же вхожу в дом. Везде ужасный беспорядок.

— Что случилось? — спрашиваю прерывающимся от волнения голосом.

— Ее забрали... — говорит отец. Мать плачет.

— Кто? — Я ничего не понимаю.

— Что ты спрашиваешь? Будто сам не знаешь? Сигуранца.

— За что?

Старики пожимают плечами.

— Сначала они перевернули все вверх дном. Потом один из агентов сказал, что речь идет о простой формальности, — рассказывает мать. — Сказали, чтобы я не волновалась и что дочь через несколько часов отпустят.

— И ты им веришь! — кричит отец. — Знаю я этих свиней!

— Что они искали?

— А черт их знает! Листовки или еще что, — сникает старик.

— Что, Анна была... — спрашиваю я, пораженный.

— Мы ничего не знаем.

Я ухожу совершенно подавленный и растерянный. По улице гусиным шагом проходит рота немецких солдат, распевая «Эрику». Люди идут мимо, опустив головы и пряча глаза. Бесцельно поднимаюсь по улице Плевны.

На учебном плацу взвод новобранцев занимается строевой. Офицер кричит, требуя, чтобы солдаты тянули ногу, подражая немцам. Солдаты путаются. Отрабатывают приветствие на ходу. Раздаются команды: «Бегом — марш!», «Стой!», «Смирно!», «Ложись!», «Ко мне, бегом — марш!». Хотя на душе у меня мерзко, я не могу удержаться от улыбки. Кому все это надо? Там надо работать саперной лопатой, штыком и гранатой, не дожидаясь команды.

Дома я застаю свою двоюродную сестру. Она в трауре, лицо заплакано. Я узнаю, что на фронте убит ее муж. Мать хочет оставить ее обедать, но она отказывается, уходит.

Звоню Гице Панте. Мне отвечает его мать и просит не звонить больше и не искать его. Я ничего не понимаю. Одеваюсь, иду к нему домой. Он живет на углу улиц Моршилор и Арделянской в старом доме купеческой постройки. Поднимаюсь в мансарду. Бесконечные коридоры, двери. Вспоминаю, что Гица скрывается и поэтому не может быть дома. И все же стучусь. Мне открывает мать Гицы. У нее

такое же перепуганное лицо, как и у родителей Анны. Она меня узнала, но войти не приглашает, а говорит из-за двери:

— Уходи! Гицу забрали!

— Его застали дома?

— Пришел за бельем. Видно, выследили. А теперь уходи!

Она захлопывает дверь перед моим носом. Я бегом спускаюсь по лестнице, провожаемый многими парами глаз из-за приоткрытых дверей.

Выхожу на улицу. Меня не покидает предчувствие, что Анна в беде. В голову приходят самые невероятные мысли. Как спасти Анну? Организовать побег? Да я не иначе как идиот! Побег в одиночку не организуешь. Тогда что? Если пойти в полицию и сказать, что я родственник Анны? Может, так я смогу что-нибудь узнать. Хотя это и наивно, но все же выполнимо. Сначала надо зайти домой, сказать, куда я отправляюсь. Если я не вернусь, они хотя бы будут знать почему.

Матери нет дома, она ушла в город. Я сообщаю отцу, что Анну арестовали и что я намереваюсь пойти в префектуру выяснить, что можно. Отец заявляет, что я сумасшедший. Он напуган, у нас в семье уже есть арестованный — дядя Паул. Отец боится осложнений. Я хочу отыскать Анну. «Твое дело, — говорит он, — но надо подумать о родных».

— Ты считаешь, что я могу оставить ее в лапах сигуранцы? — Я возмущен его трусостью.

— Думаешь, ты ее спасешь?

— Попытаюсь. Я должен предпринять что-нибудь.

— Уж не думаешь ли ты, что там тебя поджидают с распростертыми объятиями?

— Может, мне все же удастся что-нибудь выяснить.

— Черта с два! Даже разговаривать с тобой не станут.

— Станут.

— Как бы не так! Кто ты такой, а?

— Я — солдат. Я ищу свою невесту. У нас тоже есть права...

Отец с сожалением смотрит на меня. И вдруг смеется резким издевательским смехом, смеется мне прямо в лицо:

— У тебя одно-единственное право, Адриан. Умереть за родину.

В его словах — горькая ирония. Я вижу, как он несчастен и беззащитен.

— Не трусь, отец!

— Делай как знаешь, — отвечает он. — Но нас не втягивай в беду.

Я поворачиваюсь и выхожу.

Отец догоняет меня уже в дверях, сует мне деньги:

— Кто знает, что может случиться.

По дороге ломаю голову, что скажу там. Что я родственник? Или друг? Или... Но я уже у здания префектуры.

— Что тебе? — спрашивает сержант у ворот, смерив меня долгим взглядом.

— Моя девушка здесь...

— Здесь уже нет девушек, — смеется он мерзко.

— Моя невеста исчезла, — говорю я самым серьезным тоном.

— Может, с другим сбежала? — продолжает отшучиваться сержант.

— Господин сержант, — говорю я, с трудом сдерживая себя, — я хочу выяснить: нет ли ее у вас.

Тот становится серьезным:

— В больницах не искал?

— Искал, — лгу я.

— Тогда пошли со мной.

Мы поднимаемся по лестнице, проходим коридором, опять поднимаемся. Я оказываюсь в небольшой комнате с двумя металлическими шкафами, как в каком-нибудь финансовом учреждении. За столом сидит смуглый человек в гражданском, с густыми вьющимися волосами. Он не обращает на меня никакого внимания, продолжая что-то быстро писать, жует рогалик. Сержант куда-то исчез. Я осматриваюсь. На стене над столом — портреты короля и маршала Антонеску. Дверца одного из шкафов приоткрыта, внутри множество папок с делами.

— Слушаю вас, — вежливо говорит гражданский, кончив писать и жевать.

— Господин комиссар, моя невеста исчезла из дома, — приступаю я прямо к делу.

— Когда?

— Сегодня ночью.

— Она живет с вами? — как мне кажется, доброжелательно спрашивает он.

— Нет. Она живет в своей семье.

— Как ее зовут?

— Анна Иеронима Тырнэ.

— Как вы сказали?

Видно, что он заставляет себя проявить заинтересованность и благожелательность, но на его смуглом лице выражение неподдельной скуки и безразличия.

— Анна Иеронима Тырнэ, — повторяю я,

— Где работает?

— Студентка.

— Ага.

Он достает из шкафа большой реестр в картонной обложке. Листает его, время от времени вскидывая глаза на меня.

— У нас не значится, — наконец говорит он, откладывая реестр. — У нас нет. В больницах искали?

— Почему в больницах?

— Сколько несчастных случаев. Или... Кто знает? У нас несколько отделений... — Он улыбается мне снисходительно. Я понимаю его намек.

— Господин комиссар, моя невеста — не уличная девка, — бросаю я, разъяренный.

— А разве я это сказал? — теперь уже слащаво спрашивает он.

Мне противно с ним разговаривать. Комиссар встает и, не говоря ни слова, выходит из комнаты. Я шарю по карманам. Черт, забыл сигареты дома. Сейчас выйду, дойду до табачного киоска на углу и вернусь. В дверях дорогу мне преграждает громила-сержант.

— Куда?

— Хочу купить сигарет.

— Брось, дадим мы тебе сигарет, — скалится он и вталкивает меня обратно в комнату.

Приблизительно через час возвращается комиссар. Он весел и необычайно вежлив. Приглашает меня сесть, а сам огибает стол и подходит ко мне.

— Значит, вы обручены с барышней Анной Тырпэ?

— Да.

— И давно?

— Не понимаю, зачем вам нужно это знать?

— Так, для сведения.

В его глазах появляется звериная жестокость. Он играет со мной, как кот с мышью.

— Мы решили пожениться, — добавляю я, стараясь придать своему голосу оттенок доверительности и дружелюбия, чтобы задобрить его.

— Это хорошо, по-христиански, — говорит он, осклабившись. — А вы кто по профессии?

— Студент.

— На каком факультете учитесь?

— На юридическом.

— Хотите стать адвокатом?

— Хочу.

— Хорошее занятие и прибыльное.

Мне кажется, что между нами наконец установились отношения доверительности.

— И мне в свое время хотелось закончить юридический, но не удалось...

Комиссар задумывается. Он мне уже не кажется зверем. Может, я преувеличил. Человек вынужден заниматься делом, которое не любит. Мысленно я извиняю его: столько преступников, подлецов... На такой работе можно утратить всякое представление о человечности.

— Я хочу вас попросить...

Он меня не слышит или притворяется, что не слышит, продолжая разглагольствовать об очаровании студенческой жизни:

— Когда мне приходится арестовывать студента, у меня просто душа разрывается на части.

Все же загнанный в глубь моего существа неосознанный страх выходит наружу. Я слушаю его, снедаемый нетерпением.

— Так вы не нашли мою невесту? — спрашиваю я, улучив благоприятный момент.

— Что вы так торопитесь? — удивленно отвечает он вопросом на вопрос.

— А вы как бы вели себя на моем месте?

— У нас еще есть время. Поговорим. — Он ухмыляется и добавляет: — Не нужно торопиться. Ведь не зря говорят: «Поспешишь — людей насмешишь».

Я улыбаюсь, чтобы потрафить ему, хотя сам сижу как на иголках. Он видит, что я нервничаю, и, мне кажется, ему доставляет удовольствие смотреть на меня, как на букашку, которую он может в любой момент раздавить. Комиссар неторопливо достает из кармана пачку сигарет и протягивает мне. Преисполненный доброжелательности, дает прикурить от своей зажигалки. Я немного расслабляюсь и рассказываю, как сержант не разрешил мне сходить за сигаретами.

— Как будто я арестованный.

Он смеется, и глаза его недобро сверкают. Просит показать ему удостоверение личности. У меня его нет при себе, и я протягиваю ему свидетельство об окончании училища. Он его внимательно рассматривает, удивленно посвистывает:

— У вас хорошие отметки!

— Да.

— Надо же!

Он смотрит на меня, как мне кажется, с любопытством.

— Где вы познакомились с барышней Анной?
— Мы знакомы с детства.
— Какие у вас политические убеждения?
— Я не занимаюсь политикой.
— Не может быть!
— Почему не может быть?
— Потому что вы должны заниматься политикой. Вы, так много повидавший...
— Я же вам сказал: я не занимаюсь политикой.
— Наверное, в вашей среде есть и коммунисты.
— Не знаю. Не встречал...
— А если припомнить? — вкрадчиво советует он.
— Я же сказал: не встречал.
— Это нехорошо. — Комиссар встает из-за стола. — Совсем нехорошо. — Он вышагивает по комнате, засунув руки в карманы. — Прошу мне верить, я был бы вам очень признателен... — продолжает он, глядя на меня, будто видя впервые. Неожиданно останавливается прямо передо мной.
— Господин комиссар... — начинаю я. Я хочу попросить его вернуть мое свидетельство, которое он сунул в ящик своего стола.
Неожиданно я слышу грязную ругань. Он изо всей силы влепляет мне пощечину. Я теряю равновесие и падаю на пол. Встаю, готовый броситься на него. Будто из-под земли, появляются двое. Я уже не отдаю себе отчета в том, что делаю, и набрасываюсь на них. Вижу, как у одного из носа потекла кровь. Чувствую, что теряю сознание под градом ударов.
Прихожу в себя на какой-то железной койке. В лицо бьет резкий свет. Закрываю глаза. Пытаюсь вспомнить, что произошло. Голова разламывается от боли. Рядом на таких же койках лежат еще двое и с равнодушным видом рассматривают меня. Я не знаю, ночь сейчас или день. Где теперь Анна?
— Господин начальник, — обращается ко мне один из соседей, — если ты и ночью не дашь нам спать своими стонами, мы тебя вылечим.
— Скажите, пожалуйста, где я?
— Во дворце его величества, — слышу в ответ.
— Чем это ты так рассердил «фараонов», что тебя принесли завернутого в простыни? — спрашивает второй сосед, рыжеватый, безбородый.
— Карманник? — любопытствует первый.
— Пришел узнать о своей невесте... — говорю я так простодушно, что они оба начинают хохотать.

— Хватит сочинять, выкладывай правду!

Я хочу ответить, но в этот момент открывается дверь. Меня волокут наверх. Вталкивают в ту же комнату, потом выводят оттуда и держат у дверей. Комиссар, которого, как я узнал позже, зовут Нелу Агиосу, взбешен. В комнате еще один верзила с бычьей шеей. Лицо у него багровое, будто его целый день держали подвешенным головой вниз. Из комнаты доносится голос Агиосу:

— Послушай, Олару, кто сделал из тебя человека, может, твоя маменька?

— Вы, шеф, — ответствует тот, кого назвали Олару.

— И чем же ты отплатил мне за все, что я для тебя сделал?

— Я, шеф...

— Пишешь рапорты, Олару? Приносишь листовки? А потом? Забиваешься в трактир с какой-нибудь проституткой, а Агиосу пусть сам выпутывается?

— Разрешите... — осмеливается Олару.

— Что тебе разрешить, Олару? Хочешь доложить, сколько листовок нашел? Или что арестовал двух несчастных адвентистов? Ты что думаешь своей пустой головой? Адвентисты и коммунисты — один черт? Э, парень, далеко не один черт. Это я тебе говорю. Ну поколотил ты их, а дальше что? Что они показали на допросе? Что не верят в святого духа? Так и я не верил в чепуху, которую нес поп в нашем сельском приходе. Ты нашел у них листовки?

— Нет, шеф...

— Ну и дальше что?

— Раз я увидел, что они пустились бежать...

— И ты подумал — коммунисты? Хватай их! А коммунисты спокойно занимаются своим делом. Вместо того чтобы пристроить своих людей на заводах, ты установил слежку за магазинами, где продают бумагу, чтобы схватить тех, кто покупает много бумаги. Ну схватил ты старого маньяка, который сделал из своего дома музей... Так. Если через три дня ты мне не доставишь тех, кто баламутит народ, получишь отставку, Олару! Хватит с меня пинков от министра!

Тот, кого называли Олару, вышел от Агиосу. Он приказал одному из агентов прислать к нему в кабинет Таке Писикэ.

Меня снова вводят к Агиосу. Он улыбается циничной улыбкой и приглашает сесть.

— Мне жаль, что все так получилось. Я был немного раздражен... Но и ты... Вместо того чтобы успокоиться, набрасываешься с кулаками. — Он замолкает и ждет.

Я тоже молчу, будто все это относится не ко мне.

— Итак, когда ты стал коммунистом?

Я продолжаю молчать. Агиосу барабанит пальцами по столу. Он ждет. Долго ему придется ждать.

— Знаешь, мы ведь тебя так отделаем, что скажешь даже и то, чего никогда не было. А если хорошей взбучки окажется мало, у нас есть и другие методы... — Он опять выжидает. — Если назовешь несколько имен и адресов, уйдешь отсюда вместе со своей девчонкой. Ну как?

Я решаю поиздеваться над ним. Поворачиваюсь, смотрю ему в глаза.

— Берите ручку, пишите, — говорю.

Рот Агиосу растягивается до ушей.

— Видишь, мы же можем договориться! — Он достает ручку. — Ну!

— Пишите: Ионеску, Попеску, Думитреску, Штефэнеску, — одним духом выпаливаю я.

— Ну, ну, потише, — останавливает он меня, затем замирает с ручкой в руке, поняв, что я над ним издеваюсь. — Ну, сволочь! Издеваешься? Ладно, Агиосу тебя проучит!

Он набирает номер телефона, разговаривает с кем-то, но я не очень-то понимаю, о чем идет речь. Кладет трубку на рычаг и откидывается в кресле. «Эх, — думаю, — попал бы ты, сволочь, под мою команду!»

Вскоре приводят Анну. Я каменею. Лицо ее осунулось, все в синяках. Агиосу поддерживает ее под руки.

— Ты знаешь этого парня? — спрашивает он, указывая на меня. Анна поворачивается ко мне, смотрит отрешенно:

— Нет, не знаю.

— Как это не знаешь? Своего будущего мужа?!

— Этот человек мне незнаком.

— Ну а ты теперь что скажешь? — злорадствует Агиосу.

Я молчу, поняв, что поступил неосторожно. Я могу только навредить ей. Смотрю на Анну, и сердце у меня разрывается от боли. Я никогда бы не поверил, что здоровую и сильную девушку, с гордой и прямой походкой, с живыми умными глазами, можно довести до такого физического и душевного измождения.

— Стало быть, ты его не знаешь? — еще раз спрашивает ее Агиосу.

— Я уже сказала, — тихо отвечает Анна.

— Тогда почему ты выдаешь себя за ее дружка? — набрасывается он на меня. — Зачем ты портишь ей репутацию?

Я чувствую, что он издевается над нами, и готов опять наброситься на него.

— Не знаешь человека, не выдавай себя за его знакомого. Это нечестно, — продолжает он, сопровождая свои рассуждения свинцовыми пощечинами. Я не делаю ни малейшей попытки защититься. В какое-то мгновение мой взгляд встречается со взглядом Анны. Она готова зарыдать, но изо всех сил сдерживается.

— А? Ты переспал с ней? Ну тогда другое дело! — говорит Агиосу, продолжая бить меня по лицу.

Он весь кипит. Я это чувствую и радуюсь.

— Ты хочешь выбраться отсюда? — спрашивает он меня, перестав хлестать. — Скажи ему, барышня, чтобы он развязал язык, — обращается он к Анне. — Это в его интересах.

Наше с Анной молчание выводит его из себя.

— Говори же, подонок! — взрывается он и снова грязно ругается, бьет меня кулаком по зубам. Я молчу и терплю. Чувствую, как сладковато-соленые струйки скатываются по подбородку. Опять перехватываю печальный взгляд Анны и пытаюсь ободрить ее. Но Анна отворачивается к окну, плачет.

Не могу отделаться от мысли наброситься на нашего мучителя, ударить его головой в живот. Сознаю, что это плохо кончится. Через минуту явятся его верзилы и затопчут меня. Единственный выход — притвориться, что потерял сознание. Я со слабым стоном соскальзываю со стула.

— Господин комиссар, это же варварство! — говорит Анна, всхлипывая.

— Пошла ты...

Агиосу звонит. Слышу шаги и его голос:

— Унесите вниз!

Анну я больше не видел. Ее, наверное, отправили в какой-нибудь лагерь. Меня через некоторое время выпустили. Не было никаких улик, и меня оставили в покое.

Очутившись на свободе, я сразу бросаюсь к родителям Анны. Ведь у них не было о ней никаких вестей. Я говорю им, что видел ее, что она скоро будет дома. Я говорю, говорю, не в силах остановиться. Мать Анны плачет.

Отчаяние подступает со всех сторон, берет в кольцо. Никакой надежды, ни малейшего просвета в темной бездне. Думаю о том, что на фронте каждый день гибнут тысячи людей. Но даже трагедия мира не уравновешивает мою трагедию. Кому нужно столько смертей?

Ухожу от родителей Анны, обещая зайти попрощаться. Иду по улице и чувствую в себе гнетущую пустоту. На кустарниках набухли почки. Я обращаюсь к ним как к живым существам: «Однажды и вас покроет черная вонючая сажа. Вы задохнетесь, вы погибнете, как гибнем сейчас мы».

Я не услышал сигнала воздушной тревоги. Поднимаю глаза к грустно-голубому пустынному небу. Оттуда доносится глухой рокот самолетов. Их еще не видно. Вдруг мощный взрыв сотрясает землю. За ним другой, третий... Люди бросаются в укрытия. Я опять смотрю на небо. Вижу самолеты. Они летят в боевом строю на большой высоте, сверкая на солнце, будто серебристые птицы. Зенитки открывают беглый огонь. Справа, словно снесенное ударом гигантского кулака, рушится старинное здание. Из развалин вырываются языки пламени. Я бегу в укрытие, но вдруг меняю решение: мне нужно добраться до дома. Какой-то сержант свистит, подает мне знаки. Я бегу изо всех сил. Вот улица, на которой живет Анна. Бóльшая часть домов в развалинах. Взрывы и монотонный гул продолжаются. Плюшевый медвежонок с оторванным ухом валяется на тротуаре мордашкой вверх. Я оглядываюсь, чтобы убедиться, что не пробежал мимо дома Анны. Нет, не пробежал. Но где он? Ведь вот же, должен быть здесь! Нет, там, подальше... Я узнаю место по обломку лестницы. Вот здесь был ее дом. Обхожу развалины. Может, хоть кто-то остался в живых?

— Есть кто-нибудь? — кричу я.

Сверху доносится рев новой волны самолетов. Взрывы следуют один за другим. Я бросаюсь на землю среди обломков дома моей любимой. Как всякий солдат, знаю, что бомбы дважды в одно место не попадают. Рев стихает. Умолкают зенитки. Весь город в дыму и пламени. Слышны сирены пожарных машин. Поднимаюсь с земли. Мне нужно домой. Здесь я уже ничем не могу помочь. Родители Анны, наверное, ушли в какое-нибудь укрытие. Прежде чем уйти, вырываю из записной книжки листок, пишу крупными буквами: «Дайте о себе знать!» — и разборчиво подписываюсь. Нахожу подходящую палку, закрепляю на ней свое послание и втыкаю ее в обломки. Бумага трепещет на ветру, словно флажок. По дороге приходится обойти огромную воронку. У меня мороз по коже — вот какими гостинцами нас угощают! За несколько минут уничтожен труд не одного поколения.

Наш дом цел. Окна распахнуты настежь, но в доме никого. Люди столпились на тротуаре, говорят о налете. Говорят все сразу, громко, почти кричат. Женщины плачут.

Слышу, что Гривица стерта с лица земли. Направляюсь туда. Машины «скорой помощи» и машины, увозящие мертвых, мчатся одна за другой. Резкие сигналы пожарных. Меня окутывает густое облако пыли или, может быть, дыма. Передо мной возникает белое как мел, окаменевшее лицо с выпученными глазами и раскрытым в ужасе ртом, потом оно куда-то уплывает. Пыль и дым застилают все. Чувствую запах тротила. На зубах, в ушах — всюду песок. У ограды — осколки тарелок, стаканов, лужи чорбы. Длинный стол перевернут. Подальше — обрывки черной материи, рядом лежит женщина в свадебной фате. Прикуриваю сигарету, но после двух затяжек отбрасываю ее: сигарета кажется мне нестерпимо горькой. Смотрю на здание вокзала, охваченное огнем. Сердце у меня сжимается, а рядом — спокойный густой голос:

— Ну вот, сбросили яички...

Вокруг — разрушения, беда. Помогаю спасателям. В одном из домов натыкаемся на мужчину. Он стоит на коленях, вцепившись в батарею центрального отопления. Я обращаюсь к нему, но он только ошалело смотрит на меня. В широко открытых глазах животный ужас. Он пальцем показывает на разрушенное укрытие напротив, что-то мычит. Я ничего не могу понять из его мычания. Пытаюсь помочь ему встать, но он начинает отбиваться. Снова показывает в сторону укрытия и издает нечленораздельные звуки. Несколько человек раскапывают укрытие. Туда застывшим взглядом смотрит мой подопечный. Оказывается, там были его жена и дочь. Пытаюсь отцепить его руки от батареи. Невозможно. Человек отбивается и пронзительно кричит. Кто-то ударил его по пальцам, и мужчина инстинктивно отнимает руки от батареи. Несколько человек хватают его и волокут в машину «скорой помощи». Люди продолжают раскапывать укрытие. На лопате—кисть женской руки, в грязи и крови...

Одного типа поймали, когда он мародерничал в разрушенном доме. Солдаты привели его к офицеру. Тип всхлипывает, что-то бормочет. Офицер достает из кобуры пистолет. Я слышу два выстрела. Мародер делает несколько шагов, схватившись руками за живот, будто пытается убежать, потом опускается на колени, ползет, падает и остается лежать неподвижно.

Четвертое апреля тысяча девятьсот сорок четвертого года. Оставшиеся в живых будут вспоминать этот день, чувствуя у сердца раскаленное железо.

Добираюсь до дома. Мои молча стоят у стола.

— Ты где был? — спрашивает мать.

— Помогал спасателям. Погибло много народу.

— И твой дядя Паул погиб, — глухо произносит отец.

— Как погиб? — спрашиваю, не веря услышанному. — Ведь он в лагере!

— Пытался бежать. Застрелили его.

— Откуда ты узнал?

— Узнал, — отвечает отец, глядя куда-то в сторону.

Лицо его потемнело, осунулось. Он очень любил дядю Паула. Этот странный человек, дядя Паул, всегда внушал мне уважение. Ироничный по отношению к своим ближним, иногда несколько высокомерный, но разговорчивый, всегда готовый пошутить. На голове у него торчал коротко остриженный хохолок, который он старался пригладить, прежде чем начать говорить. И вот теперь он ушел от нас. Ненависть к немцам у него была с шестнадцатого года. От отца я слышал, что в семнадцатом он остался в Одессе, воевал на стороне красных. После войны долгое время о нем никто ничего не знал. Многие годы он не писал никому, и отец с матерью считали его погибшим. Когда вернулся, он рассказал нам, что был сначала в Азии, потом в Африке. Что он там делал — для нас так и осталось загадкой. Я слышал, что когда-то дядя Паул был женат. Его жена, очень красивая женщина, погибла. Больше дядя Паул никогда не женился. У нас он появлялся редко и всегда торопился. Кажется, он любил меня. Всякий раз, приходя к нам, он целовал меня и совал в карман то шоколадку, то конфету, то еще какую-нибудь сладость. Как-то я попросил дядю рассказать о его жизни. Он улыбнулся, пригладил свой хохолок и ответил:

— Ты еще слишком мал для такой большой жизни.

Знаю, что дядя Паул был часовщиком по профессии и неплохо зарабатывал. Его смерть меня глубоко потрясла. Мне не верится, что он пытался бежать. Скорее, ему подстроили побег, чтобы с ним расправиться.

Мы с отцом идем к нему домой — он жил в районе Куэзашь. У него была большая комната над гаражом. Там все перевернуто вверх дном. Журналы, газеты, книги свалены в кучу. В одном из ящиков письменного стола я обнаруживаю свою фотографию, когда я был маленьким, и тетрадь с заметками. На обложке написано красным «1917» и дважды подчеркнуто. Я перелистываю тетрадь. Это своего рода фронтовой дневник. Ума не приложу, как эта тетрадь не попалась жандармам, производившим обыск. В тетрадь вложена фотография необыкновенно красивой женщины. На обратной стороне одно-единственное слово: «Мария».

Всю ночь я не сплю. Перед глазами — дядя Паул, далекая незнакомая женщина... Жена?

Утром меня спрашивают. Этого мужчину я вижу впервые. Он говорит, что хочет сообщить мне кое-что по секрету. Я приглашаю его в свою комнату. Человек высок, плотен, с густыми вьющимися волосами, массивными челюстями, суровым выражением лица.

Я приглашаю его сесть, но гость отказывается.

— Что вы мне хотите сообщить? — спрашиваю я, чтобы поскорее отделаться от него.

— Об Анне.

— Об Анне? — Сердце у меня просто колотится. — Вы ее видели? Где она? Что с ней? Можно мне передать ей хотя бы письмо?

— Она здорова, — говорит незнакомец. — Но передать ей пока ничего нельзя.

— Почему? — удивляюсь я.

— Она все равно не получит.

— Неужели власти не разрешат?

— Попробуйте, если хотите.

— Я вас и спрашиваю, потому что не знаю, как следует поступить...

— Я вам уже сказал.

— Простите, а с кем я говорю?

— А это вам знать необязательно, — отрезает он, уже направляясь к двери.

В нем есть что-то такое, от чего у меня мороз пробегает по коже. Мне хочется еще расспросить его об Анне, но я теряюсь. К тому же видно, что он торопится уйти.

— Не знаете, ее скоро отпустят?

Человек улыбается и пожимает плечами. Я молча провожаю его до ворот, и незнакомец исчезает за углом.

— Кто это? — спрашивает мать.

— Один мой знакомый.

С тех пор как я побывал в сигуранце, она боится всего и всех. Я стараюсь успокоить мать, сочиняя всякие небылицы. Она ничему не верит. Смерть дяди Паула окончательно сломила и отца. Меня не покидает беспокойство за родителей. Если бы рядом была Анна, она позаботилась бы о моих стариках...

Настало время возвращаться в часть. Мать вся пожелтела, часто жалуется на сердце. Отец ободряюще улыбается мне, но его мысли где-то далеко.

Пока я остаюсь в кавалерийском полку, расквартированном в Бухаресте. Мне присвоили звание младшего лейтенанта и назначили командиром взвода новобранцев. Я надел новые погоны и явился к командиру эскадрона. Он невысокого роста и не очень-то крепкий с виду. Взгляд у него мягкий.

— Господин капитан, явился в ваше распоряжение! — докладываю я, назвав свою фамилию и взвод, в который назначен.

— Капитан Петре Маполиу, — рекомендуется он, пожимая мне руку. — Но эти негодяи солдаты называют меня еще и Баклажаном. — Он добродушно смеется.

С самого начала он мне очень симпатичен. Родом капитан из-под Ясс.

— Откуда будешь, младший лейтенант? — спрашивает он.

— Из Бухареста, господин капитан.

— Ну забирай свой взвод — и на занятия.

— Есть, господин капитан.

Он еще раз пожимает мне руку, я делаю поворот кругом и отправляюсь в свой взвод.

Низкорослый неуклюжий унтер-офицер муштрует солдат. Увидев меня, он подает команду:

— Взвод, смирно! Равнение на середину!

Я принимаю рапорт, беру командование на себя и веду взвод на полигон.

В одном из окон штаба замечаю командира полка и, сам не зная почему, начинаю орать:

— Левой! Правой! Левой! Выше ногу!

Мимо проходит немецкий офицер. Унтер-офицер подает мне знаки, но я делаю вид, что не замечаю, и продолжаю выкрикивать:

— Стой! Вперед — марш! Стой!

Сам сознаю, что выгляжу смешным. Все гражданские, проходящие мимо, наверное, иронически улыбаются. Наконец подаю команду:

— Походным шагом — марш!

Немецкий офицер, полковник авиации, подходит ко мне. Я отдаю ему честь, останавливаю взвод. Он спрашивает у меня фамилию и из какой я части. Я притворяюсь, что не понимаю, хотя знаю немецкий прилично. Немец смотрит с презрением и что-то бормочет. Я самым спокойным тоном посылаю его куда подальше. Унтер-офицер замирает, перепуганный. Весь взвод наблюдает за этой сценой, и я вижу на лицах солдат улыбки одобрения.

Когда занятия заканчиваются, я возвращаюсь со взводом в казарму. Не успеваю подать команду разойтись, как меня вызывает к себе командир полка.

— Отлично, младший лейтенант! — встречает он меня гневно, даже не дав мне возможности отдать ему честь. — Вы что, не в своем уме? Все как с ума посходили. Когда вы прибыли в наш полк, я подумал: вот рассудительный, серьезный молодой офицер...

— В чем моя вина, господин полковник?

— Слышали? Он еще спрашивает? Цапаетесь с немецкими офицерами, а потом жалобы сыплются на мою голову!

Говорит он во множественном числе. Значит, это уже не первый случай. По его поведению и тону я понимаю, что полковник сам не переваривает немцев. Он делает странный жест, выражающий бессилие. И вдруг морщины на его лбу разглаживаются. Он приглашает меня сесть.

— Ну, как было дело? — спрашивает он.

— Разрешите доложить? Мой взвод направлялся на полигон... Я не заметил господина немецкого полковника...

— Хм, не заметил. Уж как-то вы ухитряетесь с некоторого времени не замечать их вовсе. Когда они проходят мимо, вы отворачиваетесь. Не шутите так, ребята. Иначе все мы попадем в беду. Эти снимут с нас шкуру. Уж и не знаю, как мы выкрутимся...

Он оставлял впечатление человека благодушного и трусоватого. Позднее я узнал, что под различными предлогами командир полка отзывал с фронта солдат, затягивал следствие и отдачу под трибунал тех, кто не являлся в свои части.

— Какого черта, господин лейтенант? Неужели вам так тяжело козырнуть?

— Я не заметил немецкого полковника, — упорствую я.

— Не заметил! — со скучающим видом передразнивает он меня. — Пожалуйста, больше чтобы такого не было.

Из кабинета полковника я выхожу в отличном настроении. Унтер-офицер ожидает меня, все еще перепуганный. Я изображаю на лице мрачную гримасу.

— Ну что, господин младший лейтенант? — нетерпеливо спрашивает он меня.

— Отдаст нас обоих под суд.

Он смотрит на меня ошалело, а я едва сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться.

— Ну а за что, господин младший лейтенант?

— Да так. Урок на будущее. Чтобы впредь приветствовали господ немецких офицеров, наших союзников, наших братьев по оружию!..

— Да приветствую я их, чтоб они сгинули...

Он стоит, не моргая глядя на меня. Я себя ничем не выдаю.

— Не любишь ты их, Манасия, не любишь, — с укором говорю я.

— Люблю, господин младший лейтенант. Люблю, раз такой приказ.

— Не по приказу любить надо, а душой! — веду я свою роль.

— Ясно, господин младший лейтенант. Есть, любить душой!

— Можешь идти, Манасия!

Унтер-офицер козыряет и уходит. Думаю, он не будет спать всю ночь.

На конюшне меня берет в оборот Баклажан. Весь полк уже знает о моей проделке.

— Ты что натворил? Полковник мечет громы и молнии!

— Господин капитан, я только что от господина полковника, — докладываю я.

— И как? Здорово досталось?

— Да не очень.

— Полковник — добрая душа. Не надо усложнять ему жизнь, — говорит мне капитан Манолиу спокойным тоном.

Мне нравится капитан Манолиу. Солдаты тоже его любят. Они готовы за него в огонь и в воду. Он отпускает солдат в увольнение под свою ответственность. И ни один не опоздал, не дезертировал.

Хороший солнечный день. Я направляюсь из расположения полка домой. На улицах полно людей. Прохожу по улице, где жила Анна. Вместо дома — развалины. Мой флажок исчез, его, наверное, сорвал ветер.

На этой улице я знаю все дома. Вот здесь, в доме номер восемнадцать, жила парализованная женщина. Весной она каждый день выезжала на коляске к воротам. Видя нас с Анной, дружелюбно нам улыбалась. Она ставила на мостовую шарманку на трех ножках и начинала крутить ручку. Звучала трогательная мелодия, белый мышонок вытаскивал из коробки «счастливые билеты». В доме номер двадцать один проживала многодетная семья, дети шумели, допоздна играли на мостовой. Немного дальше жил портной. У него

на фасаде дома была даже вывеска, которая страшно скрипела при малейшем дуновении ветра. Его жена была толстой как бочка, а сам он — тощий как доска.

Дохожу до керосиновой лавки. Там — невообразимый гвалт. Толпа галдит с бидонами в руках. У тротуара останавливается элегантная спортивная машина, за рулем — сам господин префект. Рядом с ним на сиденье огромный пес, размером с теленка. Господин префект возмущен беспорядком. Он ругается, угрожает, обещает принять меры. Против кого? Против людей, ожидающих керосина с бидонами в руках? Префект толстый. Он носит форму кавалериста. Люди шлют проклятия вслед удаляющейся машине:

— У, сволочь! Того и гляди, штаны на заду лопнут! Отъелся как боров! Видно, неплохо ему живется!

Домой я возвращаюсь обозленный. Я сыт по горло тем, что вижу вокруг. Мне все чаще хочется достать из кобуры пистолет, чтобы восстановить справедливость. Пока я жил в замкнутом курсантском кругу, я даже не подозревал, что творится в Бухаресте, что переживают мои близкие.

Ем без всякой охоты, не замечая, что мать опять приготовила мое любимое блюдо: тушеную картошку с брынзой. Вторую половину дня провожу дома. С отцом обмениваюсь лишь несколькими словами. Он жалуется на головокружение. Мать работает, но говорит, что сил у нее все меньше. Чем я могу помочь ей?

На следующий день я снова на занятиях со своим взводом. В десять часов раздается сигнал тревоги. Зловещее, жалобное, рвущее душу завывание. Люди бегут, на секунду останавливаются, вглядываясь в небо. Убежища переполнены. Люди толкают друг друга, ругаются. Машины и повозки устремляются на окраины города.

Баклажан не явился в полк, и я опасаюсь, как бы с ним чего не случилось. Младший лейтенант Дантопол думает, что его арестовали. Может, он отказался поехать на фронт? В воротах я встречаю майора Драгомиреску, который три дня как вернулся с фронта. Грудь у него завешана наградами. Вчера в столовой он сказал: немцы проиграли войну, а нас тащат за собой в пропасть. И никто не осмелился ему возразить. Он храбро сражался. Но кому нужна его храбрость? Однако сигуранца что-то пронюхала. К полковнику прислали агента. Правда, полковник просто-напросто его выставил.

— Я не допущу, чтобы преследовали моих офицеров, вернувшихся с фронта и награжденных румынским государством, — бросил он агенту, указав на дверь.

Драгомиреску приглашает меня в убежище, устроенное солдатами его эскадрона. Я отказываюсь. Бомбежка усиливается. Я бросаюсь на землю рядом с проходной. Мои нервы напряжены до предела, я глохну от нестерпимого рева пикирующих самолетов. Вижу, как майор Драгомиреску перебегает улицу, направляясь в убежище. Слышится свист падающей бомбы, и я изо всех сил вжимаюсь в мостовую, как будто весь хочу уйти в землю. В момент затишья поднимаю голову и осматриваюсь. Посреди улицы огромная воронка. Вижу сапоги, обрывки шинели... Это все, что осталось от майора Драгомиреску.

Бомбардировка продолжается. Возле меня бросается на землю младший лейтенант Дантопол. Его спокойствие меня раздражает. Он лежит на животе и читает книгу.

— Ты что, с ума сошел? — спрашиваю я.

— А что?

— Не видишь, что творится?

— И правда. Они собираются нас перебить.

Он закрывает книгу и засовывает в карман френча. Рядом с нами устраиваются двое немецких солдат — танкисты.

— Пошли отсюда, — говорит Дантопол. — Эти всегда приносят несчастье.

Я готов рассмеяться. Немцы тоже перетрусили и, когда прозвучал отбой, с облегчением вздыхают. Мы поднимаемся с земли, отряхивая грязь с одежды. Мимо проходят несколько штатских и ругаются на чем свет стоит.

— Что скажешь, — смеется Дантопол, — арестуем их или угостим парой кружек пива?

Несколько часов спустя в казарму приводят трех пленных летчиков. Один из них ранен в ногу. Двое летчиков — американцы, третий — канадец, шатен, с коротко подстриженными усиками. Американцы — оба блондины, высокого роста. Я вызвал врача, чтобы он осмотрел раненого. Тот приходит недовольный и, осматривая ногу раненого летчика, зло ругается:

— Проклятые янки! После того как я чуть не умер со страху, я должен им еще помощь оказывать!

Канадец знаками спрашивает меня, не найдется ли выпить. Я посылаю солдата в столовую, и тот приносит холодного пива. Пленные жадно пьют, потом горячо меня благодарят. Я их запираю на гауптвахте, поставив часового.

После обеда подкатывает машина с немецкими офицерами. Они узнали, что в полку трое пленных летчиков, и приехали их забрать. Я провожаю их на гауптвахту. Американцы не обращают на немецких офицеров никакого внима-

ния. Немецкий полковник рвет и мечет, приказывает им встать. Те продолжают сидеть, положив ноги на стол. Немцы требуют, чтобы их провели к командиру полка. Наш полковник уверяет их, что не может передать пленных без письменного приказа. Немцы угрожают, ругаются, но он стоит на своем.

Утром я сменяюсь с дежурства и спешу домой. Мать уже не боится, как раньше, воздушной тревоги. Когда слышит сигнал, гасит огонь, отец открывает окна, и они уходят в укрытие, вырытое в парке. Отец рассказывает, что, когда мать слышит свист падающей бомбы, она прячет голову у него под мышкой, будто там она в безопасности. Бедные! Сколько им еще отведено?..

Бомбардировки становятся все чаще, все интенсивнее. Наш полк рассредоточен: часть эскадронов, в том числе и наш, переведена в село Пантелимон под Бухарестом. Мы расположились в частных домах. Делать нам нечего. В промежутках между тревогами играем в кости. Счастье, когда идет дождь, — тогда самолеты не прилетают. Утром уходим на занятия со взводами. Во время перекуров разговариваю с солдатами. Одни совсем еще молодые, другие призваны из запаса—«деды», как их называют. Они сыты войной по горло и думают только о доме, женах, детях, об оставшейся необработанной земле. Военной подготовкой занимаются через силу.

Все меня спрашивают об одном: когда же кончится эта война? Будто я сам Антонеску! Большинство в моем взводе — крестьяне. Во время перерывов я вижу, как они гладят землю, будто ребенка. Рядом со мной занимается взвод Дантопола. Он объявил перекур и подходит ко мне поболтать. От него я узнаю, что к каждому взводу прикреплен немецкий унтер-офицер, будто бы для обучения. Только этого нам не хватало!

— К чему это? — спрашиваю я Дантопола.

— Немцы больше не доверяют румынам, — отвечает Дантопол. — Теперь понял? — Видя мое удивление, смеется: — Что? Это для тебя новость?

Я пожимаю плечами. Ведь если они нам не доверяют, значит, примут и более серьезные меры. Дантопол прикуривает и выпускает через ноздри густые струи дыма. Он симпатичный, живой парень. В каком-то штабе служит его дядя — генерал.

Дантопол рассказывает мне про бывшего командира на-

шего полка, самодовольного, гонявшегося за наградами полковника. Он делал все возможное, чтобы полк отправили на фронт. Как-то он приказал построить весь полк и выступил перед ним, подражая Антонеску: «Ваш полковник вам приказывает», «Будьте готовы принести себя в жертву па алтарь отечества» и тому подобные помпезные, пустые фразы. Солдаты слушали его с равнодушными лицами. Между собой шептали: «Вот пусть он и будет первой жертвой на алтарь отечества». Офицеры делали вид, что не слышат комментариев. Полковник добился, чтобы для полка выделили эшелон. Погрузили фураж. Последний вагон загрузили гробами и новенькими крестами.

К неописуемой ярости полковника сверху вдруг пришел приказ о демобилизации личного состава полка. Как я понял, это было делом рук Дантопола, который поговорил со своим дядей-генералом.

— Ты знаешь Рациу? — пе умолкает Дантопол.

— Какого Рациу?

— Младшего лейтенанта из четвертого взвода. Это тот, который утверждает, что он потомок Георге Раца, сподвижника Михая Храброго...

— Ну и что он? — спрашиваю я без интереса.

— Он всегда все знает. Так вот, он говорит, что война кончится быстрее, чем мы думаем.

— Возможно, — соглашаюсь я.

Не надо и знать много, чтобы делать такие выводы. Немцы отступают «на заранее подготовленные позиции», саботаж принял небывалый размах, парни укрываются от призыва в армию, солдаты дезертируют. Ходят самые невероятные слухи. Говорят, будто бы румынская армия будет разоружена и загнана в лагеря, что румыны готовят крупное восстание... Точно никто ничего не знает. Болтают, что двор столковался с некоторыми оппозиционными партиями. Где правда? Еще говорят, что кто-то из влиятельных лиц отправился в Турцию, чтобы договориться о мире с англо-американцами, что Антонеску предложил царанистской и либеральной партиям взять на себя руководство страной, а Маниу выжидает. Будто бы вместе с Братиану они предложили сформировать сначала правительство из военных, с тем чтобы затем взять власть в свои руки. Где правда? Что же нужно знать нам, солдатам, предназначенным лишь в жертву на алтарь отечества?

Я закуриваю которую сигарету подряд. Дантопол мурлычет какую-то мелодию. Солдаты скручивают толстые цигарки, как у себя дома. Солнце палит нещадно. От земли

поднимаются горячие струи, и в их причудливом преломлении перед моими глазами складываются разные картины...

— Как здорово сейчас на море! — размечтался Дантопол. — Голубая вода! Холодный, как лед, напиток! Какие одалиски!

Он уже не кажется мне интересным. Так, самовлюбленный тип.

Со стороны Бухареста доносится завывание сирен. По шоссе из города мчатся грузовики, легковые машины, тащатся повозки. Звуки сигналов, крики, ругательства. Лицо Дантопола становится серьезным. Он бросается к своему взводу. Я оглядываю своих людей. Пожилые остаются безразличными, молодые озабочены. Я укрываю свой взвод под кроной огромного развесистого дуба. Вскоре до нас доносится глухой рокот моторов. Зенитки выплевывают в бескрайнее голубое небо несколько белых облачков. Меня вдруг охватывает чувство нереальности окружающего мира. Нас послали на смерть, и мы уже где-то на рубеже...

Смотрю в бинокль в сторону Бухареста. Город горит. Земля дрожит от нескончаемых взрывов. Гул моторов все ближе. Слышен шелест осколков, и я приказываю солдатам надеть каски. Зенитки бьют ошалело. В небе вспыхивает огромное желтоватое пламя. Один из самолетов переломился надвое, будто невидимая рука ухватила его за хвост и как следует тряхнула.

Увлеченный этим зрелищем, я не замечаю, что один американский истребитель начал обстреливать нас с бреющего полета. Длинные молнии трассирующих пуль рассекают небо. Самолет проносится так низко, что я вижу лицо пилота. Он явно забавляется, наблюдая, как мы бегаем вокруг дуба. Сержант Манасия просит разрешить ему открыть огонь по самолету, может, удастся его сбить. Я знаю, что это бесполезно, и не разрешаю. Самолет удаляется, но вскоре возвращается и угощает нас длинной пулеметной очередью. Пули со свистом впиваются в землю.

Вдруг в хвост американцу пристраивается немецкий истребитель. Американец оставляет нас в покое и вступает в бой с немцем. Тот тоже чувствует себя не очень-то уверенно: на него устремился еще один американский истребитель. Того в свою очередь атакует румынский летчик. Картина воздушного боя прямо-таки захватывающая. Четыре самолета преследуют один другого, взвиваются вверх, пикируют, щедро поливая все вокруг свинцом. Из хвоста американского истребителя вырывается пламя, он заваливается на крыло и с воем падает вниз. Раздается взрыв. Через нес-

колько минут немца постигает та же участь. Румын еще атакует или делает вид, что атакует. Он взмывает вверх и заходит американцу в бок. Американец выпускает длинную очередь — безрезультатно. Тут я различаю, что мотор американского истребителя начинает захлебываться: значит, румын все же задел его. Американец открывает бешеный огонь. Румынский самолет загорается, и летчик ведет его к земле. Американский истребитель удаляется, но по его корпусу расползаются тонкие струйки дыма.

— Ребята! За мной! — кричу я солдатам. Мы устремляемся к месту падения румынского самолета.

Наш самолет горит, а где-то далеко в небе взрывается и американский истребитель. Солдаты вытаскивают из кабины летчика, на нем уже тлеет одежда. Это совсем еще молодой парнишка с девичьим рассерженным лицом. Он бледен как смерть, просит у меня сигарету. Руки у него дрожат, и он не сразу ухватывает ее губами. Мы наблюдаем за американцем, выбросившимся с парашютом. Солдаты из взвода Дантопола бегут, чтобы схватить его. Через некоторое время Дантопол приводит плененного американского летчика. Он приблизительно такого же возраста, как и румын. Они смотрят друг на друга, и им как будто становится стыдно.

— Дети... — вздыхает Заведеу, старый солдат из моего взвода.

В конце концов летчики протягивают друг другу руки. Американец угощает румына сигаретой, но тот с достоинством отказывается. Мне нравится его жест. Смотрю на девичье лицо румынского летчика и спрашиваю себя: во имя чего? Во имя чего мы подвергаем себя таким страшным испытаниям? Что творится на белом свете? Будто кто-то пустил в ход механизм, сеющий безумие.

Время тянется страшно медленно. Иногда, когда я заглядываю в свое удостоверение личности и читаю дату своего рождения — тысяча девятьсот девятнадцатый, — мне становится смешно. Не может быть! Я кажусь себе совсем старым, будто мне по крайней мере лет сто. А был ли я когда-нибудь молодым? Кто же распорядился моей молодостью?

Ночью мы все приводим в порядок. Бесцветная холодная луна успокаивает наши раскаленные души.

В воскресенье я получаю разрешение съездить в Бухарест.

Город очень изменился. Все теперь открыто проклинают войну и немцев. Мать жалуется, что на рынке ничего нель-

вя купить. Они угрюмы, раздражены. На этот раз уже я советую им быть сдержаннее.

— А что нам сделают? — вскидывается мать. — Застрелят? Велика беда! Мы избавимся от них, они от нас!

Я ее больше не узнаю: вероятно, истощился запас терпения, которым она обладала.

В эту ночь я сплю дома. Мне снится Анна. Красивая и необычайно веселая. Поцеловала меня и обещала, что мы снова встретимся. Потом исчезла, словно испарилась. Только во сне судьба посылает мне счастье.

Я встаю очень рано, чтобы добраться до части. Дни тянутся мрачные, бессмысленные. Всякий раз, когда я бываю в Бухаресте, меня застает воздушная тревога и бомбежка. Пытаюсь узнать о судьбе Анны и ее родителей. Много узнать не удается. Один мой знакомый сообщил мне, что Анна покончила с собой в тюрьме. Это одна из версий. Другая еще страшнее. Ее как будто изнасиловал Агиосу, а потом выбросили из окна. Я не могу в это поверить. Но эту чудовищную весть подтвердил другой человек, передавший мне золотое колечко, которое я подарил Анне.

Звери! Они убили ее! Мне приходит в голову мысль пойти в префектуру, отыскать Агиосу и пристрелить его.

Через несколько дней ко мне забежал Гица Пантя. Ему удалось спастись. Он узнал мой адрес и пришел. Я очень ему рад. Рассказываю об Анне. Он задумывается. Потом говорит, что все могло быть подстроено сигуранцей. А тот, кто принес кольцо, — попросту их агент.

— Зачем сигуранце подсылать ко мне своих агентов?

— Тебя не удивило, что колечко принес мужчина? — Гица теребит подбородок. — Не помнишь, он тебя спрашивал о чем-нибудь?

— Спросил, не хочу ли я вступить в партию. Мол, раз я знаю Анну, я могу знать и других товарищей.

— И что ты ему ответил?

— Что не занимаюсь политикой или что-то в этом роде. Я был так потрясен, сам хотел умереть...

Пантя вселил в меня смутную надежду. Провожая, я горячо его обнимаю.

— Когда увидимся, Гица?

— Вот на этот вопрос я тебе ответить не могу.

Пока он не скрывается в тополиной аллее, я не свожу с него глаз, про себя повторяя: «Может, Анна жива? Она жива!» Теперь мысль об Анне не покидает меня.

Дантопол сообщает последнюю новость: мы отправляемся на фронт, чтобы сражаться до конца. Это меня больше

не трогает. Вечером я напиваюсь так, что мне становится плохо. Нервы совсем сдают. Я то плачу, то смеюсь, то подозрительно спокоен, то мечусь в истерике. Разговариваю сам с собой. Мои родители в отчаянии. Я пытаюсь отыскать Пантю, но тот как сквозь землю провалился. Даже его мать ничего о нем не знает. Уж не арестовали ли его снова?

Я сообщаю родителям, что нас отправляют на фронт. Мать тихонько плачет. Отец смотрит на меня пристально, подперев рукой подбородок. У меня такое впечатление, что он не совсем понимает, о чем идет речь.

Я бессмысленно брожу по улицам. Останавливаюсь у витрин, рассматриваю их и ничего не вижу. Курю сигарету за сигаретой. Думаю, что на фронте мы только и будем жертвовать собой, чтобы немцы могли отступить организованно и без потерь. С такими мыслями я отправляюсь в часть. Город кажется спокойным. Или он насторожился? В любом случае я давно не видел Бухарест таким спокойным. Стоит нестерпимая жара. Из-под фуражки струится пот.

Прибыв в расположение части, я прямым ходом направляюсь в офицерскую столовую, чтобы найти Дантопола и узнать последние новости. Темнеет. В столовой никого. Каптенармус говорит, что все — и солдаты и офицеры — в Бэнясе. Странно.

— Что им делать ночью в Бэнясе? — спрашиваю я.

— Не знаю, господин младший лейтенант!

— Ночные учения?

Солдат пожимает плечами.

— Сейчас один из взвода господина младшего лейтенанта Дантопола едет туда на повозке, — добавляет он лениво.

Я выхожу и вижу солдата, который как раз забирается на повозку, груженную ящиками с боеприпасами.

— Куда ящики везешь?

— В Бэнясу, господин младший лейтенант. Везу снаряды и пулеметные ленты.

Мы трогаемся в путь: я, пристроившись на ящиках, солдат — на козлах. У кинотеатра «Скала» толпа, слышны «Марсельеза» и «Румын, пробудись!». Люди кричат, обнимаются. От отеля «Амбасадор» одна за другой отъезжают машины с немецкими офицерами. Из репродуктора — взволнованный голос: «Слушайте важное сообщение...»

Лошади бегут трусцой, и от тряски у меня ноют внутренности. Все небо в звездах.

На окраине наш полк занял оборону. На головах у сол-

дат каски. Люди молчат, на лицах сосредоточенность и решимость. Натыкаюсь на Дантопола.

— Неужели не знаешь? Мы наконец расторгли брак с немцами!

— Ну и... — Я не верю своим ушам.

— Ну и деремся! — с неизменной иронией отвечает он.

— А правительство?

— Все в порядке. Знаешь, кто теперь командует нашим эскадроном?

— Кто же?

— Капитан Манолиу!

— Баклажан?!

— Точно.

Это известие меня радует и веселит. Все события этой ночи я воспринимаю как во сне. Не могу поверить, что жизнь вдруг переменилась. Но утром двадцать четвертого августа первый номер газеты «Романия либерэ» будто пробуждает меня от глубокого и кошмарного сна.

Пришел час расплаты с теми, кто принес Румынии столько несчастий!

Мы достигли границы между Венгрией и Чехословакией и пересекли ее восемнадцатого декабря тысяча девятьсот сорок четвертого года, не встретив никакого сопротивления. Люди в хорошем расположении духа, шутят, будто они не на войне. Очень многие прибыли на фронт добровольцами.

Анна немного не дожила до двадцать третьего августа. Я все же узнал правду. Ее изнасиловали и выбросили из окна. Эту подлость совершил Агиосу. Я искал его, но он успел скрыться.

Я иду впереди своего взвода с автоматом на плече. Смех солдат выводит меня из задумчивости. Справа от меня шагает сержант-резервист Николае Георгиу. Солдаты прозвали его Соней. Родом он из Бухареста. Он высок ростом, худощав, на смуглом лице выступают крупные скулы. Каштановые, коротко остриженные волосы напоминают щетку. До войны он был служащим на каком-то частном предприятии. Кажется, он постоянно пребывает в состоянии мечтательности. Но при всем том не побоялся отвесить пощечину немецкому офицеру, который привязывался к его жене. Немец выхватил было револьвер, но Соня врезал ему еще разок так, что пистолет отлетел на край тротуара. Соню арестовали и должны были расстрелять. События двадцать третьего августа спасли его от расстрела.

Теперь он шагает рядом со мной. И любопытное дело! Его сонливость как рукой сняло. Отец Сони занимался заправкой сифонов, мать стирала белье в состоятельных семьях. Родители делали все, чтобы он получил образование. И вот отец умер. Мать не могла дать ему возможности учиться дальше. Соня поступил на службу и стал содержать свою старушку-мать. Потом женился на хорошей женщине, у него есть ребенок. Он почти все время молчит, а если и говорит, то какими-то обрывками фраз. Но стоит заговорить о его жене, матери, ребенке, лицо у него светлеет. В кармане он носит губную гармошку, развлекает нас игрой. Он, как правило, серьезен, с ним не очень-то пошутишь. Зато как получит из дома посылку — поделится с каждым.

Вторым отделением командует Виктор Арапи, прибывший на фронт добровольцем. Он всегда готов кого-нибудь разыграть. Это он однажды сказал Соне, что его вызывает командир полка, и тот чуть не попал в лапы к немцам. Николае так разъярился, что готов был прибить шутника. Пришлось их разнимать. Вука, как мы называем Арапи, маленького роста, с живыми черными глазами. У него гладкий, немного выпуклый лоб, чувственные, как у женщины, губы. Когда волнуется, он говорит так быстро, что ничего понять невозможно. А когда проштрафится, начинает: «Видите ли... Я думал... Мне казалось...», а глазами вертит так чудно, что даже Баклажан не может удержаться от смеха. Иногда капитан вызывает к себе Арапи и отчитывает его. Вука делает большие глаза и начинает клясться: «Чтоб мне провалиться, если это сделал я».

Отец Вуки погиб в первую мировую. Мать едва сводила концы с концами, но все же дала сыну образование. После окончания лицея Вука служил в регистратуре суда на набережной Дымбовицы. Потом он перешел в нотариальную контору на Штирбей-Водэ. Там его и застала война. Он любит прихвастнуть и порисоваться. «Мы люди закона», — говорит он всякий раз, когда речь заходит о непорядках. Вука неженат, и, кроме матери, у него нет никого. Он както сказал: «В письмах вожу свою старушку за нос. Здесь, мол, у нас прекрасная жизнь, не слышим ни одного выстрела. Что делать, господин младший лейтенант? Она у меня старенькая, ей вредно волноваться. Вот и пишу так, чтобы подольше пожила на свете».

Солдаты любят Вуку и слушают его с удовольствием. Он оптимист и балагур, в самых тяжелых ситуациях умеет подбодрить солдат: «Ну что, братцы? Неужели испугались нес-

кольких фрицев?» Когда он хочет выведать обстановку, то делает изящный логический заход: «Правда, господин младший лейтенант, что мы направляемся в сторону такого-то пункта?» Мне остается только ответить: «Да, правда» или «Нет, не правда», — но я притворяюсь, будто не слышу, и физиономия у него вытягивается. Мне он нравится за веселый характер и за то, что умеет выпутаться из любого положения.

За мной тяжело шагает Мандаке Троакэ. Он вечно голоден и постоянно ругается с поваром и каптенармусом. Солдаты прозвали Мандаке Голодной губернией. Он — крестьянин из-под Романаца. Там у него остались жена и куча детишек. Его взрослый сын, Иеремия, тоже в моем взводе. Я слышу позади его тяжелую поступь крестьянина, привыкшего ходить по земле твердо, уверенно. Иногда, в спокойные ночи, Голодная губерния играет на флуере, с которым никогда не расстается. Его песня вобрала в себя все страдания народа. Но во время затишья, если нам есть где отдохнуть, Мандаке ложится на спину, и его взгляд устремляется в бескрайний простор неба, и песня его льется легко, как прозрачный ручеек среди диких скал. Потом он долго молчит, словно думает горькую думу.

То одному, то другому он говорит, что жену надо украсть, а не выпрашивать у родителей. Вот как он сам украл свою Лизавету. Отец поколотил его тогда чуть не до смерти, потому что Лизавета была из бедной семьи и родителям не улыбалось приобрести еще одного едока. «Потом все утихомирились, — говорит он, — ведь мы с женой работали до седьмого пота».

— А почему же ты, тятя, не позволяешь мне взять ту, что мне по душе? — спрашивает его сын Иеремия.

— Ты сначала кончи эту войну, а потом уж о жене думай, — отвечает отец под смех остальных.

Мандаке продолжает рассказывать, как однажды он прогнал управляющего:

— Мой меньшой сын, Икимия, был тогда с ноготок и лежал во дворе на половике. Вижу, идет ко мне Тикэ Зорзолиу, есть у нас такой... Я только что прогнал Нотту, так зовут управляющего, и принялся отесывать жердину для оси, чтобы успокоиться. «Ты почему это не пришел на усадьбу?» — спрашивает меня Зорзолиу, опершись локтями о забор. «Да вот не захотел — и не пришел», — отвечаю, готовый сцепиться и с ним. «Что-то ты нос стал задирать», — растравляет он меня, но я молчу. «Нам дали ракии и скидку сделали», — не унимается он. «Кукиш вам дали! Я-то

знаю, почему управляющий дал вам ракии — чтоб дураков еще больше одурачить». А Икимия мой лежит, выпучив на меня глаза, и слушает, как мы пререкаемся с Зорзолиу. «Конечно, ты у нас что ни на есть мудрец на селе», — говорит Зорзолиу, а у меня кровь так и кипит. Так хочется трахнуть его топором по голове...

Мандаке говорит не умолкая. Кто-то рядом с ним слушает и только присвистывает от удивления. Впереди идущие ускоряют шаг, и нам, тем, кто сзади, приходится почти бежать. Я слышу, как о приклад моего автомата позвякивает штык, будто жестянка, привязанная к хвосту собаки. Возле меня оказывается Антон Василеску, которого солдаты называют Говоруном. Он идет сгорбившись и все время сбивается с шага. Насколько я знаю, у него где-то у рынка Обор в Бухаресте была небольшая авторемонтная мастерская. Он рассказывает, что у него с немцами вышли большие неприятности.

— Какие неприятности? — спрашиваю я.

— Как-то ночью, года два назад, я был часовым у склада боеприпасов. Что-то около часу ночи слышу какое-то бормотание. «Хм, что бы это могло быть?» — думаю. Смотрю вправо, смотрю влево — ничего. Через некоторое время опять слышу такое же бормотание. Вдруг из тумана, а туман был такой, что в двух шагах ничего нельзя было различить, появляется верзила. Испугавшись, я кричу: «Стой! Кто идет?» Куда там! Верзила прет на меня, не обращая никакого внимания на мои окрики. Раз так, я выстрелил прямо в него. Поднялся переполох. Прибежали командир роты, офицеры, солдаты. Я стою на колене со вскинутой винтовкой. А чуть дальше захлебывается в крови молодой, лет двадцати, офицер люфтваффе. Пуля попала ему в сонную артерию. Потом хрип прекратился, немец вытянулся, да так и остался. И началось расследование. Пришел немецкий врач. Он присел у убитого, расстегнул ему ворот, приподнимал веки, принюхивался. Потом, не сказав ни слова, приказал своим солдатам поднять труп и положить в кузов грузовика. Все это время немецкий полковник стоял в стороне и курил сигарету за сигаретой. А поодаль — командир нашей роты и другие офицеры. Я, как говорится, ни жив ни мертв. Меня заставили еще раз рассказать, как было дело. Немецкий полковник сказал моему командиру роты, что, если меня найдут виновным, расстреляют. Руки-ноги у меня похолодели. На мое счастье, расследование показало, что виновным был немец. Он шел от полюбовницы и был вдрызг пьян. Я лишь исполнил свой долг. Мне еще

предоставили десять дней отпуска. В свою часть я больше не вернулся, ее тем временем отправили на фронт. Что до мастерской, то от нее и следа не осталось после немецкой бомбежки двадцать четвертого августа.

Я больше ни о чем его не спрашиваю, и он тоже идет молча, надвинув на глаза каску и тяжело дыша. Арапи мне рассказывал, что Говорун нашел людей, которые помогли ему достать новые документы. Вука думает, что Говорун коммунист. Подожженные цистерны, пущенные под откос поезда, уничтоженные вагоны с продовольствием... Кто знает, может, в этом есть и его доля?

Мы идем форсированным маршем. Вместо Николае Георгиу, который немного отстал, рядом шагает Мирча Линдбург.

— Мирча, — спрашиваю я, — ты как здесь очутился?

— Да вот прибавил шагу — и уже рядом с вами.

Мирча Линдбург — высокий, сухой как жердь, шея длинная, глаза голубые. Каска болтается у него на голове из стороны в сторону, будто горшок, насаженный на кол. Голенища сапог ему широки, а брюки выглядят как шаровары. Он добрый малый и готов прийти на помощь любому. В вещевом мешке у него полно разных банок и баночек с мазями. Если кто натрет ногу, он тут как тут: «Вот отличная мазь!» Он недавно к нам прибыл. Баклажан, измерив его взглядом, горько вздохнул:

— Что же мне с тобой делать? И зачем ты на фронт подался?

— Воевать, — ответил Линдбург писклявым, но таким решительным голосом, что все солдаты и даже сам капитан рассмеялись.

Он самый молодой в моем взводе, и поэтому все мы стараемся оказывать ему покровительство. Командир отделения не посылает его в разведку; когда немцы открывают огонь, мы все ищем, где Мирча. Даже Голодная губерния нет-нет да и подложит ему пару ложек в котелок:

— Ешь, набирайся и ты силенок.

Мирча всякий раз благодарит, улыбается, показывая свои мелкие, как у мыши, зубы.

Мне он говорит, что мечтал стать музыкантом, но стал ветеринаром. Он любит животных, особенно лошадей. Подходит к ним, разговаривает, ласкает их, прижимаясь щекой к их теплым фыркающим мордам. Я вспоминаю, как после воздушного налета Мирча метался среди раненых лошадей. У одной лошади была перебита нога, животное надо было пристрелить. Баклажан приказал сделать это одно-

му солдату, но Мирча со слезами на глазах умолял капитана, пока не убедил отдать лошадь на его попечение. Он извлек осколок, обложил ногу какой-то мазью, и вскоре лошадь могла уже идти за нами. Мирча был на вершине счастья.

В редкие минуты затишья Мирча играет на скрипке, которая всегда при нем. Играет он с закрытыми глазами, прижавшись щекой к корпусу скрипки, и будто какая-то волшебная сила водит его смычком. Я смотрю, как он подтягивает карабин, как дергает своим маленьким носом, и мне становится смешно. Вспоминаю, как он решительно заявил капитану, что готов сражаться.

Мы идем уже несколько часов. Усталость и тишина, от которой мы отвыкли, клонят в сон. Снег падает, как в сказках Андерсена, крупными ленивыми хлопьями. Лишь иногда порывы ветра начинают кружить их. Мы идем вперед, а мысли наши летят к дому. Я всматриваюсь в лица своих солдат и вижу в их глазах тоску.

Позади слышатся голоса.

— Это третий взвод? — спрашивает кто-то.

Голос мне знаком. Я вижу бородатого солдата, который быстрым шагом нагоняет меня. Когда он подходит, я немею от изумления — Гица Пантя!

— Здравия желаю, господин младший лейтенант, сержант Пантя прибыл в ваше распоряжение!

Мне хочется обнять его как близкого друга. Гица для меня — дом, родные, Анна, друзья, молодость, вся моя прошлая жизнь, счастливая и горькая. Все же я сдерживаюсь, протягиваю ему руку. Командиром третьего отделения у меня капрал Диникэ, хороший парень, но мягковат. Я назначаю туда Гицу Пантю. Мы идем рядом, он рассказывает обо всем, что случилось с ним после той нашей встречи. Во время разговора он то и дело снимает и протирает платком очки. Говорит с иронией, рассудительно. Не зря все же в лицее его прозвали Философом. Он много читал. По натуре Гица человек упорный и честолюбивый. После окончания лицея он поступил на философский факультет, но его исключили из университета «за подрывную деятельность». Долгое время он скрывался. Хотя ему пришлось подвергаться большим опасностям, он сохранил удивительное спокойствие. Нет, за эти два года он совсем не изменился.

Гица ловит языком хлопья снега, и это, кажется, доставляет ему большое удовольствие. Об Анне я его не спрашиваю. Мне страшно: пусть я все знаю, но какая-то крохот-

ная надежда — а вдруг ошибка? — у меня все же остается. Впрочем, он тоже не говорит об Анне.

— Мы в стране Сташека, — басовито бубнит Гица.

— Сташека? — недоумеваю я.

— Это чешский писатель, — поясняет он мне, как мальчишке, не скрывая своего превосходства.

Все устали. Разговоры стихают. Слышны только скрип снега да позвякивание котелков. Чувствую, как автомат оттягивает плечо. Несколько раз меняю его положение, и ощущение тяжести исчезает. Зачем-то смотрю на часы. Без десяти девять. Но на фронте время имеет значение только для штабных. Для нас оно идет совсем по-другому.

Мне хочется закрыть глаза. Я поглубже натягиваю каску и упираюсь подбородком в грудь. Дорога становится все труднее. Опять вспоминается дом, но вспоминается светло, без грусти. Отец в этот час читает журнал, а мать, наверное, пошла на рынок. Пытаюсь представить дом Анны, но вижу только руины и мою палку с запиской. Я никак не могу убедить себя, что Анны нет в живых. Проще думать — просто не пишет. Уехала с родителями в провинцию...

— Послушай, Гица, женщина легко может забыть?

— Если рядом окажется Костикэ, Митикэ или Ионикэ, то может, — отвечает Гица, глядя вперед. — А ты о ком это?

— Неважно.

Мне стыдно признаться, что я тешу себя надеждами. Становится досадно на него за то, что он спросил, о какой женщине идет речь. Волна грусти захлестывает меня. Может, мне суждено остаться в этих холодных горах? Пусть, только бы рядом со мной была Анна. Будь она даже ледяной статуей, я отогрел бы ее своим дыханием. Сам бы замерз, но отогрел бы Анну. Вдруг я как будто натыкаюсь на стену света. Голова кружится. Передо мной возникает неясно видение — Анна. Она приближается ко мне. И мне становится страшно...

— Быстрее! Быстрее! — слышу чей-то далекий голос.

С трудом открываю глаза. Кто кричал? Ищу Пантю и не вижу его. Он незаметно отстал. Оставил меня с моими грезами. «Дзинь, дзинь» — позвякивают солдатские котелки. Теперь я окончательно очнулся.

— Быстрее! Быстрее!

Это голос капитана. Ускоряем шаг. Мы давно уже пересекли границу с Чехословакией. Идем вперед, и дорога кажется нам бесконечной. Наши наступают. Я знаю, что главная ударная группировка наших войск ведет наступление на Рожняву, а вспомогательный удар наносится на Кошице.

— Какого черта немцы позволяют нам продвигаться как нож в масло? — спрашивает Философ.

Я лишь пожимаю плечами. Меня тоже беспокоит эта подозрительная тишина. Как бы нам не попасть в окружение. Не успел я додумать эту свою мысль, как загрохотала артиллерия, послышались пулеметные и автоматные очереди.

— Ты говоришь, как нож в масло? — с усмешкой смотрю я на Пантю.

Капитан подает знак рассредоточиться. Я пробегаю несколько шагов и бросаюсь на землю. Слышен свист снарядов. Они рвутся позади нас.

— Это пристрелка! — кричит Пантя.

Я снимаю с плеча автомат и изготавливаюсь для стрельбы. Но капитан не подает команды открыть огонь. Вражеская артиллерия усиливает обстрел. Теперь снаряды рвутся все ближе и ближе. Земля вздрагивает, и комья с глухим рокотом падают на снег. Я натыкаюсь взглядом на Троакэ. Голодная губерния уплетает горбушку хлеба, как будто вокруг ничего не происходит.

По сведениям капитана, нам противостоит мощная группировка немецко-фашистских войск. Гитлеровцы занимают сильно укрепленные позиции вдоль канала между реками Турна и Ида и по северному берегу реки Турны. Линия обороны вдоль южной границы Чехословакии оборудована еще в мирное время. В полосе действующей румынской армии противник сильно укрепил населенные пункты Сена, Перин, Бузица и Турна. Это его основные опорные пункты.

Теперь нас обстреливают из орудий то по правому, то по левому флангу. Впереди показались белые передвигающиеся точки. По цепи передают приказ: огонь открывать только по команде. Мы все охвачены лихорадочным нетерпением. Я очищаю от снега приклад автомата, проверяю диск. Троакэ кончил жевать, прикуривает сигарету и спокойно дымит, как у себя дома на печке. К нему подползает его сын. Я слышу, как они переговариваются.

— Батя, — говорит Иеремия, — если меня убьют, добейся, чтобы моей суженой хоть какую пенсию дали...

— Иеремия, сынок, ну и дураком же тебя уродила мать, — сердится отец. — Знать, тебя порешат, а я уцелею.

— Это никому не ведомо, батя. Кому какое счастье на роду написано.

— Оно-то так. Кому как написано!

Они умолкают. Мирчу колотит как в лихорадке. Я смотрю на него, и мне жутко. До чего ж он похож на Сесе!

Те же ошалевшие от страха глаза, та же тонкая шея... Вука чуть приподнимается и всматривается вперед.

Наконец рука капитана Манолиу взметнулась и резко опустилась. Мы все начинаем яростно стрелять. Я вижу перед собой перекошенные лица немцев. Одни падают, другие поворачивают назад и бегут, пригнувшись к земле. Ожесточенно строчит пулемет с той стороны. Один из цепи наступающих приподнимается, чтобы бросить гранату. Кто-то из наших дает очередь, и он с зажатой в руке гранатой медленно опускается на землю. В следующее мгновение раздается взрыв — немца в буквальном смысле разметало на куски.

Бой затихает. Мы поднимаемся и идем дальше. Философ, наверное, думает о жизни и смерти, Троакэ в мыслях ругает за глупость сына, Мирча размышляет бог весть о чем. Столкновение с противником не очень нас взбудоражило; многие не новички на фронте. У меня по лицу струится пот: мы почти бежим. Какого черта так торопятся в голове колонны?

После изнурительного марша подходим к Бузице. Уже видны очертания городка. Возвратившиеся разведчики докладывают, что городок пуст. Странно. Городок входит в систему укреплений. Вот мы на окраине. Никого. Все дома брошены. Такая тишина на фронте хуже всего. Вокруг — ни души, ни единого дымка над крышей. Осторожно продвигаемся вперед. Не успели миновать первые дома, как на нас со всех сторон обрушивается шквал огня. Залегли. Многим уже не подняться... Мы беспорядочно стреляем, а по нас ведут прицельный огонь. Да, крепко они нас прихватили!

Мне кажется, что в окне ближнего дома мелькнула каска. Я ползу туда, крепко сжимая в руках автомат. Под окном хорошее укрытие. Выдергиваю чеку из гранаты, приподнимаюсь и бросаю гранату в окно. Раздается взрыв — из окна вырывается красно-голубоватое пламя. Сильно ударяю ногой в дверь и врываюсь в дом. Соня бежит за мной. Внутри все затянуто дымом. Ничего не видно. Когда дым немного рассеивается, вижу на полу двух немцев. Соня ногой переворачивает их лицом вверх. Оба мертвы. В углу — третий, положив руки на каску, смотрит выпученными от страха глазами. По его лицу течет кровь, но он боится пошевелиться. Автоматом показываю ему: выходи. Трескотня пулеметов не утихает. Снопы пуль подметают улицу. Будто сквозь туман вижу, как один из моих солдат — я даже не успеваю узнать кто —

подносит руку ко лбу, словно у него вдруг заболела голова, сдвигает каску — и между пальцами проступает кровь. Солдат медленно опускается на землю, вытянув вперед руки. Отовсюду слышны стоны, проклятия. У меня такое чувство, что нам уже не выбраться из этого ада. Немец появляется в проеме двери, и тут его прошивает автоматная очередь. Справа горит дом. Жар от пылающего с треском дерева опаляет мне лицо.

Через несколько часов упорного боя мы очищаем от немцев окраину города. Огонь прекратился. Раздаются только отдельные выстрелы. Мы с облегчением переводим дух. Голодная губерния выходит из дома с двумя банками консервов. Усаживается по-крестьянски прямо на мостовой, подзывает своего сына.

Самые большие потери во взводе Дантопола. В моем взводе убит Тудор Зэвелкэ. Только мы собираемся немного передохнуть, как прибывает связной из штаба. От него мы узнаем, что гитлеровцы закрепились в центре города. У них зенитки и противотанковые орудия. Перекусываем уже на ходу. Голодная губерния, как всегда, переругивается с каптенармусом.

Начинает бить немецкая артиллерия. Вокруг рушатся дома, слетают крыши, все горит, одни руины. Кромешный ад! Я бросаюсь в первую попавшуюся воронку от снаряда. Там уже Философ и солдат из первого взвода.

— Ишь как разошлись, — говорит солдат.

Мы не отвечаем. Каждый думает, удастся ли пережить этот день.

— Надо сделать рывок, — говорит Философ. — Иначе нам не выйти из-под обстрела.

Взрыв. Мы вжимаемся в мерзлую землю. Воронка вибрирует, словно хочет выбросить нас из себя. Наконец обстрел прекращается.

— Что это их разобрало, мать их в душу? — обалдело спрашивает Голодная губерния, подходя ко мне. — Даже перекусить спокойно не дали.

Я оглядываюсь вокруг себя. От многих домиков с черепичными крышами остались одни лишь руины. Другие горят как огромные факелы. Огонь пожирает плоды трудов людей, мечтавших о спокойном очаге.

Вижу, как Вука, сжав кулаки, грозит кому-то:

— Чтоб вам сгореть! Чтоб прах остался от вашего Берлина!

Говорун смотрит на Вуку и улыбается. Я переступаю через дымящиеся бревна и вижу куклу с опаленными во-

лосами, большие глаза, устремленные в мрачное враждебное небо. Неужели было время, когда дети могли спокойно играть? Мне не верится. Мир стал чем-то нереальным, призрачным. Война — вот безумная действительность! Кто-то решил, что на земле слишком много смеха и любви, наскучила красота женщин, особенно вредной оказалась мудрость тех, кто думал о счастье людей. Силой они взялись перекроить все по собственной мерке. Через уродливые гримасы смерти мир выглядит отвратительным. Счастье? Я ловлю себя на том, что уже не понимаю, что означает это слово. Я не хочу больше думать обо всем этом, но мысли не слушаются, они не уходят. Наверное, я смертельно устал или очень многое видел.

— Только у бедных есть совесть, — говорит Гица.

— Это ты к чему?

— Ни к чему. Так я написал когда-то в одном из своих сочинений. Война — анахронизм. Жизнь не позволит больше решать свои уравнения бомбами и пулеметами. Это последняя война. Вот увидишь. Наше поколение последним платит кровавую дань. На вот, — говорит он, протягивая мне горсть взрытой бомбами земли. — Земля пропахла гарью. Разве здесь пустят корни цветы? Разве это та глина, из которой лепят образы божьи? Земля обезображена, как и трупы, которые мы ей предаем!

Я не могу оторвать глаз от его лица. Гица бледен и задумчив. Все это он говорит без позы, просто и страшно.

Мы продвигаемся к центру города. Там будет жарко. У меня почему-то нет ни капельки страха. Замечаю капитана Маполиу. Я считаю его образцом командира и прекрасным человеком. Я знаю, он, не задумываясь, пожертвует собой, чтобы спасти кого-нибудь из солдат. Однажды в Венгрии он вынес из боя раненого солдата. Когда он получает посылки из дома, он собирает солдат и начинает делить между ними все, что получил: сигареты, печенье, копченое сало, домашний пирог. Если ему самому ничего не остается, он начинает смеяться:

— Ну разве это по справедливости?

Я никогда не видел его раздраженным. Он не распекает подчиненных перед строем, вызовет провинившегося и сделает ему замечание с глазу на глаз.

Капитан Манолиу подает сигнал продвигаться за ним. Мы осторожно идем вперед, проверяя дом за домом. Вдруг я слышу позади шум. Это Голодная губерния ведет под конвоем гражданского, которого обнаружил в одном из домов. Гражданский кричит на Троакэ, протестуя, но тот не

понимает по-чешски, тычет ему в спину автомат. Голодная губерния передает пленного мне. Чех говорит не переставая, но я тоже ничего не понимаю.

— Это шпион, господин младший лейтенант, — заверяет меня Троакэ. — Отведем его в сторонку и шлепнем.

— Эй, кто из вас знает по-чешски? — спрашиваю я солдат.

Солдаты пожимают плечами. Гица Пантя пробует заговорить с задержанным по-французски, но теперь тот показывает жестами, что не понимает. По-немецки он тоже не понимает или притворяется, что не понимает. Он яростно жестикулирует, тычет себя в грудь, потом показывает на дорогу. Так мы ни о чем не столкуемся, надо отвести его к капитану.

— Хм, ты зачем его привел? — спрашивает Баклажан, с любопытством поглядывая на пленного.

— Солдат Троакэ из моего взвода нашел его на чердаке.

— Троакэ, как было дело?

— Господин капитан, он лежал, скрючившись, за половиками.

Чех пытается объяснить что-то капитану. Тот только утвердительно кивает. Мы подумали, что он понимает, о чем говорит гражданский.

— Не имею представления, чего он хочет, — вдруг заявляет капитан с таким несчастным видом, будто виноват, что не знает по-чешски.

К капитану подходит младший лейтенант Концеску, высокий, смуглый, с темными взлохмаченными волосами.

— Разрешите, господин капитан, — вмешивается он в разговор, вскинув густые черные брови.

— Ты знаешь по-чешски, Концеску? — спрашивает Баклажан.

— Не знаю я никакого чешского, господин капитан, но тип мне кажется подозрительным. Кладу голову, что он немецкий лазутчик. На вашем месте я бы быстро с ним рассчитался!

— Полегче, браток, полегче. Нельзя человека так запросто отправлять на тот свет. Надо разобраться.

Пока идет этот разговор, гражданский отчаянно вертит головой, стараясь по выражению лиц уловить его смысл.

— Ты шпион, братец? — спрашивает его капитан.

Гражданский улыбается и утвердительно кивает.

— Видишь? — обращается капитан к Концеску. — Бедняга даже в толк не возьмет, о чем речь. — Вдруг он

показывает на автомат. — Оружие есть? — кричит капитан, словно станет понятнее, если он будет говорить громче.

И чех понимает. Он тут же извлекает из нагрудного кармана парабеллум и, широко улыбаясь, протягивает его капитану. Тот даже присвистывает от удивления.

— Зачем тебе такая «пушка»? — удивляется Баклажан.

— Видите! — торжествует Концеску. — Этот тип — шпион.

— И я о том же толкую, — бормочет Голодная губерния.

Чех продолжает лопотать без умолку. Баклажан берет у него пистолет и передает сержанту. Он не знает, что делать дальше. Я подхожу к чеху:

— Партизан?

Чех кивает и смеется, счастливый, что его наконец поняли. Он хватает капитана и меня за руки и тащит в дом, где его нашел Троакэ. Поднимаемся на чердак. В углу, под кучей сухого сена, он показывает нам рацию, автомат и несколько полных дисков. Однако Концеску не оставляет своих подозрений:

— Все же, господин капитан, нам надо держать с ним ухо востро.

Баклажан отмахивается, мол, хватит.

— Уж больно всего боимся, — вступает в разговор Дантопол, который все это время молчал. — Ну какой он шпион?

— А если? — настаивает Концеску. — Кто будет отвечать? Ты?

— Мы становимся мнительными, — говорит Дантопол и поворачивается к Концеску спиной.

Эти двое не могут переносить друг друга. А почему? Оба отличные офицеры.

Чеха мы взяли с собой. Продвигаемся дальше. Перебежками вдоль стен преодолеваем несколько улиц, ведущих к центру. Чех идет впереди меня с автоматом. Когда мы собираемся повернуть, он хватает меня за руку, делая знаки: не туда.

— А если он заманит нас в капкан? — шипит мне на ухо Концеску.

Капитан Манолиу подает нам знак следовать за чехом. Тот ведет нас по дворам. Взводы Концеску и Дантопола остановлены огнем. Я вижу, как Дантопол рванулся вперед, но снова вынужден залечь. Концеску со своим взводом тоже упорно рвется вперед, стреляя на ходу. Откуда-то лени-

во бьет пулемет. Я в последний раз вижу Дантопола. Он уцепился за забор, чтобы перемахнуть, но пальцы его разжимаются, он медленно сползает на землю. На заборе остается кровавая полоса. Двое солдат из его взвода оттаскивают своего командира в сторону. Я со своими солдатами в сопровождении чеха пробираюсь вдоль забора. Перед глазами — последние мгновения жизни Дантопола.

Чех первым врывается в дом, дав длинную очередь. Я бегу за ним. На полу несколько гитлеровцев. Один вопит, закрыв лицо руками. Чех кивком показывает нам на чердак. Вука и Говорун устремляются вверх по лестнице. Автоматные очереди, голос Вуки и шаги по лестнице... Вука и Говорун опускаются с тремя пленными. Обхватив руками каски, немцы испуганно оглядываются.

Мы очищаем дом за домом. Противник отчаянно сопротивляется. Идет невообразимая пальба — из дворов, из окон, с чердаков. Слышен и глуховатый грохот противотанковых орудий. Мирча, примостив автомат на заборе, стреляет по окну, из которого свешивается голова в немецкой каске. Философ метнул гранату в открытый подвал. Раздается взрыв. Иеремия Троакэ выводит из дома пленного немца. Он кроет его почем зря, а немец только бормочет: «Камерад, камерад...»

Я оборачиваюсь, чтобы отдать приказ, и в это мгновение кто-то валит меня на землю. Пуля, взвизгнув, впивается в стену. Я с руганью поднимаюсь с земли. Чех смеется.

Перед нами опять стена огня. До этого мы ни разу еще не встречали такого упорного сопротивления. Продвигаемся ползком. Чуть впереди чех поднимается, чтобы бросить гранату. Гранату он бросить успевает, но в следующее мгновение роняет голову в снег — пуля прошла навылет. Я подползаю к нему. Может, можно что-нибудь сделать? Он смотрит на меня помутневшим мертвым глазом; второй залит кровью. Проверяю карманы в поисках какого-нибудь документа. У него при себе ничего нет, кроме конверта, в котором лежит засушенный цветок. Конверт я кладу обратно в карман.

— Убили, сволочи! — говорит Концеску. Теперь и он убедился, что чех был честным и храбрым партизаном.

Волна огня охватывает нас слева и справа. Концеску останавливается и вопросительно смотрит на меня. Я тоже не могу понять, в чем дело. Ко мне подползает Гица:

— Ну и влипли! Фрицы загонят нас в мешок и перещелкают, как орешки.

Я смотрю на него: нос у Философа вытянулся и покраснел. Огонь все усиливается. Иеремия Троакэ в растерянности замер посреди улицы.

— Ложись! — ору я.

Он поворачивается на окрик. Откуда-то с шорохом, будто ночные птицы, долетают осколки снаряда. Иеремия хватается руками за живот, перегибается пополам. Мандаке бросается к сыну. Другие солдаты делают рывок вперед, оставив двоих позади.

— Господин младший лейтенант! — кричит мне Говорун. — Надо отходить!

— Вперед! — командую я.

— Куда вперед, господин младший лейтенант? Пропадем все до единого!

Я оглядываюсь. Другие взводы залегли. И тут я вижу капитана. Он поднимается во весь рост и бросается вперед, разряжая на ходу автомат.

— Вперед! — ору я изо всех сил.

Мы делаем еще один рывок. Слева стреляют трассирующими пулями. Слышу, как кто-то кричит по-румынски:

— Веди его, старшина!

Я приподнимаюсь от земли и вижу высокого офицера. Старшина, которому адресован приказ, подгоняет прикладом тщедушного немца, на ходу полой шинели протирающего очки.

— Что, фриц, окуляры закоптели? — насмешливо спрашивает полный краснощекий старшина.

— Was? Was?

Кто-то громовым голосом приказывает прекратить огонь. Оказалось, нам во фланг вышли солдаты 90-го румынского пехотного полка. Немцы, зажатые с двух сторон, не выдерживают. Они оставляют Бузицу и отходят на высоты Вел-Ида, господствующие над долиной, по которой проходит канал. Местность вокруг Перина сильно укреплена, и гитлеровцы удерживают ее прочно.

Отдышавшись, собираю своих людей, смешавшихся с солдатами 90-го полка. Они совершенно измотаны. Голодная губерния стоит, прислонившись к забору. Окликаю его, но он не слышит. Подхожу ближе. Он плачет.

— Где Иеремия, Троакэ? — спрашиваю я его.

— Унесли...

— Он ранен?

— Резанули по животу. Теперь что скажут доктора. Один мне сказал, что будет жить... Но откуда мне знать?

— Будет жить, Троакэ. Если ранен в живот и сразу не умер, будет жить.

— Да услышит господь слова ваши, господин младший лейтенант. Я крепко надеялся на Иеремию.

Он опять плачет, подавленный горем.

Передышка. Капитана Манолиу я вижу в группе солдат. Он что-то рассказывает и смеется вместе с ними. Снимает каску и проводит рукой по мокрым от пота волосам.

— Эй, Адриан! — кричит он, увидев меня. — Занимайте один из этих курятников. — Он показывает на пустые дома с выщербленными пулями стенами, похожими на изъеденные оспой щеки. Я тороплюсь выполнить его распоряжение, потому что люди да и я сам едва держимся на ногах от усталости. Даже есть не хочется. Поспать хотя бы часок...

— Третий взвод, стройся! — командую я.

Люди не успевают построиться, как вдруг раздается мощный взрыв. Мы хватаемся за оружие, готовые отразить нападение, но видим только бегущего по улице солдата.

— Господин капитан!—выдыхает он, запыхавшись, подбежав к капитану Манолиу. — Убило младшего лейтенанта Концеску!

— Что?

Капитан бежит за солдатом. Забыв об усталости, и мы бросаемся через улицу, поворачиваем налево. Солдат показывает на дом. Дверь сорвана с петель, окна выбиты. Осколки стекла скрипят под ногами. Солдаты положили Концеску на широкий диван. Подходим. Лицо у Концеску белое как мел. Осколок перебил ему сонную артерию. Френч расстегнут. Рубашка пропитана кровью.

— Как это случилось? — спрашивает капитан.

— Мы хотели расположиться в этом доме. Господин младший лейтенант взялся за ручку двери — и раздался взрыв. Нас только отбросило. Я успел заметить, как господин младший лейтенант схватился руками за лицо... Когда мы подбежали, он был уже мертв...

Капитан оглядывается, будто подыскивая, на что можно опереться. Он приказывает вырыть могилу в глубине сада. Вся рота в сборе. Концеску укладывают на плащ-палатку и закапывают. Отдаются последние воинские почести. Смерть этого храброго офицера, такая случайная, глубоко всех потрясла. Капитан что-то говорит солдатам, а у самого на глазах слезы.

Мы молча расходимся. Я приглядел сохранившийся почти в целости дом. Осторожно приближаюсь к двери.

После несчастья с Концеску мы стали осмотрительнее. Даю очередь из автомата по замочной скважине. Все спокойно. Дверь медленно, со скрипом открывается. Солдаты собирают доски от забора, чтобы развести огонь в чудом уцелевшей печке. Очутившись в тепле, Соня начинает клевать носом. Мне уже ничего не хочется: ни есть, ни спать. Идет снег. Огромные хлопья лениво кружатся в воздухе, создавая какую-то сказочную картинку. Мы смотрим на это чудо удивленно. У Философа такой вид, что будто он уже не с нами, а где-то далеко.

— Ты о чем думаешь, Гица? — как во сне спрашиваю я.

— Когда такой снег, непозволительно думать. Он носит тебя по свету, будто ты сам превратился в одну из этих снежинок.

Соня приоткрывает один глаз.

— К чему такая меланхолия, Гица? — с иронией говорит он.

Философ едва удостаивает его взглядом. Мы улеглись где пришлось. Снег растревожил воспоминания... Анна... Вот я еще в лицее... Преподаватели... Слышу звонок на урок. Это перерыв кончился. Мои друзья... Сколько из них еще живы?

Мой дед и бабушка, которых давно нет на белом свете, словно протирают запотевшее стекло, чтобы подать мне знак: торопись! И я бегу к ним по сугробам. Чем дальше бегу, тем меньше становлюсь. А потом и совсем исчезаю в сверкающем блестками снеге. Я чувствую его на губах, барахтаюсь, задыхаюсь, тону...

Кто-то трясет меня за плечо.

— Что? Что случилось? — подскакиваю я как ошпаренный.

— Вы кричали во сне, господин младший лейтенант. Вам снился, наверное, страшный сон? — говорит мне Андоне Виеру, ефрейтор из отделения Вуки.

Долго нам отдыхать не приходится. Мы захватили половину Турны, но враг продолжает оказывать упорное сопротивление. Нас будит ординарец капитана Манолиу: приказано очистить городок от немцев. Расстаемся с теплым помещением, одурелые от усталости и недосыпания. Мы дрожим от холода, словно промокшие под дождем щенки. Соня зевает так, что трещат скулы. Мне жаль его. Отделение Гицы подбирается к дому, занятому противником. Никаких признаков жизни. Соня ударяет по стеклу прикладом, и оно разлетается вдребезги. Изнутри раздается очередь, и мы бросаемся на землю.

— Зачем ты их растревожил, баран? — напускается на него Вука.

Разъяренный Соня просовывает в окно автомат и стреляет наугад. Несколько солдат готовятся бросить гранаты. И тут наши уши ласкают несущиеся из дома румынские ругательства.

— Прекратить огонь! — приказываю я.

Толкнув дверь ногой, спрашиваю:

— Есть здесь кто-нибудь?

— Есть, скотина! Надо узнать сначала, а то сразу стрелять...

Это сержант из взвода Концеску. Увидев меня, он краснеет, начинает извиняться. Солдаты смеются, и я смеюсь вместе с ними.

Начинает темнеть, идем дальше. До центра добираемся без особых приключений. Все дома покинуты. В них, слава богу, нет никаких сюрпризов. Зато в центре нас останавливает плотная завеса огня. Опять пулеметы, орудия, гранаты. Опять ад.

— Вон там, господин младший лейтенант! — кричит Голодная губерния и показывает на дом, похожий на виллу. Оттуда несется смерть.

Мы бросаемся на землю, вскакиваем, делаем перебежку, опять падаем. Подбираемся к вилле. Из окон вылетают и разрываются с адским грохотом гранаты. Голодная губерния первым метнулся к двери и схватился со здоровенным немцем врукопашную. Мы устремляемся за ним. Гитлеровцы все дюжие. Защищаемся как можем. Я хочу прийти на помощь одному из солдат, но какой-то немец обхватывает меня сзади и начинает душить. Падаю вместе с ним, чтобы он потерял равновесие. Подняться я ему уже не даю.

Вука дерется мастерски, кулаками, потом нагибается и ударяет врага головой в живот, захватывает его, перебрасывает через плечо. Подальше Василе Роман — солдат, которого называют Адвентистом. Он никогда не ругается, не пререкается, всегда тих и исполнителен. Я не успел прийти к нему на помощь: немец дважды ударил его ножом в грудь. Но немец еще не разогнулся, как Философ размозжил ему голову прикладом.

— Не бывает векселя без оплаты, — бормочет он.

К вечеру вся Турна в наших руках. Взвод размещается в одноэтажном домике. Нас мучает голод, и мы пытаемся спастись от него сном. Но кому и когда это удавалось? Только у Вуки нашелся какой-то сухарь. Нервы у нас на-

пряжены до предела. Я выворачиваю все карманы — ни одной сигареты. Соня разламывает сигарету и протягивает мне половинку. Я закуриваю с непередаваемым наслаждением. Солдаты тихо переговариваются между собой. Уткнувшись подбородком в грудь, Соня начинает храпеть. Его окурок переходит от одного к другому — каждому по затяжке.

— ...Берешь цыпленка, смазываешь его жиром и жаришь на медленном огне, — мучает Философ Говоруна. — Правой поворачиваешь цыпленка то одним, то другим боком, а левой все время поглаживаешь его пером, смоченным в соленом соусе с толченым чесноком.

Говорун глотает слюнки и вытирает рот тыльной стороной ладони.

— И так до тех пор, пока цыпленок не подрумянится как следует, — не унимается Гица.

Голодная губерния сплевывает со злостью. Говорун встает и уходит в другой конец комнаты. Философ откидывается к стенке и раскачивается из стороны в сторону, изображая полное ко всему равнодушие. Я начинаю дремать, но тут вдруг вижу, как Голодная губерния поднимается с видом человека, принявшего важное решение.

— Ты куда, Троакэ? — спрашиваю я его.

— Поищу чего-нибудь червячка заморить, господин младший лейтенант.

Он выходит. Соня продолжает храпеть. Мирча легонько тянет его за рукав. Соня хмурится, бормочет что-то и поворачивается на другой бок.

— Ты не спишь, Вука? — спрашиваю я.

— Нет, поджидаю Голодную губернию.

— Откуда он возьмет еду?

— Он-то? Чтоб мне провалиться на этом месте, если не достанет, — говорит он и смеется.

Снаружи — ни звука, только посвистывает ветер. Сон у меня прошел, но остальные спят вовсю. Я оглядываю комнату и пытаюсь представить себе тех, кто жил здесь. В этой комнате, с большой и мягкой кроватью, мужчина гасит свет и поворачивается к задремавшей уже жене. Шепчет ей что-то, чтобы не спугнуть сон. Ласкает... Опять в мои грезы приходит Анна...

Но тут молодой солдат у окна очнулся, он снимает ботинки, потом снова укладывается, обхватив руками винтовку. На его мальчишеском лице — улыбка. Мирча спит, подложив под голову каску, как подушку. Мне чудится, что я слышу тиканье часов. Это, конечно, лишь слуховая гал-

люцинация, но мне становится не по себе, необъяснимое чувство тревоги охватывает все мое существо. Где-то бродит Голодная губерния... И тут я слышу шаги на лестнице. Дверь, распахиваясь, ударяется о стену, и в проеме показывается внушительная фигура Троакэ. В правой руке у него немецкая каска, полная фасоли со шпиком. Под мышкой три большие буханки хлеба. В левой — еще котелок с фасолью. Я не верю своим глазам. У Вуки рот расплывается до ушей. Он торжествующе смотрит на меня. Мы достаем ложки и уплетаем фасоль за обе щеки.

— Где это ты раздобыл такое богатство, Троакэ?

Голодная губерния довольно ухмыляется:

— Это длинная история, господин младший лейтенант. Когда я вышел, сам не знал, в какую сторону податься. Выхожу за город. И тут до моих ноздрей долетает дух фасоли со свининой. Что ж, пусть будет фасоль, думаю. Иду на запах. Пробираюсь вдоль стен и тут вижу немецкого часового. Притуляюсь за деревом и наблюдаю. Выбираю удобный момент — и трах его по башке! Взял у него шинель и каску, иду дальше на запах. Далеко идти не пришлось. У походной кухни был один только каптенармус, да и тот спал. Ну вот я и прихватил, что смог. Ни одна муха меня не почуяла. Даже и сигарет принес, — заканчивает Троакэ и достает из кармана немецкой шинели целую пачку.

Наедаемся мы досыта. Курим, потом засыпаем мертвецким сном. Сколько мы спали? Час, два — не знаю.

Разбудила нас немецкая артиллерия. Дом ходуном ходит. Мы, ошалелые, вскакиваем. Вспышки разрывов, мерцающий свет ракет. Немцы яростно атакуют, стремясь отбить город и таким образом выйти на шоссе Кошице — Рожнява.

Выбегая из дома, наталкиваюсь на Соню. Он ругается на чем свет стоит:

— Не иначе как взбесились! Среди ночи покоя не знают!

Мы занимаем оборону, стараясь не потерять друг друга из виду. Слева какие-то тени. Соня, еще окончательно не проснувшийся, хватается за гранату. Я вовремя останавливаю его. Это солдаты из взвода Концеску. К нам пробирается капитан Манолиу.

— Это ты, Адриан? — спрашивает он меня почему-то шепотом.

— Я, господин капитан.

— Пытаются отвоевать Турну.

Взрывы и пулеметные очереди. Кругом все грохочет. Вука дергает меня за рукав. Я готов послать его ко всем чертям. Что ему от меня нужно? Но Вука подает мне знак — посмотри направо. Несколько немцев с пулеметом пытаются зайти нам во фланг. Я приказываю Вуке со своим отделением обойти их с тыла. Он берет с собой только трех солдат, и они ползут, прижимаясь к стене. Движения Вуки гибкие и плавные, как у кошки. Четверо огибают дом впереди и скрываются за углом. Я опасаюсь за их жизнь. Но Вуку голыми руками не возьмешь: он умеет выпутаться из любого положения. Действительно, совсем скоро он возвращается с немецким пулеметом на плече.

Однако, несмотря на наше упорное сопротивление, противнику удается просочиться между домами. Мирча кивает на Костеску, совсем молодого солдата. У того явно сдали нервы. Он кусает губы, сжимает кулаки, вскакивает с намерением бежать куда глаза глядят.

— Эй, Костеску! Ты куда? — кричу я, направив на него автомат.

Он бормочет что-то невнятное и, словно пружина, опять рвется вперед. Солдаты хватают его, заламывают руки. Он ругается, пытается вырваться, потом затихает. Его оставляют в покое. Но вот он снова бросается в сторону немцев. Двое кидаются за ним, но поздно. Мы слышим свист пуль и видим, как Костеску медленно оседает на снег, царапая ногтями стену дома, у которого его настигла смерть.

К утру вражеская атака отбита. Немцы отступили. У меня во взводе двое раненых: Павел Фиул и Тудосе Думитру. Фиула ранило в живот, и он постоянно просит пить. Я знаю, что раненным в живот нельзя давать воды, и потому обманываю его: говорю, что послал за водой, что скоро вода будет. Он не верит. Смотрит мне в глаза и плачет. Жду, когда прибудут санитары и унесут его. Подходит капитан, спрашивает, какие в моем взводе потери. Присаживается на колени возле Фиула, проводит рукой по его мокрому от пота лбу.

— Ну не надо, сынок, — успокаивает его Баклажан. — Поправишься, поедешь в отпуск, а там, глядишь, и война окончится...

— Пить... — стонет Фиул. Лицо его становится желтым, как воск.

— Дайте ему воды, — говорит Баклажан.

— Господин капитан...

Я хочу сказать, что ему нельзя. Фиул с подозрением смотрит то на меня, то на капитана. Я беру у одного из

солдат фляжку и протягиваю ее капитану. Баклажан приподнимает голову раненого и показывает ему фляжку, как показывают детям игрушку. Фиул слабо улыбается, хочет сказать что-то, но не может произнести ни звука. Капитан приставляет фляжку к его губам, но вода течет по подбородку. Взгляд Фиула застыл, он смотрит уже в неизвестность. Капитан тяжело вздыхает.

У другого раненого, Тудосе Думитру, две пули застряли в позвоночнике. Он лежит на животе, и у него из горла вырывается лишь протяжное «а-а-а». Капитан спрашивает, не хочет ли он пить. Раненый делает отрицательный жест — и снова душераздирающее «а-а-а». Манолиу только качает головой.

— Сволочи! — тихо бормочет он.

Тудосе санитары унесли, а Фиула мы захоронили на месте.

— Господин младший лейтенант, вы не слышали, нас сменяет двадцать первый пехотный полк?

— Откуда ты взял?

— Хм, слышал от одного!

— Ни черта ты не слышал.

— Слышал, господин младший лейтенант. Ей-богу, слышал! Чтоб меня громом поразило, если не слышал.

— Брось! Хочешь вытянуть из меня информацию.

Вука рассмеялся. Я тоже, хотя мне совсем не до смеха. Меня вызывает к себе капитан. Он стоит в воротах дома с картой в руках.

— Явился по вашему распоряжению, господин капитан.

— Э, что это вид у тебя такой кислый?

— Да нет, все в порядке.

— Ну тогда слушай. Видишь вон тот холм, Адриан?

— Вижу, господин капитан.

— А замок?

— И замок.

— Так вот, там, по всему видно, засели эти гады, и я опасаюсь, как бы они нам здорово кровь не попортили, если мы их не упредим. Что скажешь?

Капитан Манолиу никогда не приказывает. Он знакомит с обстановкой, а потом спрашивает твое мнение.

— Не знаю, господин капитан, — отвечаю я без всякого воодушевления. Мне страшно хочется есть и спать.

— Давай-ка слетай туда быстренько и попробуй выкурить оттуда этих мерзавцев. Иначе они закрепятся в

замке, и тогда попробуй выбей их оттуда. — Он произносит это своим размеренным красивым говорком. И как бы у тебя все внутри ни кипело, ты не сможешь ему возразить. Вот и сейчас: «Давай-ка слетай туда быстренько», — будто он посылает меня за пачкой сигарет.

— Задача ясна, господин капитан, — отчеканиваю я.

— Постой, постой, не так-то это легко, как тебе кажется.

Он говорит «ты» и солдатам, и офицерам. Видя, что ты готов выполнить задачу, он останавливает и начинает объяснять, как нужно действовать. Он объясняет все спокойно, с обстоятельностью профессионального военного, показывая, где пройти, как расставить отделения, как обмануть немцев... Потом пожимает мне руку.

— Будь осторожен, Адриан! Ты еще неопытен в военных делах и не знаешь этих дьяволов!

Он нам и отец, и старший брат, и друг. Я с улыбкой вспоминаю об одном из моих новобранцев — Томе Сминтилэ. Как-то я приказал ему явиться к «господину капитану Баклажану». Я забылся, совсем упустил из виду, что фамилия капитана — Манолиу. Сминтилэ подбежал к капитану, встал по стойке «смирно» и выпалил что есть силы:

— Господин капитан Баклажан, солдат Сминтилэ прибыл по вашему приказанию!

Все остолбенели. Манолиу поднялся, окинул Сминтилэ долгим взглядом, потом отчетливо произнес:

— Запомни, моя фамилия Манолиу, а не Баклажан. Ты понял?

Капитана Манолиу невозможно не любить. Мы все любим его — и офицеры, и солдаты. Любим за его открытую и честную натуру, за человечность и доброту. Сын крестьянина, он окончил военное училище с отличными оценками. За своих солдат и офицеров он всегда заступится перед старшими офицерами, вплоть до генерала. Глаза у него карие, цвета осеннего меда, он все время мигает, будто боится, что его кто-нибудь ударит. Когда он смотрит внимательно, его глаза становятся большими, как у крестьянина, дивящегося чему-нибудь. Губы у него постоянно обветрены, и он зубами срывает с них кожицу.

— Не все немцы виноваты, виноваты фашисты, те, кто стал во главе Германии, бросив свой народ в гибельную войну, — говорит он.

Фашистов он ненавидит смертельно. Капитан Манолиу страшно переживает гибель каждого солдата. После боя

замыкается в суровом молчании или даже плачет, будто потерял родного человека.

Я еще раз смотрю на замок, где засели гады. Он господствует над всей окружающей местностью.

— Я бы послал младшего лейтенанта Вальтера, — говорит Баклажан, как будто оправдываясь, — но он только что вступил в должность на место Концеску и еще не освоился...

— Господин капитан, разрешите? Не лучше ли сначала обстрелять замок из орудий.

— Откуда взять артиллерию, Адриан? Разве ее затащишь в такие горы? Положение не из легких. Доставили с таким трудом мины для легких минометов, а они не взрываются. Снег глубокий...

Я и сам все это знаю. Снабжение и эвакуация раненых — все на солдатских плечах.

Собрал свой взвод, объяснил командирам отделений задачу. Мы дожидаемся ночи. Плотно поели. Времени еще много. Одни пишут домой, другие курят. Я закрываю глаза. Снег блестит на солнце. Из какой-то темной бездны возникает в памяти негодяй Агиосу. Я с ужасом отгоняю это воспоминание.

Неподалеку Гица и Вука играют в карты. Я с нетерпением ожидаю наступления сумерек. Беспорядочные мысли создают в душе ощущение бесконечного одиночества. Вдруг откуда-то наплывает исполняемая на скрипке мелодия. Осматриваюсь. Прижавшись щекой к инструменту, закрыв глаза, Мирча играет так вдохновенно, что у меня на глазах выступают слезы. Все замирают. Вука и Гица бросают карты.

Передо мной опять возникает Анна. Я не сплю и знаю, что это не сон, но стена как будто уплывает куда-то в сторону. Я хочу поднести руку ко лбу и не могу. В звуках скрипки мне слышится голос Анны — мелодичный, дрожащий. Безотчетно я протягиваю руки навстречу видению. Я вижу ее загадочные глаза. Господи, только бы не сойти с ума! Мирча кончил играть. Я шарю в нагрудном кармане, где храню мои письма к ее родителям, вернувшиеся ко мне с пометкой: «Адресат выбыл». На фотографию я не смотрю: в ней очень много земного!

Идет снег. День медленно гаснет, как догорающая свеча. Я думаю о нашей боевой задаче, и она представляется мне очень трудной. Надо бы написать родителям: ведь не исключено, что я не вернусь. Но что я напишу? Что я могу погибнуть? Что мне предстоит трудное задание? Или, мо-

жет, описать, как мы героически сражаемся? Но я ненавижу войну и тех, кто ее развязал. Мы, правда, — другое дело. Одни из нас здесь, чтобы отстоять только что завоеванную свободу, другие — чтобы отомстить за дорогих им людей, третьи — чтобы навсегда покончить с фашизмом...

По горам прокатился выстрел. Солдат-наблюдатель докладывает мне, что в небе появились три красные ракеты. С вещмешками, наполненными гранатами и пулеметными дисками, накинув белые маскировочные халаты, мы выступаем. Солдаты возбужденно переговариваются.

— Ну, Мирча, пробил твой час! По замку бродит привидение графа Ковасна, — мрачным голосом говорит Вука.

— По-моему, Грета Гарбо — самая великая актриса в мире. — Говорун как будто возражает Философу.

— Господин младший лейтенант, найдется ли в замке теплый уголок? — с самым серьезным видом спрашивает меня Соня, обеспокоенный, наверное, что ему негде будет прикорнуть.

— Надо бы позвонить им, справиться. Да чтобы белье чистое на кровати нам постелили, — отвечаю ему в тон.

Я оглядываюсь. Мы уже прошли добрую половину пути.

— Когда придет мир, клянусь, я буду спать шесть дней и шесть ночей сряду, — торжественно произносит Соня.

— Знаешь, — укоряю я его, — в жизни еще много хорошего кроме сна.

— Оно-то так, но сон, если хорошенько подумать...

Я наблюдаю за нашим передвижением. Начинается подъем. Всходит молочно-белая луна. Вверху слышится шум, будто камни скатываются. Я подаю солдатам знак остановиться и прекратить разговоры. Мы все замираем, прислушиваемся. Ничего. Мне показалось. Впрочем, разве можно услышать, как скатываются вниз камни, если все вокруг засыпано снегом?

Подъем становится трудным, ботинки скользят, мешает глубокий снег. Теперь надо действовать отделениями. План действий разработан заранее. Остается только выбрать место, где нам разделиться. Гица смотрит на меня. Он понял, что следует делать, и удаляется со своим отделением. Я киваю ему, когда он оборачивается.

Вука тоже собирает свое отделение и двигается влево. Я вижу, как он неспешно обматывает ремень автомата вокруг руки. Луна скрывается в облаках — это к лучшему: мы можем продвигаться вперед, не опасаясь быть обнару-

женными. А идти нам еще порядочно. Люди придерживают снаряжение, чтобы оно не бренчало.

Вдруг пучок света сверху начинает обшаривать горы. Прожектор! Люди без команды бросаются в снег. Обшарив все тропинки, прожектор гаснет. Мы поднимаемся и идем дальше. Ступаем словно по вате. Пушистый снег попадает в ботинки, и я чувствую, что носки у меня отсырели. Рядом слышу пыхтение Мирчи. Он с трудом преодолевает подъем. Мне жаль его, но я ничем не могу ему помочь. Снова вспыхивает луч прожектора, словно он забыл что-то и теперь пытается отыскать. Опять бросаемся в снег. Он попадает в рот, за шиворот. Я чувствую обжигающий холод. Мороз усиливается. Хотя у меня на руках перчатки, пальцы закоченели, и я тихонько шевелю ими, чтобы согреть. Странное дело! Руки и ноги у меня замерзли, а все тело горит, как в огне. Во рту пересохло. Захватываю ртом снег, это немного сбивает жажду. Сколько еще они собираются держать нас в снегу?

— Господин лейтенант, разрешите убрать этот проклятый прожектор? Так они продержат нас всю ночь! — обращается ко мне Соня.

— Нельзя, Николае!

— Почему нельзя?

— Мы себя обнаружим, тогда...

— А так, вы думаете, мы что-нибудь сделаем? Даже кишки замерзнут.

Что делать? Я понимаю, что он прав. Но если мы ударим по прожектору, фрицы встревожатся, тогда не видать нам замка как своих ушей. Прожектор еще раз прошелся по нас, потух, потом зажегся снова. Нет, нужно найти на него управу. Но я ведь даже не знаю, сколько немцев в замке. Нужен решительный и дерзкий человек, который подобрался бы к прожектору. Думаю о Вуке и посылаю за ним. Через десять минут он появляется.

— Господин младший лейтенант, если мы не уничтожим прожектор, мы не сможем и шагу сделать вперед! Даже зло берет.

— Ты сумеешь его уничтожить? — спрашиваю.

— Попробую.

— Вука, тут нужна особая сноровка.

— Попытаюсь. Возьму себе в помощь одного. Думаю, что справлюсь.

Он уходит — и меня начинают мучить угрызения совести. Мне кажется, что я послал его на верную смерть.

Как он сумеет забраться на стену? Как он уничтожит прожектор, около которого, без сомнения, целый расчет?

Холод пронизывает все тело. Я никак не могу перестать стучать зубами, и это меня страшно раздражает. Это не столько от холода, сколько от растрепанных нервов.

Проклятый прожектор снова включен, и мы опять утопаем в снегу. Со мной теперь и отделение Вуки. Пучок света медленно проплывает над нами. Ко мне подползает Соня:

— Что будем делать, господин младший лейтенант? Так они продержат нас до рассвета.

Поверх каски у него маскировочный башлык. Башлык затянут под подбородком. Соня похож на разбуженную старуху. При выдохе его лицо окутывают клубы пара.

Прожектор гаснет, и мы облегченно вздыхаем, но надолго ли он погас? Сумеет ли Вука добраться до него? Мы продвигаемся медленно, с трудом. Снова валит снег, даже завьюжило. Люди устали от ходьбы и напряжения. С каждым шагом снег все глубже. В двух метрах ничего не видно. Как там Вука? Конечно, такая непогода нам на руку, но холод и снег изнуряют. Мы то и дело скользим по склону. Говорун подбадривает других: осталось совсем немного. Я пытаюсь разглядеть что-нибудь впереди и не могу. Теперь нам нужен прожектор, чтобы можно было сориентироваться.

Мне подумалось, что Баклажан не предполагал, какой трудной окажется наша задача. Прожектор вспыхивает, и на этот раз никто не честит его. Бросаемся в снег. В пронзительном голубоватом свете кружат снежинки. Мы различаем стены, ворота. Если бы не прожектор, можно было бы подумать, что замок покинут. Ворота черные, массивные, различаются темные квадраты окон. Немного впереди и справа вижу несколько белых бугорков — наверное, отделение Гицы. Прожектор резко погас. Пусть, мы увидели все, что нужно. Я уже жалею, что послал Вуку. Мы поднимаемся, делаем рывок, еще...

Опять этот свет! Но он тут же гаснет. Сверху падает и глухо ударяется о землю что-то темное. Мы устремляемся вперед. Идем почти во весь рост. Никто нас не останавливает. Справа неподвижное темное пятно — труп немецкого солдата. Это работа Вуки. Замираем на месте: показался немецкий часовой. Он останавливается, будто прислушивается. Только бы не наткнулся на сброшенного сверху. Часовой смотрит по сторонам, но нас не видно, мы за выступом стены.

Гица со своим отделением продвигается правее. Я шепотом передаю по цепочке, чтоб прислали ко мне Голодную губернию. Никто так, как он, не умеет работать штыком и кинжалом. Объясняю ему, что надо делать. Троакэ молча кивает и быстро ползет вперед. Нервы у нас напряжены. Если Троакэ не удастся убрать часового, мы пропали. Немец похлопывает руками, притопывает, чтобы согреться. Троакэ осторожен. Изготовившись, набрасывается на часового сзади. Какое-то мгновение они не двигаются, будто застыли в объятиях друг друга. Затем Троакэ отпускает немца, и тот медленно оседает на землю. Голодная губерния сработал отлично! Ни единого звука, ни единого стона. Кто-то из наших выстрелом разбивает замок на воротах, и мы врываемся во двор с гранатами в руках.

Взрывы отгоняют темноту от стен замка. Немцы уже опомнились. Сверху на нас обрушивается град пуль. Первым в замок врывается Голодная губерния. Он бежит, широко выбрасывая ноги, и стреляет на ходу. Я стараюсь не отстать. За мной бегут ребята. У восточных ворот вступает в бой отделение Гицы. Сопротивление нашей группе, атакующей через главные ворота, ослабевает. Слева слышу выстрелы и крики раненых. Мы рассыпаемся по просторному залу и укрываемся, кто где может. Пытаемся подняться по лестнице, но нас встречают автоматными очередями. Отходим. Соня, укрывшись за рыцарем в доспехах, берет на мушку автоматчика на верхней площадке лестницы. Выстрел — и немец как мешок скатывается вниз. Мы бегом устремляемся вверх, но нас опять останавливает огонь.

Сражен Тудор Велику, всегда такой спокойный, рассудительный. Рядом пригибается к полу Алукреций. Его ранило в грудь. Падает через балюстраду Смынтынеску...

Раздается грохот разорвавшейся гранаты. Я ничего не вижу. Лестницу и зал заволокло дымом. На зубах то ли песок, то ли осколки стекла. Через несколько секунд дым рассеивается. Мы стоим с автоматами в руках, готовые открыть огонь. Сверху, подгоняемые Вукой, с поднятыми руками спускаются пять-шесть немцев. Молодые, светловолосые, смотрят как затравленные звери. Вука поторапливает их. Безотчетным движением я направляю на них автомат. Идущий первым, увидев мой жест, закрывает лицо руками. Я вовремя сдерживаюсь и не открываю огонь...

Со страшным грохотом рвутся гранаты. Замок вздрагивает до основания. Мои ноги скользят в луже крови. В свете разрывов на витраже различаю фигуру монаха, про-

тягивающего кому-то чашу. Ночь превратилась в сплошной рев и грохот. В призрачном свете вспышек мелькают бледные, перекошенные от напряжения лица с плотно сжатыми губами.

В окна начинает просачиваться грязно-серый рассвет. Отблески разрывов становятся бледнее. Рождается окутанное густым туманом утро, но у меня такое чувство, что ни день, ни вечер уже не наступят. Тупо смотрю на пол, выложенный кусочками разноцветного камня. Он весь искорежен, разбит. Неподалеку валяется нога рыцаря, похожая теперь на колено водосточной трубы.

Я облизываю пересохшие губы. Жесткий, как наждак, язык царапает нёбо. Перед глазами убитые или еще мечущиеся в предсмертных судорогах раненые: Згуд, Мэнеску, Хартулиан... Нагибаюсь над Василою. Приподнимаю его, усаживаю поудобнее. Его глаза лихорадочно блестят, он бредит. Мне становится жутко. Я отворачиваюсь, но мой взгляд натыкается на убитого немца. Вижу тени, мелькающие за витражами. Их много. Это пленные. Знакомый мягкий голос заставляет меня вздрогнуть:

— Давай-давай, не растягиваться!

Это же голос капитана Манолиу! Баклажан всегда говорит так спокойно и мягко.

Но откуда здесь взялся Баклажан? Может, я ослышался? В отделении Гицы потерь нет, только трое раненых. Отделение Вуки подходит без командира. Никто его не видел. Приказываю отыскать Вуку. Безрезультатно. Лежит где-нибудь в воронке или под обрывом... Я не нахожу себе места. Чтобы хоть немного успокоиться, выхожу во двор. Вижу колонну пленных немцев. Они стоят нахохлившись: воротники подняты, руки — в карманах шинелей. Ежатся от холода. Некоторые обмотали головы шарфами, а поверх надвинули каски.

Кто-то подает команду «Смирно!». Как ни странно, напротив колонны останавливается капитан Манолиу. Заметив меня, он улыбается.

— Хорошая работа, Адриан! — поздравляет он меня, пожимает руку. Потом, видя, что я ничего не понимаю, спрашивает: — Что это ты?

— Ведь речь шла о том, что только мы пойдем, господин капитан, — говорю я с упреком.

Капитан сдвигает каску на затылок и тихонько смеется.

— Да оставь я тебя одного, они бы тебя в клочья раз-

посли. И тебя, и всех твоих солдат. Уж ты поверь мне, малец!

— Тогда почему с самого начала вы мне не сказали, что будете нас поддерживать?

— Чтобы ты ни на кого не надеялся. — Он смеется. — Чтобы действовал самостоятельно.

Да, действительно, наш капитан — удивительный человек!

Ночью мне снится Вука. Держит за ремешок каску и раскачивает ее. Я о чем-то спрашиваю его. Он мне не отвечает, только смеется. Кричу на него, что-то приказываю. Он отмахивается, а потом совсем исчезает. Я остаюсь один посреди огромного заснеженного поля. Откуда-то издалека пробирается ко мне Анна.

Я просыпаюсь с мыслью о Вуке и об Анне. Смотрю на часы — половина шестого. Слышу шум, крики. Выбегаю выяснить, в чем дело. Вука, сержант моего взвода, привел десятка полтора пленных! Ремни у немцев отобраны. Мне хочется смеяться от радости, но я сдерживаюсь. Принимаю серьезный вид, подхожу к нему, смотрю с укором. Вука, как всегда, делает большие глаза, раскрывает рот, будто что-то хочет сказать.

— Где ты был, сержант? — строго спрашиваю я.

— Я же пленных привел, господин младший лейтенант!

— Я не про пленных спрашиваю. Я спрашиваю, где ты был?

Кусаю губы, чтобы не рассмеяться. Вука смотрит на меня и не может понять, говорю я серьезно или нет.

— Я был в плену, господин младший лейтенант...

— Как в плену?

Внутри у меня все ликует оттого, что Вука вернулся. Все же продолжаю смотреть на него сурово.

— Вот ведь как получилось, господин младший лейтенант... После того как я уничтожил прожектор, на меня накинулись сразу человек шесть, схватили, бросили в какую-то каморку. Один все порывался меня застрелить, потом все ушли и про меня, наверное, забыли. В комнатушке окно было прямо на обрыв. Мне скучно стало там сидеть, я выломал окно и прыгнул. Уж не знаю, как это получилось, но я угодил прямо на одного из здешних. Пришлось мне отправить его на тот свет... Отобрал я у него автомат, гранаты и стал вас поджидать. Я видел, как вы в замок ворвались, убрал нескольких стрелявших сверху, а потом в подвалах заблудился. Пошел по длинному коридору. Сверху больше не слышно было выстрелов. «А,

будь что будет!» — сказал я себе и пошел дальше. Оказывается, замок имеет столько закоулков, столько выходов! Хотел я повернуть назад, но тут за массивной дверью слышу шепот. Собираются, значит, те, кому спастись удалось. Толкнул я дверь и стою с автоматом. Увидели меня эти типы, руки подняли. Я их к нам пригласил, и, как видите, они приглашение приняли...

— Сдай их, сержант, — приказываю ему.

Остальные смотрят на нас. Я достаю сигарету. Один из пленных подскакивает с зажигалкой. Голодная губерния выхватывает у него зажигалку и сует взамен коробок спичек. Немец смотрит на него с изумлением.

— А ну отдай ему зажигалку!

— Не грешно ли, господин младший лейтенант? Такая хорошая штука!

— Прекратить разговоры. Отдай зажигалку. Тебе не стыдно?

— А им не стыдно все у нас забирать? Что-то никто из их начальства не приказал награбленное вернуть. В деревне — пустота, в городе — сами знаете, что натворили. — Продолжая ворчать и ругаться, Троакэ возвращает немцу зажигалку: — На, бери! Чтоб вас черти взяли!

Немец ничего не понимает.

Дни проходят почти спокойные. Никаких значительных событий. Только время от времени над нашими позициями пролетают вражеские разведывательные самолеты. Ни автоматной очереди, ни взрыва гранаты... Мы начинаем лениться, скучать. Занятия не проводятся. Люди играют в карты, пишут письма домой. Занятия — как в мирное время.

Я со своим взводом устраиваюсь в сарае, который Философ помпезно именует Зимним дворцом. Правда, крыша есть, но стекла в оконцах разбиты. Холод беспрепятственно проникает внутрь. Тепло от печки, установленной в центре, мы научились беречь: оконца заделали досками и картоном. Соня располагается на ближайшей к печке кровати. В изголовье своей кровати Говорун прикрепляет портрет Греты Гарбо. Он ее страстный поклонник. То, что я называю кроватью, — просто нары из досок. Откуда нам взять кровати?

Восточная сторона сарая отведена взводу Вальтера. Вальтер раздобыл где-то пирамиду, его солдаты ставят оружие каждый на свое место по номерам. Целый день они

наводят порядок: чистят, подметают, стирают и чинят одежду. Совершают пробежки. Так требует Вальтер. Утром он поднимает взвод на четверть часа раньше. Раздевшись до пояса, его солдаты занимаются зарядкой. Мои смотрят на них, вылупив глаза, и крестятся. Соня начинает дрожать от холода, как только видит, как они занимаются зарядкой раздетые. Говорун как-то спросил одного, куда это он бежит. Тот на ходу бросил: «В клозет». Вальтер требует, чтобы они и в этом случае бежали рысцой.

Я своих людей оставил в покое. Кто знает, сколько им осталось радоваться тишине и покою? Философ лежит, вытянувшись на нарах, читает. Мирча сортирует свои коробочки, тюбики с различными мазями. Вука отыскал где-то чешскую газету, вперился глазами в нее, но ничего, видно, не понимает. Иногда к нам приходят газеты и письма из дома. Тогда всех нас охватывает волнение. Родина как бы ободряет нас. Голодная губерния подходит к Гице, присаживается возле него на корточки.

— Господин сержант, — говорит он, — вы человек грамотный, не то что я, темный. Растолкуйте мне, зачем нам сдалась эта война? По-моему, пусть те, кто ее затевают, выйдут друг против друга и дерутся, сколько им влезет.

— Великим мира сего, Троакэ, нечего делать на фронте, — важно ответствует Философ. — Разумеешь?

— Нет, не разумею.

— Войны ведут народы. Военачальники объявляют войну, а народы ее ведут. Теперь понятно?

— Нет, не понятно.

— Тогда давай по-другому посмотрим, — продолжает спокойно Философ. — Тебе от немцев чего-нибудь нужно?

— Как это? Чего же мне от них нужно?

— Значит, ты от них ничего не хочешь?

— Да что мне нужно от этих грабителей?! Вы что, не видели? Взял я у этого зажигалку и сам же виноватым остался...

Философ долго пытается объяснить Троакэ, почему мы ведем войну против фашистов, за что отдаем свои жизни или остаемся калеками. Не знаю, понял ли что-нибудь Троакэ из его объяснений?

Я как бы забыл про распорядок дня. Да и капитан Манолиу вроде не придает этому большого значения. Кормить нас стали лучше. Только тоска по дому гложет. После того как все ложатся спать, слышатся приглушенные вздохи. А то еще Голодная губерния начнет играть на своем флуере*. Только этого нам не хватает!

Солдаты могут часами говорить о своем доме, хозяйстве, а потом надолго задумываются.

Многие получают письма из дома. Только Мирча никогда не получает. Ему некому писать, у него ни родителей, ни родственников. Он один-одинешенек на белом свете. Он с завистью переводит взгляд с одного на другого, когда солдаты читают письма. Каждый проявляет свою радость по-своему. Некоторые читают вслух, другие зовут своих поверенных. Все оживляются, угощают друг друга сигаретами, и только Мирча вздыхает, прохаживается, заложив руки за спину. Мне становится жаль его.

— Ну что, Троакэ? — спрашиваю я Голодную губернию, который остановился передо мной как вкопанный.

— Да вот, господин младший лейтенант, пришло письмецо из дома. Будьте добры, прочитайте...

Только мне доверяет Троакэ свои письма. Больше он никого не попросит. Слушает он с благоговением. Жена его Лизавета пишет сама. Я распечатываю конверт.

— «Послушай, Мандаке, пишет тебе твоя жена, и пусть мои строчки застанут тебя там, где ты есть, здоровым и даст тебе бог долгую жизнь. Знаешь, Мандаке, у нас тут прошел дождь, а потом ударили заморозки, так что пошло прахом все, что в земле. Еще у нас слышно, что бабам, у кого мужья на фронте, будут давать землю. Такая весть дошла из Бухареста. А Трике, Митителов сын, который на машине работает, на фабрике, толкует нам: что, мол, вы сидите сложа руки? Мол, почему не выезжаете с плугами на помещичьи земли? Говорит, что их время прошло, что теперь наш срок... Почему не написал мне, что Иеремию ранило, чтоб им гореть в адовом огне. Я сама получила письмецо от него, и он мне пишет, что лежит в лазарете и чтоб я не беспокоилась за него. А сам-то ты, Мандаке, как со здоровьем? Пиши мне, а то душа ноет по тебе, нет больше мочи. Да хранит тебя бог. Лизавета».

Письмо Лизаветы пронизано миром. Я закрываю глаза и вижу незнакомый мне двор, добротный дом, постройки... А здесь? Здесь только и слышишь: «Вперед!», «Огонь!», «Примкнуть штыки!». Здесь мы делаем перебежки, ползаем, как черви, по земле. Здесь жизнь и смерть всегда рядом. Как это далеко от нормальной человеческой жизни! Мы нарушаем ее законы.

Я с болью в сердце оглядываю своих людей. Соня сидит, прислонившись к стене, будто ждет чего-то или, может, разговаривает с кем-то про себя. Философ пишет открытку домой. Время от времени поднимает глаза, будто чего-то

ищет. Вот Мирча с веснушчатым, похожим на девичье лицом. Голодная губерния с круглыми, постоянно удивленными глазами, как всегда, голодный. Я смотрю на них и думаю: что нам всем суждено? Что суждено каждому из нас?..

Капитан Манолиу говорит, что скоро начнется наступление. Мне не хочется ему верить: мы так привыкли к тишине. И все же, по некоторым признакам, он прав. Больше не приходят письма из дома, не отпускают в увольнение. В штабе непрерывно трещат телефоны. Я устал от войны, но знаю: чтобы человечество существовало, фашисты должны быть разгромлены.

Утром в наш сарай является Баклажан. «Зимний дворец» не вызывает у него приятного впечатления. Младший лейтенант Вальтер отдает ему рапорт по-уставному. Он проходит к моему взводу. Здесь инспекция еще более тщательная. Он видит грязные шинели, ботинки, невычищенное оружие. Капитан воздерживается от замечаний, но уходит очень недовольный и подает мне знак следовать за ним.

— Ну, Адриан, — с укором говорит мне Баклажан, — разве пристало такому храброму, опытному командиру, как ты, быть таким разболтанным и неорганизованным?

Мне нечего возразить: капитан прав.

— У тебя, — продолжает он, — образ мыслей как на гражданке. Мол, достаточно того, что я делаю свое дело. Так вот, этого далеко не достаточно! Представь, возвращаемся мы домой с музыкой, победителями, а иначе и быть не может! Девушки бросают нам цветы. И кого они видят? Небритых солдат, как этот, с бородой как у попа, — он имеет в виду Философа, — запаршивевших, с грязным оружием. Люди не поверят, что такая армия смогла победить немцев! Тебе нравится такая картина?

О чем беспокоится Баклажан? О девушках, которые нам цветы бросать будут!

Баклажан легонько подталкивает меня плечом, как будто извиняется, что вынужден сделать мне замечание. Я щелкаю каблуками, отдаю ему честь по всем правилам, чтобы угодить. Что не сделаешь для такого человека?!

Во взвод я возвращаюсь с самыми черными мыслями. Голодная губерния опять ссорится с поваром:

— Долго ты нас будешь голодом морить? В брюхе урчит. А ну давай обед!

— Поживее поворачивайся, — поддерживают его остальные. — Где жратва?

Выходит, в то время как я получаю из-за них нагоняй от начальства за их леность и за свою собственную мягкотелость, они проголодались! Я вижу солдат из взвода Вальтера, и меня просто ярость охватывает: подтянутые, выбритые, аккуратные.

— Значит, третий взвод проголодался?

— Да-а-а! — слышу густой хрипловатый голос Троакэ.

— Требуется, чтобы вам обед доставили? — пытаюсь я говорить как можно спокойнее.

— Да-а-а!

— Третий взвод! Выходи строиться! Бегом! — ору я во все горло.

После секундного колебания все выскакивают из помещения. Уже вечер — влажно и холодно.

— Назад! Бегом! — Я не даю им времени войти и снова: — Ко мне! Смирно! Кругом! Бегом! Ко мне!..

Так я гоняю их около часа, пока они не начинают двигаться совсем проворно. Солдаты из взвода Вальтера спокойно обедают и смеются над моими. Голодная губерния то и дело бросает взгляды в их сторону и сглатывает слюну. Я вызываю повара и приказываю не кормить взвод до моего распоряжения.

Голодная губерния смотрит на меня злыми глазами.

— Небритые... Через пять минут чтоб щеки у вас блестели, как луна! Ясно?

— Ясно...

— А ты что стоишь? — спрашиваю Философа, который остается на месте.

— И я?

— И ты!

— Господин младший лейтенант, — пробует он отстоять свою бороду.

— Приказ вам ясен, сержант Пантя?

— Ясен, — отвечает он и, сделав лихой поворот кругом, исчезает в сарае.

Потом я заставляю их драить оружие, чистить ботинки. Провожу смотр. Затем взвод наводит порядок в сарае. Мне кажется, что они опять двигаются медленно.

— Ко мне! Бегом! Назад! Бегом! В сарай! Бегом!

Солдаты мгновенно исчезают с моих глаз. Ко мне подходит сержант в очках, которого я не узнаю.

— Вам что, сержант?

— Господин младший лейтенант, докладывает сержант Пантя. Ваш приказ выполнен!

— Хорошо. Становитесь в строй!

Я поворачиваюсь к нему спиной, потому что не могу удержаться от смеха. Философ похож на ощипанную курицу. Беру себя в руки и обращаюсь к нему:

— Ну вот видите! Так вам гораздо лучше, чем с этой щеткой.

На самом деле выглядит он ужасно. Солдаты тоже прыскают. Бедный Гица! Я больше никогда не заставлю тебя брить бороду. Гица все время поправляет очки, падающие на кончик длинного, с горбинкой, носа. Капитан Манолиу проводит повторную поверку. Теперь он доволен. Это по всему видно.

— Ну что, Адриан, можно же подтянуться?

Я иду за ним, чтобы разузнать, не слышал ли он о наступлении, о котором все говорят. Он отвечает, что об этом нет пока никаких сведений. Мне не верится. Наверное, наступление будет внезапным. Ведь немцы занимают выгодное положение, а нам придется карабкаться вверх.

Третий взвод получил обед только к ужину, но все и этому рады.

Двенадцатое января. Мелкий, холодный дождь пропитывает шинели. Густой туман уменьшает видимость. Капитан Манолиу вызывает к себе командиров взводов. Он сообщает, что наступление уже началось и мы тоже выступаем. Я смотрю на часы: без двадцати девять. Тишина. Но буквально через несколько секунд начинается невообразимая канонада. Русская и румынская артиллерия отлично ведут свою партию. За сорок три минуты на немцев обрушиваются сотни тонн снарядов.

Командиры собрали свои взводы. Все смотрят в сторону гор. Там видны разрывы снарядов нашей артиллерии. Вот и нам туда. Расстояние кажется совсем небольшим.

— Я, когда надо было поругать свою Лизавету — ругал! — рассказывает Троакэ Арсению Деджетелупджю, в прошлом тоже крестьянину.

Но вот слева доносится:

— Приготовиться к бою!

Наша артиллерия продолжает вести частый огонь, посылая в сторону немцев снаряд за снарядом. Мы быстрым шагом, пригнувшись, идем вперед навстречу порывистому, пронизывающему до костей ветру. Пересекаем нечто вроде небольшой теснины и начинаем подниматься вверх по склону. Впереди наступают горные стрелки. Выстрелы перекатываются по горам, создавая сплошной гул. Капитан

ускоряет шаг и подает нам знак не отставать. Мы с трудом поднимаемся вверх. Горные стрелки уже завязали бой с противником. Я вижу, как они стреляют, укрываясь за камнями, продвигаются вперед перебежками.

— Ну, ребятки, наша очередь!

Голос Баклажана кажется мне суровым.

— Вперед! — кричит он, и я вижу, как он бросается с автоматом в атаку.

Мы бежим вслед за ним. Противник укрылся за скалами. Скользко, из-под ног срываются и катятся вниз камни. Теперь мы буквально карабкаемся вверх. Противник встречает нас автоматным огнем сверху.

Слева взвод Вальтера продвигается вперед в полном порядке. Вижу и его самого. Он идет прямо, не прячась от пуль. Взводом Дантопола, атакующим справа, командует старшина Нэстасе. Капитан Манолиу время от времени оборачивается и ободряюще улыбается. Возле меня прожужжало что-то. Вижу упавший рядом осколок с заостренными, как у пилы, краями. Я поднимаю его и тут же отбрасываю в сторону: обжигает, черт его побери! Двое солдат из взвода Нэстасе, поскользнувшись, срываются вниз, в падении пытаясь ухватиться за камни, за обнаженные корни деревьев.

Быстрее! Еще быстрее! Будто кто-то подстегивает нас сзади. Мы рвемся вперед, чтобы скорее преодолеть зону огня противника. Гранат никто не бросает: мы бережем их до того момента, когда ворвемся на позиции врага. Вот мы почти у самого гребня. Вдруг сплошная стена огня останавливает нас. Мы мечемся в каком-то странном хороводе. Я приникаю к земле за большим камнем. Рядом со мной плюхается Философ. Несколько солдат убиты. Мы вскакиваем, бежим, наступая на убитых, не слыша криков раненых. Вокруг настоящий ад. Запах жженой серы забивает ноздри. На зубах скрипит перемолотый снарядами камень. Я вижу доты немцев, они изрыгают снопы огня. Справа и слева наступают наши части. Мы не одни. Я вижу, как капитан Манолиу достает гранату. Рядом со мной оказывается старшина Нэстасе.

— Погибель, господин младший лейтенант! — кричит он, но мне некогда ему ответить.

— Вперед! Вперед!

Во взводе Вальтера осталось всего несколько человек, но они держатся вместе, бегут рядом со своим командиром. Вдруг Вальтер опускается на колени, как будто в церкви для молитвы. Я бросаюсь к нему.

— Кончено, Адриан, — шепчет Вальтер.

Он умирает на моих руках.

Многие, сраженные пулей или осколком, остаются лежать на обледенелых камнях. Мы перепрыгиваем через раненых.

— Помогите! Не бросайте, братцы! — кричит кто-то вблизи.

Мне кажется, что это Вука. Нет, не он. Вука бежит, бросая гранату за гранатой. Я задыхаюсь от усталости и напряжения. Останавливаюсь на секунду, чтобы перевести дух.

— Если бы не фашистская нечисть, не побывать бы нам в этих горах, — говорит мне Философ.

Он уже забыл про свою бороду. Я улыбаюсь ему в ответ.

— Вперед, ребятки! Немного осталось!

Голос Баклажана, как всегда, бодр и спокоен. Арсений Деджетелунджь подобрался к немецкому доту. Он бросает одну за другой две гранаты, потом кидается к амбразуре. Его прошивает пулеметная очередь... Мы бежим за капитаном Манолиу, на ходу смыкая свои ряды. Вражеские пулеметы неистовствуют. Мы уже не люди: глаза горят, зубы лязгают от ярости. Миронеску, высокий крепкий солдат из моего взвода, припадает на колено. Он что-то кричит, но я его не слышу. Он скатывается вниз и падает в пропасть. Мирча бросает гранату, потом хватается за плечо, будто вывихнул его. Ифтоде — повар, с которым вечно ссорится Голодная губерния, вдруг останавливается и поднимает руки к голове. Каска падает с его головы. Соня стреляет с невероятной быстротой, стреляет отлично. Несколько немцев уже рухнули на землю, настигнутые его пулями.

— Еще рывок, ребята! — подбадривает нас капитан Манолиу.

Он по-прежнему бежит впереди и стреляет на ходу. Лицо его блестит от пота. Он в хорошем расположении духа. Бой, по всей видимости, приближается к концу. Вдруг он выпускает из рук автомат и медленно падает на бок. Я бросаюсь к нему, стараюсь поддержать. Лицо его залито кровью. Смотрю в потухшие, добрые, теплые глаза капитана. Один из солдат помогает мне опустить его на землю. Мы не слышим ни единого стона.

— Господин капитан, господин капитан!.. — только и могу выговорить я.

Мне кажется, я сейчас сойду с ума. Я хочу сказать еще что-то, но меня душат слезы...

Кто-то кричит вместо капитана:

— Вперед!

Это старшина Нэстасе.

Я наклоняюсь над нашим Баклажаном. Он открывает глаза и улыбается мне. Узнал. Хочет что-то сказать. Берет меня за воротник.

— Что говорят, когда хотят у всех попросить прощения? — шепчет он. — Я не знаю, как...

Рука судорожно сжимает мой воротник, потом слабеет и падает. Я оттаскиваю его за камень, чтобы в него больше не попали ни пуля, ни осколок. Слышу стрекот пулемета, который сразил его... Мы схватились с немцами врукопашную. Мелькают штыки, на головы немцев обрушиваются приклады, крики смешиваются с автоматными очередями. Мы захватываем немецкие доты.

Говорун бежит, держа винтовку в левой руке и штык в правой. Лицо у него искажено от ярости. Кто-то из раненых хватает его за ногу, и он падает. С руганью поднимается. Вокруг меня — рой пуль. Говорун ухитрился метнуть гранату в немецкий дот. Я слышу взрыв и вопли раненых. Философ схватился с немецким унтер-офицером. Он опрокидывает его на землю. Штык сверкает в воздухе раз, другой. Молодцы мои ребята! Вука уворачивается от удара и сам достает прикладом до головы немца. Голодная губерния, выкрикивая ругательства, размахивает винтовкой, будто дубиной. Немец перед ним поднимает вверх руки и кричит:

— Камерад!

Вражеская оборона опрокинута. Устраиваемся в немецких дотах. Мы устали, не можем отдышаться. Пленные, перепачканные кровью и грязью, стоят с поднятыми руками. Их пересчитывают и выстраивают. Колонну под конвоем отправляют в тыл.

Захожу в первый дот. Немец, упавший на пулемет, как будто спит. Вокруг множество стреляных лент. Двое солдат вытаскивают труп из дота. На стене прикреплена цветная фотография Гитлера. Соня приделывает ему клюв, а Говорун пририсовывает что-то невообразимое вокруг рта. Рядом с Гитлером фотография светловолосого немца. Красивый улыбающийся парень, даже приятный на вид, но в его улыбке угадывается жестокость. Машинально опираюсь на пулемет. Пальцы натыкаются на что-то влажное, липкое. С отвращением отдергиваю руку. Мне не обо что ее вытереть. Я провожу рукой по фотографии Гитлера. Ионицэ Жумарэ, солдат лет сорока пяти, мобилизованный из

запаса, нашел румынскую каску, пробитую спереди. Он обтирает ее рукавом и надевает на голову. Она ему в самый раз. Может, это каска бедняги Ифтоде?

Я узнал, что наше наступление успешно развивается. Немцы отброшены. Собираю своих людей. Мы отправляемся искать тела капитана Манолиу и Вальтера. Старшина Нэстасе плачет над Баклажаном, как ребенок. И не только он. И пожилые, прибывшие на фронт добровольно, готовые отдать жизнь за свой народ, и молодые, тоже не щадящие жизни в борьбе с врагом, сейчас не могут сдержать слез. В расщелине между камней роют могилу. Лицо капитана Манолиу почернело. Кровь запеклась. Глаза остались открытыми. Мы заворачиваем его в плащ-палатку и опускаем в могилу. Издалека доносятся орудийные залпы. Все снимают каски.

Вальтера пулеметная очередь резанула у пояса. Позвоночник весь раздроблен. Его опускают в могилу вместе с капитаном. Мы потеряли двенадцать человек: девять убито и трое ранено. Я принимаю командование ротой на себя.

Нам удалось захватить часть горного массива Силичка-Планина. Теперь нам предстоит штурмовать высоту 542. А пока занимаемся ранеными. У одного из них ручьем хлещет кровь. Он кричит:

— Не оставляйте, братцы! Братцы, не бросайте!

Бинтов не хватает. Солдаты рвут на полосы рубашки и используют их вместо бинтов.

Солдат Рэдой из моего взвода, после того как ему сделали перевязку, говорит, что чувствует себя лучше.

— Меня ведь задело не очень тяжело, господин младший лейтенант, — шепчет он, откидывается в сторону и замирает навечно.

На войне жизнь и смерть идут рядом, так что иногда даже не чувствуешь интервала между ними.

Оставшиеся в живых сбиваются вокруг меня, словно овцы вокруг пастуха.

— Что будем делать, господин младший лейтенант? — спрашивает меня Нэстасе.

— Пойдем вперед, старшина. Надо взять высоту пятьсот сорок два...

И мы идем вперед. Путь неимоверно труден, но я не даю солдатам ни секунды передышки.

— Останемся в живых — отдохнем! — подбадриваю я их.

Мы с трудом передвигаем ноги. Уже недалеко до вершины, но тут оказывается, что наш правый фланг оголился. Противник просачивается между нами и соседями, заходит нам в тыл. Впереди немцы встречают нас плотной завесой огня. Им нужно удержать высоту, нам — захватить ее во что бы то ни стало. Старшина Нэстасе подбегает ко мне:

— Господин младший лейтенант, нас окружают!

Я поворачиваю голову и, к своему ужасу, вижу, что сзади появляются немцы. У нас один шанс — драться до последнего. Правда, есть и другой... Нет, плен для нас невозможен.

Рота сильно поредела. Люди не знают, где им укрыться, как обороняться. Они не спускают с меня хмурых глаз. Я понимаю, что если сейчас не приму верного решения, то останусь один. Поднимаюсь во весь рост, стреляю куда-то вперед и кричу что есть силы:

— Рота, за мной! Чем попасть в руки фашистов, лучше в пропасть! Кому повезет — уцелеет.

Я бросаюсь вниз первым. Цепляюсь за камни, пытаюсь затормозить падение каблуками, но земля крепко скована морозом. За мной кувырком летит Философ. Вука скользит легко, как на салазках, бережет голову. Из роты спаслись я, Вука, Мирча, Гица, Говорун, старшина Нэстасе, правда, ободрался весь до крови, Соня и еще пятнадцать человек. Ищу глазами Голодную губернию, спрашиваю, не видел ли кто его. Никто ничего не может сказать. Немцы сверху охотятся за нами, как за зайцами.

Мы пробираемся к своим голодные, промерзшие, усталые. Все грязные, в лохмотьях, щеки ввалились, будто в них не осталось ни грамма влаги. Сколько времени мы идем? Куда?.. Кто-то из солдат опускается на землю, не может идти дальше. Старшина Нэстасе пытается его поднять, но тот сопротивляется:

— Пристрелите меня тут. Дальше я не пойду!

Я убеждаю его:

— Если останешься здесь — погибнешь, замерзнешь.

— Все так, но я не могу сделать ни шагу, — жалуется солдат.

Я кричу на него, угрожаю, тычу под нос пистолет, но он даже не шевелится. Я приказываю солдатам поднять его силком. Они тащат его за собой.

Вдруг слышится звук моторов. Похоже на мотоциклы. Мы настораживаемся, скрываемся в кустарнике и ждем.

На узкой горной дороге появляется немецкая колонна. Их не очень много.

— Подпустить ближе. Никому не стрелять, — приказываю я.

Каждый выбирает себе цель. Мы видим сверкающие каски, серые шинели. Люди смотрят на меня, ожидая сигнала. Немцы едут спокойно, без всякого прикрытия. Я вижу черные кресты на бортах грузовиков. Прикидываю, где немцы смогут укрыться. Укрыться им негде. Они зажаты в узком проходе.

— У кого есть гранаты? — спрашиваю я.

Набралось всего около десятка гранат. Вука горит нетерпением. Я улыбаюсь ему, хотя у меня страшно болит плечо: наверное, вывихнул при падении.

Различаю хмурые лица немцев. В их выражении есть что-то волчье. Колонна идет медленно, очень медленно, и у нас есть время как следует изготовиться. Все затаили дыхание. Наконец я поднимаю руку. Град пуль обрушивается на немецкую колонну. Мотоциклы опрокидываются, подорванные гранатами, взрываются грузовики. Немцы пытаются спрятаться, отбить нападение и открывают огонь наугад. Эхо взрывов разносится по ущелью. Наши стреляют с ожесточением, мстя за капитана Манолиу, за Вальтера, за всех остальных.

Все кончено в несколько минут. Мы двигаемся дальше. Идем осторожно, не разговариваем, будто выходим на позиции. Опять на дороге движение. На этот раз это наши — пехотный полк выдвигается к высоте 542, которую не удалось взять нам. Майор — командир полка внимательно и поначалу с некоторым недоверием слушает мой доклад. Он выясняет, из какой мы части, кто наш командир, как развивались события. Когда все выяснено, майор распоряжается накормить моих солдат, ведь мы больше суток ничего не ели. Нам выдают также табак и боеприпасы.

Встретившийся нам полк только что прибыл на фронт. Солдаты полны энтузиазма, смеются по всякому поводу. Мои люди сдержанны, даже угрюмы. Они прошли через настоящее пекло, измотаны до предела. Им-то не до веселья.

Проклятая высота, не раз переходившая из рук в руки, наконец взята. Бой здесь был особенно ожесточенным. Через высоту проходит горная дорога, по которой наши войска могут продолжать наступление в глубь обороны противника.

Мы отыскали Голодную губернию. Не верится, что этот окаменевший на морозе труп совсем недавно был веселым, вечно голодным Мандаке Троакэ. Заворачиваем его в плащ-палатку и хороним на высоте. Говорун и Вука не могут сдержать слез.

От одного раненого я узнаю, как погиб Троакэ. Когда мы спускались по обрыву, он решил задержать немцев. У него кончились патроны. Троакэ достал гранаты и засунул их за пояс. Выждав, когда немцы подошли вплотную, надеясь взять его живым, он подорвал себя вместе с фашистами. Ценой своей жизни он прикрыл наш отход.

Вскоре после гибели Троакэ к нам возвращается Иеремия, его сын. Узнав о смерти отца, он словно немеет. Долго не может поверить в это. Матери он решает не писать, зная, что она не вынесет такого горя. Вечером он рассказывает солдатам о том, что происходит на родине. Крестьяне делят и пашут помещичьи земли. В городе рабочие громят так называемые «исторические» партии.

Нас перебросили на другой участок фронта. К нам прибыл новый командир роты вместо капитана Манолиу — капитан Элиаде. Новый командир не понравился мне с самого начала.

— Физиономия капитана мне не импонирует, — говорит и Философ.

Я пытаюсь возразить ему, мол, слышал от Нэстасе, что Элиаде человек хороший. А в душе я доволен, что новому командиру никто не симпатизирует. Разве может кто-нибудь заменить нашего Баклажана?

Капитан Элиаде требует у меня список личного состава и приказывает построить роту, если эти жалкие остатки еще можно назвать ротой. Уставшие после боев люди собираются неохотно. Я рапортую новому командиру, но он отказывается принять мой рапорт и медленно обходит строй. Делает замечания: этот небрит, у того не хватает пуговицы на шинели, у третьего еще что-то не в порядке. Философ, оказывается, не знает, как стоять по стойке «смирно», сержант Арапи не умеет доложить, Соня дремлет в строю, вот-вот упадет. Элиаде останавливается напротив каждого. Солдаты, так много времени пробывшие на передовой, недовольны. Капитан делает вид, что не замечает этого. Подает команду «Разойдись!», потом снова собирает роту и снова распускает ее. Опять приказывает мне построить людей. Я выполняю его приказ, чертыхаясь

в душе. Пока я докладываю, он смотрит на меня зеленоватыми, с металлическим отблеском, глазами, и во взгляде угадывается усмешка.

Через несколько дней Элиаде приказывает мне провести занятие со всей ротой. Я смотрю на него растерянно, ничего не понимая. Какое занятие? Сейчас? Мы же не в казармах в Бухаресте!

— Я недоволен, младший лейтенант, — бросает он после занятий. — У людей нет никакой подготовки.

— Разрешите доложить, господин капитан?

— Докладывайте!

— Рота господина капитана Манолиу больше воевала, чем занималась боевой подготовкой.

В лице Элиаде не дрогнул ни один мускул. Он смотрит на меня, по крайней мере мне так кажется, с холодной враждебностью и не говорит ни слова.

После обеда мне передают, что господин капитан Элиаде вызывает меня.

— Садитесь, — не глядя на меня, приглашает Элиаде.

Я делаю вид, что не слышу, и продолжаю стоять.

— Я вижу, вы не питаете ко мне симпатий, — неожиданно говорит он.

— Господин капитан, мы на фронте, и здесь не может быть места ни симпатиям, ни антипатиям. Здесь все исполняют свой долг...

— Ошибаетесь, именно на фронте и завязывается самая тесная дружба, зарождается самая сильная симпатия и самая сильная антипатия... — Он смотрит на меня и опять как будто усмехается.

— Будут ли какие-нибудь приказания?

Он отвечает не сразу, наверное, думает о чем-то другом.

— Мне кажется, младший лейтенант, вы пока во многом ошибаетесь, — наконец произносит он. — Но если вам трудно служить под моим началом, я могу попросить, чтобы вас перевели в другую роту.

— Я не просил о переводе, господин капитан!

Я так взбешен, что щеки у меня пылают. Приходит офицеришка, который и фронта-то еще не нюхал, и начинает указывать мне, столько времени не вылезавшему с передовой!

— Что ж, тогда вам придется выполнять мои приказы.

— Пока я ношу мундир...

— Безусловно. Я не требую, чтобы и на гражданке вы узнавали меня.

От капитана Элиаде я ухожу раздраженный. Ко мне подходит Вука. Заметив, что я в плохом настроении, он начинает меня утешать.

— Вот увидите, господин младший лейтенант, он долго не продержится, — говорит Вука.

— И откуда он взялся? — спрашивает Соня.

Я не поощряю таких разговоров, но и не обрываю их. Молчу, а сам просто киплю от злости.

Капитан Элиаде резко отчитывает солдата из моего взвода — телефониста Санду.

— Что вам было приказано? — спрашивает Элиаде.

— Связаться с дивизией, — отвечает телефонист.

— А вы?

— Писал письмо домой.

— Знаете, что означает невыполнение приказа в военное время?

Санду молчит, оцепенев. Элиаде поворачивается и проходит мимо меня, будто не замечая.

— Разрешите, господин капитан?

— О чем вы, младший лейтенант?

Он останавливается напротив, глядя на меня со своей неизменной усмешкой. Я выдерживаю его взгляд.

— Санду один из лучших солдат в моем взводе. Он всегда выполняет свой долг на поле боя...

— Ну и?..

— Я разрешил ему написать домой.

— У вас нет права отменить мой приказ, младший лейтенант. Вы командуете только в мое отсутствие. Вам понятно?

Я ничего не отвечаю. Отдаю честь и поворачиваюсь, чтобы уйти.

— Разве я разрешил вам идти, младший лейтенант?

— Слушаю вас! — Я делаю уставный оборот кругом и замираю по стойке «смирно».

— Не люблю людей, которые бросают мне пустой вызов, — говорит он, рассматривая мою экипировку.

— Ясно, господин капитан!

— Идите.

Я ухожу с таким чувством, будто получил пощечину. Причем все это происходило в присутствии солдат.

— Господин капитан, дивизия на проводе! — докладывает Санду.

Элиаде спокойно направляется к полевому телефону. Я наблюдаю за ним и невольно сравниваю с капитаном Манолиу. Небо и земля.

— Капитан Элиаде у телефона. Слушаю! Ясно. Докладываю обстановку: мы вышли на опушку леса у населенного пункта Слиак, не встретив никакого сопротивления. Слушаю! Ориентир? Массивное четырехэтажное здание. Очень хорошо видно. Ясно, господин полковник, буду действовать, сообразуясь с обстановкой... — Он молча слушает. Я пытаюсь прочитать что-нибудь по его лицу, но оно непроницаемо, как маска. — Протестую, господин полковник! — кричит он в аппарат. — Почему в мою роту? Понимаю, но что я буду делать с новичками? Слушаю... Ну и что, что он племянник господина генерала? Я солдат, а не нянька для барчуков, ищущих острых ощущений! Подобные люди только путаются в ногах. Если приказ... Ясно. Честь имею!

Элиаде, взбешенный, бросает трубку. Вид у него страшно недовольный.

— Вы хорошо зарыли кабель? — спрашивает он Санду.

— Да, господин капитан.

— Сколько у вас запасных катушек?

— Две.

— Вон до того здания хватит?

— Хватит, господин капитан.

Он поворачивается и видит меня. Меня удивило, что он так разговаривает с начальством. Ведет он себя очень уверенно и свободно. Наверное, у него рука где-то в верхах.

— Подготовьте людей, младший лейтенант.

— К чему, господин капитан?

— Через несколько часов мы выступаем в направлении вон того здания на холме. Видите?

— Господин капитан...

— Направление движения — каменное здание. Оно перед вами, — продолжает Элиаде, не обращая внимания на то, что я хочу что-то сказать. — Вы пойдете с первым взводом. Продвигайтесь перебежками, используя складки местности.

— Разрешите, господин капитан? — взрываюсь я. Мне хочется запустить в него чем-нибудь.

— Что вам не ясно, младший лейтенант?

Я вижу, как мышцы на его лице напряглись. Он сжимает зубы и закладывает руки за спину.

— Господин капитан, люди изнурены...

— Война — не прогулка.

— Господин капитан! Мы шли сюда чуть ли не бегом...

— Меня это не интересует, младший лейтенант. Ясно?

— Это должно вас интересовать, господин капитан, — отвечаю я, больше не в состоянии сдерживаться.

Элиаде смотрит на меня, и металлический блеск в его глазах становится еще более заметным.

— Советую вам быть поосторожнее, младший лейтенант, — жестким тоном говорит Элиаде.

«И откуда ты взялся на мою голову?» — думаю я. Перед глазами всплывает образ нашего Баклажана. Тот, бывало, говорил: «Да дай ты ребятам дух перевести. Ведь не горит!..»

— Господин капитан, надо дать солдатам дух перевести, — невольно повторяю я слова нашего доброго Баклажана.

— Вы рассуждаете как новобранец, младший лейтенант! Извините, но вы меня вынудили сказать это. Успех тысяч людей зависит сейчас от нас и сведений, которые мы должны получить. По ту сторону леса находятся три населенных пункта, занятых противником. Перед дивизией поставлена задача освободить их. Это здание нужно занять сейчас. Если дать людям отдохнуть, противник опередит нас. Вы меня поняли?

— Я об этом не знал, господин капитан.

— У нас нет времени рассуждать. В другой раз не давайте волю чувствам, — отчеканивает он. — Мы можем не дойти, но остановиться не можем. Это здание — ключ к успеху наступления наших войск. Думаю, я достаточно ясно обрисовал обстановку? Дело не в избытке усердия, вы ведь так думали? Больше нет вопросов?

— Нет. Ясно. Пусть все погибнем, но... — бормочу я.

— Приказ следует выполнять беспрекословно, младший лейтенант.

— Да, господин капитан.

— Вот и выполняйте!

— И все же, господин капитан...

— Слушаю вас. — Элиаде раздражен.

— Только фашисты так поступают с людьми!—бросаю я.

— Я попрошу вас, младший лейтенант! — Элиаде угрожающе повышает тон.

— Штаб дивизии мог отдать такой приказ заранее. Люди не машины. Мы выступаем уставшие...

— Хватит, младший лейтенант. Приказы не подлежат обсуждению. После выполнения задания я вас арестую и отправлю в штаб.

— Ясно.

Я поворачиваюсь кругом и ухожу, даже не козырнув.

Затылком чувствую осуждающий взгляд Элиаде. Я не оборачиваюсь. Не пугает меня и его угроза. Разъяренный, отправляюсь к себе во взвод готовить людей к выступлению. По дороге натыкаюсь на кого-то. Готов послать его к чертям, но останавливаюсь как вкопанный. Передо мной Мишу Добреску — мы учились с ним в школе, в лицее. Он в звании сержанта. Тепло обнимаемся.

— Адриан? Ты здесь?..

— Как видишь, Мишу. А ты? Как ты к нам попал?

— Я попросил послать меня на передовую.

— Не понимаю. Почему?

— Сразу не расскажешь, Адриан.

— Другие готовы в лепешку расшибиться, чтобы только не послали на фронт.

— А я по знакомству добился, чтобы меня сюда отправили, — смеется он.

Пока мы разговариваем с Мишу, мимо проходят капитан Элиаде и старшина Нэстасе. Мишу отдает капитану честь, но как-то совсем неумело, не по-военному. Элиаде останавливается в изумлении, меряет его взглядом с ног до головы.

— Вы кто?

— Сержант Добреску Михаил...

— Но у вас нет никакой выправки!

— Я закончил офицерское училище, — оправдывается Добреску.

— И докладывать не умеете. Кем были на гражданке?

— Учился на адвоката, господин капитан.

— Раньше были на фронте?

— Нет, господин капитан.

— В армию пошли добровольно?

— Да, господин капитан, — отвечает Добреску.

— С какой целью прибыли на фронт?

Мишу колеблется.

— Прибыл, чтобы воевать, — просто, без всякого пафоса говорит он.

— Воевать? Не думаете ли вы, что здесь играют в воров и полицейских?..

— Господин капитан, у моего друга особые обстоятельства, — вмешиваюсь я, не в силах сдержаться.

— И вы в адвокаты метите, младший лейтенант? Вашему приятелю адвокат не нужен. — В глазах Элиаде сверкают дьявольские огоньки. — Значит, прибыли воевать, сержант?

— Да, господин капитан.

— Что ж. Можете гордиться, что попали в отборную часть. Нас увешают наградами, если кто-нибудь уцелеет...— говорит Элиаде с явной издевкой.

Добреску краснеет до самых ушей.

— Я прибыл на фронт не за наградами, господин капитан!

— А это мы скоро проверим, сержант. — Элиаде говорит отрывисто, язвительно, потом поворачивается и быстро уходит.

Мишу, сдвинув каску на затылок, смотрит ему вслед.

— Твой командир вроде издевается надо мной, — с усмешкой говорит он. — Уж не думает ли он, что я приехал мыть ему котелок?

Слышу какой-то шум. Среди незнакомых голосов различаю голос, который не забуду до конца жизни. Я не верю своим ушам. Среди вновь прибывших из дивизии тот, кто бил меня так, что я чуть не сошел с ума, тот, кто убил мою Анну, — комиссар Нелу Агиосу. Я безотчетно хватаюсь за пистолет, чтобы пристрелить его на месте, но вовремя останавливаюсь и притворяюсь равнодушным. Этот тип прибыл сюда с какой-то своей целью, но уж, конечно, не за тем, чтобы сражаться. Скорее всего, он рассчитывает удрать к немцам. Что ж, я разгадаю его намерения, даже если это будет стоить мне жизни. А пока я делаю вид, что не знаю его, хотя мне хочется крикнуть ему: «Ты теперь в моих руках, скотина!» Я исподтишка наблюдаю за ним. Агиосу, как видно, не узнает меня: прошло уже много времени, я, наверное, изменился. А потом, этот негодяй стольких избивал. Разве он может всех упомнить?

— Имя, фамилия? — спрашиваю я первого в строю вновь прибывших.

— Солдат Няшку Марин, господин младший лейтенант! — по всем правилам докладывает тот.

— А ваши? — прохожу я к следующему.

— Солдат Штирбу Флоря.

— Были на фронте?

— Нет, господин младший лейтенант.

Подхожу к третьему, круглолицему, совсем еще мальчику.

— Солдат Маня Василикэ! — звонко выкрикивает он, улыбаясь во весь рот. Мы тоже все улыбаемся. Улыбается и Агиосу.

— А вы? — спрашиваю я Агиосу, останавливаясь перед ним.

— Солдат Винтилэ Ион, господин младший лейтенант.

Неужели не он? Невозможно. Сходство с той сволочью поразительное. И этот взгляд, взгляд профессионального убийцы... Узкий лоб, хитрые мутные глазки, услужливая улыбка... Не может быть двух так похожих друг на друга людей. Тогда я поклялся, что, если встречу этого подлеца, задушу его своими руками. И вот теперь, когда я вижу его перед собой... Всего лишь внешнее сходство? Нет, невозможно!

— Чем занимались на гражданке?

— Землю пахал, господин младший лейтенант.

Смотрю на его руки. Они растрескались и в мозолях.

— Из каких вы мест?

— По происхождению из Мэгура-де-Сус.

Я успокаиваюсь. Ни один крестьянин не скажет «по происхождению», а только «родом». Пересилив себя, улыбаюсь ему доброжелательно. Чувствую, что душа у меня становится на место.

Распределяю людей по взводам. Агиосу беру в свой взвод, чтобы наблюдать за каждым его шагом. Надо приблизить его к себе. Как можно ближе!

Мишу Добреску считает, что Элиаде шут и страдает манией величия. Он убежден, что здание санатория, которое мы должны захватить, покинуто. Но разведка, посланная Элиаде, доложила, что в здании расположились немецкие солдаты. Немцы разведчиков не заметили. Не было сделано ни одного выстрела. Надо застать их врасплох.

Я командую взводом автоматчиков. Мы прошли уже половину пути. Продвигаемся ползком по каменистой земле. Земля начала оттаивать. Наши шинели в грязи. Вот мы у подножия холма, на вершине которого находится санаторий. Рядом со мной ползет Философ.

— А этот откуда взялся? — спрашивает он, показывая на Агиосу.

— Прислали из дивизии. Ты его знаешь?

— Нет, не знаю, — бормочет Философ.

Но у меня такое впечатление, что Философ знает Агиосу. Почему же он скрывает это от меня? Я решаю тоже ему пока не говорить. Мы продвигаемся медленно, осторожно.

— Ну что, я говорил тебе, что Элиаде шут и хвастун? Пожалуйста! Санаторий покинут, а разведчики доложили, что там немецкие солдаты, только чтобы цену себе набить. — Мишу не в меру возбужден.

Я вижу, как он поднимается во весь рост. Сверху из

окна — очередь. Мишу плюхается прямо на меня. Он побледнел и весь дрожит. Я готов ударить его.

— Ты что, с ума сошел, дуралей?!

— Я не думал, — мямлит он.— Прости, Адриан... я думал...

Вражеские пулеметы простреливают всю поляну, и мы вжимаемся в землю.

— Господин капитан приказал отходить, — передает мне старшина Нэстасе. — Сердит, как черт, — добавляет он и отползает.

Элиаде прав. Если бы не глупость Добреску, который решил показать себя храбрецом, нам, возможно, удалось бы захватить здание без потерь. Мы ползком пятимся назад, как раки. Элиаде огнем прикрывает наш отход. Поднимаемся и делаем хорошую перебежку. Враг ведет яростный огонь. К счастью, у меня нет ни одного убитого или раненого. Капитан Элиаде просто кипит.

— Если бы хоть один человек погиб зря, я бы шлепнул вас собственной рукой, младший лейтенант!

Я смотрю себе под ноги, мне нечего возразить. Знаю, что он прав. Элиаде хочет сказать еще что-то, но тут появляется Санду, телефонист:

— Господин капитан, вас вызывает дивизия.

Я слышу, как Элиаде кричит в трубку:

— Капитан Элиаде!.. Нет! По моей вине не сумели занять санаторий. Пока не сумели. Попытаемся еще раз. Или сейчас же, или ночью. Ясно! Честь имею!

Он кладет трубку. Я подхожу к нему. Я удивлен, что он взял вину на себя

— Спасибо! — говорю я.

Он, едва удостоив меня взглядом и ничего не сказав, уходит.

Мы выступаем во второй раз. До санатория остается каких-нибудь пятьдесят метров. Никакого движения. Могильная тишина. Еще несколько метров. По-прежнему тихо. Только какая-то птица подпрыгивает впереди. В напряженном безмолвном ожидании только в ней сейчас вся жизнь. Скользим, словно змеи, и снова останавливаемся, выжидаем. С той стороны ни единого звука, ни малейшего движения. Как будто там за стенами духи, которых я так боялся в детстве. Я слышу, как громко стучит сердце. Я бы многое отдал, лишь бы услышать крики и треск выстрелов. Тогда бы я встрепенулся, знал бы, что делать. А если они отошли? Я смотрю на здание. Одно окно оставлено открытым, и рама хлопает на ветру. Отошли, не оказав никакого

сопротивления? А почему бы и нет? Сейчас мы выйдем на открытое пространство, и нам негде будет укрыться.

В детстве мы играли на чердаке. Было темно. Я шел на ощупь и знал, что вот-вот кто-то набросится сзади. Страх переплетался с необъяснимым удовольствием...

— Господин младший лейтенант, почему они не стреляют? — спрашивает Василикэ, глядя на меня большими детскими глазами.

— Выжидают, Василикэ! Сейчас начнут, только держись.

Василикэ устремляется вперед, будто торопится. Тишина постепенно обволакивает все мое существо. Еще немного, и мы наконец узнаем, убежали немцы или только затаились. Мы вышли на поляну. Подаю знак солдатам — стремительный бросок вперед. Опять кидаемся на землю. Из здания ни одного выстрела. Меня охватывает досада. И чего им было удирать? Еще рывок. Осталось совсем немного. Ворота широко открыты. Только бы оказаться под стенами санатория!

Василикэ, не дождавшись сигнала, поднимается и бежит вперед. Страх его исчез, уступив место ярости. Василикэ остается лежать, раскинув руки, там, где его настигла смерть. Мы устремляемся вперед, стреляя на ходу. Пулеметы, установленные в санатории, сметают все на своем пути, не дают сделать нам ни шагу. У меня во взводе большие потери. Элиаде останавливает атаку, и мы отходим. Передохнем, а ночью начнем все сначала. Вижу капитана Элиаде. Лицо его пожелтело, как у мертвеца. Он отдает приказ всем отдыхать.

Мишу Добреску укладывается рядом со мной. Я не могу заснуть. Холодно. Небо усыпано звездами, как в августе. Мишу ворочается с боку на бок, и это меня раздражает.

— Слушай, почему ты все же попросился на фронт? — спрашиваю я его.

Мишу приподнимается на локте и удивленно на меня смотрит.

— Тебя это беспокоит? — вопросом на вопрос отвечает он, уловив, наверное, в моем голосе раздражение.

— Почему это меня должно беспокоить? Я просто так спросил, мне интересно.

— Долго рассказывать.

Он ложится на спину, заложив руки за голову. Мы молчим, будто остерегаемся друг друга. Время от времени слышатся выстрелы.

— И все же... — настаиваю я.

— А ты зачем здесь?

— Мне нужно рассчитаться с ними.

— А может, и мне тоже надо поквитаться? Все очень просто, Адриан. Я здесь, чтобы найти свою смерть.

Мне кажется, что Мишу красуется. Что могло заставить его искать смерти? Он из обеспеченной семьи. У них большие связи. Дядя у Мишу — генерал.

— Я не понимаю, зачем тебе умирать?

— Из-за этой войны... У меня была любимая, мы с ней собирались обвенчаться...

— Любовная драма, — заключаю я с иронией в голосе.

— Не торопись. Ведь ты не знаешь, о чем речь. Когда немцы бомбили Бухарест, мы с ней укрылись в убежище. Она вся дрожала, я держал ее руки, пытался успокоить. Все ходуном ходило. И вдруг она вырвалась, метнулась к выходу. Я не успел ее удержать. Взрыв, вспышка. Больше ничего не помню. Три месяца я боролся со смертью. Девушка умерла. Когда я узнал об этом, то, несмотря на протесты домашних, тут же записался добровольцем. Попасть на фронт стало для меня навязчивой идеей. Я не собираюсь строить из себя героя или гоняться за наградами, как думает твой капитан. Как у всякого труса, у меня не хватило духа покончить с собой. Вот я и подумал, что на фронте погибают и те, кто умеют стеречься, и тем более такие неумехи, как я...

Конечно, для Мишу это трагедия, но меня уже не трогает. Мне все это представляется в порядке вещей. Убить или умереть стало настолько обычным, что на это не обращают внимания. Анну тоже убили, но я на фронте не для того, чтобы мстить или красиво погибнуть, а чтобы заплатить по счету заимодавцу смерти — войне. Я не стал говорить об этом с Мишу.

— А если ты останешься калекой на всю жизнь? Или, может статься, находясь рядом со смертью, начнешь дорожить жизнью?

— Ерунда! Когда собираешься расстаться с жизнью, не станешь вступать в переговоры со смертью.

— Если бы наши ребята узнали о твоих намерениях, они подняли бы тебя на смех. Это в лучшем случае.

— А почему мы должны что-то скрывать? Ты спросил меня, я тебе искренне ответил.

Мне досадно, что он ничего не понял. Не хочу объяснять ему, зачем здесь я, Философ, Вука, Соня...

— Зря ты сердишься, Адриан, — говорит Мишу.

Я смотрю на него, как на неодушевленный предмет. Его

круглое лицо, темные глаза, широкий рот, две складки вдоль крупного прямого носа — все кажется мне слишком заурядным, неинтересным.

— Человеческая жизнь — ужасная глупость, Адриан, — продолжает рассуждать Мишу.

Я не отвечаю. Волна раздражения против него, которая поднялась было во мне, спала. В конце концов, у каждого есть свои цели. И все же человек не должен жертвовать собой ради себя. Нужно любить не вымышленный мир, а реальный. Обо всем этом я сказал Мишу. Не знаю, слышал ли он, понял ли меня. Мало-помалу я начинаю засыпать. Просыпаюсь, почувствовав, что кто-то меня сильно трясет за плечо. Я открываю глаза, готовый ругаться последними словами, и вижу перед собой капитана Элиаде.

— Выступаем, — говорит он.

Я никак не проснусь. Ночная атака? Он что, шутит?

— Господин капитан, по-моему...

— Я не спрашиваю вашего мнения, — отрезает он.

— Мы не сможем пробиться, господин капитан. У нас большие потери. Немцы ведут огонь со всех сторон...

— Под землей проползем, если надо будет, — говорит Элиаде.

— Это значит идти на верную смерть.

— Не исключено.

Добреску он берет во взвод, командование которым он взял на себя после гибели младшего лейтенанта Думитреску.

— Господин капитан, для сержанта Добреску — это предлог пожертвовать собой, — пытаюсь я вступиться.

— Здесь у всех одна цель, — обрывает меня Элиаде.

— Господин капитан, поверьте мне, Добреску не станет беречься. Да он и не умеет беречься!

— Тем хуже для него. В любом случае я смогу оценить его как бойца.

— Все же мы должны учитывать, что у нас осталось мало людей...

Напрасно я стараюсь. Сам Добреску доволен. У меня такое впечатление, что после нашей ночной беседы он меня терпеть не может. От раздражения в висках стучит, во рту пересохло.

— Выслушайте меня, господин капитан, — настаиваю я.

— Не время пускаться в рассуждения, младший лейтенант.

Этот человек просто невыносим. Чего он хочет? Чтобы все мы погибли?

— Господин капитан...

— Сверим часы, младший лейтенант.

Я стараюсь погасить свою ярость. Мы сверяем часы. Элиаде резко поворачивается и уходит. Ко мне подходит Нэстасе. Мне ни с кем не хочется разговаривать, я готов оборвать его.

— Он неумолим, господин младший лейтенант. Напрасно вы стараетесь. Я его давно знаю.

— Ты его знаешь?—Я удивлен. Нэстасе никогда не рассказывал мне об Элиаде.

— Неужели? Я с ним служил. Одно время он исчез, и никто не знал, что с ним. Ходили разные слухи. Что он ушел из армии, что сбежал, что его посадили... Что из этого правда — не знаю. Знаю только, что он хороший офицер. Не побоится и с начальством схватиться.

У меня нет времени для расспросов. Передо мной замер телефонист Санду.

— Что случилось, Санду?

— Господин младший лейтенант, дивизия на проводе. Спрашивают, сколько людей у нас осталось после атаки.

— Доложи господину капитану.

— Снова даст неправильные данные, — бормочет старшина Нэстасе.

— Что ты сказал?

— Господин капитан скрывает наши потери.

— С какой целью?

— Если в дивизии узнают, что у нас осталась четверть личного состава, нас немедленно отзовут и направят на переформирование. — И добавляет: — Только не выдавайте меня, а то влетит мне!

— Сколько у нас людей?

Нэстасе называет цифру. В сопровождении Санду я направляюсь к телефону. Я не намерен ничего скрывать. Дорогу мне загораживает старшина Нэстасе:

— Вы куда, господин младший лейтенант?

— Я сам поговорю с дивизией.

— Вы меня подведете. И кой черт меня за язык дернул?!

Я не слушаю его причитаний. Беру трубку и сообщаю названную им цифру потерь. Затем посылаю Санду позвать к телефону Элиаде. Сам отхожу в сторону. О чем говорит Элиаде по телефону, я не слышу.

— Вы доложили в дивизию о наших потерях, младший лейтенант? — спрашивает Элиаде, положив трубку. Лицо его мрачно.

— А что мне оставалось делать? — с самым невинным видом говорю я.

— Кто вам разрешил? — набрасывается он на меня.

— Как? Не надо было отвечать на запрос дивизии?

— Об этом мы еще поговорим, младший лейтенант!

В его голосе явная угроза, но меня это нисколько не волнует. Ко мне осторожно приближается старшина Нэстасе. Он явно напуган. Меня разбирает смех.

— Что с тобой, Нэстасе?

— Что вы наделали, господин младший лейтенант? Теперь он вас живьем съест! И когда, перед ночной атакой...

— Успокойся, Нэстасе! — Я не могу удержаться и смеюсь.

— И вам еще смешно, господин младший лейтенант. Господин капитан вас возненавидит. Знаете, он становится безжалостным, когда... Тс-с! Разрешите идти?

— Ступай и не дрожи, ты ведь не баба.

— Ясно, господин младший лейтенант!

Бедняга! От волнения он весь вспотел. К нам подходит Элиаде. Издалека видно, что он взбешен.

— Люди могут отдыхать, — бросает он мне. — Старшина!

— Слушаю, господин капитан!

— Выставьте часовых вон перед той дамбой. Выдайте им ракеты и патроны с трассирующими пулями!

— Есть, господин капитан. А как же атака? — решается спросить Нэстасе.

— Вам понятно, что я сказал?

— Понятно, господин капитан.

— Тогда выполняйте!

Нэстасе поспешно уходит. Элиаде некоторое время медлит, но меня как будто и не замечает. Мне хочется уйти, но что-то меня удерживает. На лице Элиаде — обезоруживающее меня выражение печали.

— Господин капитан...

Я хочу сказать ему что-нибудь ободряющее, но слышу:

— Я вам этого не прощу, младший лейтенант.

— Жаль, господин капитан. Я не хотел срывать ваш план.

— Знаю. Вы хотели продемонстрировать свою ловкость.

— Ни в коем случае. Как офицер, я, как и вы, отвечаю за жизнь людей. Вы сами знаете, рота понесла большие потери. И потом, извините меня, я не понимаю, почему что-то нужно скрывать от дивизии...

— Предположим, я это делаю по личным мотивам. По-

чему вы вмешиваетесь? Хотите добиться расположения командования? — Он глядит на меня сбоку.

Опять я не могу сдержаться:

— Мне кажется, вы взяли неверный тон в разговоре со мной, господин капитан.

— Я воздерживаюсь говорить тем тоном, которого вы заслуживаете. Что ж, действуя подобным образом, вы добьетесь наград, за которыми гонитесь...

— Откуда вы взяли, что я гонюсь за наградами? Могу вас заверить, что не в моих правилах получать их, жертвуя другими...

— Это намек? — В его голосе возмущение.

— Это уточнение, господин капитан. Как офицер, я нахожусь под вашей командой. Вы отдаете приказы, и я обязан их выполнять. Как человек, я отчитываюсь только перед своей совестью и не буду молчать, если что-то мне кажется неправильным.

— Остановимся на этом, младший лейтенант.

— Согласен.

— Проверьте часовых.

— Ясно.

Элиаде удаляется. Я провожаю его взглядом и вижу: в нем не осталось высокомерия. Это уставший, отчаявшийся человек. Кто знает, что творится в его душе.

Я проверяю посты, обхожу людей. Они не спят, как будто ждут чего-то. Говорят о земле. Иеремия опять рассказывает, как крестьяне делят землю помещиков. Другие слушают затаив дыхание. Я прилег отдохнуть. Голоса постепенно тают, глохнут...

Сколько времени я спал? Просыпаюсь с ощущением одиночества и страха. Увидев вокруг себя солдат, успокаиваюсь. Вижу Агиосу, он ходит, как будто вынюхивает, выискивает что-то.

— Ты что бродишь, Винтилэ? — спрашиваю я.

Он вздрагивает и замирает.

— По нужде, господин младший лейтенант.

Агиосу отходит и укладывается. Видно, он не ожидал, что я не сплю. Возле меня расположился старшина Нэстасе.

— Не спишь? — обращаюсь я к нему.

— Нет. Все думаю, уж очень вы капитана рассердили.

— Что ты мне голову морочишь, Нэстасе?! — взрываюсь я.

— Вы его не знаете, господин младший лейтенант...

— Очень хорошо знаю! Слишком честолюбив твой капитан. А как все честолюбивые люди, к тому же и упрям...

— Простите меня, господин младший лейтенант, но вы ошибаетесь.

— Нет, не ошибаюсь. Видел я таких командиров. Они из-за собственных амбиций не остановятся перед тем, чтобы всех своих солдат положить, всех до одного.

— Господин капитан Элиаде не из таких,—берет его под защиту Нэстасе. — Душа у него покалечена.

— Глупости!

— Судьба круто с ним обошлась.

— Судьба — одно дело, характер — другое.

— Судьба отобрала у него все. Вот тогда и ожесточилась его душа, будто наполнилась железом.

— Я вижу, ты его хорошо знаешь! Или ты рассказываешь мне все это с умыслом?

Нэстасе ничего не отвечает. Я читаю в его глазах досаду из-за моего непонимания.

— У каждого свои беды, — говорит он наконец, словно извиняясь за сказанные до этого слова, потом добавляет:— Я не раз заставал его, когда он фотографии рассматривает. И такой он тогда задумчивый и печальный...

— Все мы вспоминаем о дорогих нам людях, особенно когда мы так далеко от них, — замечаю я.

— Разговор не о том... Его жена и двое дочерей были беженцами в одном из сел под Арадом. При отступлении немцы взяли заложников из населения... Среди них и его жена с дочерьми оказались. Чтобы прикрыть свое отступление, немцы подставили заложников под огонь наших наступающих частей. Так они и пропали... Не подумайте только, что он ищет пули. Напротив, в бою он бережется, в землю вгрызается. Но плохо тем, кто попадает под огонь его автомата.

Я почему-то вспоминаю об Анне и сразу о том, кто убил ее. Он-то здесь, рядом со мной, тогда как те, кто убил жену и девочек Элиаде, — это все фашисты. В их числе и те, кто засели сейчас в санатории. Да, разница, конечно, большая.

— О чем вы думаете, господин младший лейтенант?

— Все же человек, даже так страдающий, не должен ставить на карту чужие жизни. Вот о чем я думаю.

Не знаю, как это у меня вырвалось, я не хотел этого говорить. Нэстасе с грустью смотрит на меня. Темная, вселяющая в душу тревогу ночь окутывает всех нас.

Вокруг царит неестественная тишина. Ее не нарушают ни выстрелы, ни разрывы, ни рев моторов. Уж не капиту-

лировала ли фашистская Германия? А мы об этом ничего не знаем. Я начинаю мечтать. Закрываю глаза и вижу множество радиоприемников, которые в неистовом приступе радости передают весть о мире. Думаю о том, сколько придется сделать после такой разрушительной войны. Странно. Не надо будет пригибаться к земле, ползти по ней, как черви. Можно будет ходить с непокрытой головой, без каски. Наконец отступит смерть, которая в течение многих месяцев подстерегала меня отовсюду.

Я очнулся, даже не заснув как следует. Солдаты спят глубоким сном, будто укрывшись в крепости, где их никто не побеспокоит. В бледном свете луны санаторий кажется застывшим навеки огромным привидением. Оттуда как будто поднимаются две огромные руки из белесого тумана, чтобы схватить нас. Я чувствую, как они обволакивают меня мглистой влажностью, душат. По лицу скатывается холодный пот.

Прохаживаюсь среди спящих. У всех на лицах блаженное выражение покоя. Гляжу в сторону санатория. Кто-то подает оттуда световые сигналы. Довольно продолжительное время свет загорается, гаснет, снова загорается. Мне кажется, что теперь я вижу световые круги. Не раздумывая долго, направляюсь в укрытие к Элиаде. Он не спит, лежит, подложив руки под голову, словно всматриваясь в небо. Медленно, как человек, думающий о чем-то далеком, очень далеком, поворачивает ко мне голову. Мое появление не вызывает у него удивления.

— Что случилось, младший лейтенант? Пришли напомнить мне, что я — чудовище, толкающее солдат на погибель, тогда как вы стараетесь уберечь их?..

Впервые в его словах слышится какой-то намек на шутку. Или мне это только кажется? Он явно доволен, что я пришел. Это избавляет его от нестерпимого одиночества.

— Господин капитан, в санатории что-то происходит.

Элиаде поворачивает голову и смотрит, как будто не понимая.

— Кто-то подает световые сигналы.

Он вскакивает, и мы выходим из укрытия. В санатории ничего не видно, ни одного проблеска света. Элиаде смотрит на меня долгим ироническим взглядом.

— Я видел сигналы, господин капитан, — говорю я извиняющимся тоном.

И тут появляются сигналы. Теперь я гляжу на него с таким же выражением, с каким он смотрел на меня несколько секунд назад.

— Интересно, — бормочет он. — Судя по тому, каким огнем они нас встретили, в санатории полно немцев. А теперь они еще и сигналят. С какой целью?

— Мне кажется, кто-то просит о помощи, — высказываю я предположение.

— Тогда это кто-то не из тех, кто занимает здание.

— Может, там пленные?

— Или специально подстроенная ловушка. В подобных делах фашисты непревзойденны. В любом случае надо подготовить людей. Может, это на самом деле призыв о помощи, как вы говорите.

Через несколько минут мы готовы к выступлению. Элиаде молча оглядывает солдат. Кто-то протягивает ему автомат. Он проверяет диск и поворачивается ко мне. Его крупные крепкие зубы белеют в лунном свете.

— Взводы будут наступать так, как я решил, младший лейтенант!

— Ясно, — отвечаю я.

— Что же вы стоите? Разверните людей в цепь. Так, чтобы, продвигаясь вперед, они видели друг друга.

Я не шевелюсь... Элиаде вскидывает на меня глаза.

— Господин капитан, у меня к вам просьба, — почти шепотом говорю я.

— Выслушаю вас, младший лейтенант, после атаки. Разумеется, если мы оба останемся в живых.

— После атаки может быть поздно, господин капитан.

— О чем речь? — сдается он, видя, что я нахмурился.

— О сержанте Добреску. Прошу вас, переведите его в мой взвод.

— Почему?

— Хочу помешать ему совершить глупость.

— Единственная глупость, от которой невозможно уберечь, — это пуля врага. Так что оставьте вашего друга в покое. Если суждено...

— Вам ведь это ничего не стоит.

— Мне не нравится, когда настаивают, младший лейтенант. Я также не люблю менять свои решения, — отвечает он резко, потом поворачивается к солдатам: — Чтобы никакого шума. А то может всякое случиться...

Он улыбается. Он кажется довольным. Я еще раз проверяю своих людей. Отсутствует Винтилэ Ион, он же Агиосу. Я вижу его во взводе Элиаде.

— Ты почему там, солдат? — спрашиваю я, а в душу закрадывается опасение: он меня узнал.

Вмешивается старшина Нэстасе:

— Господин младший лейтенант, это я его перевел. Он меня доконал, все время зудит...

— Господин капитан,— обращаюсь я к Элиаде,— солдат Винтилэ Ион в моем взводе. Он перешел к вам без моего разрешения.

— Еще один из тех, кто хочет умереть? А вы взяли на себя благородную миссию всех оберегать?

— Нет, я не переношу недисциплинированности, господин капитан,—отвечаю я.

— Хорошо. Забирайте своего солдата, спаситель отчаявшихся,— усмехается Элиаде. Он весел, как никогда.

— Солдат Винтилэ Ион, в свой взвод.

— Слушаюсь, господин младший лейтенант!

— А ты, старшина, в следующий раз не решай за командира.

— Ясно, господин младший лейтенант,— говорит Нэстасе, бросив недовольный взгляд на Агиосу, который совсем сник.

Я никак не могу понять, почему Агиосу решил перейти в другой взвод.

Мы идем вперед. Ко мне подходит Философ:

— Посмотри, как он переживает.

— Кто?

— Винтилэ.

Философ ухмыляется. Я почти уверен, что и он узнал Агиосу. Тогда почему он скрывает это от меня? Ведь мы с ним давние друзья!

— А что бы ты сказал, если бы на месте Винтилэ оказался кто-нибудь другой?— спрашиваю я Гицу.

— А что я сказал? — удивляется он.

— Что он переживает из-за того, что я его вернул.

— Я пошутил,— отвечает Гица, сделавшись сразу серьезным.

— Послушай, Гица...

— Да ей-богу! Уж очень ты стал подозрительным.

Капитан Элиаде идет слева от меня. Я наблюдаю за ним, за его легкими ловкими движениями. Мимо проходит Агиосу, и я перехватываю его полный ярости взгляд. Продвигаемся, стараясь не производить ни малейшего шума.

— Думаю, мы уже совсем близко,— шепчет мне старшина Нэстасе.

— Никакого движения,— отмечаю я, всматриваясь в сторону санатория.

— Посмотрите, господин младший лейтенант!—восклицает вдруг Нэстасе.

Я снова вижу сигналы. Теперь они как будто торопливые, нервные. Ко мне подбегает Мишу Добреску.

— Тебе что?— шепотом строго спрашиваю я. Я не могу ему простить, что он остался во взводе Элиаде.

— Меня прислал командир. Он приказал, чтобы вы не открывали огня до того, как преодолеем поляну перед санаторием.

— Это и дураку понятно.

Старшина Нэстасе снова обращает мое внимание на сигналы:

— Опять сигналят. Кажется, с последнего этажа.

Тишину ночи нарушает женский крик. Добреску вздрагивает и начинает метаться. Я не успеваю его остановить, он поднимается и дает очередь в сторону санатория. Мы все застываем на месте. В следующее мгновение я хватаю Мишу за воротник и притягиваю к земле. Над головами свистят пули. Я в ярости: до ворот санатория оставалось совсем немного! Добреску хватается за голову и начинает рыдать. К нам подбегает Элиаде с автоматом на изготовку.

— Кто стрелял?— спрашивает он, запыхавшись.

Я не успеваю ответить.

— Я, господин капитан, — подскакивает Добреску. — Нервы не выдержали. Этот крик... Так кричали.

— Скотина! — Элиаде скрежещет зубами.

— Господин капитан... — пытается объяснить Добреску.

Видимо, крик женщины всколыхнул в душе Мишу то, что начало мало-помалу забываться.

— Ты что здесь — сам по себе? Можешь делать что тебе вздумается?— набрасывается Элиаде на Добреску. — Тебя следовало бы пристрелить как собаку. По своей дурости ты нас всех обнаружил!

В этот момент я вдруг понимаю: Элиаде очень дорожит своими солдатами. Все мои упреки были несправедливы.

— А вы что стоите, младший лейтенант? Так нас здесь всех перебьют! Вперед!

Я бегу за Элиаде, не зная даже, где остался Добреску.

— Вперед! Вперед!

Уже близко от ворот свинцовый вихрь преграждает нам путь. Приникаем к земле, стреляя наугад. Не хватает воздуха. Кто-то с разбегу падает прямо на меня. Одежда на нем горит — видно, стреляли из огнемета. Это солдат Кэтупяну из моего взвода. Он приподнимается и снова падает рядом. Подползаю, расстегиваю на нем шинель. На груди у него огромная рана. Сделать уже ничего нельзя.

Сопя у ворот. Подкатывает под ворота гранату, а сам

быстро отползает, вжимается в землю. От взрыва гранаты жаром пышет в лицо. Вука дает короткую очередь куда-то вверх — один из немцев летит на землю, раскинув руки. Кто-то высаживает прикладом входную дверь. Устремляемся вверх по лестнице. Рядом со мной с блестящим от пота лицом бежит Соня.

На лестнице свалка. Наши, орудуя штыками и прикладами, очищают комнаты на первом этаже. Передо мной молодой здоровый немец. Он кидается на меня. Бросаюсь на землю, будто подкошенный пулями. Сбитый с толку немец поворачивает назад. И тут я наношу ему два удара штыком. Капитан Элиаде ведет огонь по пулемету.

Рядом падает дымящаяся граната с длинной рукояткой. Раздумывать некогда — я укрываюсь за дверью. Взрывная волна срывает дверь с петель, и она с силой прижимает меня к стене. На этот раз я уцелел. Выбираюсь из-за двери и бегу по лестнице на второй этаж. Кто-то кричит от боли. Это Кэлинаш Барбу. Он воет, закрыв лицо руками:

— Братцы, я ослеп! Я ничего не вижу!

Кэлинаш мечется, кричит. Капитан успокаивает его, как ребенка.

Остановившись перед закрытой дверью, беру гранату. Поднимаю глаза и вижу гитлеровца, который целится в Элиаде. Бросаю гранату... Мне кажется, что Элиаде благодарит меня взглядом.

Позади санатория рев моторов.

— Драпают, господин младший лейтенант! — кричит Говорун и бежит в ту сторону.

Машины и мотоциклы быстро удаляются.

— Сбежали, сволочи! — ругается кто-то из солдат. Его лицо перепачкано грязью.

Появляется и Агиосу. Наверное, притаился где-нибудь, пока все не кончилось. Но он начинает рассказывать, как сражался, как один очистил от гитлеровцев комнату. Мне хочется дать ему затрещину. Будто я не знаю его подлую натуру?! Но я через силу улыбаюсь ему и, честно говоря, счастлив, что ни одна пуля его не задела. Я должен сам отплатить ему за смерть Анны, за перенесенные мной побои и оскорбления.

Мы обходим здание вокруг и натыкаемся на немецкую санитарную машину. Передняя дверца открыта. Я подхожу к машине и освещаю ее фонариком. Почему она оказалась брошенной?

— Не подходите, господин младший лейтенант, — предостерегает Нэстасе, — не припрятана ли в ней взрывчатка?

Я не обращаю внимания на слова Нэстасе и нажимаю на ручку дверцы. Нет, ничего не происходит. Нэстасе облегченно вздыхает. Я обшариваю машину внутри лучом фонарика, а Нэстасе стоит настороже, готовый в любую секунду открыть огонь. В санитарной машине я вижу немецкого офицера, он лежит на спине, голова и левая нога у него забинтованы.

— Мертвые нам не нужны, — сам себе говорю я.

Осматриваю убитого. Это, без сомнения, старший офицер. Подбегает Мирча и докладывает, что на третьем этаже солдаты нашли девушку. Вука и Соня выносят ее на руках. Она без сознания. Освещаю ее лицо. У меня подкашиваются ноги — Анна! Сходство поразительное. Губы мои упорно шепчут: Анна, Анна. Где Агиосу? Хочу поймать его взгляд, но он с равнодушным видом жует сухарь.

Девушка приходит в себя. Она оглядывается вокруг, пока не понимая, что произошло.

— Говоришь по-румынски? — хриплым от волнения голосом спрашиваю я.

Девушка не отвечает. Может, не понимает, может, просто нет сил. На лбу у нее кровь. Я перевязываю ей голову бинтом, который дает мне Мирча.

— Вы спросили, говорю ли я по-румынски? — отзывается наконец девушка.— Моя сестра была замужем за румыном, до войны я часто приезжала в Румынию...

— Значит, ты не румынка? — Я и сам подметил у девушки славянский акцент.

— Нет, не румынка. Я чешка.

— Это ты кричала?

— Они хотели меня убить...

— А сигналы подавала ты?

— Я.

— Ты знала, что мы близко?

— Я не была уверена, но надеялась, что после первой атаки вы не ушли далеко. Думала, вы затаились где-нибудь на опушке.

— Как тебя зовут?

— Сланка.

— Ты смелая девушка, Сланка.

Я так счастлив, что забыл о бое, о смерти. Страх перед будущим отступил. Сейчас я просто мальчишка. Соня стоит, опершись на винтовку, улыбается, подталкивает локтем Вуку.

— Ты откуда будешь? — продолжаю я расспрашивать Сланку.

— Там, в долине, городок — по нему и санаторий называется — Слиак.

— А как ты сюда попала?

— Нас здесь было семеро. Когда немцы заняли город, нас силой привели сюда, мы работали в санатории медсестрами. Когда началась эвакуация раненых, шестерых немцы забрали.

— А ты почему осталась?

— Меня заставили ухаживать за одним важным офицером. Полковником.

— А почему его не увезли вместе с другими?

— Он отказался.

— Это он был здесь командиром?

— Он.

— Твой полковник давно на том свете.

Сланка смотрит на меня настороженно и качает головой. Мы подводим ее к санитарной машине.

— Вот куда забрался! — говорит Сланка и просит посветить.

Нэстасе подходит с фонариком. На лице Сланки выражение свирепости и безжалостности. Она говорит по-немецки:

— Выходите, господин полковник! Игра окончена!

Мы с удивлением наблюдаем за происходящим. Полковник продолжает лежать неподвижно. Мне думается, что Сланка бредит. Это результат нервного потрясения. Я беру ее за плечи, намереваясь отвести от машины. Девушка вырывается.

— Поторопитесь, господин полковник, — настаивает девушка. — Стыдно офицеру, у которого столько наград, проделывать такие трюки. Дайте-ка мне револьвер, господин младший лейтенант, — обращается она ко мне, заговорщически подмигнув.

Последние слова она говорит тоже по-немецки, чтобы понял полковник. Вдруг мертвец оживает, пытается вылезти из машины. Говорун от удивления даже сплевывает. Соня смотрит, выпучив глаза, и все подталкивает локтем Вуку. Полковник с трудом выбирается из машины. У него широкие скулы, приплюснутый, как у боксеров, нос, большие оттопыренные уши. Волосы рассмотреть невозможно: вся голова его забинтована. Беспокойный взгляд маленьких бегающих глаз останавливается на мне.

— Вы старший по званию? — спрашивает он.

Я отвечаю ему по-немецки. Немец отыскивает пенсне и водружает его на переносицу.

— Смотри-ка! У него и стекла на глазах,— дивится Иеремия Троакэ.

— Оружие! — требую я.

Полковник вытаскивает из кожаной кобуры пистолет и протягивает его мне.

Философ предлагает передать гитлеровца русским, нашим соседям справа. Полковник, поняв это, белеет от страха.

— Как раненый и пленный, я требую защиты и оказания мне медицинской помощи согласно международной конвенции.

На меня он смотрит с оттенком презрения, на Сланку не обращает никакого внимания. Я поручаю его Нэстасе, предупредив, что он отвечает за немца головой.

— Идем, я представлю вас командиру нашей роты, — говорю я Сланке.

Мы отправляемся на поиски Элиаде. По дороге Сланка рассказывает:

— Я слышала, что в нашем районе наступают румынские войска. Немцы последнее время нервничали, эвакуировали раненых, поспешно все вывозили. Потом пришел секретный приказ. Началась подготовка здания к обороне. На крыше установили пулеметы, выставили часовых. Тут вскоре вы и атаковали...

— Немцы вели такой огонь, что мы не смогли пробиться.

Мы останавливаемся, чтобы пропустить солдат, переносящих какие-то тюки.

Я думаю о том, что следовало бы разоблачить Агиосу. Более того, я просто обязан сделать это: ведь он может перебежать к врагу или подавать ему сигналы и тем самым принести большой вред нашей роте. Я знаю это и все же не могу выпустить его из рук.

Пользуюсь случаем, чтобы лучше рассмотреть Сланку. У меня такое впечатление, будто я иду рядом с Анной. Гибель Анны была для меня страшным ударом, но не сломила. Может, это из-за войны? Мы свыклись со смертью. Мы все время рядом с мертвыми. Разговариваем при них, иногда даже смеемся, едим, спим, как будто рядом с боевыми товарищами, которые вместо пилоток надели маски.

Сланка идет рядом со мной, стройная, красивая, и продолжает свой рассказ:

— Немцы подумали, что вы ушли совсем, и начали кутить. Под вечер добрая половина была мертвецки пьяна. Вот тогда мне и пришло в голову подать вам сигнал.

— Но ведь тебя могли убить на месте!

— Я просто не думала об этом. Посигналив, я спускалась

в комнату, где находился раненый полковник. Впрочем, только он и заподозрил, что я неспроста шныряю туда-сюда. Но поняла я это позже...

— Почему же он не укатил на санитарной машине, а предпочел остаться и притвориться мертвым?

Девушка улыбается:

— Я насыпала сахара в карбюратор. Это было делом одной минуты...

— Когда тебя схватили?

— Когда я снова начала подавать сигналы. Я была уверена, что они ничего не пронюхали. Вдруг дверь распахнулась, и в комнату ворвались трое. Я даже не успела отойти от окна. Они набросились на меня, схватили за волосы и стали бить головой о подоконник. Вот тогда-то я и закричала от боли. Кто-то дал очередь по окну, и это меня спасло. Когда рядом просвистели пули, немцы бросили меня и отскочили от окна. Один из них выронил пистолет, я схватила его и выстрелила. Что было потом — не помню. Наверное, упала в обморок...

Я слушаю ее, не перебивая. Хотя многое мне неясно. Как это немцы, такие во всем осторожные, позволили подавать сигналы у себя под носом? А потом, она стреляла. Неужели выстрелы их не встревожили? Я не знаю, что думать. Хочу спросить о немецком полковнике, но не успеваю: к нам быстрым шагом подходит Элиаде. Я уверен, что он уже обшарил весь санаторий, проверил, не заложили ли немцы взрывчатку, не укрылись ли где-нибудь по закоулкам или в подвалах. Все это должен был сделать я. Сейчас начнет отчитывать, как обычно. Но капитан останавливается, удивленный: увидел Сланку.

— Это она подавала сигналы,— осторожно сообщаю Элиаде. Мне так не хочется, чтобы он отчитывал меня при девушке.

— Как вас зовут? — спрашивает он хмуро.

— Сланка Мочжиж.

— Партизанка?

— Нет.

— Она выдала нам немецкого полковника, который командовал здесь,— опять вступаю я.

— Так,— протягивает Элиаде, уже явно заинтересованный. Он улыбается. Я никогда не видел его таким.— Ну и где же немец, о котором вы мне говорите?

— Я передал его под охрану старшине Нэстасе. Если хотите его видеть...

— Да, сейчас же.

— Пойдемте.

Мы входим в здание. Наши шаги гулко звучат в пустых помещениях санатория. Проходим по длинному коридору. Справа и слева — палаты для больных. Повсюду видны следы боя: двери распахнуты, окна и зеркала разбиты, кровати перевернуты, валяются одеяла и постельное белье. На всем печать человеческого отчаяния и безнадежности.

В конце коридора останавливаемся перед дверью, у которой стоит часовой.

— Господин капитан,— говорю я,— барышня может быть хорошим переводчиком. Она знает немецкий и румынский.

— Спасибо, сам разберусь.

Все трое входим. Нэстасе, устроившийся у окна, встает. Гитлеровский полковник, уронив голову, сидит на кровати. Увидев нас, он поднимается. Левое плечо у него подергивается. Глаза часто мигают.

— Он что-нибудь говорил? — спрашивает Элиаде старшину Нэстасе.

— Ничего, господин капитан. Сидит и смотрит на меня так, будто съесть готов...

Пока Элиаде говорит с Нэстасе, немец настороженно смотрит то на одного, то на другого, думая, наверное, что решается его судьба.

— Ваша фамилия? — задает вопрос Элиаде по-немецки.

Я удивлен. У капитана отличное произношение.

— Зачем вам моя фамилия? — вскидывается полковник.

— Господин полковник, здесь задаю вопросы я. Фамилия?

— Полковник Альфред Вурм!

— Вы командовали частью, занимавшей санаторий?

— Да.

— Что это за часть?

— Я отказываюсь отвечать! — хорохорится немец.

Ему, видимо, кажется зазорным, что его допрашивает румынский офицер.

— Хочу обратить ваше внимание на то, что молчание не облегчит ваше положение.

— Я военнопленный,— с прежней надменностью заявляет Вурм.

Немецкий полковник нервничает: вытягивает шею, подергивает плечом. К моему изумлению, Элиаде вдруг смеется. До сих пор я не слышал его смеха. Но это недобрый смех, в нем звучит угроза.

— Моя семья тоже была взята вами заложниками. Вы безжалостно убили их. Так что можете не рассчитывать на

мэо снисхождение! Какие приказы вы получили за последние двое суток?

— Вы офицер и, думаю, знаете, что даже в плену врагу не разглашают военные секреты,— после некоторого колебания отвечает Вурм.— И потом, последние двое суток я не получал никаких приказов.

На его лице можно прочитать безграничное презрение. К Элиаде подскакивает Сланка.

— Лжет он, господин капитан! — говорит она, с ненавистью глядя на Вурма.

Меня не оставляют сомнения: не дурачат ли нас Вурм вместе со Сланкой? А мне бы очень не хотелось, чтобы она оказалась в одной компании с немцем.

— Вы ее знаете, господин полковник? — спрашивает Элиаде.

— Это медсестра. Она была ко мне приставлена.

— Слышите, она вас обвиняет во лжи. Вам нечего возразить?

— На наглость я не отвечаю,— заявляет Вурм.

— Вчера он получил какой-то приказ, после чего началась эвакуация...

— Слышали, господин полковник? И теперь вам нечего сказать?

— Нечего.

— Что это был за приказ? — настаивает Элиаде.

Вурм молчит, судорожно сжав челюсти.

— Значит, не хотите говорить.

Вурм не удостаивает Элиаде даже взглядом.

— Сержант!

— Слушаю, господин капитан! — откликается Мишу Добреску.

— Отвечаешь за него головой!

Элиаде смотрит на Вурма, как на падаль. Мы направляемся к двери. Возвращаемся тем же коридором.

— Барышня, откуда вам стало известно, что Вурм получил важный приказ? — спрашивает Элиаде Сланку.

— Я случайно слышала разговор между полковником и его адъютантом. Полковник говорил, что им приказано любой ценой удержать санаторий до пятницы, до полудня.

— До пятницы, до полудня? — недоумевает Элиаде.— Почему до пятницы? Какое значение имеет для них этот санаторий?

Поблагодарив, он отпускает Сланку и приказывает Нэстасе, чтобы он нашел Санду, а тот соединил его с дивизией.

Рота устраивается на новом месте. Никто не остается без дела. Люди снуют взад-вперед, выметают осколки стекла, мусор, наводят чистоту и порядок, будто перед инспекцией. Подбегает Нэстасе.

— Господин капитан, с дивизией связаться невозможно.

— Почему?

— Аппарат Санду непригоден, нужно менять какие-то детали.

— Плохо,— будто про себя говорит Элиаде.— Значит, мы оторваны от своих. У нас нет связи. Это очень плохо!

Над горами поднимается солнце. Элиаде идет прямой, стремительной походкой. Мы едва поспеваем за ним. Он не может не радоваться этому чудесному восходу. Я уверен, что он тоже очарован окружающей красотой. Но во взгляде его видна озабоченность. Элиаде приказывает мне расположить людей в самых опасных и уязвимых для нападения местах, а сам уходит наверх.

Покончив с неотложными делами, я решаю перекусить. Сижу у окна и любуюсь заснеженными горами. Из соседней комнаты слышу голос Говоруна:

— Я устрою себе квартиру с видом на горы.

— У тебя губа не дура,— отвечает ему Соня.

После этих слов мне кажется, что мы уже не солдаты, а какие-нибудь туристы, забравшиеся в эти красивые горы Чехословакии.

Со второго этажа спускается Винтилэ Ион, он же Агиосу. Он меня не видит. Ощущение реальности возвращается. У меня сжимается сердце. Этот негодяй глумился над Анной, он слышал ее предсмертный хрип... Моя рука безотчетно тянется к автомату. Анна хотела спасти людей от тюрьмы. Она укрывала их в доме несколько ночей. Кто-то из соседей донес об этом в сигуранцу. Когда в дом ворвались агенты, Анна стала кричать, чтобы услышали люди, спавшие в ее комнате. Они сумели бежать через окно. В доме никого не нашли. Но Анна... Солнце и тишина напоминают мне об Анне. Сланка напоминает мне об Анне. Винтилэ Ион напоминает мне об Анне.

К вечеру сержанта Добреску сменяет старшина Нэстасе. По просьбе Элиаде — первый раз он меня попросил — старшину Нэстасе сменяю я. Мне предстоит сторожить Вурма всю ночь. Отлично. Спать мне не хочется. Я усаживаюсь на стул перед дверью, за которой заперт Вурм. Можно не опасаться, что он убежит через окно: прутья решетки прочные. Перевалило за полночь. Я сижу, погрузившись в свои грустные мысли. Слышу легкие, явно женские шаги в ко-

ридоре. Беру автомат на изготовку. Вижу Сланку. Позволяю ей подойти, хотя на душе у меня неспокойно.

— Ты не спишь? — спрашиваю я ее. У меня не хватает твердости окликнуть ее, как положено.

— Не спится. Я пришла поговорить.

Я улыбаюсь, не зная, что сказать.

— Я никогда не забуду, что румыны спасли мне жизнь,— начинает Сланка.

— Если бы ты не подавала сигналов, возможно, нас и не было бы здесь и, само собой, мы никогда бы не встретились,— говорю я наполовину в шутку, наполовину всерьез.

«Глупо подозревать ее в чем-то,— думаю я.— Иначе она не подавала бы сигналов и завлекла нас в ловушку».

— Вы так смотрите, будто видите меня в первый раз,— тихо произносит Сланка.

— Ты очень похожа на одного человека,— отвечаю я, продолжая ее разглядывать. Даже ее жесты, ее улыбка напоминают мне Анну.

Вокруг все спит. Ни единого звука. Я даже слышу, как у меня в груди стучит сердце. Я закуриваю и жадно затягиваюсь. В Слиаке начинают горланить петухи. Я спрашиваю Сланку, остались ли в городке жители. Сланка смотрит на меня с удивлением: ведь я должен знать — городок стерт с лица земли. Но я же слышу петухов!

— Ты очень похожа на одного человека,— повторяю я.

— Вы ее очень любите?

— Она умерла,— почему-то шепотом отвечаю я.

— Простите...—говорит Сланка с искренней печалью.— Война многим принесла горе.

Несколько минут мы оба молчим.

— Вы забудете ее,— продолжает Сланка.— Когда-нибудь забудете. У людей есть лекарство от бед — забвение. Кто знает, откуда приходит забвение. А может, оно в нас самих?

— Послушай, что я тебе скажу: одни из нас прибыли на фронт, чтобы найти смерть, другие для того, чтобы мстить.

— И вы тоже хотите умереть?

Я чувствую в ее голосе иронию.

— Нет. Я всегда осуждал самоубийство. Я считал его приемлемым только для трусов. Я буду бороться, как всякий человек, который знает, что такое война.

— Вы коммунист?

— Нет,— говорю я с сожалением в голосе.— Может, после войны. Если...

Сланка меня прерывает.

— Как тебя зовут?

— Адриан,— отвечаю я, как ученик в классе.

— Разреши мне называть тебя так? Пусть тебя это не удивляет. Во время войны люди сближаются очень быстро.

— И так же быстро расстаются.

Сланка берет мою руку в свою, горячую, бархатную.

— Ты растерялся, Адриан. Как ребенок, за которым гонятся, а он не знает, куда спрятаться.

— Сланка, а кто ты?

— Я несчастная девушка, каких много. Душа у меня опустошена, искалечена отвращением и ненавистью...

Я вижу, как яростно сверкают ее глаза, и содрогаюсь.

— В твоей жизни было что-то страшное, да?

Она отвечает не сразу, как будто собираясь с мыслями. Я жду.

— Ты мне говорил, что я похожа на девушку, которая умерла...

— Да. Очень похожа.

— Если я попрошу тебя... о чем-то ужасном и непонятном для тебя, ты мне откажешь?..

— Не знаю...

— Ради памяти о той, прошу тебя: не отказывай мне!

— Чего ты хочешь? Говори же.

— Итак, Адриан, ты сделаешь все, о чем я тебя попрошу.— В ее лице от прежней ласковости не осталось и следа.— Ты должен оставаться немым свидетелем. И чем меньше ты будешь мешать, тем больше я буду тебе благодарна.

— Что ты собираешься делать? Я ничего не понимаю.

— Я зайду в эту комнату.

— Это невозможно, Сланка! Немец находится под моей охраной. Я за него отвечаю.

Сланка смотрит на меня сумасшедшими глазами. Лицо ее искажено от злости. Я и не заметил, что в руках у нее револьвер.

— Жаль, Адриан! Ты принудил меня к этому!

Голос ее срывается. Револьвер направлен в мою сторону. Мне хочется отхлестать самого себя. Единственным утешением остается сознание, что не только я оказался идиотом. В компании со мной и Элиаде, и Нэстасе... А она? Шпионка! Я-то уши развесил: сахар в карбюратор насыпала!

Протягиваю руку к стоящему рядом автомату. Она прицеливается. Вот это да! Уцелеть в стольких боях и принять смерть от руки немецкой шпионки?!

— Ты понимаешь, что ты делаешь? — пытаюсь я открыть ей глаза.— Вы в наших руках. Неужели ты этого не понимаешь?

Она как будто не слышит. Заставляет меня податься в сторону и открывает дверь. Я, пятясь, первым вхожу в комнату, проклиная себя. Поверил всему, как дурак, выгораживал ее перед Элиаде вместо того, чтобы допросить, как положено допрашивать любого гражданского, оказавшегося на передовой. Судорожно соображаю, как подать сигнал. Я совершенно уверен, что она без всякого колебания выстрелит, если я попытаюсь хоть что-нибудь предпринять.

— Развяжи ему руки,— приказывает она мне.

Нэстасе на всякий случай связал Вурму руки.

— Да черт тебя побери, пойми же!..— Хочу объяснить ей, что всякая попытка освободить немца напрасна. Наши солдаты пристрелят их обоих. Вот было бы здорово, если бы в этот момент появился Вука, или Философ, или даже Мирча.

— Быстрее! Быстрее! — подгоняет она меня.

Я знаю, что убежать им все равно не удастся. Потаскуха! Наверняка любовница этого хама. Развязываю руки немцу, чувствуя за своей спиной направленный на меня револьвер. Немец со вздохом облегчения потирает руки.

— Отойди к стене,— приказывает мне Сланка.

И я снова подчиняюсь, не желая умирать дурацкой смертью. Вурм благодарит ее, с удивлением и надеждой спрашивает:

— Ты пришла меня спасти?

— Да, я пришла тебя спасти,— отвечает Сланка, но голос ее звучит холодно.— Ну-ка, подвигайся, господин полковник. Разомнись! Тебе предстоит дальняя дорога.

Немец кивает:

— Ja, ja,— и смеется.

Вурм хочет подойти к ней, но Сланка останавливает его, вскинув револьвер. Я по-прежнему ничего не понимаю. Что, если наброситься на нее и разоружить? Сланка будто прочитала мои мысли. Она оборачивается ко мне.

— Не сделай какой-нибудь глупости, Адриан! — В ее словах я слышу печальную просьбу.— Ну как, развязанным лучше, не так ли, господин полковник? Намного лучше? — Она продолжает разговаривать с Вурмом.

Глаза ее сверкают. Что творится с этой сумасшедшей? Вурм уже не смеется. Сидит застыв, как статуя. Ждет.

— А ведь и я была связана в тот день, господин полковник!

Вурм не отвечает, лицо его мрачнеет.

— Ты приказал связать мне руки, а сам ждал в своей комнате, на первом этаже...

Вурм сидит на кровати. Видно, что он потерял всякую надежду. Я начинаю понимать: Сланка решила расплатиться. Но почему она не сделала этого раньше? Например, когда Вурм лежал в санитарной машине? Может, она хотела насладиться местью? Я мысленно благодарю ее уже за то, что она не сообщница немца.

Все же эта самовольная расправа меня не устраивает. Вурм — военнопленный. Он может сообщить нам полезные сведения. Если она застрелит его, Элиаде мне этого не простит. Смотрю на Вурма. От его надменности не осталось и следа. Он сидит вялый, понурый. Не угрызения совести его мучат — страх за свою шкуру. Я хочу остановить Сланку, но опасаюсь, что в ярости она может прикончить и меня.

— Помнишь, я рассказывала тебе, Адриан, нас было семеро. Нас силой взяли из дома и привезли сюда. Шестерых девушек изнасиловали офицеры. Я правильно говорю, Вурм?

Ей нравится называть полковника по фамилии, грубить ему, уничтожать его. Немца передергивает, но он все проглатывает.

— Меня эта свинья оставила для себя...— продолжает Сланка.

— Что это значит? Я не позволю себя оскорблять,—протестует Вурм.

— Оставь свои амбиции! — прикрикивает на него Сланка.— Револьвер у меня настоящий, немецкий. Из него-то я и продырявлю тебе шкуру. Но прежде давай побеседуем, как люди, разделившие постель, пусть и не по доброй воле...

— Господин офицер,— обращается Вурм ко мне,— я военнопленный. Эта женщина на ваших глазах совершает акт бандитизма.

Я пытаюсь приблизиться к Сланке. Все же надо ее разоружить. Но она снова останавливает меня, угрожая револьвером.

— То, что делаю я,— это не акт бандитизма, негодяй!— говорит Сланка.— Отправляя на тот свет такое чудовище, как ты, я совершаю акт справедливости. Ты избивал меня хлыстом за то, что я осмеливалась противиться. Сколько раз свистел надо мной хлыст? Десять? Пятьдесят?.. Понимаешь, Адриан, этот подлец рассвирепел оттого, что я не уступила ему сразу. Тогда он приказал связать меня и пустил в ход хлыст.

— Боже!

— Бог здесь ни при чем, Адриан. Тогда я охрипла,

призывая на помощь бога, но он меня не услышал! Помню, в тот момент, когда он, оскалившись, наклонился надо мной, я поклялась его убить!

— Она сумасшедшая, господин офицер! — кричит Вурм. — Несчастная сумасшедшая. Истеричка! Если ее не остановить, она может совершить непоправимое. Убийство беззащитного пленного считается...

— А у меня была защита? — сквозь зубы говорит Сланка.— Думаешь, убийство души никак не наказывается? Будет расплата и за такое убийство. Я убью тебя, я буду упиваться своей местью, как ты упивался своей постыдной победой...

— Господин офицер, сделайте что-нибудь, примите меры! Вы не должны допустить...

— Господин офицер не вмешается, — спокойно отвечает ему Сланка.— Он не вмешается по той простой причине, что это касается только нас двоих, Вурм. Третий здесь не нужен. Может, тебе кажется, что наша беседа затянулась? Знай, я делаю это с умыслом: хочу дождаться, когда ты начнешь дрожать как лист.

Вурм теряет самообладание. Левое плечо его дергается все чаще.

— Сланка,— вмешиваюсь я,— не стоит. То, что ты хочешь сделать, противоестественно. Плен, который предстоит полковнику, вовсе не приятное времяпровождение, уверяю тебя...

— Не вмешивайся, Адриан. Ты не понимаешь...

— Понимаю, Сланка, но мы не имеем права на самосуд.

— Это рабские рассуждения.

Начинает светать. Темнота медленно, словно занавес в театре, расступается. Я вижу, как Сланка поднимает револьвер, но больше не вмешиваюсь. Она убьет Вурма, а дальше — будь что будет.

— Пора кончать, Вурм. Я не хочу, чтобы ты увидел еще один рассвет. Ты отлично симулировал смерть. Теперь тебе не придется ее симулировать!

— Господин офицер! — Вурм не выдерживает перед направленным на него револьвером, из горла его вырывается какой-то животный крик.

— Ишь как тебя корежит, Вурм,— говорит Сланка, издеваясь.— Ну давай вопи, умоляй, а то опоздаешь...

Я слышу щелчок. Рука Сланки поднимается. Она прицеливается. Я кричу на нее, чтобы испугать. Она замирает на мгновение, удивленно смотрит на меня, будто я неожиданно вошел в комнату и оторвал ее от важного дела.

Вурм поднимается с криком. Руки его дрожат. Слышны быстро приближающиеся шаги по коридору. Слава богу! Дверь распахивается — в комнату врывается Элиаде.

— Что здесь происходит, младший лейтенант? — спрашивает он, видя меня без оружия и Сланку, бледную, с револьвером в руке.

— Я требую защиты согласно законам войны! — кричит Вурм. Он еще не справился со своим страхом.

Элиаде пытается подойти ближе к полковнику, но револьвер Сланки угрожающе поворачивается в его сторону.

— Что все это значит, барышня? — спрашивает Элиаде, удивленный ее дерзостью или, вернее, безумием.

— Не подходите, господин капитан. Никто меня не удержит. У нас с этим немцем свои счеты.

— Я протестую! — вопит Вурм.— Международная конвенция запрещает убивать пленных!

Элиаде останавливает его жестом.

— Вспомнил о международной конвенции! — кричит Сланка с возмущением.— А в этой конвенции ничего не сказано об убийстве заложников?

— Почему ты заговорила об этом? — спрашивает ее Элиаде, и лицо его становится серым.

— Почему? Партизаны пустили под откос состав с боеприпасами. Слышите, господин капитан? А ты, Адриан?

Элиаде смотрит на нее, потом на меня. Ему кажется странным, что Сланка говорит мне «ты».

Сланка продолжает:

— В наказание этот человек, который сейчас дрожит как осиновый лист, приказал казнить шестьдесят местных жителей. Среди них оказались мой отец и брат! Когда я узнала об этом, я прибежала к нему, умоляла на коленях, плакала. Моему брату удалось бежать...

Она останавливается, чтобы перевести дыхание. Глаза Элиаде сверкают гневом. Я почему-то вспоминаю чешского партизана, которого нашел Троакэ.

— Это был саботаж,— пытается оправдаться Вурм.— Среди казненных были и саботажники.

— Лжешь! — выкрикивает Сланка.— Не было ни малейших доказательств их вины. А знаете, как проходила казнь, господин капитан?

— Не нужно, барышня,— пытается остановить ее Элиаде.

— Почему не нужно? Вам не мешает узнать, кого я собираюсь пристрелить. Так послушайте! Он нашел самого малодушного из схваченных, зарядил пистолет и заставил стрелять в его родного брата. Взамен он обещал подарить

жизнь этому трусу. И этот несчастный убил своего брата. А Вурм? Вурм забавлялся! А чтобы забава была острее, он обвинил того в братоубийстве и приговорил к смерти. Ну что, Вурм? Что говорит об этом международная конвенция?

— И все же мы не имеем права убивать военнопленного.— Я вспоминаю, что я будущий юрист.

— Не вмешивайтесь, младший лейтенант! — кричит на меня Элиаде.

— Это запрещено,— не сдаюсь я.

— Я приказываю вам замолчать!

В конце концов я ничего не могу поделать. В неистовой ненависти к фашистам Элиаде не остановится ни перед чем. У него такой же импульсивный характер, как и у Сланки.

— Я могла бы пристрелить его тогда, когда он прикинулся мертвым в санитарной машине. Но я подумала, что вы можете получить от него важные сведения. Теперь нет причин щадить его. Пусть забирает свои секреты в могилу.

Сланка стреляет — пуля впивается в стену. Я смотрю на Элиаде. Он остается невозмутимым, будто ничего не происходит. Вурм смертельно бледнеет, облизывает пересохшие губы.

— Господин капитан, Сланка, не будем такими же зверьми, как они! — Я почти умоляю их.

— Молчи, Адриан. Есть страдания еще более невыносимые, чем твои. Господин капитан, объясните своему подчиненному, что у этих скотов нет понятия о жалости.

— За свои действия я отвечу перед военным трибуналом! — все еще на что-то надеется Вурм. По его лицу струится пот.— Прошу вас, господин капитан, исполните свою обязанность,— обращается он к Элиаде.

— Я это и делаю! — Элиаде глядит на него с презрением.

Сланка поднимает револьвер во второй раз. Ни я, ни Элиаде не вмешиваемся.

— Остановите ее! Прошу вас, остановите ее! — стонет Вурм, вжимаясь в стенку.

— Боитесь смерти, господин полковник? Вы привыкли только убивать, а умирать не умеете...

— Господин капитан, сохраните мне жизнь, и я...— Вурм запинается.

— И что вы? — подстегивает его Элиаде.— Я слушаю, господин полковник.

— Вас интересует секретный приказ, не так ли? — Он весь дрожит. Мне становится противно на него смотреть.

— Естественно,— говорит Элиаде.

Позади меня — Настасе. Он прибежал, как только услышал выстрел. Старшина с возмущением сжимает кулаки.

— Барышня, — обращается Элиаде к Сланке, — я согласен с вами, что этот человек заслуживает пули, но, как видите, высшие интересы вынуждают меня пойти на сделку. Речь идет о многих человеческих жизнях. Как, барышня?

— Хорошо, господин капитан, — еле слышно выговаривает Сланка.

Не говоря больше ни слова, она протягивает Элиаде револьвер. Вся сцена оставляет тяжелое впечатление. Вначале мне казалось, что Сланка играет, бравирует своей властью над немцем. Потом я понял, почувствовал всю глубину ее трагедии. Почему я усомнился в подлинности страданий Сланки? Разве у меня самого сердце не кровоточит после гибели Анны? Разве ее убийство не убийство моего будущего? Почему я до сих пор не разоблачил Агиосу? Почему держу его при себе? Не для того ли, чтобы, как и Сланка, испытать торжество мщения? Меня возвращает к действительности твердый и в то же время иронический голос Элиаде:

— Я гарантирую вам жизнь, господин полковник! Итак, слушаю!

— Вы даете мне офицерское слово? — цепляется Вурм. Он хочет получить это заверение еще и еще раз. Не знаю, в какой степени он верит честному слову. Ведь сами-то они никогда не считали себя связанными словом.

— Пожалуйста! Если вам так нужно, я даю вам честное слово! — Слова Элиаде звучат резко и холодно.

Теперь он вызывает у меня симпатию. Возможно, я просто не привык к таким людям, твердым как кремень, не умеющим улыбаться. Мне понадобилось много времени, чтобы понять, что Элиаде вовсе не упрямый службист. С некоторого времени я замечаю, что он часто вызывает к себе Гицу и Говоруна. На мои вопросы о цели этих вызовов и тот и другой отвечают уклончиво, даже Гица — мой старый друг по лицею. Выйдя от Элиаде, Гица будто бы случайно заговаривает с солдатами. Много разговоров ведется об аграрной реформе. Некоторые верят в нее, другие, напротив, считают эти слухи пустой болтовней.

— Раньше я молил бога, чтобы меня пуля скосила, тогда бы кончились разом все мои мучения,— начинает Чиоайе из Стойкэнешти. — Теперь другое дело! Теперь нам землю дают!

— Черта с два вам землю дадут, — встревает в разговор

Тутупару. Он крепкий хозяин. — Каждый пусть наживает добро своим горбом, а не ждет милостыни от властей.

Слушая такие разговоры, капитан Элиаде обычно говорит:

— Как идут дела дома? Откуда мне знать? Но дать-то землю крестьянам было бы справедливо. Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает.

Думая об Элиаде, я чуть было не пропустил сообщение полковника Вурма. Немецкие части прибудут к пятнице для укрепления небольшого гарнизона в Слиаке. Санаторий должен служить главным наблюдательным пунктом. Форсировав беспрепятственно реку Грон, немецкие части выйдут в тыл румынским войскам.

Сообщив все, что ему известно, Вурм торопится еще раз получить заверения в своей безопасности.

— Надеюсь, господин капитан, со мной ничего не случится? — Лицо его становится землистым.

— Ничего, господин полковник, — заверяет его Элиаде. Мы все видим, как он презирает немца.

Старшина Нэстасе по-крестьянски сплевывает и крестится.

— Продать столько душ за такую мелкую душонку?!

Вурма снова берут под стражу. Мы готовимся встретить немцев. Они и не подозревают, что полковник продал их, чтобы сохранить свою подлую жизнь.

Сланка идет рядом со мной, берет меня за руку. И мне кажется, что больше нет войны, а мы — двое молодых бездельников, карабкающихся в горы. Сверкают на солнце заснеженные вершины... Вдруг откуда-то доносится выстрел, прокатившийся эхом по долине. Кто-то выстрелил в прекрасное мирное мгновение и убил его. Видимо, Сланка чувствует то же самое, потому что она быстро отдергивает свою руку. Мы оба молчим. Мне еще хочется побыть со Сланкой, но старшина Нэстасе подает мне знак. Сланка остается, а я ухожу. Меня ждет Элиаде. На вид он спокоен, но в глазах его можно уловить озабоченность.

— Слушаю вас, господин капитан!

— Я хотел сообщить вам, что я принял решение удержать санаторий во что бы то ни стало. Он занимает очень выгодное положение. Если верить Вурму, немцы попытаются перейти Грон, чтобы выйти в тыл румынским войскам. У нас нет возможности сообщить об этом в дивизию. Впрочем, я даже не знаю точно, где теперь находится штаб дивизии. Вам ясна обстановка?

— Ясна, господин капитан. Мы невольно становимся смертниками...

— Девяносто девять шансов против ста. Но остается все же один шанс выжить: если в дивизии узнают о планах немцев, которые нам раскрыл Вурм, и пришлют помощь. Но вряд ли... Старшина!

— Слушаю, господин капитан!

— Сколько у вас детей?

— Трое!

Элиаде смотрит на него рассеянно.

— Младший лейтенант, у вас во взводе есть еще такие, у которых много детей?

— Есть, господин капитан. А что?

— Да нам вовсе не обязательно строить из себя героев, — отвечает Элиаде с прежней рассеянностью.

— Начинаю понимать, господин капитан.

— И пусть не стыдятся признаться те, кто боится. Я могу по-человечески их понять. Нельзя гнать людей на смерть вопреки их воле. Можно потребовать жертвы лишь от тех, кто отдаст жизнь без колебаний.

Он на мгновение останавливается, чтобы собраться с мыслями. Элиаде говорит перед нами двумя с такой же серьезностью, с какой говорил бы перед тысячами. Я смотрю на него, и он представляется мне плодом с колючей и ядовитой кожурой, но прекрасной сердцевиной. Не знаю, что происходит с ним, вернее, не знаю, что происходит со мной. Я спрашиваю себя, почему я так долго не мог понять его.

— Мы здесь. Наша страна там, далеко. Постараемся послужить ей в меру наших сил. — Его голос дрожит от волнения. — Здесь мы хорошо укрыты. Для обороны здания не требуется много людей, но нужны смелые, решительные люди! Вон в том направлении еще можно уйти... Младший лейтенант, если... — Он останавливается, взволнованный. Его смуглое лицо покраснело, будто он произнес что-то постыдное. Он смотрит мне в глаза, ожидая ответа.

— Не понимаю, господин капитан! Я вас не понимаю!

— Если хотите уйти... — Он снова замолкает.

— Господин капитан, вы предлагаете мне предательство?

— Вы неправильно поняли, младший лейтенант. Вы можете уйти с моего разрешения. Значит, речь идет не о предательстве. Если хотите, можете взять с собой девушку. Она для нас так много сделала. Мне ваши жизни не нужны. Понимаете, младший лейтенант?

Нет, я не понимаю. Я не давал ему повода считать меня трусом.

— Мне хватит одного взвода, — заканчивает он.

Как мне поступить? Демонстративно повернуться и уйти?

— Старшина!

— Слушаю, господин капитан.

— Вы можете уйти.

— А вы?

— Нам нельзя терять времени. Это приказ! Выполняйте! — Он снова становится неумолимым.

— Я не уйду, господин капитан, — заявляет Нэстасе.

— Господин капитан... — вмешиваюсь я.

— Что, младший лейтенант? И вы хотите остаться? Хотите лично убедиться, что я убит и что вы наконец избавились от меня? — с доброй улыбкой говорит он. — Я же сказал: мне не нужно много людей.

— Приказ бороться с фашистами касается всех, господин капитан!

— Значит, я от вас не избавлюсь, как бы ни старался! — смеется Элиаде.

— Только пуля разлучит нас, господин капитан! — в тон ему отвечаю я.

— Вам нравится делать все наперекор. Ну что ж, если хотите оставить здесь свои косточки, — ваше дело!

Он поворачивается и снова видит Нэстасе.

— Вы еще здесь, старшина?

— Господин капитан...

— Я думал, вы уже дома!

Он смотрит на Нэстасе из-под каски и ничего не говорит. Мне почему-то кажется, что он очень доволен.

— Господин капитан, какие будут распоряжения? — спрашиваю я, стараясь поскорей исчезнуть с его глаз.

— Соберите всех людей, младший лейтенант.

Через несколько минут я собираю роту во дворе. Элиаде прохаживается перед строем, заложив руки за спину. Я хочу доложить, но он знаком меня останавливает. Выпрямляется и начинает опрос. Интересуется каждым в отдельности, каждому делает одно и то же предложение: уйти. В первую очередь он обращается к тем, у кого дети или трудности в семье.

— Кто хочет уйти — три шага вперед, — приказывает Элиаде.

Никто не выходит. Капитан повторяет свой приказ. На третий раз из строя несмело выходит Тутунару и замирает

в положении «смирно». У меня сжимается сердце: я смотрю на Агиосу. Не выйдет ли? Нет. Остается спокойно стоять на своем месте. Я облегченно вздыхаю. Если бы он вышел из строя, я, наверное, схватил бы его за глотку. Вышел еще один, Котылбаш, торговец из Александрии. И — к моему удивлению! — Мишу Добреску. Элиаде, увидев его, улыбнулся, а мне захотелось плюнуть.

Элиаде объясняет этим троим, где можно пройти. Ни у Тутунару, ни у Котылбаша, ни у Добреску нет детей. Просто страх взял верх над долгом.

После того как все разошлись, Элиаде отводит в сторону Сланку, он хочет поговорить с ней. Теперь он напоминает мне главу большой семьи, который на пороге смерти советует своим детям, как им жить дальше.

— Барышня, — обращается капитан к Сланке, — вы уже исполнили свой долг и по отношению к своему народу, и по отношению к нам. Теперь вам лучше уйти. Какой смысл вам пропадать? Вы молоды, все зло уйдет из вашей памяти как тяжелый сон. У вас есть кто-нибудь из родных?

— Мать и сестра, если немцы не загнали их в какой-нибудь лагерь. О брате я ничего не знаю.

— Вы наверняка сможете узнать о нем, если уйдете. Времени у нас в обрез, — заканчивает Элиаде и протягивает ей руку.

Я вижу, как Сланка в свою очередь спокойно протягивает ему руку. Значит, она уйдет. Действительно, какой смысл ей оставаться здесь?

Элиаде начинает расставлять людей. Мне он не отдает никаких распоряжений. Почему он меня бережет? Капитан проходит мимо меня, и я слышу, как он насвистывает. Похоже, он в отличном расположении духа.

— Уходишь, Сланка? — спрашиваю я, когда она поравнялась со мной.

Видно, я не смог скрыть сожаления, потому что она вдруг улыбается:

— А ты, Адриан, хочешь, чтобы я ушла?

— И да, и нет. Да, потому что я не хочу, чтобы тебе пришлось пережить то, что ожидает нас здесь. Нет, потому что... — Я не знаю, как закончить.

— Потому что?.. — настаивает она.

Я молчу. Смотрю вверх: Нэстасе на террасе оборудует пулеметное гнездо.

— Когда уходишь, Сланка? — увиливаю я от ответа.

— Сейчас, — отвечает она мне с вызовом, поворачивается и уходит.

Мне хочется броситься за ней, но стыдно. Ко мне подходит Мишу Добреску. Я делаю вид, что занят. Пусть оставит меня в покое.

— Адриан, ты сердишься на меня?

— Какой смысл говорить об этом? Бывает, что каждый остается один на один со своей совестью. Никто ему тогда не может помочь. Даже если в его семье есть генералы.

Добреску весь белеет: моя грубость больно задела его. Мне становится жаль его, но я продолжаю с прежней язвительностью:

— В другой раз, когда тебе что-то в жизни не удастся, не кидайся на фронт. Фронт не по тебе. Попроси у мамы денег в кино, сходи в кафе... И твоя боль пройдет.

Я знаю, почему я так жесток с Мишу. Я злюсь из-за ухода Сланки. Мои слова хлещут Мишу, словно бич. Его щеки горят, на глаза навернулись слезы. Он стоит как пригвожденный.

— Ты хочешь мне что-то сказать?

— До свидания, господин младший лейтенант.

Я все же протягиваю ему руку, но он делает вид, что не заметил, и поворачивается ко мне спиной. Мне становится смешно: и у Мишу бывают минуты героизма! Я смотрю, как он удаляется в своей ладно сшитой шинели. Добравшись до Бухареста, он, наверное, будет рассказывать о своих подвигах на фронте. Сланку я тоже больше не вижу...

Мирча чистит сапоги. Гица стоит в задумчивости.

— Почему ты не ушел? — спрашиваю я его, как будто не понимаю.

— А ты почему не ушел?

— Предпочитаю находиться среди тех, кто не отвернется от меня с презрением.

— Вот что, Адриан, мы хорошо знаем друг друга, знаем, кто что думает и кто как поступит в том или ином случае...

— Я пошутил, Гица! Ты и сам знаешь, что я пошутил. Ни в чем я не сомневался. Просто у меня паршивое настроение.

— Пусть так, Адриан. Но твой разговор с Добреску мне тоже не понравился. Прежде чем уйти, он мне все рассказал.

— Мне не нравятся пустые болтуны.

— Никто не встречает смерть как желанную подругу. И если выпадает такой случай, как сегодня... Я на месте Элиаде поступил бы точно так же. Если мне не нужно

много людей, зачем приносить в жертву всех? Я оставил бы сколько необходимо — и всего доброго!

Вука, Соня и Говорун слушают.

— А я бы так не сделал, — начинает вдруг рассуждать Вука. — А если бы мы все ушли? Ведь всем страшно. Лжет тот, кто говорит, что ему не страшно, когда он слышит стрекот пулемета.

— Правду говоришь, браток, — поддерживает его Соня.

— Страх перед смертью сидит в каждом человеке. Однако не много таких храбрецов, которые выйдут перед строем и признаются, что им страшно, — говорит Гица.

— Да, капитан правильно сделал,— вставляет Говорун.— Он с самого начала прикинул, что много не уйдет. Он выполнил свой долг и как человек и как командир.

— Все правильно рассчитал, — соглашаюсь я, — здесь нас трудно достать. К чему столько людей? Немцам непросто будет захватить санаторий.

— Правду говоришь, браток, — повторяет свое излюбленное Соня.

Я решаю обойти помещения. Солдаты располагаются у окон. Подтаскивают боеприпасы. Один роняет на пол пулеметную ленту — раздается неприятный сухой звук. В гараже обнаруживается противотанковое орудие. Элиаде потирает руки, довольный.

Поднимаюсь на второй этаж, думая о том, что нас ожидает. Вижу приоткрытую дверь, заглядываю — и останавливаюсь, остолбенев. Сланка стоит перед разбитым зеркалом и причесывается.

— Сланка!

Радость переполняет меня. Она подносит палец к губам: молчи. Хочется ее обнять.

— Адриан, я не уйду отсюда, —говорит она серьезно.— Капитану я не стала перечить, чтобы он не рассердился и не принял мер. Но с самого начала решила остаться. Я могу быть медсестрой, а в случае необходимости и бойцом. Если он увидит меня, скажу, что не смогла пройти и вернулась. Что он мне сделает?

Жест такой же, как у Анны: повернула руки ладонями вверх.

Я, повеселевший, покидаю комнату. Слышу голос Вуки. Он чистит автомат.

— Нас ждут великие дела! Держаться будем, сколько хватит силенок!

Соне удается найти комнату с тремя хорошими койками. У двери в комнату, где заперт Вурм, днем и ночью стоит

часовой. Засыпаем мы поздно и спим как в сказке — один глаз спит, другой караулит. Погода все еще сырая, холодная.

Проснувшись утром, обнаруживаем, что трое — Тутунару, Добреску и Котылбаш — вернулись. Элиаде смотрит на них исподлобья:

— Почему вернулись?

— Да вот когда поразмыслили, господин капитан, то поняли, что наш уход, даже с вашего согласия, все равно дезертирство, — отвечает за всех Мишу.

День обещает быть погожим. Дадут ли нам хотя бы в такой день забыть, что мы солдаты? Небо необыкновенно голубое, как на рекламной открытке. Во дворе санатория начали пробиваться первые весенние цветы. Лес на вершине прямо перед нами весь искалечен. Раньше он был, наверное, очень красив. Но снаряды не посчитались с этой красотой, исковеркали, перепахали, выжгли. От многих деревьев остались только обгорелые, начиненные осколками стволы. Тишина становилась нестерпимой. Хочется выстрелить просто так, чтобы разрядить напряжение. Я осматриваю местность в бинокль, надеясь обнаружить окопы, землянки, но ничего не видно.

Вдруг в этом нереально красивом мире, с голубым небом и настороженной тишиной, гремят орудийные выстрелы. Чья-то батарея ведет пристрелку. Но чья? Наша? Немецкая? Хлопки выстрелов эхом прокатываются по горам. Откуда-то отвечает одинокое орудие. Солдаты с беспокойством поглядывают друг на друга, прислушиваются. Через некоторое время — прежняя тишина. Люди сидят, прислонившись к стенам, молчат и курят. В соседней комнате Элиаде бреется, устроившись возле окна. Я внимательно осматриваю окрестности. Откуда придут немцы? С тыла? Справа? Слева не придут, там горы — неприступный массив Яворина. Может, они придут по реке Грон, со стороны Зволена?

На помощь нам рассчитывать не приходится. Прав Элиаде. Значит, мы должны пожертвовать собой. Я всматриваюсь в лица солдат, но не обнаруживаю в них никаких признаков беспокойства. Мирча нашел ящик с медикаментами и шарит в нем. Извлекает баночки, обнюхивает их, сортирует, оглядывает со всех сторон. Он доволен. Соня пробует прилечь на каждую из коек, определяя, которая из них помягче. Говорун пишет письмо. Время от времени замирает с карандашом в руке, задумывается. Заметил, что я смотрю на него, и улыбается, как бы извиняясь.

— Пишу, пусть узнают и обо мне. Не знаю, правда, будет ли почта?..

Что ему сказать? Что для нас больше почты не будет? Что мы теперь в другом мире? В мире, где все время надо быть начеку, в любую секунду быть готовым отразить нападение. Нет, Говорун, будет и новый мир, который мы должны завоевать и охранять! А что же нас ждет завтра?

Добреску смотрит на меня, как будто спрашивает разрешения подойти.

— Ты еще сердишься, Адриан?

— Да я и не сердился на тебя, Мишу. Я был только не согласен с твоим уходом. Но раз ты вернулся, все остается как раньше.

Я смотрю вверх, на террасу. Там солдат-наблюдатель, он всматривается в даль. И вдруг...

— Немцы! — кричит он.

Все занимают места, указанные капитаном Элиаде. Сам он взбегает по ступенькам на террасу. Бегу за ним. С террасы видно все как на ладони. Я вижу немцев в бинокль. Они идут спокойно, беззаботно, держа оружие как попало. Каски блестят на солнце. Незаметно, чтобы они устали после долгого марша. Их, наверное, подвезли на грузовиках, и теперь они шагают, как на прогулке. Может, они ничего о нас не знают? Хотя те, что убежали на машинах отсюда, наверняка доложили, что санаторий занят нами. Элиаде приказывает всем замаскироваться как можно лучше и не открывать огня без его приказа. Спускаясь с террасы, он сталкивается со Сланкой.

— Почему вы не ушли, барышня?

— Я вернулась, господин капитан, — отвечает Сланка с невинным видом.

— Неправда. Вы никуда не уходили.

— Действительно, я никуда не уходила, господин капитан. Я не ушла, потому что буду полезной здесь. Ведь здесь будут раненые...

— Довольно, барышня! — останавливает ее Элиаде. — Как только кончится этот бой, если мы, конечно, уцелеем, вы покинете санаторий.

— Господин капитан...

— Ясно? А пока постарайтесь не показываться мне на глаза.

Я иду за капитаном, хотя мне хочется вернуться и утешить Сланку. У нее совсем несчастный вид. Один из солдат протягивает Элиаде автомат.

Опять тишина, которой так боятся на фронте. Не знаю сколько нам придется ждать. Чувствую, что у меня немеют ноги. Философ хочет закурить трубку, но понимает, что это рискованно, и засовывает ее в карман. Мы уже слышим голоса немцев. Они громко разговаривают, смеются. Во рту у меня пересохло, щеки горят. Все следят за сигналами Элиаде. Минуты стали часами.

Вот немцы уже в нескольких метрах от главных ворот. Один из них снимает каску и вытирает лоб. У него светлые волосы. Их командир подает знак двигаться быстрее. Он оглядывает двор, потом оборачивается к своим.

Элиаде подает сигнал и первым открывает огонь. Немецкий офицер сгибается до земли. Остальные бросаются врассыпную, ища, где можно укрыться. Пулемет с террасы строчит безостановочно. Немцы тоже открывают огонь, но их огонь не эффективен. Один немец отцепляет от ремня гранату и готовится ее бросить. Я даю очередь, и он без единого звука падает лицом вниз. Граната взрывается в шаге от него. Осколки достают других. Доносятся крики, ругательства. Несколько немцев пытаются убежать, но их настигают наши пули.

Элиаде нетерпеливо протягивает руку, ожидая, что солдат подаст ему новый диск. Но солдат рядом с ним не двигается. Капитан отползает назад, сам берет диск из рук убитого. Соня, пристроившись у окна, время от времени высовывает автомат и стреляет. Немец, не видя его, поднимается с земли прямо напротив, кричит что-то. Соня срезает его, приговаривая:

— Правильно говоришь, браток!

Жуткая охота! Фашисты ищут спасения, перекатываются по земле, вопят, замирают на животе, на спине, на боку...

То, что творится здесь, происходит повсюду на протяжении тысяч километров. Люди поджидают, подстерегают и убивают друг друга. Падают, скошенные яростным пулеметным огнем, разрываемые снарядами.

От удара голова у меня гудит. Рядом я вижу пулю — она еще горячая. Я яростно стреляю. Один немец ползет, держа автомат над головой. Прицеливаюсь. Он вскакивает и, бросив оружие, поворачивается на месте, а затем падает головой вперед. Внутри у меня все сжимается. Меня чуть не вырвало.

Поднимаю глаза и вижу тот же пейзаж, которым любовался утром. Теперь он мне кажется зловещим. Срезанные наполовину ели с торчащими в разные стороны щепками словно молят о пощаде.

Невольно я себя обнаружил — немец в меня целится. Вука справа. Он элегантным движением переводит автомат — и я только слышу крик немца. Вука поворачивает ко мне голову: он смеется, открывая белые зубы. Оказывается, можно смеяться и убивая.

«Ни один не должен уйти!» — сказал нам Элиаде. И вот они остались во дворе санатория. Застыли в самых разных позах. Одни еще стонут, другие замолчали навсегда. Тяжелораненые выкрикивают какие-то имена, призывают на помощь бога или бормочут что-то невнятное.

Через час Элиаде появляется во дворе санатория. Надо захоронить убитых, а земля твердая как камень. Мы все собираемся вокруг капитана, держа оружие наготове. Вижу того самого белокурого немца. Весь мундир его залит кровью. Соня переворачивает его ногой. Слышится стон. Говорун опускается на колени перед раненым. Тот открывает глаза, в них животный страх.

— Не бойся, фриц! — Говорун отстегивает фляжку.

Раненый следит за его движениями. Говорун просовывает руку ему под голову, чтобы приподнять. Никто и не заметил, как у немца в руке оказался нож. Антон Василеску, наш Говорун, пытается встать, но падает рядом с немцем. Элиаде кипит от ярости, в его глазах блестят слезы. Он безжалостно добивает немца и наклоняется к Говоруну. Говорун дышит тяжело, с хрипом. Иеремия Троакэ и еще трое солдат уносят его на плащ-палатке. Хочу позвать Сланку, но она уже спешит к раненому с бинтами в руках. Тем временем солдаты зарывают убитых в одну большую яму. По краям холмика выкладывают каски немцев.

Я подхожу к Антону, которого уложили на чистую постель. Он лежит, закрыв глаза, дышит с трудом. Элиаде пытается поправить повязку, но его движения неуклюжи, и Сланка бесцеремонно отстраняет капитана. Я думал, что Элиаде это не понравится, но нет, он подчиняется.

К вечеру у раненого начинается сильный жар. Он мечется, пытается сорвать повязку. Сланка и еще два солдата едва удерживают его. Думаю, если он и выживет, то только чудом.

Мы собираемся вокруг Говоруна. Элиаде то уходит, то снова появляется в комнате. Вдруг слышится негромкий выстрел. Элиаде первым бросается туда, где содержится под охраной полковник Вурм. Дверь распахнута, часовой нагибается над немцем и ругается на чем свет стоит. Пистолет, выпавший из рук немца, валяется рядом.

— Жив? — спрашивает Элиаде часового.

— Нет, господин капитан, не дышит, — отвечает тот.

Откуда у Вурма пистолет? Почему он застрелился? Может, увидев гибель тех, кого он предал? Предал, чтобы спасти свою шкуру. Неужели угрызения совести заставили полковника покончить с собой?

— Как только все кончится, проведу расследование, — говорит Элиаде и приказывает похоронить Вурма.

Двое солдат тащат его во двор, держа за ноги и за руки. Сланка стоит на пороге — лицо ее непроницаемо: невозможно прочитать ни радости, ни удивления.

Состояние Антона без изменений. Сланка ни на минуту не отходит от него. Элиаде, когда Сланка выставляет его из комнаты, послушно уходит, бормоча слова благодарности. Девушка нашла медицинскую сумку, прибор для измерения давления, жгуты, медикаменты и, как видно, применяет их со знанием дела. Мы начинаем надеяться, что Тони выживет. Конечно, опасность еще не миновала.

Элиаде приказывает собрать все оружие, боеприпасы и продукты, которые были у немцев. Кто знает, что нас ждет.

Я прошу у Сланки разрешения остаться. Говорун открывает глаза. Обезболивающее, которое дала ему Сланка, подействовало. Он просит воды. Сланка поит его, обтирает губы чистой марлей. С разрешения Сланки заходит Элиаде. Ночью будет дежурить Гица, хотя Сланка и возражает. Она очень устала, но соглашается, чтобы ее подменили, только при условии, что она останется здесь же, в комнате, будет спать на соседней койке.

Около часу ночи Антон опять начинает метаться. Сланка тут же просыпается. Она подходит к раненому, кладет руку на лоб. Температура повысилась, пульс участился. Дыхание прерывистое. Антон то открывает, то закрывает глаза. Я посылаю за Элиаде, и через несколько минут он уже здесь. Входя, вопросительно смотрит на Сланку. У раненого новое кровоизлияние, и очень сильное. Дышит он с присвистом, захлебываясь и кашляя. Увидев Элиаде, хочет ему что-то сказать. Капитан наклоняется.

— Жаль, что я вас оставляю... — шепчет Говорун.

Элиаде старается его успокоить. О чем думает он в эту минуту? Вдруг Тони пытается приподняться, крепко хватается за руку капитана, как будто прощается. Снова хочет что-то сказать, но сил уже нет. Губы едва шевелятся. Элиаде нагибается к нему, но не может ничего разобрать. Лицо Тони начинает желтеть, на лбу выступают капли пота. Глаза наполовину прикрыты, рука безжизненно падает. Капитан закрывает ему глаза и быстро выходит из комна-

ты. Наверное, не хочет, чтобы солдаты видели его плачущим. Сланка застыла у окна, потерянно смотрит на горы...

Дни проходят. Все спокойно. Санаторий выглядит как после ремонта. Кэцуй, штукатур по профессии, по приказу Элиаде заделал выбоины от пуль. Необходимый для работы материал он нашел в подвале.

Сланка собирает горные цветы и расставляет их на тумбочках у кроватей солдат. Она весела и приветлива со всеми. Все ее любят, а больше всех я, хотя и не осмеливаюсь признаться ей в этом.

В большом зале оборудовали помост — сцену. Вечером, поужинав консервами, мы все собираемся там. На помост поднимается Элиаде. Говорит он как хороший оратор. Затем идет импровизированный концерт. Каждый показывает, что умеет. Темнеет, но концерт продолжается. На сцену выходит Мирча, вызвав аплодисменты и смех. Он действительно забавен: непомерно широкие брюки, ботинки с загнутыми вверх носами. Мирча достает свою скрипку. Голоса смолкают, царят только звуки, извлекаемые волшебным смычком. Настоящий чародей этот парень с длинной и тонкой, как у девушки, шеей и грустными глазами. Он опускает смычок — зал взрывается аплодисментами.

— Молодец, Мирча! Ура, Мирча!

Мирча раскланивается, держа скрипку в одной руке и смычок в другой. Артист!

Выходит Сланка и, к нашему удивлению, читает стихи Эминеску. Ей тоже долго хлопают. Гаврилиу показывает сцены театра теней, для этого Элиаде даже разрешил зажечь керосиновую лампу. Фигуры, одна причудливее другой, вызывают веселый смех. Элиаде сидит на стуле в глубине зала и тоже смеется.

Днем по приказу капитана занимаемся боевой подготовкой. Теперь она не кажется нам ненужной. А вечером — «бал»! Бедная Сланка! Ей приходится танцевать почти со всеми солдатами роты. Мирча играет на скрипке танго. Агиосу сидит в стороне, усмехаясь недобро. Тротушан играет на флуере. Солдаты собираются в хоровод, как у себя на родине, в селе.

Разве идет война? А схватка с немцами, которые попали в засаду? А Говорун? Да и ждать нам ничего хорошего не приходится. Ведь немцы шли сюда не на прогулку. Их наверняка хватятся. Не думаю, чтобы немецкое командование не знало, что мы заняли санаторий. Он ведь представляет для них такой же интерес, как и для нас. Вурм гово-

рил о приказе удерживать санаторий до пятницы. Срок давно истек. Разумеется, немцы не могли перейти Грон только двумя взводами. Мы в любой момент должны быть готовы к бою. И все же находим время и для утренней гимнастики, и для наших вечерних концертов, и для боевой подготовки.

Пять часов пополудни. Закончена чистка оружия. У солдат свободное время. Я стою со Сланкой у окна. Перед нами — горы, величественные, недоступные. Солнце медленно опускается в долину. Мы молчим, погруженные каждый в свои мысли. Сланка нарушает молчание:

— Сколько лет может быть Элиаде?

— Не знаю. Мне он кажется человеком без возраста. Так ли важен для него возраст?

Девушка улыбается. Я не спрашиваю ее почему. Сланка уходит в свою комнату, и я не пытаюсь ее задержать. Ей, наверное, хочется побыть одной. И у меня пропала охота любоваться закатом. Прохожу по коридору и вижу — дверь в комнату Сланки приоткрыта. Мне кажется вдруг, что она плачет. Берусь за ручку двери, прислушиваюсь — тихо. Заставляю себя идти дальше.

Вспоминаю то время, когда мы были с Анной. Парк. Мы там гуляли вечером. Ссоры. Какими мы были еще детьми! Первые страдания юношеской любви... Нет, Сланка не похожа на Анну. Почему она не ушла? Почему не подчинилась Элиаде? А я? Я так обрадовался, когда она осталась... «Сколько лет может быть Элиаде?» Иду дальше. Солдат на посту отдает мне честь. «Сколько лет может быть Элиаде?»

Слышу еще из-за двери, как Гица и Соня беседуют, лежа на койках.

— Что ты мне все толкуешь о жизни? — ворчит Соня.— Что убивает молодость? Жизнь или смерть? От чего сморщивается лицо? От жизни или от смерти? Что делает старость безобразной и немощной? Жизнь или смерть? Смерть скосит тебя, как былинку, — и готово! Кончено! А жизнь тебя мучает. За те немногие радости, которые она тебе подкидывает, она разъедает тело и душу. Что мне дала жизнь? Из года в год ходил на службу, писал письма, ставил штемпеля, приходил домой, перекусывал на скорую руку и ложился спать... Только во сне я и жил по-человечески!

— Да, жизнь трудна, — отвечает ему Философ. — Смерть с ее уродством и тленом отвратительна.

Я стою у двери и слушаю. Они меня не видят.

— Жизнь прекрасна, — продолжает Гица с воодушевлением, — если ты, конечно, умеешь сделать ее прекрасной.

Жизнь каждый день дарит тебе новые радости. Солнце посылает тебе свои лучи — счастье! Любовь берет тебя в свои ласковые сети — счастье! Труд совершенствует тебя — счастье! Лунные ночи опьяняют тебя в молодости. Конечно, приходит и старость, но она награждает тебя мудростью...

— Пустяки это, браток, — не сдается Соня. — Я сыт по горло чепухой, выуженной из книг. Жизнь постоянно требует от тебя жертв, отречений... Ради чего?

— Если тебя так привлекает смерть, почему бы тебе не броситься в ее объятия?

— Пока мне и здесь неплохо. А когда надоест, я приму твой бесценный совет. А до тех пор придется тебе меня терпеть.

Я не слышу, что говорит Философ, я иду дальше. Из соседней комнаты доносится голос Иеремии Троакэ. Он говорит о земле. Его собеседники — бывшие крестьяне. Одни полны надежд, другие ничему не верят. Иеремия предсказывает, что скоро к власти придут коммунисты. Кто-то, я его не узнал, возражает: царанисты и либералы не допустят, мол, коммунистов к власти.

— Э, Троакэ, бояре сильны, да еще добавь к ним сельских богатеев!

—Брось, Чиоайе, найдется и на них управа, — не сдается Иеремия. — Уж на что был силен Антонеску, сильнее всех генералов был, а сбросили и его...

Вечером я с непередаваемым волнением слушаю балладу Чиприана Порумбеску. Мирча играет божественно! Музыка лечит солдатские души, которые просто пропитаны страданиями. Рядом со мной сидит Сланка. Я притворяюсь, что не замечаю ее, хотя сердце колотится от радости. Украдкой посматриваю на Элиаде. Тот сидит, подперев голову ладонью, и смотрит куда-то в бесконечность. Я чувствую на своей руке теплую руку Сланки, но мы не глядим друг на друга. Музыка затихает. Раздаются громкие и дружные аплодисменты. Элиаде поднимается и аплодирует стоя. Мирча кланяется и сходит с помоста. Выходя из зала, Гица поддевает Соню:

— Ну что? Смерть или все-таки жизнь дарит тебе такое наслаждение, как музыка?

Хотя вокруг полнейшая тишина, я никак не могу заснуть, ворочаюсь с боку на бок. Спим не раздеваясь.

Мысли мечутся в бешеной пляске. Анна, Сланка... Элиаде протягивает кому-то руки... Ко мне приближается тот самый белокурый немец. Он весь в крови, подходит ко

мне, пританцовывая. Говорун умоляет меня вынуть из раны нож.

Я ворочаюсь на окрашенной белой краской железной койке. Лишь сигарета может меня спасти. Шарю в карманах и отыскиваю мятую пачку. Сигарет остается совсем мало. Что я буду делать потом? На цыпочках, чтобы не разбудить остальных, выхожу в коридор. На лестничной площадке стоит часовой. Это солдат Ругэчьюне из моего взвода. Молодой, застенчивый, как девушка, парень. Он козыряет мне, но не окликает.

— Ты почему не окликаешь меня, Ругэчьюне?

Солдат смеется:

— Зачем мне вас окликать, господин младший лейтенант? Будто я вас не знаю...

— Не имеет значения! Ты должен окликать каждого. А если я хочу убежать к немцам?

— Вы? — удивляется солдат. — Чтоб вы такое сделали?

— Ты понял, что я тебе сказал, Ругэчьюне?

— Понял, господин младший лейтенант!

Затягиваюсь. У окна вижу неясный силуэт. Сланка!

— Не спишь? — спрашиваю я ее, подходя.

— Не могу заснуть.

— Почему? Не выяснила, сколько лет Элиаде? — стараюсь я ее задеть.

— Как-то неспокойно на душе. Может, это потому, что ты вышел покурить? — отплачивает она мне той же монетой. — У тебя найдется и для меня сигарета?

— Ты как будто не курила?

— Вдруг что-то вздумалось. Может, чтобы быть при деле.

Мы заняты сигаретами. Молчим. Лихорадочный блеск ее глаз тревожит меня, вызывает необъяснимое беспокойство за нее. Я хочу оградить ее от войны, ужасов, стонов. Мы обнимаемся. Наши объятия, так же как и волшебные звуки скрипки Мирчи, игра теней Гаврилиу, — протест против войны, пуль, смерти, страданий. А сами-то мы не тени?..

Я закрываю глаза. Мне представляется, что мы в лесу. Силуэт Сланки мелькает между деревьями, растворяется в дымке. Мне страшно. Чувствую, как надвигается ночь, темнота. Сейчас она поглотит нас...

Я крепче прижимаю Сланку к себе. Она вздрагивает. Я хочу сказать ей, что все вокруг призрачно, что люди только играют в жизнь... Вдруг раздается крик, будто вырвавшийся из пасти зверя. Я оглядываюсь, чтобы отыскать в

лесу тропинку и место, где можно укрыться. После леденящего душу крика снова тишина...

— Слышал? — испуганно спрашивает Сланка.

— Кому-то из солдат приснился страшный сон, — успокаиваю я ее.

Она отстраняется и смотрит на меня удивленно. Мы целуемся, робко, отрешенно, и расстаемся. Нам страшно. В ушах все еще стоит этот ужасный крик. Смотрю на часы — уже перевалило за полночь. На лестнице солдат Ругэчьюне окликает меня, требует остановиться и назвать пароль.

— Ругэчьюне, ты слышал?

Солдат смотрит на меня, ничего не понимая.

— Ты слышал? — повторяю я свой вопрос.

— Слышал, господин младший лейтенант! Это крик ночной птицы, — отвечает он спокойно и просто.

Я обхожу посты. Все часовые слышали, и все говорят, что это крик ночной птицы. Возвращаюсь к себе и через несколько минут засыпаю.

Просыпаемся вместе с зарей. Открываем консервы, завтракаем. Только я подношу ложку ко рту, как вбегает Холдиш — солдат из отделения Вуки.

— Идут, господин младший лейтенант!

Тут же сообщаю Элиаде. Объявлена тревога, и через несколько минут мы готовы к бою. Смотрю в бинокль. Немцы идут со стороны гор. Там еще лежит снег. На снегу они кажутся черными тараканами, ползущими по свежевыкрашенным стенам кухни. У окон расставляем хороших стрелков и гранатометчиков. За исключением нескольких солдат, все спокойны, будто делают привычное дело. Вука выбрал себе огневую позицию и чистит ногти. У соседнего окна устроился Мирча. Встретившись со мной взглядом, застенчиво улыбается. Каска слишком велика для него и кажется перевернутым вверх дном горшком. Смотрю через его плечо и вижу приближающихся немцев. Их как будто немного. Идут спокойно, уверенно. Что ж, в санатории их поджидают с распахнутыми воротами!

— Беречь боеприпасы! — приказывает Элиаде.

Ко мне подходит Соня:

— Господин младший лейтенант, разрешите, я буду рядом с вами.

— Куда девался Вука? — спрашиваю.

— Спустился вниз, к воротам.

У третьего окна — Сланка с немецким автоматом в руках. У меня нет времени удивиться — свистят пули. С на-

шей стороны никто не стреляет. Теперь я хорошо вижу немцев и без бинокля. Они идут со всех сторон, их много. Приближаются, ощупывая пулями стены санатория. Напрасно чинил их Кэцуй, напрасно лечил, словно изъеденное осной лицо. Оставшиеся целыми стекла разлетаются вдребезги. Занимаю место у своего окна. Вижу, как Мирча стреляет из своей винтовки. Лицо у него побледнело, губы посинели. Выстрелит — и укроется за стеной. Вижу, как те, кому достались его пули, остаются на земле. Нервные пальцы Мирчи впились в спусковой крючок. Те же руки и пальцы, которые вчера вечером дарили нам чудесные звуки «Болеро» Равеля. Теперь они сеют смерть.

Снизу по нас ведут сосредоточенный огонь. Теперь и наши отвечают, и неплохо! Под мой автомат попадают сразу трое фашистов. Нажимаю на спусковой крючок. Те бросаются на землю и ползут, стреляя наугад. Стреляют со всех сторон, но гранаты еще не пущены в ход. Вижу хрупкую фигуру Сланки. Она прицеливается, стреляет, подается в сторону, под защиту стены.

Справа от санатория немцы установили пулемет. Кто-то из наших бросает с террасы две гранаты. Взрыв — и пулемет валяется на снегу, опрокинутый. Рядом распластались пулеметчик и подносчики патронов.

Я бегом спускаюсь вниз по лестнице. Сланка замечает меня и кричит:

— Ты не ранен, Адриан?

Я знаком отвечаю ей: нет. Бегу к воротам. Вижу Вуку, который стреляет расчетливо и точно.

— Назад! — слышу приказ немецкого офицера и в ответ ему слова Сови:

— Правду говоришь, браток!

Враг поспешно отступает, оставляя убитых и раненых. Сверху спускается Элиаде, такой же спокойный, как и перед боем.

— Убежали, господин капитан! — весело говорит ему старшина Нэстасе.

— Вернутся, — ворчит Элиаде. — Они будут атаковать, пока у нас не кончатся патроны.

— Кто это бросил гранаты в тех, которые подобрались к санаторию с пулеметом? — спрашиваю я Элиаде.

— Я, — отвечает он, не вдаваясь в подробности.

Отовсюду слышны стоны раненых. Я хочу выйти, чтобы выяснить обстановку, но Элиаде не разрешает. Он хорошо знает немцев и все их бандитские трюки. Сланка тоже спрашивает разрешения выйти, чтобы оказать помощь ране-

ным. А Вука предлагает их пристрелить. Капитан смотрит на него зло:

— У кого, сержант, вы брали уроки гуманности?

— А разве они пришли с миром? Они здесь, чтобы всех нас перестрелять, а мы им — медицинскую помощь? Вы не видели, как поплатился Говорун за свою доброту?

— Вечером зайдете ко мне!

Вука пожимает плечами, глядя вслед уходящему Элиаде.

Возвращается Сланка, усталая и грустная. Ее платье перепачкано кровью. Она подходит к Элиаде:

— Господин капитан, раненые нуждаются в помощи. Их нельзя оставлять на земле. Ведь они тоже люди...

Элиаде молчит и хмуро на нее смотрит. Он не знает, как поступить. Сланка права, но как доставить раненых сюда? Кто будет за ними ухаживать? Откуда взять продукты? В конце концов он решается и приказывает нескольким солдатам выйти за ворота с носилками. В этот момент совсем близко свистит пуля. Начинается второй штурм.

— По местам! — подает команду капитан.

— Слышали, господин младший лейтенант? — обращается ко мне Вука. — Полечить их надо, чтобы они потом могли нас убивать!

Начинается бой. Немцы приближаются осторожно, поднимаются с земли, делают короткие перебежки и снова падают. Мы ведем по ним яростный огонь. Я спускаюсь на первый этаж, выбираю место для стрельбы. Рядом со мной кто-то стреляет и отчаянно ругается. Мне кажется, что это Мишу Добреску. Он поворачивается, и я вижу: действительно он.

— Давай, Мишу! — кричу я ему.

— Даю, бандиты проклятые!

Дотрагиваюсь до ствола его винтовки — жжет. Вдруг Добреску охает, перегибается, словно кукла, из которой высыпались опилки, хватается обеими руками за живот.

— Куда тебя ранило? — бросаюсь я к нему.

— Не знаю. Наверное, в живот...

Я оттаскиваю его в сторону. Мои руки в крови. У меня даже нет времени оказать ему помощь или позвать Сланку.

— Сиди спокойно, Мишу.

Я возвращаюсь на место. Передо мной цепь вражеских солдат — пятеро, шестеро... Автомат строчит не переставая. Немцы не успевают укрыться.

Возвращаюсь к Мишу. Он тяжело дышит, стонет, раскачивается из стороны в сторону. Каска слетела с головы и

валяется рядом. Пытается смахнуть пот со лба, но рука бессильно падает.

— Умираю, Адриан, — с хрипом выдавливает он.

— Не бойся. Выживешь!

Пусть я сам не верю в то, что говорю, но говорю хотя бы для того, чтобы чем-нибудь помочь ему. Я совершенно беспомощен перед лицом смерти. Но в глазах Мишу появляется надежда на спасение, которое может прийти теперь только от меня. Слышу его шепот:

— Не бросай меня, Адриан!

У меня сжимается сердце. Жизнь в глазах Мишу угасает. В них отражается полоска гор и небо. Закрываю ему глаза, укладываю возле стены, а сам возвращаюсь к окну.

Прямо передо мной ползет немец. Он приблизительно моего возраста. Каску сдвинул немного на затылок и упорно смотрит в одну точку. Он не видит меня, и мне можно не торопиться. Не спеша прицеливаюсь, нажимаю на спусковой крючок, но вместо выстрела слышу сухое клацанье. Диск пуст! Немец, услышав звук, с испугом оглядывается. Он стреляет наугад, а я тем временем вставляю новый диск и выпускаю короткую очередь. Раздается высокий, похожий на женский вскрик. Одним врагом меньше! Смотрю на него, и мне кажется, что он двигается. Готовлюсь выпустить по нему еще одну очередь. Но нет, это ветер ворошит его длинные темные волосы.

Кругом умирают люди. Да и мне, наверное, недолго осталось. Не может же мне все время везти! И я буду лежать, как этот немецкий солдат, и на меня так же будет смотреть тот, чья пуля достанется мне, и так же будет бояться моей смерти. И у него появится желание еще раз выстрелить, когда ветер будет шевелить мои волосы. Меня охватывает дрожь и страх. «Это все из-за вас! — мысленно говорю я убитому немцу. — Вы разорвали мир на части, извели радость и смех, заполнили землю могилами. Что вы еще хотите?»

Я готов кричать. Но что это? Они опять отступили? Никто не стреляет. Почему-то я не вижу никого из наших. На лестнице тяжелые шаги: ко мне спускается старшина Нэстасе.

— Удрали, господин младший лейтенант!

Он смеется нервным, судорожным смехом. Так и должен смеяться человек, только что чудом избежавший смерти.

— А где остальные? — спрашиваю я, почувствовав вдруг себя очень одиноко.

— Да кто где, господин младший лейтенант.

— Это хорошо, — говорю я, довольный, что наши уцелели.

Я тоже начинаю смеяться, как и Нэстасе. Мои нервы напряжены до предела. Хочется плакать навзрыд. Мне становится стыдно. Я чувствую, что теряю самообладание. Наверное, из-за гибели Мишу Добреску?

— Раз уж нас оставили в покое, надо перекусить,— доносится до меня голос Нэстасе.

Сверху начинают спускаться наши. Элиаде о чем-то горячо спорит с Философом. Спускаются Вука и Соня.

— Вука, у нас есть раненые? — обращаюсь я к нему.

— Иеремия Троакэ и Котылбаш, — отвечает он мне спокойно. — За ними ухаживает Сланка.

Вместе с Элиаде направляемся в комнату, где лежат раненые. Элиаде входит, снимает каску.

— Я выживу? — спрашивает Котылбаш Сланку.

Его ранило в голову, пуля вырвала кусок кости, и видно, как пульсирует мозг. Сланка, не отвечая, перевязывает его.

— Если не выживу, — продолжает Котылбаш, — кто же будет петь вам побасенки?

— Выживешь, — отзывается Сланка, — рана не тяжелая.

— Не оставляй меня, барышня, — просит Котылбаш.

— Не бойся.

Иеремия Троакэ ранен в грудь. К нему подходит Элиаде:

— Как дела, Иеремия?

— Какие уж тут дела, господин капитан, если человек продырявлен? — отвечает Иеремия, шаря в карманах.

— Что ты ищешь? — спрашиваю я его.

— Сигареты, господин младший лейтенант.

— Ты с ума сошел! — вырывается у меня. С тревогой смотрю на Элиаде.

— Пусть покурит.

— Но, господин капитан...

Элиаде сам дает Иеремии прикурить. Дым выходит через отверстие, образованное пулей. Я взглядом спрашиваю Сланку, можно ли ему курить. Сланка кивает: пусть курит. Значит, Троакэ не выжить. Сначала геройски погиб отец, теперь вот сын...

К вечеру Иеремия тихо, без стонов умер. Попросил еще сигарету, но не успел даже затянуться. Хотел что-то сказать, но горлом пошла кровь.

Медленно приближается к нему Элиаде. Низко склоняется над умершим, как будто хочет поцеловать. Резко вы-

прямляется и уходит, сжав кулаки. Видно, и у него нервы не выдерживают. Хочется бежать куда глаза глядят! Ко мне подходит Вука и, сверкая черными глазами, злобно бормочет:

— Немцы не оставят нас в покое, пока всех не изведут.

Его обычный метод. Хочет выудить из меня какие-нибудь новости. Что ж, он застал меня как раз в подходящем настроении!

— Послушай, сержант! Телефона у нас нет, телеграфа, радио тоже. Так что откуда могут быть новости?

Он утвердительно кивает после каждого моего слова. Я чувствую, как кровь ударяет мне в голову. Но Вука не трогается с места, чего-то ждет.

— Ты что хочешь, чтоб мы ушли? Или сдались? Или, может, все покончили самоубийством? Если у тебя нет больше сил, давай отсюда! И не морочь мне голову!

— Понятно, господин младший лейтенант.

Он отходит с видом побитой хозяином преданной собаки. Я знаю, что в этот момент могу накричать на кого угодно. Даже на Элиаде. Я поворачиваюсь, чтобы уйти, но сталкиваюсь с Гицей.

— Послушай, Адриан...

— Здесь тебе нет Адриана, здесь есть господин младший лейтенант. Понятно? — Мне необходимо разрядиться.

Гица не обращает никакого внимания на мое настроение.

— Жаль, — продолжает он, дав мне выговориться, — ты срываешь зло на людях, которые столько времени воюют рядом с тобой. Не забывай, что многие из нас на фронте добровольно... Я говорю тебе все это потому, что ты, кажется, забыл...

— Я тебя научу уважать звание...

Гица смотрит на меня презрительно и в то же время с жалостью.

— Конечно, офицер командует. А как же тогда общность всех товарищей по борьбе? Она не должна позволять тебе кричать на людей, — добавляет он.

Я не сдерживаюсь и отвешиваю ему оплеуху. Чуть поодаль стоят солдаты, я перехватываю их удивленные и недоумевающие взгляды. Гица не сделал ни малейшего движения, чтобы защититься или уклониться от удара. Он смотрит на меня долгим взглядом и отходит в сторону. Мне стыдно. Смотрю исподтишка на солдат. Кто-то чистит оружие, кто-то отчищает от грязи шинель, но я уверен: все они наблюдают за мной.

Капитана Элиаде я нахожу около погибшего Мишу Добреску.

— В другой раз, когда у вас разыграются нервы, как у капризной барышни, не набрасывайтесь на людей, которые по доброй воле сражаются и жертвуют собой, — выговаривает он, даже не удостоив меня взглядом. — И раздавать пощечины вы просто не имеете права, — добавляет он. — Я пришел попросить прощения у вашего убитого друга. Я считал его трусом, а он оказался героем.

— Господин капитан, в отношении сержанта Арапи...

— Если это повторится, я накажу вас, — обрывает он меня.

— Я сожалею о случившемся, господин капитан, — бормочу я.

Это я говорю не из-за страха перед наказанием или высокомерия. Я искренне сожалею о случившемся. Один из моих друзей умер у меня на руках, другого я обидел, дал пощечину. Подавленный, поднимаюсь по ступенькам и встречаю Сланку. Она выходит из комнаты, где лежит Котылбаш. Она так занята своими мыслями, что даже не замечает меня. Окликаю ее:

— Сланка, что с тобой?

— Я ничего не могу... Он умирает...

Я смотрю на Котылбаша и не говорю больше ни слова. Что мои нервы? Пустяк по сравнению со смертью, которая вместе с нами смотрит на несчастного Котылбаша.

Примерно через час меня, Нэстасе, всех командиров отделений вызывает к себе капитан Элиаде. Мы собираемся в угловой комнате. Элиаде стоит спиной к нам и смотрит в окно. Потом поворачивается и говорит:

— Я собрал вас, чтобы предупредить. Пусть никто из вас не думает, что все позади. Будет еще тяжелее. Немцы попытаются форсировать Грон, и не двумя-тремя взводами. Когда воюешь за родину, не может быть речи о жертве, а лишь о долге. Нам тяжело, но мы знаем, что должны делать. Я уже говорил: кто хочет вернуться в дивизию — может это сделать. Никто не будет привлечен к ответственности, потому что уйдет с моего разрешения. Почему я опять говорю об этом? Я заметил, что у некоторых нервы сдают. Это плохо.

Намек ясен. Мне нечего возразить ему, потому что он прав.

— Я не знаю, сколько нам осталось жить, — продолжает Элиаде, — но мы должны сражаться, пока есть враг. Что-

бы выжить, надо уметь воевать, беречь себя и людей. Перед нами очень сильный противник...

Потом он заслушивает доклады командиров. Старшина Нэстасе докладывает, что боеприпасов осталось мало. Элиаде приказывает экономить патроны, лучше целиться, а не стрелять как на свадьбе. Сержант из первого взвода напоминает, что у нас плохо с продуктами и водой. Ниже санатория есть колодец, там можно набрать воды. В самом здании вода больше не течет. Видимо, насосную станцию, которая обслуживала санаторий, немцы разрушили. Что касается продуктов, то, кроме сухарей и консервов, у нас больше ничего нет. Элиаде, как всегда, внимательно все выслушивает.

Мы возвращаемся к нашим делам. Надо пополнить запасы воды. Каждый взвод посылает по пять человек с ведрами, которые мы нашли в сарае. Путь до колодца усеян трупами. Воду мы сливаем в уцелевшие умывальники, в два больших деревянных бочонка, обнаруженных на кухне, в сковороды, кастрюли. Водой мы запаслись.

Под утро Котылбаш скончался. Как легко умирают люди! Сланку я застаю плачущей.

Вечером мы слушаем исполняемую Мирчей «Серенаду» Торелли, но в то же время прислушиваемся к тому, что происходит вокруг. Ночью — бессонница. Лежу, заложив руки за голову и уставившись в потолок. Если бы пришла Сланка... Так хочется поговорить с ней. Но она, наверное, спит, сломленная усталостью. Все окна выбиты, по коридорам гуляет ветер. Кое-где окна завешены одеялами, но это мало помогает. Двери громыхают, створки окон скрипят — не очень-то и уснешь.

Вука подходит к одной из коек и будит солдата из второго взвода. Смена часовых. Солдат с трудом поднимается, зевает, потягивается, потом берет винтовку и направляется к выходу. Я шепотом зову Вуку.

— Слушаю вас, господин младший лейтенант!

— Вука, я сам не знаю, что со мной тогда случилось, — говорю я извиняющимся тоном.

— Ничего, господин младший лейтенант! Бывает, и господа офицеры сердятся. — В его словах явная издевка.

Я чувствую, что между мной и сержантом Арапи пролегла пропасть. Сон у меня совсем отбило. Прохожу мимо койки Гицы. Он тоже не спит. Притворяется, что не замечает меня. Как я мог его ударить? Мне самому не верится, что я мог это сделать.

Мысль, что мы все здесь погибнем, что в дивизии, наверное, забыли про нас, что в лучшем случае мы окажемся в плену, выводит меня из себя. Мне даже не с кем ею поделиться. Элиаде — тот ничего не боится, даже смерти. Соню как будто ничего не касается. Мирча находит утешение в своей музыке. Единственный человек, который был мне близок,— это Гица. Сланка?..

Мои старики ничего не знают обо мне. Может, и к ним придет кто-нибудь из моих товарищей. Начнет издалека, потом расскажет, что я навсегда остался в горах, где-то в Чехословакии. Как я когда-то говорил с родными бедного Сесе.

— Ты спишь, Гица? — почти просительно шепчу я.

— Сплю, — не шевелясь, отвечает он.

— Гица, нам надо поговорить.

— Если прикажете...

Он с готовностью приподнимается на локтях.

— Не в приказе дело...

— Если не в приказе, прошу вас, не мешайте мне спать.

Он вытягивается на койке, подложив руки под голову. Я хочу попросить у него прощения, но идиотский стыд мешает мне. Я, как мальчишка, боюсь унизить себя. Я ухожу, убежденный, что нашей дружбе конец. Мне очень жаль, что так случилось.

Стучусь в комнату Сланки. Никто не отвечает. Открываю дверь. Комната пуста. В голове мелькает: «Сколько лет может быть Элиаде?» Спускаюсь бегом по ступенькам и останавливаюсь у медицинского кабинета. В этот час здесь не должно быть никого. Но Сланка сидит на стуле, подперев лицо руками. Увидев меня, вздрагивает.

— Не спится? — спрашивает она.

— Нет. Захотелось поговорить.

Сланка молчит. О чем она думает?

— Можно с тобой посидеть?

— Лучше иди, Адриан, отдохни, — мягко говорит она.

— Мне столько хочется тебе сказать...

— Разве я твоя поверенная? Тебе что, не с кем поделиться?

— Я понимаю, что ты устала, — говорю я и поворачиваюсь, чтобы уйти.

Когда я уже у двери, она меня окликает. Я сажусь рядом с ней и глупо молчу. На шкафчике с медикаментами лежит ее автомат — единственный предмет, напоминающий, что мы на войне. Поэтому я не могу признаться Сланке в своих чувствах. Не нашлось другого места для этого

проклятого автомата! Я молча обнимаю ее. Она мягко отстраняется, но я не отпускаю ее и крепко целую. Она то отвечает, то уклоняется. Наконец говорит:

— Оставь меня! Уходи!

Я ловлю себя на мысли о том, что испытываю насущную потребность вернуться к тем временам, которые кажутся безвозвратно ушедшими.

Я ухожу, как после горького похмелья. Конечно, в Сланке я люблю не ее самое, а память об Анне. Смерть, с которой я свыкся, стала сильнее жизни, она уже не страшит меня. Возвращаюсь тем же коридором. Храп солдат действует успокаивающе.

Вхожу к своим. Гица лежит, отвернувшись к стене. Я ложусь на койку. Незаметно для себя засыпаю. Снится мне, будто я дома, в своей комнате. Стены начинают ходить ходуном и обрушиваются на меня. Страшный грохот. Гаснет свет. Город погружается в темную бездну. Кто-то расталкивает меня:

— Господин младший лейтенант! Господин младший лейтенант!

Я просыпаюсь и вскакиваю. Возле меня Вука. Стены вздрагивают, раскачиваются из стороны в сторону. Немцы обстреливают нас из артиллерии. Взрывы следуют один за другим. Мы выскакиваем из комнат, бежим в подвал. На первом этаже сталкиваемся с капитаном. Он хладнокровен и успокаивает солдат. Взрывы освещают небо. Вокруг сплошные облака дыма и пыли. Рушатся балконы и балюстрада. Больше всего пострадал верхний этаж.

Добегаю до медицинского кабинета. Дверь распахнута. В свете взрывов Сланка стоит онемевшая от ужаса. Я хватаю ее за руку и тащу по коридору к лестнице.

— Ничего, Сланка, ничего! — бормочу я.

Меня бросает на что-то теплое и мягкое. Не соображаю, где нахожусь, ощупываю себя: не ранен ли. Все тело ноет, на зубах песок. Сланка должна быть где-то поблизости. Вижу, как Гица растирает ушибленную ногу. У Сони синяк на пол-лица.

— Как гром среди ясного неба, как гром среди ясного неба! — причитает он.

Я чувствую, что у меня глаза вот-вот вылезут из орбит. Койки словно гигантской рукой выброшены в коридор. Мы спотыкаемся о битый кирпич, стекло.

Взрывы становятся реже, потом прекращаются. Санаторий превращен в руины. Элиаде спрашивает, есть ли раненые. Никто не может ему ответить. Стонов не слышно.

Появляется Сланка. Лицо у нее в ссадинах, волосы растрепаны.

— Что я могу поделать? Раз вы не захотели уйти... Я же предупреждал, что здесь будет не до шуток, — обращается к ней Элиаде.

— Я это знала и без вас, — несколько задетая, отвечает Сланка.

— Мы ничего не можем для вас сделать, — как будто извиняется Элиаде. — Каждый бережется как может.

— Это понятно, господин капитан. Я ведь не требую почетного караула. Я осталась здесь, чтобы заботиться о ваших солдатах...

— Барышня, я отдаю должное вашему самопожертвованию и сожалею, что не могу защитить вас. С этого момента ничья жизнь не гарантирована. — Потом он обращается к солдатам: — Враг обрушится на нас с еще большей яростью. И очень скоро! Будем готовы встретить его, как он того заслуживает.

Мы заметили их на рассвете. Немцы приближаются быстрым шагом. Приказ Элиаде звучит коротко и ясно:

— Никому не стрелять, пока противник не приблизится на двадцать пять метров. Экономить патроны!

Немцы ведут непрерывный огонь. Их много, очень много! Мы укрываемся, где только можно. Внимание напряжено до предела, руки холодны как лед. Я взглядом ищу Агиосу, но нигде не вижу его. Рядом со мной Гица. Мы смотрим друг на друга, и я первый улыбаюсь ему. Он улыбается мне в ответ.

— Гица, знаешь, я не хотел.

— Оставь. Посчитаемся после войны.

Гица замечательный парень! Мне становится смешно при его словах о том, что мы еще посчитаемся. Кто знает?

Немцы стреляют без разбора. Им-то боеприпасов жалеть не приходится. А у нас — строжайшая экономия. Желательно по одной пуле на каждого немца. Пули рикошетят от стен. Солдат рядом со мной вдруг прислоняется к стене, будто молится, потом медленно сползает вниз. Тонкая, как нитка, струйка крови стекает по лбу...

Из наших пока никто не стреляет. Теперь мы хорошо видим наступающих — они совсем близко. По всему зданию прокатывается резкий, металлический голос Элиаде:

— Огонь!

Из санатория мы осыпаем немцев градом пуль. Немцы бросаются на землю. Сония прицеливается и стреляет. Фашист спотыкается, роняет автомат, начинает хватать рука-

ми воздух. Другие переступают через убитых и идут вперед плотными рядами. Разрывы гранат образуют стену дыма между нами и фашистами: Я слышу сухой щелчок автомата: диск пуст. Вставляю новый диск и бросаюсь по развалинам вверх. Лестница разбита, но еще держится. Отыскиваю место, с которого можно вести прицельный огонь. Немцы кишат перед зданием, но не могут проникнуть внутрь. «Где теперь Сланка?» — проносится в голове. Бросаю взгляд на одну из уцелевших коек. Под ней кто-то шевелится. Я вижу чью-то ногу. Кричу, чтобы вылезал из-под койки. Агиосу!

— Спрятался, свинья! — трясу я его за шиворот.

Он дрожит всем телом, пытается что-то сказать, но только бормочет:

— Господин младший лейтенант! Господин младший лейтенант!

— Давай вперед, гад! Перепугался, да? Думаешь, я не знаю, кто ты такой? Знаю! И зачем ты здесь, тоже знаю. Убежать задумал! Людей погубить?

Агиосу стоит бледный как полотно.

— Ты не узнаешь меня, Агиосу? — спрашиваю я, направляя на него автомат.

Он так перепуган, что ничего сказать не может. Через почерневшее от копоти окно в комнату влетает граната. Я подхватываю ее и бросаю обратно. На мое счастье, граната разрывается в воздухе. Поворачиваюсь к Агиосу. Тот, воспользовавшись моментом, подхватил автомат и направил его в мою сторону. Но тут снаружи через окно полоснула длинная очередь. Я едва успеваю броситься на пол. Агиосу вскрикивает от боли и хватается за шею. Его рука вся в крови. Подползаю к нему, оттолкнув в сторону его автомат. Я-то знаю, на что он способен!

— Ах бедный, свои же тебя и пристрелили, — говорю я ему, расстегивая его мундир.

Он со страхом следит за моими движениями.

— Можешь идти? — спрашиваю я.

— Не могу, — хнычет он, потом начинает плакать навзрыд. Я прикрикиваю на него, чтобы он замолчал.

— Ты работал в сигуранце...

Он смотрит на меня отрешенно.

— Не притворяйся, негодяй! Ты бы застрелил меня, если бы не постарались «союзники»...

— Я, господин младший лейтенант...

— Может, ты забыл, как бил меня, как меня унесли на простынях из твоего кабинета?

— Я. господин младший лейтенант...

— Ты! Не строй из себя дурачка. Анну Тырну помнишь?

Он смотрит на меня, не отвечая.

— Или тебе помочь вспомнить?

— Смутно, господин младший лейтенант.

— За что ты ее убил?

— Я не убивал ее! Она выбросилась в окно.

— Врешь, скотина! Ты ее изнасиловал, а уж потом выбросил...

— Умираю, господин младший лейтенант! — стонет он.

— Уж не думаешь ли ты, что я буду тебя оплакивать? Если бы тебя не прикончили свои, я бы тебя все равно убил. Я знаю, ты хотел сбежать...

Агиосу уже ничего не отрицает. Глаза, вперившись в меня, часто мигают. Он икает, давится кровью, и кровь стекает по его воротнику.

— Спасите меня, господин младший лейтенант! — умоляет он, захлебываясь и прилагая огромные усилия, чтобы это выговорить.

— Скажи, зачем ты здесь?

Он молчит и отворачивается к стене. Лицо совсем серое. Он потерял много крови. Поворачиваю его голову. Безжизненные глаза остались открытыми...

Я возвращаюсь к окну. Стрельба прекратилась. Вокруг множество убитых. Быстро спускаюсь вниз. Нэстасе, увидев меня, бежит ко мне. «Ти-у-у!..» Откуда-то взялась пуля, одна-единственная, на которой, наверное, и было написано: «Нэстасе». Он падает, подвернув левую ногу и широко раскинув руки. Когда я подбегаю к нему, он уже мертв. Элиаде опускается возле старшины на колени, берет его руку. Из-за чудом уцелевшей стены появляется Сланка. Она тоже присаживается на колени, приоткрывает Нэстасе глаза, потом снова опускает веки.

— Ничего сделать нельзя, господин капитан, — говорит она.

Элиаде остается возле Нэстасе, всматриваясь в его лицо, черты которого становятся все острее.

В результате обстрела уничтожены все наши запасы воды. Сосуды, в которых мы держали воду, разбиты. У нас остается только один бочонок с водой.

Вечером, когда все стихает, мы посылаем несколько человек с ведрами к колодцу. С нетерпением ожидаем их возвращения. Вскоре они возвращаются с пустыми ведрами — колодец тоже разрушен при обстреле. Это известие приво-

дит нас в уныние. Без еды еще можно продержаться, но без воды?.. Люди обеспокоены. Сланка показывает в ту сторону, где будто бы находится село. Неизвестно, есть там немцы или нет. Может, послать кого-нибудь на разведку? Но у нас так мало людей.

Вечером я выстраиваю роту, вернее, теперь уже взвод. Элиаде говорит о том, что нас ждет впереди. Потом приказывает трем солдатам — Тротушану, Топлицу и Думбраве — выйти из строя и сурово отчитывает их за то, что они обшаривали убитых немцев и забирали сигареты, консервы, шоколад.

Потом Элиаде вызывает добровольцев пойти на разведку в село за водой и продуктами. Вызывается солдат Тротушан. Сланка объясняет ему, как пройти. Мы все наблюдаем, как он проходит между убитыми и скрывается в лощине. Начинает темнеть. Мне подумалось, что, может быть, было бы лучше послать его утром, на рассвете. Правда, Тротушан — очень находчивый и расторопный олтянин.

В вечерней тишине мы слышим выстрел, потом еще один, очередь... И снова тишина. Мы почти убеждены, что немцы схватили Тротушана. Элиаде нервно прохаживается между развалинами. Мы все собрались во дворе. Как мало нас осталось! С боеприпасами проще: собрали у убитых немцев. Нашлось немало полных дисков, исправных автоматов, гранат, пулеметных лент, даже два ручных пулемета. А во дворе еще противотанковое орудие с двумя ящиками снарядов к нему.

— Господин капитан, — говорю я, — надо бы и орудие пустить в ход.

— Неплохо бы, но кто разбирается в этом?

— Раньше я командовал взводом противотанковых орудий.

— Да? Отлично, младший лейтенант.

Я подзываю Вуку — он тоже имел дело с противотанковыми орудиями. В несколько минут мы подготавливаем орудие к бою. Элиаде и остальные наблюдают за нами.

— Вы, младший лейтенант, могли бы быть хорошим командиром, — говорит мне дружески Элиаде, когда мы остаемся одни, — если бы не были таким упрямым и невыдержанным...

Тротушана нет. Его, конечно, схватили. Солдаты снова приуныли. Разговоры все время возвращаются к воде.

Вдруг я замечаю тень. Тень приближается к санаторию. Это как будто человек с тяжелой ношей. Элиаде берет автомат, но нам подает знак не стрелять. Тень приближается,

Когда остается несколько шагов до ворот, Элиаде приказывает идущему остановиться. И тут мы слышим басовитый голос Тротушана. У нас словно камень с души падает.

— Не стреляйте, господин капитан, это я — Тротушан Константин.

Мы все бросаемся к нему и останавливаемся в изумлении. Тротушан тащит на себе здоровенного кабана. Брюхо у кабана распорото, внутренности выброшены. Насладившись нашим изумлением, Тротушан рассказывает:

— Поохотился малость. Думаю, у нас ведь не очень густо с продуктами. А этот кабанчик как раз попался мне на глаза...

— Неужели, Тротушан, тебе до охоты было? — спрашивает Элиаде.

— Господин капитан, раз уж он попался мне на глаза... Что мне оставалось делать?

— Значит, это ты стрелял?

— Я, господин капитан! Застрелив этого пороси, я оставил его в кустах, а сам пошел дальше. Думаю, заберу его на обратном пути. Село, о котором говорила барышня, кишит немцами. Хотел я прихватить одного фрица с собой, да думаю, зачем нам кормить еще и его? Так что я приложил его хорошенько и пошел за своим кабанчиком. Но вот воды откуда взять?..

— Господин капитан, — встревает в разговор Вука, — а если послать несколько человек с ведрами вверх, в горы, чтобы набрать снега? Здесь недалеко...

— Идея неплохая, сержант, — говорит Элиаде. — Очень хорошая идея. Завтра на рассвете отправим четырех человек в горы за снегом.

— А с этим кабаном что делать? — спрашивает Тротушан.

— Завтра утром займемся им, Тротушан. Если мы разведем огонь сейчас, сам понимаешь, что может получиться!

— Понимаю, господин капитан. С фрицами шутки плохи.

— Вы отлично справились с задачей, Тротушан, — говорит Элиаде и хлопает его по плечу.

Вдруг Элиаде останавливается, удивленный. Тротушан затаил дыхание.

— Что это у вас там, солдат?

— Господин капитан... — бормочет Тротушан заикаясь.

— Давайте-ка вытаскивайте.

Тротушан с большим сожалением извлекает плоскую бутылку коньяка. Потом еще одну. И еще. В каждом кармане у него по бутылке.

— Что же это, Тротушан? — серьезно спрашивает Элиаде.

— Господин капитан, я же сказал, что приложил фрица.

— А сам забрал это и рассовал по карманам?

— Не было такого, господин капитан! Он сам мне их дал. Я не брал...

Мы не можем удержаться от смеха. Давно мы так не смеялись. Тротушан смеется, опасливо поглядывая на капитана. Но тот хохочет вместе со всеми.

Ночь проходит относительно спокойно. Солдаты располагаются на ночлег где придется. Настроение у всех приподнятое. Утром мы разводим костер между развалинами и жарим кабана. Мясо оказывается таким жестким, что прожевать его можно лишь с трудом. Тротушан выбирает себе лучший кусок, но никто не возражает. Он — герой дня. После обильного завтрака всем достается по хорошему глотку коньяка. Капитан Элиаде принимает участие в трапезе, не отказываясь даже от коньяка. Сланка слегка опьянела, но это очень идет ей. Она тихо запела. Мы спокойно наслаждаемся достатком. Тротушан протягивает мне целую пачку немецких сигарет. Манна небесная! Другим раздает по сигарете.

Вода и в бочонке кончается. Элиаде отпивает глоток, а остальную причитающуюся ему долю использует для бритья. Соня вытягивается во всю длину, дремлет на солнышке. Ветер доносит звуки губной гармошки. Мы прислушиваемся, хватаемся за оружие. Гармошка выводит грустную мелодию. Вука подбивает Мирчу, чтобы тот тоже сыграл что-нибудь.

— Пусть немцы знают, что и у нас полно талантов.

Мирчу не надо долго уговаривать. Он прислушивается к мелодии, исполняемой гармоникой, и тут же воспроизводит ее на скрипке. Получается трогательный дуэт! Сланка сидит с закрытыми глазами, слушает. Никто не разговаривает, никто не смеется. Мирча с сожалением прячет скрипку в футляр, перевязывает его веревкой.

Вука и пять солдат его отделения, забрав ведра, направляются в горы. Там маняще сверкает снег. Мы провожаем их взглядами. Они идут гуськом.

Наблюдаю за группой Вуки в бинокль. Они сняли мундиры и остались в одних рубашках. Лиц уже не различить. Я закуриваю, настроение у меня отменное. Смотрю на Сланку. Она стоит, прислонившись к стене, и смотрит на меня. Ветер развевает ее волосы. Я вдруг думаю, что после войны мне, наверное, захочется снова побывать в этих местах, бы-

ло бы здорово встретиться здесь со Сланкой. Я улыбаюсь своим мирным мыслям и жадно затягиваюсь. Вдруг слышу стрекотание пулемета. Холодок пробегает по коже. Эхо многократно повторяет очередь.

— Надо было ожидать,— словно про себя произносит капитан.— Немцы не настолько глупы, чтобы не предположить, что, когда у нас кончатся продукты и вода, мы будем вынуждены или сдаться, или пойти на риск!

Из шестерых с земли поднимаются только четверо. У меня сердце болит за всех, особенно за Вуку.

— У них нет никаких шансов,— говорю я, не отнимая бинокля от глаз.

Стрекот пулемета заставляет четверку броситься на землю. Вот они вскакивают и бегут. Новая очередь — и еще двое остаются лежать на камнях. Остальные двое бегут — один вправо, другой влево. Теперь в живых остается только один. Он делает рывок вперед. Очередь... Видим, как он переворачивается и остается лежать, распластавшись на земле.

Все кончено. Я с болью думаю о Вуке. Соня тоже смотрит вдаль, приложив ладонь к глазам. Но что это? «Убитый» делает стремительный рывок вперед. Это может быть только Вука! Соня подпрыгивает на месте, хлопает себя по бокам, кричит:

— Ай да Вука! Не поддавайся, браток! Это Вука, господин младший лейтенант! Только он может провести немцев. Голову даю на отсечение — это он.

Мы-то только зрители в этой ужасной игре в жизнь и смерть. А каково Вуке?! Внутри у меня все холодеет. Снова сумасшедший рывок вперед... Немцы стреляют, потом тоже ждут, как и мы. Только мы наблюдаем за этой игрой, затаив дыхание от боли, а для них это забава, своего рода соревнование... Вука, раскинув руки, падает на спину.

Я слышу рядом прерывистое дыхание Сланки. Значит, в него попали! Он лежит не двигаясь. Минута, другая, третья... Кончено! Его убили! Да иначе и не могла кончиться эта игра. Элиаде опускает бинокль, лицо его темнеет. У меня внутри будто что-то обрывается, я только и могу выговорить:

— Господин капитан...

Элиаде снова подносит к глазам бинокль. Соня восклицает:

— Так, браток!

Вука делает еще один акробатический прыжок. Пулемет не откликается. Ни немцы, ни мы уже не ожидали, что Ву-

ка еще жив. Когда раздается очередь, Вука уже снова прижался к земле.

— Ну, что я говорил, господин младший лейтенант? — ликует Соня.

Вука поднимается, и очередь немецкого пулемета ударяет прямо по нему. Я закрываю лицо руками, не могу сдержать слез. Это уж слишком! Видеть, как расстреливают одного из лучших твоих солдат, и не иметь возможности что-то предпринять! Мы расходимся. Я то и дело подношу к глазам бинокль. Вука остается в том же положении.

— Проклятая жизнь! — ругается Соня.

Я будто пьяный от изнурения. Элиаде хмуро молчит. Он, так же, как и я, думает о тех шестерых, которые пожертвовали собой, чтобы спасти нас. У нас нет больше возможности добыть хоть каплю воды.

— Надо было думать, что немцы не позволят нам перемалывать их и дальше. Они не хотят больше атаковать, а вынуждают нас сдаться. Теперь все зависит от того, как нам повезет. Ведь они не будут ждать до бесконечности. Советские и румынские части вот-вот должны соединиться. Поэтому, скорее всего, немцы снова пойдут на штурм.

Элиаде говорит громко, так, чтобы слышали все собравшиеся вокруг солдаты, не скрывая истинного положения. Говорит, что нас ожидает и чего он ждет от нас. Нас осталось мало — всего восемнадцать человек. Кто-то из солдат говорит, что кончились сигареты, и просит разрешения поискать у убитых. После недолгого колебания Элиаде разрешает.

Солдаты возвращаются с печеньем, шоколадом и сигаретами. К печенью и шоколаду я так и не притрагиваюсь — меня выворачивает наизнанку. Страшно мучает жажда. Чтобы как-то отвлечься, заговариваю с Мирчей. Говорим о Вуке, о музыке, о лошадях, которых он очень любит. Вспоминаем Баклажана, Голодную губернию, наших павших товарищей.

Чувствую, что губы у меня распухли и пересохли. Один солдат начинает бредить. Я докладываю об этом капитану.

— А что делать? Что делать? — отвечает он.

Солдат, который бредит, рванулся в сторону гор. Гица и Соня перехватывают его и держат за руки, не отпуская. Отыскиваю Сланку. Она стоит, опершись на подоконник. Лицо у нее бледное, руки дрожат, дышит тяжело.

— Сланка, — говорю я, беря ее за руку, — потерпи еще немного. Мы найдем воду. Нескольких солдат послали за водой, — обманываю я ее.

— Их тоже убьют...

Подул прохладный ветер. Солдаты ловят ртами холодный воздух. Кто-то жует едва пробившиеся травинки, думая найти в них влагу. Философ лежит, подложив руки под голову, и смотрит в небо.

— О чем ты думаешь, Гица? — спрашиваю я его.

— Думаю, что иногда мучения не имеют конца.

Поздно ночью возвращается Вука. Мы не верим своим глазам! Смотрим на него, как на привидение. Я не могу удержаться и обнимаю его. Вука принес ведро со снегом. Элиаде приказывает солдатам смачивать губы растопленным снегом, чтобы осталось хоть немного влаги и на завтра. Он дает Сланке глоток воды, и та сразу оживает.

Вука рассказывает, как ему удалось спастись. Около часа он лежал неподвижно. Поднялся только тогда, когда совсем стемнело. Он говорит, что днем до снега добраться невозможно: немцы держат под обстрелом каждый метр местности. Мы смотрим на грязную мутную воду в ведре, как на чудо. Философ предлагает поставить у ведра часового, но Соня не доверяет никому.

— А если он выпьет воду? Что мы будем делать, браток?

К утру двое солдат умерли от жажды. Я докладываю об этом Элиаде и добавляю, что нам, вероятно, придется сдаться. Он и слышать об этом не хочет. Я показываю ему на умерших солдат. Элиаде качает головой и начинает грызть ногти.

— У нас нет никакого выхода, господин капитан.

— Младший лейтенант, если вы мне еще раз это предложите, я пристрелю вас на месте!

Мы буквально орем друг на друга, не обращая внимания ни на звания, ни на возраст. Мне опять кажется, что я ошибся, посчитав его хорошим человеком. Он — зверь, которого ничто не волнует, кроме своей ненависти к фашистам. Я показываю ему на людей с распухшими конечностями. Они уже не могут ходить, а только ползают. Глаза у них запали. Они похожи скорее на привидения, чем на людей.

— Сколько мы еще будем оставаться в таком положении? — спрашиваю я с отчаянием в голосе.

Он ничего не отвечает. Проходит дальше, осматривая людей, которые едва держатся на ногах. Никто уже не отдает честь.

Еще двое солдат умерли. У Сланки лихорадочно блестят глаза. Я пытаюсь с ней заговорить, но она меня не слышит.

Начинает бредить. Я знаю, что она умрет. Умрет из-за упрямства Элиаде. Умру и я, умрут и остальные. У меня выступает холодный пот, как при отравлении никотином или алкоголем. Я укладываю Сланку на кровать. Лицо у нее стало синюшным, дыхание свистящим. Она открывает глаза, узнает меня и слабо мне улыбается, потом снова закрывает их.

Вокруг ничего не происходит. Не слышно ни единого выстрела. Никто нас не атакует. Скорее бы кончилось это изнурительное ожидание! Я смотрю на оставшихся в живых и вижу их словно в тумане. Те солдаты, что из села, спокойны, терпеливы. Элиаде проходит между людьми, уговаривая:

— Надо потерпеть, ребята, надо потерпеть...

Никто ему не отвечает. Я слышу крик Сланки и бросаюсь туда, где оставил ее. Приподнимаю ее, трясу, зову. Чувствую, как холодеет ее тело в моих руках. У меня лишь хватает сил закрыть ей глаза. Чья-то теплая, дружеская рука ложится мне на плечо. Я оборачиваюсь и вижу капитана Элиаде.

— Умерла... — тупо выговариваю я.

Нет, я не считаю его чудовищем. Этот человек понимает больше и глубже, чем я. Он потихоньку оттаскивает меня от умершей, и я послушно, не оборачиваясь, следую за ним. Из развалин небо кажется куполом из голубого стекла.

Одиннадцать часов тридцать минут. По долинам разносится гул орудий. Мы все встрепенулись. Наконец-то! Один снаряд упал за санаторием. Дрожат разрушенные стены. Мы выбегаем во двор. Еще три снаряда разрываются рядом.

— Нас ищут, — говорит Гица и проверяет свой автомат.

— Это их смерть ищет, — бросает в ответ Вука, становясь у противотанкового орудия.

Во все стороны разлетаются осколки кирпича и камня. От удушливого дыма нечем дышать. Слышен треск. Неподалеку обрушилась лестница. Нас обволакивает облако пыли, забивающей рот, ноздри. Хочется сплюнуть, но нечем. Слышим зловещий шорох очередного снаряда. Бросаемся на землю. Тротушан делает прыжок, достойный акробата. Он барахтается в дыму. Шарит руками, словно слепой, потом падает на землю. Мы лежим, не двигаясь. Ждем.

Обстрел прекращается.

— Решили, что для нас этого хватит, — говорит Элиаде.

Я показываю ему на Тротушана:

— Хотел быть рядом.

Элиаде пожимает плечами. Откуда-то вылезают Соня и Мирча.

— Идут! — кричит Соня.

Мы видим, как приближаются немцы, идут пригнувшись, с опаской.

— Вука, угости-ка их конфеткой из своей пушки, — говорит Соня.

— Всегда готов, — отвечает Вука и вопросительно смотрит на Элиаде. Тот молча кивает.

Я подхожу к орудию. Вука загоняет снаряд в казенник. Я тщательно устанавливаю прицел. Снаряд разрывается прямо в гуще немцев.

— Так их, браток! — радуется Соня. — Пошли-ка еще гостинец!

Я стреляю прямой наводкой. Остальные ведут огонь из автоматов из-за обломков стен. Гица залег рядом с орудием и стреляет не укрываясь. Элиаде ведет огонь с колена. Соня бросает гранату, которая разрывается со страшным треском.

— Угощайтесь, братки! — кричит он, вытирая руки о мундир.

Огонь немцев ослабевает. Вдруг я слышу крик Философа:

— У, сволочи!

Он падает рядом. Мы пытаемся оказать ему помощь, но все напрасно. Прямо напротив сердца видно небольшое отверстие, наверное, от осколка. Он лежит на спине. Очки разбились при падении. У меня кончились патроны, и я беру диск из автомата Гицы. Мирча присаживается около Гицы. Он плачет навзрыд. Потом поднимается и бежит, как сумасшедший, к воротам, стреляя на ходу. Мы с Элиаде кричим, пытаясь его остановить. Но вот он широко раскидывает руки, автомат отлетает и падает на землю. Каска тоже отлетает в сторону. Он упал лицом вниз. Я ползком добираюсь до него и оттаскиваю назад. Мирча открывает глаза и спрашивает:

— Куда меня ударило? Скрипка моя цела, господин младший лейтенант?

Капитан гладит его по щеке, успокаивает: все, мол, все в порядке. Мирча умирает с улыбкой на губах.

Вука делает еще несколько выстрелов из орудия. И вдруг становится тихо. Слышны только стоны раненых и завывание ветра. Элиаде опускается на колени возле Гицы

и вынимает у него из кармана документы. Затем он берет документы и у Мирчи.

Не знаю, сколько проходит времени. Час, два?.. Ветер доносит до нас голоса. Никто даже не шевелится. Патронов у нас совсем мало. Элиаде откладывает в сторону автомат и достает из кобуры пистолет. Я смеюсь, как человек, потерявший рассудок. Чем мы будем защищаться? У Сони две гранаты, у Вуки — один полный диск. Есть еще, правда, снаряды к орудию. Нас осталось всего восемь человек.

Я тоже достаю пистолет и на заплетающихся ногах отправляюсь еще раз взглянуть на Сланку. Отыскав место, где она лежала, останавливаюсь в ужасе. Здесь разорвался снаряд. Я вижу лишь лоскут от ее платья, волосы — и больше ничего. Как больной, хватаюсь за стену, чтобы не упасть.

Оставшиеся в живых выбирают себе места для стрельбы. Вука остается у орудия. Глаза у Элиаде лихорадочно блестят. Я подхожу к нему с пистолетом в руках. Он смотрит на меня и улыбается.

— Вы были исполнительным офицером, — говорит он мне.

Я ничего ему не отвечаю. «Были»! На самом деле так оно и есть — «были». И он «был», и Гица «был», и Сланка «была», и Мирча, и солдаты. Все — «были»!

На плотине, которую переходил Тротушан, когда шел в село, появляются каски. Мы всматриваемся в неясные фигуры и вздрагиваем. Они одеты в форму цвета хаки. Немцы не носят такую форму. Мы протираем глаза, не веря себе. Это румыны! Наши! Один солдат не выдерживает: закрыв лицо руками, он рыдает, как ребенок. У меня перехватывает дыхание. Вука настолько опешил, что только глупо повторяет:

— Что будем делать? Что будем делать, господин младший лейтенант?

От орудия он не отходит, еще не веря в реальность происходящего.

Наши приближаются. Впереди идет офицер. Я не знаю, что делать. Смеяться? Плакать? Выть? Да, бывают моменты, когда хочется выть. От радости, от боли или от ярости...

Мы стоим, держа в руках оружие. Теперь мы хорошо видим своих. Молодые, здоровые солдаты. Мы же — как вышедшие из развалин привидения. Меня возвращает к действительности суровый голос Элиаде:

— Рота, смирно! Равнение направо! Господин полковник, третья рота приказ выполнила. В составе роты два офицера, два сержанта и четыре солдата.

Мы стоим в положении «смирно». Я подношу в знак приветствия руку к каске. В другой у меня пистолет, я не успел вложить его в кобуру. Полковник окидывает нас взглядом. В глазах солдат изумление и жалость.

— Господин капитан!.. Господин капитан,— говорит полковник, обнимая Элиаде. — Не может быть, господин капитан! Это невероятно!

— Мы только исполнили свой долг, — тихо отвечает Элиаде.

Слышатся хлопки выстрелов, стрекот автоматов — это солдаты салютуют в нашу честь. Мы едва различаем слова полковника:

— Родина... вечно признательная... Герои...

— Пить! Пить! Пить!..

СОДЕРЖАНИЕ

Тревога: Сб., романы/ Пер. с рум. П. Л. Павлова.—
Т66 М.: Воениздат, 1984.—284 с.

В пер.: 1 р. 90 к.

В книгу включены роман И. Сэндулеску «Тревога во втором отделе» и роман М. Жолди «Отряд смертников».

В романе «Тревога во втором отделе» автор увлекательно рассказывает о героизме и мужестве подпольщиков-антифашистов, работавших в штабе корпуса румынской армии накануне выхода Румынии из войны против СССР.

Роман «Отряд смертников» посвящен антифашистскому восстанию 23 августа 1944 года и участию румынских войск в боях с гитлеровцами на заключительном этапе второй мировой войны.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Т $\frac{4703000000-079}{068(02)-84}$ 170-84

ББК 84.4Р

И(Рум)

ТРЕВОГА

Сборник, романы

Редактор *Л. П. Жеребцов*
Художник *А. Я. Салтанов*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Технический редактор *Н. Я. Богданова*
Корректор *Е. В. Григорьева*

ИБ № 2276

Сдано в набор 01.08.83. Подписано в печать 25.10.83 г.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обыкн. нов.
Печать высокая. Печ. л. 9. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 15,65.
Уч.-изд. л. 17,32. Изд. № 10/8836. Тираж 65 000 экз. Зак. 4-523. Цена 1 р. 90 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
Набрано в 1-й типографии Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3
Отпечатано с матриц на книжной ф-ке им. М. В. Фрунзе,
310057, Харьков-57, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.

ВЫЙДУТ В СВЕТ В 1984 ГОДУ

ДЖАМАЛ С. **КОГДА ОСЫПАЛИСЬ ТЮЛЬПАНЫ:** Роман.—20 л.

Роман посвящен национально-освободительной борьбе алжирского народа против французских колонизаторов на ее заключительном этапе (1959—1963 гг.).

Автор показывает страдания народных масс, их жгучую ненависть к угнетателям — французским колонизаторам и местным предателям народа.

В книге даются зарисовки отдельных сражений в ходе войны, убедительно говорится о героизме алжирского народа, о руководящей роли коммунистов в его борьбе.

Роман представляет интерес для широкого круга читателей.

ЗБЫХ А. **СТАВКА БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЖИЗНЬ:** Повести. Пер. с польск. — 22 л.

Книга продолжает серию приключенских повестей А. Збыха, выпущенных Воениздатом в 1980 г. В них показываются подвиги храброго польского разведчика Ганса Клоса, добывавшего в период 2-й мировой войны для советского и польского командования информацию о фашистских войсках.

Повести изобилуют остросюжетными моментами, рисующими бесстрашие подпольщиков.

Книга вызовет интерес у широкого круга читателей.

ГИФФОРД Т. **ФАКТОР ХОЛОДНОГО ВЕТРА:** Роман. Пер. с англ. — 24 л.

В романе американского писателя показана опасность возрождения фашизма в послевоенный период, тесные связи монополистического капитала с фашиствующими элементами в государствах Западной Европы.

Сюжет романа, написанного в детективном жанре, отличается динамичностью и напряженностью.

Книга привлечет внимание широкого круга читателей.

КИРСТ Г. **ПОКУШЕНИЕ:** Роман. Пер. с нем. — 28 л.

В книге рисуются события, связанные с покушением на Гитлера в 1944 году. Автор в художественной форме показывает человеконенавистническую сущность фашизма, ничтожество, жестокость и алчность его главарей.

Книга рассчитана на массового читателя.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Военное издательство просит присылать отзывы об этой книге по адресу: 103160, Москва, К-160